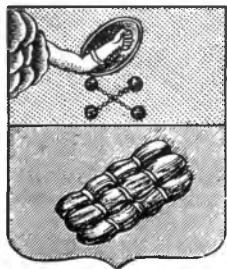

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
Пудожский районный историко-краеведческий музей
им. А. Ф. Кораблева

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РУССКОГО СЕВЕРА

*Материалы региональной научной конференции
(7-9 сентября 2006 г.)*

Петрозаводск
2006

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева в рамках всероссийского конкурса научных проектов «Культурное наследие России», посвященного 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева (проект № 06-01-92415г/л).

*Редакционная коллегия: Ю.А. Савватеев (отв. редактор),
А.Ю. Жуков, Н.А. Кораблев, В.Г. Макуров, А.М. Пашков*

В сборнике представлены материалы региональной научной конференции, состоявшейся в г. Пудоже (Республика Карелия) 7–9 сентября 2006 г. Рассматриваются различные аспекты истории и культурных традиций старинных малых городов Русского Севера – Пудожа и Каргополя, а также Пудожья и Каргополья. Значительное внимание уделено актуальные проблемам, связанным с формированием культуры исторической памяти у населения российской провинции, восприятием и сбережением культурно-исторического наследия.

ISBN 5-9274-0283-6

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2006
© Пудожский районный историко-краеведческий музей
им. А. Ф. Кораблева, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник включает в себя материалы региональной научной конференции «Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера», состоявшейся 7–9 сентября 2006 г. в г. Пудоже. Инициаторами и организаторами ее выступили Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Пудожский районный историко-краеведческий музей им. А. Ф. Кораблева. Конференция прошла на средства гранта РГНФ и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева.

Место проведения конференции было избрано не случайно. Пудож – один из старейших городов Европейского Севера России, известный как поселение еще с конца XIV в. В 1990 г. он получил статус исторического города. Это один из немногих, если не единственный на Северо-Западе России город, в котором сохранилась первоначальная планировка. Здесь функционирует один из лучших районных краеведческих музеев Республики Карелия с выразительной экспозицией и богатейшими фондами. Наконец, в Пудоже сложилась признанная школа краеведов.

Конференция проводилась накануне 100-летия выдающегося ученого академика Дмитрия Сергеевича Лихачева (28 ноября 2006 г.), в год, который Указом Президента РФ от 14 февраля 2006 г. объявлен Годом гуманитарных наук, культуры и образования – Годом академика Д. С. Лихачева. Известно, что Д. С. Лихачев был страстным поборником развития краеведения, называл его «самым массовым видом науки»¹. Его интерес к краеведению возник еще

¹ Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность: Тез. докл. I Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Полтава, 1987.

в 1920-е гг., которые называют «золотым десятилетием краеведения». Тогда родной город Д. С. Лихачева Ленинград (Петербург) являлся одним из самых крупных центров краеведения в стране.

Примечательно, что Д. С. Лихачев всю жизнь с особым вниманием относился к Русскому Северу, именовал его «памятником отечественной и мировой культуры», «огромным музеем под открытым небом»². Сказанное им вполне приложимо и к Пудожскому краю.

Другая особенность конференции – ее приуроченность к 100-летию известного деятеля народного образования и культуры Пудожья, создателя местного музея Александра Федотовича Кораблева. Она и открывалась докладом директора этого музея С. Н. Фоминой «Краевед А. Ф. Кораблев и создание Пудожского музея». В рамках конференции состоялся вечер, посвященный этой дате, который прошел очень тепло, с искренней признательностью А. Ф. Кораблеву всех выступавших – родных, близких, знакомых – за его действия. Петрозаводский журналист Н. Кутьков поместил в газете «ТВР-Панорама» в рубрике «Жизнь замечательных людей» большое интервью с сыном краеведа Н. А. Кораблевым под заголовком «Каждый экспонат он делал героем повести (к 100-летию Александра Федотовича Кораблева)». Долгие годы А. Ф. Кораблев проработал в школе. Вот его собственное признание о своей почти 40-летней педагогической деятельности: «Много лет вкладывал я свою душу, все свое умение в дело воспитания... Горячо любил свое дело, любил наблюдать день за днем, как растет и развивается наша детвора, был горд каждым новым выпуском...»³ Эти слова многоного стоят и сегодня, ибо проникнуты искренним вниманием к детям, заботой об их будущем.

Традиции пудожского краеведения имеют глубокие корни, восходящие к известному краеведу Олонецкой губернии и уроженцу Пудожского края Н. С. Шайкину. О его жизненном пути рассказала

² Лихачев Д. С., Янин В. Л. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. 1986. № 1. С. 115–119.

³ Цит по ст.: Кутьков Н. Каждый экспонат он делал героем повести // ТВР-Панорама. 2006. 6 сентября.

в своем докладе сотрудница КГКМ Л.А. Никифорова. В данном сборнике публикуется переиздание труда Н. С. Шайжина «Старая Пудога», выпущенного в 1906 г., но не утратившего познавательной ценности и поныне.

Доклады профессиональных ученых органично дополняли выступления местных краеведов, активно интересующихся проблемами локальной истории.

В поле зрения авторов сборника оказались и онежские петроглифы, и процесс заселения и освоения Пудожского края переселенцами из новгородских земель, и торговые связи с соседними и более отдаленными территориями (Х–ХV вв.). Обстоятельно была показана роль купечества в жизни Пудожья во второй половине XIX – начале ХХ в., а также участие пудожан в знаменитых шунгских ярмарках. Рассматривалась и жизнь Пудожского края в годы советской власти, включая такие судьбоносные периоды, как Гражданская и Великая Отечественная войны.

Большое внимание на конференции было уделено традиционной народной культуре, проблемам современного восприятия и сохранения историко-культурного наследия. Шла речь о семейной и свадебной обрядности пудожан, обычаях и верованиях жителей Водлозерья. Выражалось желание учителей, музеиных работников, журналистов, краеведов активнее приобщать к историко-культурному наследию молодежь, укреплять историческую память людей, рассказывать о подвижниках, ярко проявивших себя на поприще развития экономики, образования и культуры, внесших крупный вклад в изучение прошлого родного края. Работники музея из Каргополя поведали о собственном опыте использования культурного наследия как главного ресурса развития города и района, выясвили трудности, встающие на этом пути.

Участники конференции имели возможность детально ознакомиться с деятельностью местного музея, его экспозицией и фондами, по достоинству оценить роль музея в жизни города и района. Это действительно один из самых привлекательных брендов Пудожья.

Многогранна и работа пудожских краеведов. Они продолжают собирать разнообразные материалы о своем крае – из архивных сокровищ, литературных источников, от местных жителей. Увлеченно рассказывают о своих замыслах, находках. Широко известен за пределами Пудожского района Евгений Григорьевич Нилов – автор многих краеведческих публикаций и обладатель огромного личного архива.

За последние годы пудожские краеведы издали целый ряд книг и брошюр, скромных по объему и небольших по тиражу, но привлекательных своим содержанием, тематикой и желанием рассказать о малоизвестных и неизвестных страницах местной истории. В 2006 г. в Пудоже увидела свет небольшая книжка А. Г. Костина, в которой, по словам автора, «собраны самые разнообразные факты из истории нашего края: и забавные, и грустные, и просто трагические»⁴. Не все они подпадают под определение рекорда, но в целом речь идет именно о достижениях пудожан в разных сферах деятельности. Как не радоваться такому замыслу и собранной информации, уверенности автора в том, что она будет пополняться и дополняться и что главные рекорды пудожан еще впереди.

Активным автором остается Б. П. Фофанов. В том же 2006 г. он выпустил две книжки. «Лучше нет родного дома (деревенская любовь)» – это рассказы о делах, заботах, обычаях и нравах предшествующих поколений пудожан. Книгу отличает стремление к правде жизни, непосредственность. «Наш рейс на Пудож – в “маленький Париж” (суперзвезды кино на пудожской земле)» – это воспоминания о творческих встречах со звездами отечественного кино. Годом раньше, в 2005 г., была издана карманная по формату и весьма занятная брошюра Б. П. Фофанова «Устьколодские легенды и частушки» с таким добавлением к заглавию: «По три вечера гуляла по ошибочке с тобой». Частушки записаны автором у старажилов д. Усть-Колода совсем недавно – в 2003–2004 гг. Даже при беглом просмотре этой книги читатель непременно и не раз улыбнется.

⁴ Костин А. Г. Книга рекордов Пудожа. Пудож, 2006. С. 2.

А вот еще один автор – В. Н. Смирнов, зам. редактора районной газеты «Пудожский вестник». В 1994 г. отдельным изданием вышел его очерк «Пудож далекий и близкий». Предисловие к нему написал Е. Нилов, тогда зав. экономическим отделом Пудожской районной мэрии. В книге рассказывается о строительном предприятии ПМК-116 и его работниках. В 2003 г. появилась новая книга В. Н. Смирнова. Лейтмотив ее – «два свойства человеческой памяти – помнить и забывать». Автор хотел поведать читателям, «какой ценой были добыты слава и могущество России», проникнуть «взглядом и мыслью, в то, что уже было, свершилось, происходит, чтобы хоть на шаг-два чувствовать и понимать предстоящее»⁵.

Список истинных радетелей г. Пудожа за свой край, его прошлое, настоящее и будущее нетрудно продолжить. Такие люди делают интеллектуальную жизнь района более богатой и содержательной. Подкупают их трудолюбие, общительность, творческий подход как к своей профессиональной деятельности, так и к своим увлечениям, будь то краеведение, проза или поэзия, фольклор, общественная работа.

В 2005 г. в Пудоже состоялась первая краеведческая конференция «Кораблевские чтения», организованная местными исследователями истории и культурного наследия края. Нынешний представительный научный форум будет служить продолжением и закреплением этой новой традиции, поскольку «Кораблевские чтения» предполагается сделать регулярными.

Прошедшая конференция показала, что историко-культурное наследие Пудожа и других малых городов Русского Севера нуждается в дальнейшем изучении, сохранении и поддержке. Опора на него поможет преодолеть нынешние нелегкие времена. Популяризация историко-культурного наследия способна значительно повысить привлекательность региона для туристов и инвесторов и может стать реальным ресурсом успешного социально-экономического развития.

⁵ Смирнов В. Н. Рассказы для нового века. Пудож, 2003. С. 2.

С. Н. Фомина

КРАЕВЕД А. Ф. КОРАБЛЕВ И СОЗДАНИЕ ПУДОЖСКОГО МУЗЕЯ

Наша конференция проходит под знаком сразу нескольких юбилейных дат, отмечающихся в этом году. Как известно, 28 ноября 2006 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося российского ученого, крупнейшего исследователя культуры Древней Руси, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Указом Президента РФ В. В. Путина нынешний, 2006 г. в Российской Федерации объявлен Годом гуманитарных наук, культуры и образования – Годом академика Д. С. Лихачева.

Имя Д. С. Лихачева неразрывно связано с историей краеведческого движения, активным пропагандистом и поборником которого он являлся всю жизнь. Период научного становления будущего академика (1920-е гг.) приходится на времена, когда его родной город Ленинград (Петербург) являлся признанным центром краеведческих исследований в стране. Там находилось Центральное бюро краеведения. Выдающийся петербургский краевед Николай Петрович Анциферов создал в то время теорию изучения города – городоведение. Тогда же возникло представление о городе как о средоточии местной культуры, местном «культурном гнезде»¹. Разработки краеведов 1920-х гг. были подхвачены и развиты на рубеже XX–XXI вв. Важное значение для развития краеведения имели выдвинутые Д. С. Лихачевым положения об «экологии культуры» и о «культурной оседлости», понимаемой как формирование привязанности к своему краю через постижение его особенностей,

¹ См: Анциферов Н. П. Краеведческий путь к исторической науке // Краеведение. 1928. № 6; Он же. Город как объект экскурсионного изучения // Там же. 1926. № 2; Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Там же. 1924. № 3.

познание его истории и культурного наследия. В 1980-х гг. Д. С. Лихачев стоял у истоков возрождения краеведческих организаций в нашей стране, активно содействовал проведению первых всесоюзных съездов краеведов.

Популяризации идей Д. С. Лихачева, наследия краеведов XX в., поддержке культуры малых городов и посвящена конференция, проходящая в нашем городе. Пудож – один из старейших малых городов Русского Севера. Первое упоминание Пудожского погоста относится к XIV в. По р. Водле, на которой стоит г. Пудож, проходил один из главных путей новгородской колонизации Севера. В конце XVII в. Пудож был одним из центров старообрядчества. В 1693 г. в окрестностях Пудожа произошло одно из крупнейших в истории самосожжений старообрядцев. В 1785 г. по указу Екатерины II Пудож получил статус уездного города, вскоре здесь побывал первый олонецкий губернатор, известный поэт Г. Р. Державин. В XVIII–XIX вв. Пудожский край являлся самым северным в России центром товарного льноводства. Здешний лен неоднократно получал награды на международных и всероссийских промышленных выставках. Пудож поддерживал тесные экономические связи с соседними городами – Петрозаводском, Повенцом, Каргополем и Вытегрой. В XIX в. Пудож становится центром политической ссылки. Среди наиболее видных ссыльных следует упомянуть Э. Улановскую, А. Ивановскую (жена В. Г. Короленко), князя В. Кугушева. В 1879 г. ссыльные организовали в Пудоже беспорядки, получившие название «Грибной бунт». В тот же период Пудожский край привлекает исследователей традиционной культуры. Здесь побывали фольклористы П. Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг, этнографы В. Н. и Н. Н. Харузины, исследователи деревянного зодчества Л. В. Даль и В. В. Суслов. На рубеже XIX–XX вв. под влиянием приезжих исследователей зародилось пудожское краеведение, столетие которого мы также отмечаем сегодня. В 1906 г. местный уроженец, преподаватель Олонецкой духовной семинарии Николай Семенович Шайжин опубликовал свою книгу «Старая Пудога» – первое сочинение об истории края.

А. Ф. Кораблев

В советское время Пудож развивался как центр лесопромышленного района. В 1930-е гг. на территории района было создано несколько лагерей системы Белбалткомбината. В трагический период репрессий (1937–1938 гг.) несколько сотен пудожан было расстреляно и захоронено в окрестностях города. В настоящее время там открыт мемориал.

В период Великой Отечественной войны Пудож был прифронтовым городом, где размещались тыловые части и штабы воинских формирований Карельского фронта.

Здесь формировалась 1-я партизанская бригада Карелии. Осенью 1941 г. в нашем городе жил Ю. В. Андропов.

В послевоенный период возрождается и получает новый импульс пудожское краеведение. Еще в 1950-е гг. началась подготовка к созданию Пудожского районного музея. Основателем Пудожского музея был учитель А. Ф. Кораблев (1906–1981), столетие со дня рождения которого исполнилось 28 августа 2006 г.

Александр Федотович родился в д. Семеново (тогда Нижнекемская волость) Пудожского уезда в семье зажиточного крестьянина Федота Семеновича Кораблева (1858–1918), занимавшегося вместе с братьями лесопромышленной деятельностью. К двенадцати годам осиротел. Окончил школу 2-й ступени в г. Пудоже (1923 г.), затем курсы маслоделов-сыроваров в г. Детское Село (ныне г. Пушкин) (1924 г.). Высшее образование по специальности «История СССР» получил в 1938 г. на заочном отделении Ленинградского политико-просветительного института им. Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургская академия культуры)², который окончил с отличием. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что, так же, как

² Кораблев Н. А. Создатель Пудожского музея // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1996. С. 49–51.

Д. С. Лихачев и Н. С. Шайкин, окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию и Археологический институт, А. Ф. Кораблев был питомцем петербургской школы гуманитарных наук, одной из традиций которой было внимание к краеведческим изысканиям. Свой трудовой путь он начал в 1924 г. заведующим избий-читальней в д. Семеново. Затем работал секретарем Нигижемского волостного комитета комсомола, зав. избий-читальней в с. Каршево, директором районного Дома культуры в г. Пудоже.

В 1933 г. перешел на педагогическую работу. Был преподавателем истории и директором школы крестьянской молодежи в г. Пудоже. В 1936 г. арестовывался как «сын кулака и лесопромышленника», но вскоре был освобожден. Однако эти события послужили причиной его переезда в г. Беломорск, где он работал учителем истории и географии в средней школе № 1³. Почти всю Великую Отечественную войну – с июля 1941 по май 1945 г. – Александру Федотовичу довелось пройти в рядах действующей Красной Армии. Он воевал на Карельском, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Принимал участие в обороне северной Карелии, штурме Кенигсберга, Пражской наступательной операции. Награжден несколькими боевыми медалями⁴.

После демобилизации в 1945 г. некоторое время работал директором Ачинского педучилища в Красноярском крае. В 1946 г. возвратился в Пудож, был назначен директором Пудожского педучилища, затем директором вечерней школы рабочей молодежи. С 1959 по 1969 г. трудился учителем истории и обществоведения в вечерней школе. Наряду с педагогической работой с 1952 г. активно и целеустремленно занимался сбором реликвий истории и народной культуры родного края. Многолетняя подвижническая деятельность Александра Федотовича на ниве краеведения приобрела всесоюзную известность, корреспонденции о нем появились на страницах ведущих органов центральной печати⁵.

³ Там же. С. 51.

⁴ Мы освободим родную советскую землю. Письма с фронта. Петрозаводск, 1984. С. 87.

⁵ Васильева О. Что ты увозишь с собой? // Комсомольская правда, 1966. 16 марта; Логвинов В. Летописец из Пудожа // Правда. 1969. 30 сентября.

В 1960 г. на основе собранных коллекций А. Ф. Кораблев организовал музей при пудожских вечерней и средней общеобразовательной школах, который постепенно, в ходе неустанной поисковой работы, перерос в районный народный краеведческий музей. Официальное открытие Пудожского районного музея состоялось 22 апреля 1970 г., А. Ф. Кораблев стал его первым директором⁶. Любопытно, что в числе первых посетителей музея был известный российский писатель Даниил Александрович Гранин, приезжавший в Пудож в конце мая 1970 г. При встрече с читателями в районной библиотеке на вопрос: «Какие впечатления вы увезете с собой?» – писатель лаконично ответил: «Мне очень понравился ваш музей»⁷. Считается, что Александр Федотович послужил Д. Гранину одним из прототипов для создания собирательного художественного образа краеведа Юрия Емельяновича Поливанова в романе «Картина», вышедшем в 1980 г.

Вплоть до выхода на пенсию в 1976 г. по состоянию здоровья А. Ф. Кораблев продолжал собирательскую и экскурсоводческую деятельность. В 1983 г., учитывая значительные масштабы, разнообразие и ценность фондов Пудожского районного музея, ему был придан статус государственного. В 1997 г. музею присвоено имя его основателя – А. Ф. Кораблева⁸. В настоящее время Пудожский районный музей по богатству экспонатов и активной работе с населением является одним из лучших музеев Республики Карелия.

Современный Пудож – небольшой город с населением в 11 тыс. человек. Благодаря хорошим дорогам, построенным в последние годы, обилию в районе природных и историко-культурных памятников, территориальной близости к таким старинным городам Русского Севера, как Каргополь и Вытегра, Пудож имеет неплохие перспективы развития как центр туризма.

⁶ Открыт музей // Знамя труда (Пудож). 1970. 23 апреля; Опарин В. Открыт народный музей // Ленинская правда. 1970. 14 мая.

⁷ См.: Агеева Н. Читателям «Ровесника» // Знамя труда. 1970. 2 июня.

⁸ Маликов В. О присвоении Пудожскому районному краеведческому музею имени Кораблева Александра Федотовича // Пудожский вестник. 1997. 1 июля.

Под влиянием деятельности А. Ф. Кораблева в течение последних десятилетий в Пудоже сформировалась и активно работает значительная группа энтузиастов-краеведов (Е. Г. Нилов, А. Г. Костин, В. Н. Смирнов, Б. П. Фофанов и др.). Ими издано несколько краеведческих книг и брошюр, которые привлекли к себе внимание как научно-краеведческой общественности, так и широкого читателя. Думается, что нынешняя конференция послужит новым импульсом для развития пудожского краеведения, укрепления связей с краеведами соседних регионов и профессиональными учеными-гуманитариями, будет способствовать активизации исследований в области изучения историко-культурного наследия малых городов Российского Севера.

Ю. А. Савватеев

ГОРОД ПУДОЖ И ОНЕЖСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ

Наскальные изображения (петроглифы) Онежского озера занимают одно из центральных мест в культурном наследии Пудожья. Они представляют важный ресурс для развития района в настоящем и будущем. К сожалению, сегодня состояние и использование этого уникального памятника не отвечают требованиям времени. Накопилось немало застарелых проблем. Наряду с ними в связи с кардинальными изменениями в жизни страны возникают новые, в немалой степени обусловленные несовершенством законодательной базы. Одним словом, тема петроглифов остается весьма актуальной, можно даже сказать, злободневной.

Мы затронем три ее аспекта, вызывающие повышенное внимание и остающиеся предметом активных дискуссий: 1) открытие и начальный этап изучения данного объекта культурного наследия; 2) современное состояние, охрана и использование этого своеобразного музея под открытым небом; 3) выяснение смысла наскальных рисунков, их интерпретация. Названные аспекты включают ряд нерешенных вопросов и нуждаются в дальнейшей проработке как в теоретическом, так и в практическом (прикладном) плане.

История открытия и исследования онежских петроглифов не одноразовый акт. Это длительный процесс, который насчитывает уже около 160 лет и все еще не завершился. Он насыщен неожиданными находками и досадными пропусками, противостоянием различных подходов и трактовок и вместе с тем характеризуется активным накоплением изобразительного материала и все более глубоким осознанием непрходящей научно-познавательной ценности наскальных полотен.

В изучении онежских петроглифов участвовало несколько поколений отечественных и иностранных ученых, внесших серьезный вклад

в развитие нового научного направления в археологии – петроглифоведения¹. Однако выявление, фиксация и осмысление наскальных изображений не закончены. Связано это с тем, что сама природа старается сделать их незаметными для взгляда непосвященных. Тем не менее, опираясь на накопленный опыт, время от времени удается обнаруживать новые группы рисунков и отдельные изображения, новые детали в известных фигурах, замечать неточности в прежних копиях. По соседству с петроглифами археологи не раз также открывали поселения первобытной и средневековой эпох, предшествующие, одновременные или возникшие позднее наскальных полотен.

Начальный этап исследования онежских петроглифов условно можно назвать ознакомительным. Он до сих пор недостаточно изучен. Не снят вопрос о первооткрывателе памятника. Был ли им К. Гревингк или же П. Швед? Имелись ли у них предшественники? И почему эти достопримечательные места стали известны науке относительно поздно?

Принято считать, что онежские петроглифы открыл хранитель минералогического музея Академии наук в Санкт-Петербурге К. Гревингк. В 1848 г. он по заданию академии совершил длительное путешествие по Олонецкой и Архангельской губерниям. Оказавшись на восточном берегу Онежского озера в районе д. Бесов Нос, К. Гревингк (видимо, по наводке местных крестьян) нашел на выступающей далеко в озеро оконечности мыса Бесов Нос «гранитную скалу с вырезанными на ней рисунками, не известными еще ученым». На соседних мысах Пери и Кладовец исследователь обнаружил еще две группы необычных выбивок. Первая краткая информация об открытии содержится в заметке К. Гревингка о своем путешествии, помещенной в журнале «Известия» физико-математического отделения Академии наук (на немецком языке)².

¹ См.: Наскальные изображения на территории СССР. 1692–1975: Указатель литературы / Сост. Р. А. Нисканен. Петрозаводск, 1977. С. 159–160.

² Grewingk C. Über eine in Sommer 1848 unternommene Reise nach der Holbinsel Kamin am nordlichen Eismeere // Bull. de la classe physico-math. de l'Acad des sciences de St. Petersbourg. 1850. T. 8. P. 45.

Казалось бы, все ясно – первым онежские наскальные рисунки открыл именно он, К. Гревингк. Настораживает, однако, замечание К. Гревингка о том, что им найдены рисунки «не известные еще ученым». Значит, они уже могли быть известны кому-то из неученных. Вопрос тем более уместен, что незадолго до публикации Гревингка в журнале «Известия Российской географического общества» появилось сообщение (на русском языке) другого автора – учителя Петрозаводской гимназии П. Шведа под заголовком «Крестовый и Пелий мысы»³. Речь в нем шла о тех же самых рисунках.

Ознакомившись с публикацией П. Шведа, К. Гревингк решил вновь вернуться к данной теме. Видимо, сказалось стремление лучше раскрыть научную значимость скальных рисунков, а главное – подчеркнуть свою роль как их первооткрывателя. Но об этом теперь можно только гадать. Известно лишь, что в мае 1854 г. К. Гревингк выступил на заседании историко-филологического отделения Академии наук со специальным докладом, который затем был опубликован в «Известиях» данного отделения (на немецком языке) под заголовком «О рисунках на гранитной скале у восточного берега Онежского озера»⁴.

Сообщение К. Гревингка привлекло внимание известного представителя народнического социализма Н. Г. Чернышевского, который с 1853 г. начинает сотрудничать в известных петербургских журналах «Отечественные записки» и «Современник». В № 9 «Отечественных записок» за 1854 г., в разделе «Новости литературы, наук и промышленности» Н. Г. Чернышевский публикует свой отклик на информацию К. Гревингка⁵. Обращаясь к читателям, автор отмечает, что при скучности археологических открытий ему тем приятнее представить извлечения из записки г. Гревингка. Затем следует довольно пространная выдержка, дающая представление и о самих изображениях, и об обстоятельствах их открытия: «В 1848 г., во время геогностического путешествия по Олонецкой и

³ Швед П. Крестовый и Пелий мысы // Известия Русского географического общества. 1850. Кн. 1. С. 68–72.

⁴ Grewingk C. Über die Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onega-Sees // Bull. de la classe de Sciences hist., philol. et polit. 1^й Acad des Sciences de St. Petersbourg. 1855. Т. 12. № 7–8. Р. 96–103.

⁵ Чернышевский Н. Г. Записка г. Гревингка о рисунках на берегу Онежского озера // Отечественные записки. 1854. № 9. С. 25–26.

Архангельской губерниям, я нашел на восточном берегу Онежского озера гранитную скалу с вырезанными на ней рисунками, не известными еще ученым. Я упомянул о них в записке о своем путешествии, помещенной в “Известиях” физико-математического отделения Академии. Потом географическое общество обнародовало в своих “Известиях” снимки и краткое описание этих рисунков, сделанное г. Шведом; это подало мне теперь повод напечатать из моего неизданного отчета о путешествии место, относящееся к онежским рисункам. Они начертаны на скале Бесова Носа, мыса, лежащего против Петрозаводска, подле деревни Бесовец. На юг от этой группы рисунков находится другая, а еще южнее – третья. Фигуры их начерчены неглубокими линиями, на чрезвычайно твердом граните, или камень выдолблен на всей поверхности фигур. Они изображают людей, сохатых, собаку, лисицу, белок, выдр, лебедей, уток, журавля и рыбу, почти все они представлены в профиль. Есть и символические знаки, но письмен, по-видимому, нет никакого следа...»

Далее Н. Г. Чернышевский передает текст К. Гревингка своими словами. Обращается внимание на сопоставление К. Гревингком онежских рисунков с известными к тому времени томскими и чардынскими. Отмечается вывод, что все они финского происхождения и, следовательно, «принадлежат времени, когда чудские племена жили по всему пространству от Сибири до Ботнического залива». По существу, затрагиваются самые насущные вопросы, которые актуальны и поныне: когда появились изображения? кем они созданы? что и с какими целями воспроизводят?

П. Г. Швед, в отличие от К. Гревингка, к теме петроглифов больше не возвращался. Правда, в 1858 г. газета «Олонецкие губернские ведомости» почему-то решила перепечатать его уже давнюю статью из «Известий Русского географического общества», но без иллюстраций и каких-либо комментариев, даже без ссылок на публикации К. Гревингка⁶.

⁶ Швед П. Крестовый и Пелий мысы на Онежском озере // Олонецкие губернские ведомости. 1858. 13 сентября.

Сообщения К. Гревингка и П. Шведа надолго стали главными источниками информации об онежских петроглифах. Любопытно, что сами рисунки они трактуют как буквальное отображение имевших здесь место событий из охотничьей жизни. Так, К. Гревингк писал: «По всей вероятности, эти группы картин происходили от охотников, которые частично на память о своей охоте, добыче, виде добычи, ее количестве, о направлениях движения перелетных птиц и красной дичи, о способах проведения охоты и частично в честь самого бога охоты и рыбной ловли, прилагая немало труда в течение длительного времени выполняли работы по вырезыванию на камне, которые сохранились здесь через столетия и, вероятно, сохранятся еще тысячелетия...» Воистину веющие слова! Хочется верить, что так оно и будет.

По заключению П. Шведа, рисунки высечены неизвестной рукой и в неизвестное время. Он ставил их в связь с финскими преданиями о Вяйнямейнене, а среди выбивок находил зеркала, циркуль, пилы (в действительности не представленные на скалах). П. Швед допускал, что некогда значительно ближе к Онежскому озеру могло обитать «племя самоедов», но сомневался, что оно было способно создавать подобного рода памятники, прокладывающие путь к искусству и письменности, поскольку находилось еще «на самой низкой ступени умственного развития».

До поры до времени подобные трактовки не подвергались серьезной критике. Более того, находили понимание и поддержку. Как это ни странно, в таком же духе выдержаны и более поздние суждения известного отечественного ученого-историка, исследователя русского фольклора и древнерусской письменности Е. В. Барсова, скорее всего, не раз бывавшего на петроглифах. Он тоже писал о «...низком уровне нравственного развития живших здесь финских племен» и считал, что такие изображения, связанные с более или менее развитой мифологией, не могли принадлежать аборигенам, а должны быть приписаны более развитому новгородскому племени, обитавшему здесь «...в отдаленную эпоху языческую»⁷.

⁷ Барсов Е. В. Об олонецких древностях // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 170–186.

Еще определенное писал Н. С. Шайжин – историк и фольклорист, деятельный краевед, работавший преподавателем в Петрозаводске с 1906 по 1912 г.: «По нашему мнению, бесоносовские скалы с насечками на них языческой и христианской древности были, несомненно, местом умилостивительных жертвоприношений и молитв со стороны как лопарей и чуди, так и проезжающих мимо новгородских ушкуйников»⁸.

Весьма субъективными оставались и объяснения местных крестьян, зафиксированные тем же К. Гревингком: «В народе ходит легенда, будто бы много-много лет назад здесь обитали черт и его жена (бес и бесиха), и они удостоверили свое пребывание здесь в странных фигурах на скале. Но тут пришел живой Христос и истинная вера, и он якобы поставил кресты на дьявольских картинах. Злые духи должны были немедленно уйти: они хотели, отправляясь в путь, взять с собой на память о своем любимом месте часть скалы, но при исполнении своего намерения они обрушились вместе с блоком скалы в озеро и утонули». Несколько иначе эту же легенду передает П. Швед: «Бес и бесиха, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством: вдруг почему-то бес задумал перенести свой дом дальше и, свив веревку, потащил мыс в озеро; но, вероятно, это превышало его силы: он успел оторвать только один угол, который вместе с ним и упал в воду».

Сообщения К. Гревингка и П. Шведа использовались в научной и справочной литературе, например в книге П. Семенова⁹. Копии Гревингка опубликовал Ю. Аспелин в своем известном атласе финно-угорских древностей¹⁰. И все же широкой известности и востребованности в научном мире онежские петроглифы во второй половине XIX в. так и не получили. Ни словом не упоминает о

⁸ Шайжин Н. С. Олонецкий край. (По данным местного фольклора) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 207.

⁹ Семенов П. П. Географо-статистический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863. С. 380.

¹⁰ Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-ougrien. 1. Age de la pierre et du bronze. Helsingfors. 1877.

них этнограф Н. Харузин, побывавший в Пудожском уезде летом 1887 г. с целью изучения древних обрядов и верований. Он сетует на то, что Пудожский край – наименее изученный в Олонецкой губернии и не привлекает внимания ученых. Исследуя верования, Н. Харузин ищет их истоки в глубокой древности, но, даже рассматривая вопрос о культе птицы, не упоминает о петроглифах. Похоже, ничего не слышал о наскальных рисунках и будущий выдающийся филолог, историк русской культуры А. А. Шахматов, посетивший Пудожье еще до Н. Харузина – в июне 1886 г.

Со временем значимость «олонецких» гравировок осознается все сильнее, чему способствовали открытия памятников наскального искусства на Севере Европы (в Финноскандии) и в Азии (Сибирь, Дальний Восток). Интерес к онежским петроглифам начали проявлять и местные краеведы, в частности историк и библиограф К. М. Петров¹¹. По его сообщению, в 1880 г. олонецкий губернатор Г. Г. Григорьев, принимавший участие в гидрологическом исследовании Онежского озера на пароходе «Ладога» впервые сфотографировал петроглифы при составлении планов бухт и устьев рек Водлы и Черной. Правда, в официальном отчете «О гидрологических изысканиях» (1880 г.) о петроглифах по каким-то причинам ничего не сказано.

Значимой вехой в исследовании онежских петроглифов стали работы известного шведского археолога Г. Хальстрема. В 1910 г. после своей второй поездки «по русской Лапландии», уже на обратном пути в Швецию, он предпринял «...по возможности обширное» исследование онежских наскальных рисунков. К сожалению, по семейным обстоятельствам работу пришлось прервать и срочно возвращаться на родину. Продолжить ее удалось лишь в 1914 г. Теперь Г. Хальстрем прибыл уже не один, а в сопровождении двух специалистов – М. Биркита из Кембриджа (Англия) и Б. Шнитгера из Стокгольма (Швеция). И снова непредвиденные обстоятельства заставили свернуть работы. На сей раз, помешала

¹¹ Петров К. М. Краткое сообщение о петроглифах у д. Бесов Нос Пудожского уезда и о фотосъемке их в 1880 г. Г. Григорьевым: Письмо // Известия Русского археологического общества. 1904. Т. 9. С. 443–444.

начавшаяся мировая война. Иностранцы, их аппаратура, съемки, вызывали подозрение у местных жителей – не шпионы ли это? Исследователи возвратились домой.

В целом итоги двух поездок впечатляют. Г. Хальстрем произвел копирование (калькировку) 412 фигур. Всего удалось задокументировать 7 групп рисунков с 25 подгруппами. Производилась и фотосъемка – важнейшая часть документирования¹². Материал предназначался для публикации, о подготовке которой сообщалось в научных изданиях. Но другие «задачи и обязанности», а затем выход в 1936 г. первого тома фундаментальной публикации В. И. Равдоникаса, посвященной петроглифам Онежского озера (которую Г. Хельстрем нашел прекрасной и чрезвычайно достойной похвалы работой, изданной с завидной быстротой), заставили исследователя оставить прежний замысел. Только небольшая часть копий Г. Хальстрема опубликована – вначале М. Биркитом в труде «Доистория Европы» (1925), а затем уже самим Г. Хальстремом в капитальном исследовании наскальных рисунков Швеции (1960). Но отобраны только копии наскальных полотен, ставших музеиными экспонатами и не вошедших в публикацию В. И. Равдоникаса¹³.

Таковы основные вехи изучения данного памятника археологии в дореволюционный период. Он становится известным и в России, и за рубежом, используется в качестве сопоставительного материала. Но в целом онежские петроглифы оставались слабо изученными. Они так и не нашли еще своего настоящего исследователя. По словам крупнейшего русского археолога А.А. Спицина: «...Никого не манил этот отрывочный, слабый и трудный для понимания материал»¹⁴.

¹² Hallström G. Rock-art localities in N. Western Russia // Hallström G. Monumental art of Northern Sweden from the Stone age. Stockholm, 1960. P. 337–359.

¹³ Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. Наскальные изображения Онежского озера. М.–Л., 1936.

¹⁴ Спицин А. А. Олонецкие петроглифы. (По поводу статьи А.М. Линевского) // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (далее – ЛОИКФУН). Вып. 1. Л., 1929. С. 47.

Рубежным в изучении петроглифов Карелии стал 1926 г., когда студент Ленинградского университета А. М. Линевский открыл в низовье р. Выг, у д. Выгостров (недалеко от г. Беломорска) первую группу беломорских петроглифов – Бесовы Следки¹⁵. Начался второй, предвоенный, этап в полевом изучении, теоретическом осмыслении и популяризации наскальных рисунков Карелии, охватывающий конец 20-х – 30-е гг. XX в. На поприще формирующегося петроглифоведения ярко заявили о себе А. М. Линевский, В. И. Равдоникас, А. Я. Брюсов и др. Этот этап освещен в литературе довольно полно, и в данном случае на нем можно подробно не останавливаться.

Но вернемся к 1848 г. Кто же в действительности открыл онежские петроглифы – П. Швед или К. Гревингк? Даже среди ученых нет единого мнения. В. И. Равдоникас, например, отдавал приоритет К. Гревингку, а ученик и последователь В. И. Равдоникаса К. Д. Лаушкин утверждал, что их нашел П. Швед. К сожалению, истинный вклад П. Шведа пока не вполне прояснился. Сведений о нем самом мало. Известно, что в 1841 г. младший учитель русской грамматики и географии, действительный студент Петр Гаврилович Швед был перемещен на должность старшего учителя истории и статистики при Олонецкой гимназии. В 1845 г. он избирается секретарем совета при гимназии. На сегодня это вся информация о нем. Предстоит более основательные архивные разыскания.

Привлекает внимание еще ряд обстоятельств. По сообщению «Олонецких губернских ведомостей» от 28 сентября 1848 г., из Повенца в Петрозаводск прибыл хранитель музея Академии наук К. Гревингк. Видимо, он возвращался из своего путешествия домой – в Петербург. Встречался ли он с кем-то из горожан, рассказал ли об открытых им петроглифах – неизвестно. П. Швед имени К. Гревингка не упоминал, и, видимо, они не встречались.

Тем не менее можно утверждать, что осенью 1848 г. о наскальных изображениях на восточном берегу Онежского озера в Петро-

¹⁵ Линевский А. М. К вопросу о петроглифах Карелии // Сборник ЛОИКФУН. Вып. 1. С. 53–95. Он же. Петроглифы Карелии. Ч. 1. Петрозаводск, 1939.

заводске уже знали. Непонятно лишь от кого – П. Шведа, К. Гревингка или же совсем другого лица (или лиц). По архивным данным установлено, что 16 октября 1848 г. в канцелярию губернатора поступило заключение министра внутренних дел Л. А. Перовского на «Отчет о состоянии Олонецкой губернии за 1847 г.». Помимо замечаний («для объяснения и руководства»), в нем содержалась просьба предоставить сведения о карелах, проживающих в губернии. Под рукой необходимой информации не оказалось, и от имени губернатора по уездам был разослан специальный запрос с «объяснительной программой» из 34 пунктов. Один из них содержал вопрос о рунических и других надписях на камнях.

Мог ли этот пункт появиться случайно? Скорее всего, нет. Видимо, какие-то слухи о «надписях на камне» действительно до Петрозаводска доходили. Пока не ясно, когда и от кого? Напомним, что интерес к глубокой старине и древним вещам в Петрозаводске уже проявлялся. Так, инженер Олонецкого горного округа Н. Ф. Бутенев начал собирать свою известную коллекцию каменных орудий. Далеким прошлым края интересовался и директор местной гимназии.

Губернаторский запрос быстро возымел действие. В ответ пудожский земский исправник подает рапорт о том, что 8 ноября посетил Бесов Нос и выяснил, что изображения действительно существуют, но «...из-за сильного волнения и замерзания ни одной фигуры увидеть не смог». При опросе крестьян оказалось, что никто не помнит «...кем такие насечены». Летом следующего года рисунки скопировал пудожский уездный землемер Юматов. Его копии пересылаются в канцелярию губернатора. К сожалению, судьба их неизвестна.

Приведенные сведения фиксируют начальный этап документирования онежских петроглифов. Точно воспроизвести их – задача не простая, тем более на первом этапе, когда еще не было необходимого опыта. Да и публикация П. Шведа содержала не совершенные еще зарисовки от руки с двух наскальных полотен: на оконечности Бесова Носа и на Пери Ноэ. От кого узнал П. Швед о загадочных рисунках? Посещал ли их? Сам ли выполнил копию –

пока не установлено. Смущает и то, что опубликованные чуть позднее (но в том же году) копии К. Гревингка воспроизводят те же самые наскальные полотна. Они весьма похожи (порой совпадают даже в неточностях). Не была ли использована копия Юматова как первооснова? Это предстоит еще выяснить. Для К. Гревингка встреча с онежскими петроглифами стала полной неожиданностью. В Петрозаводске же о них во время его остановки, возможно, что-то уже знали или слышали. Можно допустить, что у П. Шведа были какие-то информаторы из числа местных жителей или их родственников, оказавшихся в Петрозаводске.

В 1990-х гг. в исследовании онежских петроглифов наступает новый, четвертый, этап, продолжающийся и поныне (третий этап – 1950–1980-е гг., как и второй, предвоенный, за недостатком места здесь не рассматривается). В настоящее время наиболее важными представляются три проблемы онежских петроглифов: их охрана; разумное использование; дальнейшее изучение и популяризация.

На рубеже ХХ – ХХI вв. названные проблемы заметно обострились. Переходный период, который переживает страна, отразился и на данных памятниках, являющихся важной частью культурного наследия не только Карелии и России, но и мира. Управлению ими не уделялось должного внимания, мешало и несовершенство законодательной и правовой базы. С одной стороны, петроглифы отнесены к числу памятников археологии федерального значения (а значит, взяты под надзор государства), а с другой – они оказались бесхозными (без конкретного владельца) и, по существу, оставленными на произвол судьбы. В условиях полной свободы, граничащей со вседозволенностью, ситуация вокруг онежских (как и беломорских) петроглифов осложнилась. Они становятся объектом повышенного внимания со стороны Карельского государственного краеведческого музея, туристических фирм. Началось противостояние лиц, организаций и учреждений, причастных к этим памятникам. Не раз предлагались, рекламировались и выносились на обсуждение скороспельные проекты их музеефикации. СМИ муссировали информацию об актах вандализма со стороны

невежественных посетителей, угрозе их разрушения и исчезновения. Инициатив, заявлений, жалоб во все инстанции было много, а вот практических дел совсем мало.

Едва ли не самым слабым местом остается охрана памятника. Она, по существу, и не велась. Туризм развивается стихийно, вопрос о количестве и качестве экскурсий, подготовке экскурсоводов вообще не ставился. Не определена рекреационная нагрузка на петроглифы и окружающую территорию. Щиты с информацией о правилах поведения, указатели, места остановки и отдыха посетителей нуждаются в постоянном присмотре и частичной замене. Требуют внимания пешеходные тропки и дорожки, смотровые точки на наскальных полотнах, экскурсионно-туристские маршруты, нужны очистка от мусора и благоустройство территории достопримечательных мест с петроглифами. Необходима регистрация и организованных, и неорганизованных («диких») туристов. Важно знать, сколько людей и в какое время преимущественно посещает петроглифы. Требуется постоянный мониторинг с участием всех заинтересованных организаций и учреждений. Даже краткие, но регулярные посещения территории памятника контролирующими лицами позволяют лучше отслеживать ситуацию и своевременно принимать необходимые меры. Насущной потребностью стало повышение требований к посетителям, внедрение в их среду морального кодекса, главным постулатом которого должна стать заповедь: «Не навреди и наскальным полотнам, и окружающей их природе (включая почву и растительность)». Нужна вдумчивая, ненавязчивая популяризация и пропаганда петроглифов, знаний о них с участием местной газеты, музея, школ и т.д.

Следует, наконец, озаботиться и подготовкой местных экскурсоводов, способных представить памятник посетителям с учетом современного уровня знаний о нем. Местные органы власти, общественные организации, учреждения культуры должны принять более активное и заинтересованное участие в поиске путей музееификации и использования онежских петроглифов. Крайне желательно появление рачительного «владельца» (арендатора) памятника, который бы на договорной основе с органами власти приступил к

повседневной практической работе по его сбережению и разумному использованию.

Совершенно новое и позитивное явление – превращение петроглифов Онежского озера в объект активного международного сотрудничества. Прежде они были закрыты для посещения иностранных граждан, даже специалистов по наскальному искусству. Археологические работы в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. велись здесь преимущественно в рамках международных программ и проектов.

В ходе дискуссий последних лет основной путь решения самых насущных проблем онежских петроглифов все же обозначился: поддерживается предложение об их музеефикации. Но вот конкретные формы и способы музеефикации остаются на стадии предварительных разработок. Предлагаемые варианты пора собрать, проанализировать и доработать с учетом мнения экспертов, местной общественности, всех заинтересованных организаций, учреждений и лиц, а затем представить в Министерство культуры и Правительство РК для принятия конкретного управленческого решения.

Самая сложная научная проблема, связанная с петроглифами, – истолкование их смысла и предназначения, расшифровка. Без нее вряд ли можно понять всю ценность данного объекта культурного наследия. Наскальные рисунки Карелии являются неотъемлемой, органической частью мирового монументального искусства первобытной эпохи. Они непосредственным образом связаны с одной из ключевых общечеловеческих проблем – становлением сознания, главного отличительного признака, выделяющего человека из животного царства. Понятно, что онежские петроглифы – прежде всего памятники региональные, окрашенные местным колоритом, привязанные к определенной территории и времени, обладающие ярким своеобразием. Вместе с тем в них проявляются и общие закономерности первобытной культуры и искусства, специфика их образов и символов.

Карельские петроглифы наглядно отражают важнейшую особенность сознания – его дуалистическую (двойственную) структуру. Человек не ограничился освоением и использованием существующей реальности. Уже с глубокой древности он начал творить

иную, свою реальность, отличающуюся от существующей и представленную неземными образами, наделенными сверхъестественными силами, свойствами и возможностями. Такое разграничение пространства и времени на сущее и другое (придуманное, мифологическое) поначалу происходило неосознанно, на интуитивном уровне. Оно и породило культуру, которая иначе просто не могла бы обособиться от природы. Не появилось бы условий для художественного выражения и воплощения рождавшихся в социуме образов, идей и представлений. Начало культуры, по существу, означает и появление искусства. Одну из его ранних форм и представляют наскальные полотна.

Трактовать онежские петроглифы только как копирование природы, воспроизведение особо важных событий и действий из реальной жизни, ее имитацию, по современным представлениям, – явное заблуждение. Уже сам по себе отбор тем, сюжетов и образов, техника их нанесения и стиль свидетельствуют о том, что они не всегда и не во всем копируют природу. Нетрудно заметить стремление создателей наскальных рисунков мифологизировать видимый мир, привнести в представление о нем что-то иное, свое, рожденное фантазией, воображением. Обилие сверхъестественных образов и деталей только подтверждает данную мысль. Похоже, творцы и почитатели онежских петроглифов разделяли представление о трех мирах: верхнем (небесном), среднем (земном) и нижнем (подземном или подводном). Наделяя создаваемые образы определенным смыслом, творцы рисунков как бы дистанцировались от реальности и уводили своих соплеменников (а теперь уводят и нас) в другое, воображаемое пространство. Однако это воображаемое, иное пространство не могло не сохранять связей и взаимодействия с реальным миром и порождаемым им проблемами. Отсюда отпечаток натурализма на многих изображениях и сценах.

Знакомство с наскальными полотнами убеждает, что их создатели хорошо знали окружающую природную среду, обладали обостренным «внутренним взглядом», наблюдательностью. Форма, стиль и техника нанесения рисунков неразрывно связаны с их

внутренним содержанием. Полотна служат как бы своеобразным звеном, соединяющим сущий, реальный, и тот, иной, мир. В сознании творцов и почитателей петроглифов оба мира (сущий и воображаемый) соприкасались, порой сливались в единое целое, в котором реальность органично переплеталась с мифологией.

Петроглифы, однако, не только нить, мостик между двумя мирами. Это также и обращение к грядущему. Древние художники творили в рамках сложившейся традиции. От них требовалось знание и понимание образов, созданных ранее, их места и роли в реальной жизни первобытных коллективов. Но если созданные ранее образы утрачивали свою силу, они переосмысливались или же заменялись новыми, наделенными необходимыми способностями и возможностями. А значит, откликаясь на определенные потребности повседневной жизни, древние мастера на интуитивном уровне как бы стремились прогнозировать грядущее, облегчить обитание в нем (с учетом миропонимания и мироощущения своего времени, обыденных знаний, мифологических представлений о прошлом и настоящем).

Специалисты утверждают, что «...в подлинном смысле язык искусства не только освещает конкретный исторический период, но и является прежде всего инструментом постижения будущего. Искусство всегда содержит некие очертания, предвидения того, чего еще нет». Конечно, сказанное относится к зрелому искусству. Однако в зачаточной форме эта функция улавливается и в петроглифах. Первобытное искусство в какой-то мере работало на будущее, укрепляя веру людей в его предсказуемость.

Объем данной публикации не позволяет подробнее рассмотреть онежские наскальные полотна с позиций современных направлений изучения изобразительного искусства: включая его историю, философию, психологию, социологию, историю религиозных представлений и верований. Отметим лишь, что у доисторического наскального искусства свой язык, свои формы и средства выражения, нормы и ценности. Оно стало важной новацией в жизни древнего населения Карелии, как и всего Европейского Севера, помогло его адаптации к местным природным условиям, способствовало

развитию сознания, укреплению этнокультурных связей, формированию верований и обрядов.

Историческую роль наскального искусства, конечно же, не следует преувеличивать. Оно дало людям только то, что могло дать. Основные рычаги ускорения поступательного развития находились тогда в сфере экономики и были связаны с переходом к производящим формам хозяйства – земледелию и скотоводству. Но данный переход произошел значительно позднее, только в конце I тыс. н. э. Вместе с тем эту роль не следует и преуменьшать. Для первобытно-общинного строя с его присваивающим охотничье-промышленным хозяйством и первобытной общиной как формой организации социума наскальное искусство стало весьма значимой новацией.

Само по себе стремление еще в то время, около 5–6 тыс. лет назад, обобщить, закодировать и передать будущим поколениям наиболее значимую для выживания и продолжения рода информацию – факт примечательный, заслуживающий пристального внимания. Это наглядное свидетельство прогресса в развитии общества и его культуры. На Европейском Севере, бывшем окраиной освоенного людьми мира, тоже широко распространялась «петрография», своего рода «протописьменность», ставшая одной из важных форм общественного сознания. Не случайно петроглифы называют еще «духовным производством», «мастерскими сознания», «каменной летописью».

Естественно, что общий ход и закономерности развития наскального творчества как в конкретных региональных и локальных проявлениях, так и в целом не могут не привлекать внимание людей XXI в., вступающих в совершенно новый этап исторического развития. Наскальное искусство, как и вся действительность первобытной эпохи, еще нагляднее оттеняет уровень, достигнутый современной цивилизацией, особенности пройденного человечеством исторического пути.

Понятно, что высказанные суждения требуют более развернутого обоснования. Мы попытались лишь привлечь внимание к историко-культурной значимости петроглифов и их истолкованию, выяснению смысла и предназначения наскального творчества.

Петроглифам Карелии посвящено немало научных и научно-популярных работ. Сведения о них все чаще помещаются в энциклопедиях и справочниках, в учебниках и учебных пособиях. К ним давно и охотно обращаются СМИ, включая электронные. К сожалению, информация об этих выразительных памятниках не всегда точная. Приведу только один пример.

В 2005 г. издательство «Карелия» вторым изданием выпустило книгу «Народы Карелии: история и культура», вызвавшую большой читательский интерес. Она представлена как «первая научно-популярная книга об истории и культуре карел, вепсов, саамов и русских от первоначального заселения края в эпоху каменного века до XVII в.»¹⁶. Появлению подобных книг можно только порадоваться, но порой и в них встречаются слишком вольные трактовки. В названной книге на с. 23–24 предлагается краткая информация о наскальных изображениях, появившихся около 6–5 тыс. лет тому назад, еще в неолите. Отмечается, что «сейчас это всемирно известные памятники… на восточном побережье Онежского озера и на севере около г. Беломорска». Из длительной и увлекательной истории открытия сообщается лишь один эпизод, связанный с онежскими петроглифами: «Эстонскими любителями древнего искусства в течение нескольких полевых сезонов… проводились поиски наскальных изображений, итогом которых стало открытие в 1986 г. на мысе Кочковнаволок (в 1 км севернее устья р. Водлы) двух групп изображений, насчитывающих 150 фигур¹⁷». Ни слова о том, что, по существу, это продолжение начатых прежде карельскими археологами работ, в ходе которых была обнаружена значительная группа наскальных рисунков в устье Водлы у мыса Кочковнаволок, что и дало надежные ориентиры для дальнейших поисков.

Но это частность. Главное в другом – в общей характеристике петроглифов и их представлении читателю. Чтобы исключить

¹⁶ Кочкуркина С. И. Народы Карелии: история и культура. Изд. 2-е. Петрозаводск, 2005.

¹⁷ См.: Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega (the Vodla region). Tartu, 1998.

кривотолки и упреки в предвзятости, процитируем весь абзац: «Петроглифы выбивались на гладкой горизонтальной скале точечными ударами. Среди изображений есть одиночные и целые сцены из жизни людей того времени. Первобытные художники изображали лук и стрелы, дротики и копья, гарпуны, разные капканы-самоловы. Имеются труднопонимаемые и необъяснимые магические и символические изображения. Наиболее часто, свыше 300 раз, выбивались лодки, вереницы лодок: большие и малые, самой разной формы, с гребцами и без них. Носовая часть украшалась деревянной головой животного, обычно лося.

На некоторых лодках, напоминающих современные баркасы, выходили в море и преодолевали большие расстояния. Чаще всего, на петроглифах изображали лосей и оленей, потому что именно на них охотились в первую очередь: есть изображения медведя, из морских животных представлены белухи, а из птиц – гуси и лебеди. Люди не знали букв, не умели читать и писать, но делали “записи” на память о жизни, обрядах, своих представлениях. И делали это с помощью выбиваемых на камне рисунков. Не все можно расшифровать, не всегда понятен замысел первобытного художника, когда он создавал те или иные образы и сцены, но ученые продолжают изучение петроглифов, размышляют над ними. Можно надеяться, что когда-нибудь будет разгадан их первоначальный смысл».

Не станем комментировать весь этот текст, отмеченный желанием предельно кратко выразить авторское представление о петроглифах в общем контексте истории народов Карелии. Внимательный читатель без труда найдет в приведенной цитате ряд упущений, фактических неточностей. Вот одна из них – утверждение о том, что «чаще всего на петроглифах изображали лосей и оленей». По отношению к онежским и беломорским петроглифам – это явное заблуждение. Ошибочна и сама логика подобных обобщений и выводов. «Лосей и оленей изображали так часто, очевидно, потому, что именно на них охотились в первую очередь». Настораживает и акцент на жизненной правдивости наскальных полотен, что будто бы подтверждается присутствием «...целых сцен из жизни людей того времени».

Похоже, что нормы первобытного сознания и мышления в подобных рассуждениях не принимаются во внимание. Исходят из очевидного. Раз в реальной жизни что-то играло особо важную роль, значит, оно должно непременно найти отражение и на скалах «на память о жизни, обрядах, своих представлениях». Однако истинная ценность наскальных рисунков Карелии связана с тем, что они с особой убедительностью передают своеобразие мифологического в своей основе сознания и мироощущения людей первобытной эпохи. Оно не копировало сущий мир, даже в самых ярких его проявлениях, а творило иной, неведомый мир, иную реальность, используя фантазию, мифологические образы и символы.

Известно, что на многих памятниках охотничьего наскального искусства Евразии, в том числе Фенноскандии, фигуры лосей и оленей действительно доминируют. Но является ли это прямым отражением особой роли этих охотничьих зверей или с ними связаны и другие представления? Тем любопытнее, что на наскальных полотнах Карелии преобладания фигур лосей и оленей вовсе не было¹⁸. Каждый очаг наскального искусства, каждое полотно надлежит представлять непосвященному в детали читателю, не видевшему рисунки в натуре, не только доступно, но и точно, с учетом современных научных представлений. Искажения в информации могут вызвать ошибочные заключения и выводы о природе наскального творчества, его смысле и предназначении, истинной роли в жизни социума. Лучший способ свести к минимуму число неточностей в информации о петроглифах – обсуждение. Наскальные полотна дают для этого благодатный материал.

В более активном, заинтересованном обсуждении с участием научной критики нуждаются и публикации, непосредственно посвященные теме петроглифов, которые время от времени появляются и будут появляться впредь. Так, только что издано исследование А. М. Жульникова, в котором «...рассмотрены

¹⁸ См.: Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне (Мир наскального искусства России). М., 2005. С. 12, 17 и др.

основные образы, сюжеты и мотивы наскальных изображений Онежского озера и Белого моря и на их основе предпринята попытка комплексной реконструкции фундаментальных космологических представлений, мифopoэтической модели мира древних жителей Карелии»¹⁹.

Вскоре должна выйти из печати научно-популярная книга Ю. А. Савватеева, которая дает представление об основных проблемах, связанных с петроглифами Карелии²⁰. Строгий и беспристрастный разбор таких изданий в научном сообществе при активном участии читателей позволит не только основательнее разобраться в современном положении дел с наскальными изображениями, но и выработать стратегию действий по их дальнейшему изучению, охране и музеефикации.

Настойчивые, целенаправленные коллективные усилия помогут переломить ситуацию к лучшему, органично вписать петроглифы в современное культурное пространство Карелии и России, использовать их как важный ресурс возрождения и стабильного развития в сфере образования, просвещения, науки и культуры, туризма, развития международных контактов.

¹⁹ Жульников А. М. Петроглифы Карелии (Образ мира и миры образов). Петрозаводск, 2006. С. 2.

²⁰ Савватеев Ю. А. Вечные письмена (Наскальные изображения Карелии). Петрозаводск, 2006 (в печати).

Н. Н. Мамонтова

ТОПОНИМИЯ ПУДОЖСКОГО КРАЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Географические названия – топонимы (от греч. *topos* 'место' и *onoma* 'имя') – помимо своего основного предназначения служить адресом, содержат богатую и разнообразную информацию о природных особенностях края, истории, языках и культуре его населения. Эта информация в ряде случаев очевидна (ср., например, пудожские названия Авдеево, Заозерье, Озерки, Подпорожье, Приречный, Усть-Река, Чернореченский и т.д.), но в большинстве своем для ее получения необходимы серьезные научные исследования.

Следует отметить, что до настоящего времени топонимия Пудожья (совокупность всех его географических названий) не являлась объектом специального научного изучения, однако сказать, что она оставалась вне поля зрения ученых, было бы не совсем верным.

В работах отечественных и зарубежных авторов XIX–XX вв. по языковым контактам, особенно в тех, в которых обсуждались проблемы происхождения субстратной (дорусской, неясного происхождения) топонимии Севера европейской части бывшего СССР (включая и Карелию), представлены отдельные названия Пудожья или аналогичные им (Водла, Вама, Илекса, Пудож, Пяльма и т.д.)¹.

¹ Работы А. М. Шегрена, Я. Калимы, Э. Тункело, М. Фасмера, Я. Грота, А. И. Соболевского, Д. В. Бубриха, А. И. Попова, Б. А. Серебренникова, А. К. Матвеева и др. Более подробно об этом см.: *Мамонтова Н. Н. Из истории изучения топонимии Карелии // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем*. Петрозаводск, 1995. С. 92–123.

Было установлено, что в топонимии Севера содержатся три явно выраженных пласта: наиболее древний (субстратный), саамско-прибалтийско-финский и русский. Исследователи оперировали в основном названиями мест наиболее известных географических объектов, используя данные карт и разнообразных письменных источников. В поле их зрения не попали тысячи микротопонимов – названий мелких географических объектов (полей, покосов, болот, возвышенностей, ручьев, заливов, проливов, островов, полуостровов и т.д.), известных только местному населению. Сбор этого уникального материала остается одной из первоочередных задач и сегодня. Первоначально лишь в Финляндии с середины XIX в. велся планомерный систематический сбор топонимии, и не только финляндской, но и соседних территорий. К настоящему времени в Ономастическом архиве Финляндии (*Nimiarkisto*) насчитывается более 3 млн собственных имен.

В нашей стране огромный вклад в сбор топонимии Русского Севера внесли преподаватели и студенты кафедры общего языкоznания Уральского государственного университета под руководством большого энтузиаста, известного ученого, доктора наук А. К. Матвеева. В течение 40 с лишним лет (с 1961 г.) ведется эта работа, в результате чего создана богатейшая коллекция топонимов (почти 1 млн) – «основного источника наших знаний о вымерших языках, а также ценного исторического свидетельства, позволяющего судить об этнической принадлежности древнего населения»².

В Карелии сбор топонимии начался значительно позже – в 70-е гг. XX столетия. К настоящему времени в научной картотеке топонимов Института ЯЛИ КарНЦ РАН хранится более 300 тыс. карточек с названиями различных мест Карелии, а также Вологодской, Ленинградской и Архангельской областей на карельском, вепсском и русском языках.

² Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 5.

Что касается топонимии Пудожского района, то, помимо сотрудников ИЯЛИ, она частично собиралась также студентами Карельского государственного педагогического, Петрозаводского и Санкт-Петербургского университетов во время диалектологической практики на протяжении ряда лет. На сегодняшний день в топонимической картотеке ИЯЛИ хранится свыше 10 тыс. названий мест древней пудожской земли, в том числе 2 тыс. топонимов с нерусскими истоками³. Эти материалы послужили основой для ряда публикаций последнего десятилетия непосредственно по топонимии Пудожского края, в первую очередь Водлозерья.

Так, анализируя около тысячи водлозерских топонимов, И. И. Муллонен приходит к выводу о формировании традиционной культуры Пудожья в результате взаимодействия русской и местной прибалтийско-финской (вепсской) традиций с элементами более ранней саамской основы⁴. Это вполне согласуется с более ранними высказываниями известного советского финно-угроведа Д. В. Бубриха о наличии вепсской топонимии как на западном, так и на восточном побережьях Онежского озера. Он считал, что чудь, на которую жаловался Лазарь Муромский, есть не что иное, как весь (вепсы), и подтверждал это топонимическими данными: «Заметим, что как раз эти места изобилуют вепсской топонимикой. Поражает выдержанностью вепсская трактовка свистящих и шипящих в районе озера Водлозера: перед нами Канзанаволок и т.д. и Варишпельда и т.д.»⁵. И далее он развивал это положение: «К востоку от Онежского озера Весь пользовалась западным входом в Заволочье, путем Онежское озеро – р. Водла с притоками – р. Онега, с которой можно было перебраться и на Северную Двину. Это указывают типично вепсские названия мест, типично вепсская

³ Захарова Е. В. Полукальки в топонимии восточного Обонежья // Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 123.

⁴ Муллонен И. Заметки о топонимии Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 192.

⁵ Бубрих Д. В. Русское государство и сформирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. Вып. 5. С. 10.

топонимика (поздней даты: обычно со свистящими, а после i – с шипящими – и т.п.) в этих местах»⁶.

В то же время ученый отмечал, что «топонимика Заволочья… к сожалению, не дает нам в желательном количестве справок насчет веси. Дело в том, что в древности специфичность речи была выражена относительно слабо, и весского происхождения названия в громадном количестве случаев невозможно распознать как таковые… Все же в некоторых названиях проглядывает весская, а не какая-то иная специфика»⁷.

Несмотря на отсутствие в достаточном количестве исходного топонимического материала, интуиция известного ученого позволяла ему делать выводы обобщающего характера в то время, когда топонимические исследования в Карелии, можно сказать, не велись⁸.

Вепсские названия мест, которые фрагментарно использовал Д. В. Бубрих, наиболее полно исследованы И. И. Муллонен. В настоящее время она является ведущим специалистом, автором многочисленных работ именно по вепсской топонимии, и не только в районе нынешнего проживания вепсов (Карелия, Вологодская, Ленинградская области), но и на более обширной территории их прежнего обитания. Что касается пудожской топонимии, то И. И. Муллонен, реконструируя топонимы со значением «путь, дорога» в восточном Обонежье (в сопоставлении с аналогичными в Беломорском крае), приходит к выводу о том, что данная территория испытала меньшее прибалтийско-финское воздействие. Это способствовало лучшему сохранению здесь более древней топонимии (например, названия с основой *ухт-*: Ухта, Ухозеро, Ухтинга и др.)⁹. Интересны наблюдения И. И. Муллонен над элементами

⁶ *Он же.* Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947. С. 27.

⁷ *Он же.* Русское государство… С. 12.

⁸ Более подробно об использовании Д. В. Бубрихом топонимических данных см.: Мамонтова Н. Н. О топонимических возвратах Д. В. Бубриха // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения: Сб. статей. СПб., 1992. С. 62–68.

⁹ Муллонен И. И. Древние дороги Обонежья // Природное и историко-культурное наследие Северной Финно-скандинавии: Материалы международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2003. С. 165–170.

«своего» и «чужого» при контактировании разноязычных топонимических систем Обонежья¹⁰.

Еще одно исследование этого автора посвящено сложной проблеме формирования границ Обонежской историко-культурной зоны, объективно обусловленных естественно-географическими факторами. Используя топонимические данные, в том числе и пудожские, например, известный только у вепсов географический термин *туганда* (узкое с быстрым течением место на реке), а также названия с основой *илес/илекса* и др., она обосновывает именно вепсские истоки топонимов в бассейне р. Водлы и Водлозера¹¹.

Топонимия Пудожья привлекает внимание и молодых исследователей. Так, объектом анализа ученицы И. И. Муллонен Е.В. Захаровой являются топонимы-полукальки. По ее наблюдениям, 2 тыс. пудожских топонимов (из 10 тыс. общего числа) имеют нерусское происхождение. При этом достаточно высокий процент прибалтийско-финских названий мест отмечен у поселений в окрестностях Водлозера, близ границы с Архангельской областью и тех, что находятся в отдалении от р. Водлы. Анализ типичных для всего Русского Севера подобных топонимов-полукалек (сложных названий с русским географическим термином и предшествующим ему определением нерусского происхождения типа Сяргозеро, Пергуба, Лехнаволок и т.д.) свидетельствует о разном характере прибалтийско-финско-русского контактирования на указанной территории. Согласно выводам автора, появление полукалек в топонимии Пудожья обусловлено двуязычием и постепенным обрушением местного прибалтийско-финского населения¹².

А. В. Приображенский рассматривает славянские элементы в топонимии Водлозерья на основе материала, собранного им в 1997 и 2000 г. и извлеченного из научной картотеки топонимов ИЯЛИ

¹⁰ Муллонен И. И. «Свое» и «чужое» в контактировании разноязычных топонимических систем Обонежья // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 1999. С. 16–17.

¹¹ Она же. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 332–348.

¹² Захарова Е. В. Полукальки в топонимии восточного Обонежья. С. 122–131.

КарНЦ РАН. Он выделяет четыре группы названий: топонимы до- и прибалтийско-финского происхождения без славянских лексических и словообразовательных элементов (Водла, Кевасалма, Варишлахта, Кивипелда и др.); собственно русские названия мест с лексемами, заимствованными от первожителей края (Лебяжья Луда, Сосновая Луда) и топонимы без этих элементов (Высокая Горка, Часовенное Поле, Каменные Нивы). Автор отмечает, что последняя группа – это, в большинстве своем, названия небольших объектов и что среди них зафиксировано много лексем именно из новгородских диалектов русского языка¹³.

Этим, по сути дела, ограничивается круг публикаций, в которых непосредственно рассматривается топонимия древней пудожской земли. Но существует множество других работ, в которых приводятся отдельные географические названия Пудожья или аналогичные им¹⁴. Необходимо также иметь в виду статьи Г. М. Керта¹⁵ и В. Т. Лескинена¹⁶ по саамской топонимии Карелии, труды И. И. Муллонен по вепской топонимии¹⁷, фундаментальное исследование субстратной топонимии Русского Севера А. К. Матвеева¹⁸. В указанных работах И. И. Муллонен и А. К. Матвеева, помимо распутывания сложнейших проблем этноистории этой огромной территории, осваиваемой на протяжении многих столетий разноязычным

¹³ Приображенский А. В. Славянские элементы в топонимии Водлозерья // Национальный парк «Водлозерский». Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 290–294.

¹⁴ См., например: Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1976. Изд. 2-е. 1982.

¹⁵ Керт Г. М. Некоторые саамские географические названия на территории Карелии // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 86–92.

¹⁶ Лескинен В. Т. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 79–88.

¹⁷ Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994; *Она же*. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

¹⁸ Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1–2. Екатеринбург, 2001–2004.

населением, на основе богатого фактического материала с использованием новейших методов исследования и технологий, содержится достаточно полная библиография работ как отечественных, так и зарубежных авторов XIX–XXI вв.

Данное сообщение не претендует на всеобъемлющий анализ литературы по заявленной тематике. Его цель скромнее – показать общее состояние изученности топонимии Пудожского края на сегодняшний день и вытекающие из этого исследовательские перспективы.

Л. А. Никифорова

ИСТОРИК ПУДОЖСКОГО КРАЯ Н. С. ШАЙЖИН: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

В музейном деле часто бывает так: потянешь за ниточку – размотаешь весь клубок. Так и в истории исследования судьбы известного карельского краеведа Николая Шайжина. Читая новый документ или узнавая свежие сведения об этом человеке, открывая все новые стороны его многогранной натуры.

Родился Николай Семенович 27 апреля 1879 г. в с. Нигижма Пудожского уезда¹. Его отец Семен (Симеон) Михайлович Шайжин в 1878–1905 гг. служил священником Нигижемско-Пречистенского прихода. Многие годы о. Симеон был также и законоучителем министерского двухклассного образцового училища в Нигижме. Он имел скуфью и медаль в память царствования императора Александра III. Скончался 11 ноября 1905 г. и был похоронен рядом с приходской церковью. В 1909 г. в церковь попала молния, возник сильный пожар, от которого пострадало кладбище, в том числе и могила о. Симеона. О матушке Н. С. Шайжина сведений почти нет. Известно лишь, что звали ее Александра Ивановна. В фондах Карельского государственного краеведческого музея сохранилась ее фотография 1914 г.

Н. С. Шайжин учился в Каргопольском духовном училище, затем – в Олонецкой духовной семинарии, а в 1905 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Параллельно с обучением в духовной академии прослушал курс в Санкт-Петербургском археологическом институте.

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 26. Д. 96. (Метрическая книга Нигижемско-Георгиевского прихода.)

Н. С. Шайжин

Один из младших братьев Николая Семеновича Александр также получил высшее образование в Санкт-Петербургской духовной академии, после чего с 1911 г. преподавал в Вологодской духовной семинарии. Информация о втором брате Михаиле Семеновиче более скучна: известно, что он в 1903 г. окончил Каргопольское духовное училище, а в 1912 г. учился в Юрьевском ветеринарном институте. Сестра Николая Шайжина Любовь Семеновна после завершения курса в Вытегорской прогимназии в

1898 г. поступила учительницей в женскую церковно-приходскую школу при Нижнегородско-Георгиевской церкви.

Педагогом, физиком по специальности, была и супруга Н. С. Шайжина Елизавета Ивановна. Необходимо упомянуть и о дочери Николая Семеновича Ирине, родившейся в 1917 г. в Вологде. Ирина Николаевна продолжила династию, стала преподавателем и проработала на естественно-географическом факультете Вологодского педагогического института с 1945 по 1976 г.

Н. С. Шайжин прожил в Петрозаводске восемь лет – с лета 1905 по лето 1913 г., служил в Олонецкой духовной семинарии и Петрозаводском духовном училище. Он преподавал обличительное богословие, историю и обличение русского раскола, активно публиковался в губернской печати.

Еще в период учебы в Петербурге Н. С. Шайжин увлекся устным народным творчеством. К сожалению, мы не знаем, когда он сделал первую фольклорную запись, но уже в 1903 г. в газете «Олонецкие губернские ведомости» появилась целая серия публикаций собранного им материала, удивительно разнообразного по жанрам. Среди текстов – разного рода приплачи: затюремная, рекрутская, вдовья; пословицы и поговорки; загадки; былины;

старинные песни. Шайжин также зафиксировал и опубликовал увиденный им в Нигижме свадебный обряд. Отдельную статью молодой исследователь посвятил говору нигижемских крестьян. Информаторами собирателя в ту пору были преимущественно жители родных для него пудожских мест: Семен Иванов (д. Климова), Н. В. Конихина (д. Корнышевская), Лукерья Ланева (д. Ижгора), Иван Федорович Митюшин (д. Рослякова), Афанасий Пантелеев (д. Ченежа), Тихон Александрович Фешев (д. Ижгора)², а также Настасья Степановна Богданова из Заонежья.

Среди этих людей особое внимание нужно уделить Настасье Степановне Богдановой (1861–1937). В газете «Олонецкие губернские ведомости» за 1909 г. ей, как широко известной к тому времени сказительнице и вопленице, была дана высокая оценка: «После смерти И. Т. Рябинина Богданова считается лучшей представительницей былинной поэзии Олонецкого края». Родина Н. С. Богдановой – д. Зиновьево Сенно-губского прихода. Выйдя замуж, она переехала в Петрозаводск, затем жила в Сямозерском лесничестве, где муж работал лесником. После смерти мужа в 1909 г. усилиями губернаторской четы Протасьевых ее устроили на жительство в Петрозаводскую земскую богадельню³.

Еще в 1902 г. инспектор народных училищ М. Н. Правдин впервые представил Богданову как одаренную сказительницу петрозаводскому обществу. С тех пор она нередко выступала в учебных заведениях губернского центра. Репертуар сказительницы был довольно обширным и разнообразным. Она знала 5 былин, более 600 стихов, сказки, причитания. В Петербурге композитор-священник Г. Я. Извеков при помощи фонографа сделал запись пения Богдановой.

Одно из наиболее значительных публичных выступлений Н. С. Богдановой состоялось 4 апреля 1908 г. в Петрозаводске в помещении общественного собрания. Она пела былины, духовные стихи, исторические и другие песни. В губернской газете сообщалось: «Представил ее обществу известный местный знаток олонецкого

² См.: Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т. Г. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 88, 136, 158, 180, 202, 296, 297.

³ Автобиография вопленицы Н. С. Богдановой // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 199–204.

фольклора Н. С. Шайкин, который в краткой, но интересной и прекрасной лекции предварительно познакомил слушателей с историей уцелевшего еще в Олонецкой губернии былинного эпоса. Богданова пела ариозно, спокойной плавной стародавней мелодией, приятным сопрано и выводила напев чисто, выдержанно. Как лектор Н. С. Шайкин, так и сама Богданова были награждены аплодисментами наполнившей всю залу публики, с живым интересом прослушавшей лекцию ученого и пение одной из последних хранительниц драгоценных жемчужин былого поэтического творчества русского народа. Вечер почтили своим присутствием губернатор, вице-губернатор, их супруги и вся местная интеллигенция⁴.

Известно также, что Н. С. Шайкин неоднократно приглашал Богданову для выступлений на своих публичных лекциях. В частности, исполненные ею фольклорные произведения послужили своеобразной иллюстрацией для лекции «Женская доля, по данным народной поэзии Олонецкого края», прочитанной Шайкиным 23 сентября 1909 г. в Народном доме Петрозаводска по поручению Общества распространения образования. В выступлении Н. С. Шайкин особо подчеркнул значение народной поэзии для освещения рассматриваемого вопроса. По его мнению, именно олонецкая крестьянка являлась основной созидающей и хранительницей произведений народной поэзии, особенно в области лирики. В ходе лекции он рассмотрел положение девушки в родительском доме; досвадебную обрядность: беседы, «ряжение и игрища», гулянья; различные формы брака: умыкание, куплю-продажу невесты, договор, свободный выбор; участь девушки в чужой семье; участь вдовы и солдатки. Поднимался также и вопрос о правовом положении женщины⁵.

Наряду с народной поэзией Н. С. Шайкин заинтересовался историей родного Пудожского края. В марте – июне 1905 г. в 16 номерах «Олонецких губернских ведомостей» был опубликован его историко-бытовой очерк «Старая Пудога с XIV по XVIII век», через год вышедший также отдельным изданием. Эта книга, напи-

⁴ Сказительница былин Н. С. Богданова // ОГВ. 1908. 8 апреля.

⁵ Объявление о лекции Н. С. Шайкина в Народном доме 23 сентября 1909 г. // ОГВ. 1909. 19 сентября.

санная автором в основном на базе собственных наблюдений над данными летописей, писцовых книг и средневекового актового материала, стала первым историческим сочинением о Пудожском крае. Увлечение народной поэзией и историческим прошлым привело Шайжина в круг близких ему по духу и интересам людей. 8 октября 1905 г. он был избран членом Олонецкого губернского статистического комитета. В журнале общего собрания зафиксировано решение об избрании «Н. С. Шайжина, известного ценными статьями о Пудоже и его окрестностях»⁶.

В составе статистического комитета раскрылись новые интересы Н. С. Шайжина. В 1906 г. он занимался устройством отдела нумизматики для губернской научно-художественной выставки, проходившей в Петрозаводске в Назарьевском доме. В обширной экспозиции отдела была представлена и его личная коллекция монет.

В марте 1908 г. на собрании членов статистического комитета Николай Семенович выразил намерение объехать северо-восточную часть Заонежья с целью приобретения рукописей XV–XVII вв., редких старопечатных книг и вещей церковного и домашнего обихода. Собрание постановило: «Назначить Н. С. Шайжину 100 руб. на приобретение предметов старины и рукописей, представить счета и доложить статкомитету о поездке. А также выдать бесплатные подводы летом текущего года»⁷.

Экспедиция, в ходе которой Н. С. Шайжин обехал Пудожский, Петрозаводский и Вытегорский уезды, оказалась успешной. Наиболее значимыми из найденных им памятников древности являлись 24 рукописи, которые Шайжин приобрел в Коловской и Нижнекемской волостях Пудожского уезда. Собрание это по ценности значительно превосходило затраченную на него сумму. Большинство рукописей имели внушительную древность – 200, 300 и даже более лет. Что касается содержания рукописей, то, как и следовало ожидать, преобладали памятники церковно-учительной литературы, особенно характерные для XV, XVI и XVII вв., от XVIII в.

⁶ Журнал общего собрания Олонецкого губернского статистического комитета // ОГВ. 1905. 18 октября.

⁷ То же // ОГВ. 1908. 20 мая.

имелись рукописи и светского характера. Печатных изданий в собрании было всего два-три.

В отчете собиратель указал на определенные трудности, с которыми ему пришлось столкнуться. Например, о нахождении рукописи у того или иного крестьянина приходилось узнавать почти всегда случайно, а, найдя и просмотрев ее, иногда не удавалось купить, так как владелец не хотел расставаться с реликвией. В случае же согласия на продажу, хозяин, не зная настоящей цены рукописи, старался «заломить» высокую цену за «родительское благословение». Так, за одну псалтырь XVI в. в д. Сума с Шайжина попросили три червонца, и он не смог купить ее, а за рукописный сборник XVI–XVII вв. сначала хотели взять не менее 25 руб. и только после продолжительных переговоров уступили за 8. Цены были высокими не только благодаря стяжательским устремлениям некоторых владельцев, но и из-за большого числа желающих купить старинные книги. Николай Семенович сокрушался, что рукописи пропадают для науки, оседая в собраниях доморошенных «антиквариев» или оставаясь у крестьян. Ведь не осознавая истинной ценности книги, они нимало не заботились о своем «родительском благословении», которое нередко в пыли и сырости валялось в чуланах и на задворках. Многие вывезенные собирателем рукописи также были подмоченными, со следами плесени и остатками опилок между листов.

Кроме рукописей, Н. С. Шайжин передал в статистический комитет приобретенные им старинные вещи: собрание деревянных крестиков, деревянный «ковш круговой», два стола различной величины, отличающиеся также резьбой и устройством столовых досок. Предметы передали в музей, а отчет о поездке был опубликован в «Олонецких губернских ведомостях». Члены статистического комитета публично выразили глубокую признательность Н. С. Шайжину и обратились к нему с просьбой «впредь не отказать своими полезными услугами в деле обследования нашей родной старины»⁸.

⁸ Отчет Олонецкому губернскому статистическому комитету действительного члена Н. С. Шайжина, командированного для собирания памятников древности летом 1908 г. // ОГВ. 1909. 12, 16 мая.

Летом 1909 г. Шайжин совершил еще одну поездку с собирательской целью в Пудожский и Каргопольский уезды. На сей раз список привезенных предметов был не менее внушительным: 33 рукописи, 2 лубочные картинки («Пьян да глуп – больше не бьют», 1858 г., и «Медвежья пляска», 1878 г.), каргопольский кошник, шитый золотом, 2 старинные медные чашки, швейка. Все эти предметы поступили в губернский музей⁹.

Экспедиция 1910 г. была особой. Статистический комитет предложил Н. С. Шайжину и И. И. Благовещенскому подготовить материал о пребывании в Олонецкой губернии инокини Марфы (матери первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича). Об этой поездке и ее результатах довольно подробно рассказал сам Николай Семенович в книге «Заонежская заточница – великая государыня инокиня Марфа». Он, в частности, отметил, что «самое энергичное содействие членам Статистического комитета оказал торгующий крестьянин Иван Васильевич Захарьев, который приобрел у членмужских обельных вотчинников Ключаревых два портрета – великой инокини Марфы и царя Михаила. Портреты Захарьев пожертвовал в олонецкий музей». В газете «Олонецкая неделя» Шайжин описал и ценный исторический документ, обнаруженный им в экспедиции: «“Жалованная грамота царя Михаила Федоровича толвуйским обельным крестьянам Гледзуновым”, датированная 20 февраля 1617 г. При грамоте на красном целковом шнуре большая государственная печать красного воску (не целая)»¹⁰. В фондах Карельского государственного краеведческого музея в составе коллекции Шайжина есть негатив с изображением некой грамоты с круглой печатью. По всей видимости, это именно та самая грамота.

Николай Семенович Шайжин пользовался доверием Николая Васильевича Протасьева, олонецкого губернатора в 1902–1910 гг. Они вместе ездили на пароходе в Заонежье для обследования

⁹ Отчет Олонецкому губернскому статистическому комитету действительного члена Н. С. Шайжина, командированного для собирания памятников древности летом 1909 г. // Там же. 1910. 14 января.

¹⁰ Шайжин Н. С. Ценный исторический документ // Олонецкая неделя. 1911. 24 апреля.

мест, связанных с пребыванием там царицы Марфы. Известно также, что Шайжин подготовил «Исторические данные о роде дворян Протасьевых (рязанской ветви)». Долгое время эта работа хранилась в Москве у родственницы Протасьевых А. Н. Киселевой. К сожалению, пока следы рукописи обнаружить не удалось.

Н. С. Шайжин любил путешествовать. Как географа, его интересовала карельская природа, ландшафты. Он исследовал олонецкий мрамор, историю его разработок и использования. Особое внимание Шайжина привлекали карельские водопады. В 1907 г. он издал сборник «Олонецкие водопады. Кивач, Пор-порог и Гирвас в описаниях туристов». Уникальность книги состоит в том, что, с одной стороны, это путеводитель, включающий в себя карты, описание путей сообщения, возможностей проезда к водопадам, списки меблированных комнат и гостиниц, указатели стоимости проезда и прочие справочные сведения. С другой – это сборник живых впечатлений, оставленных очарованными природным феноменом путешественниками, включая знаменитые державинские строки: «Алмазна сыплется гора...» В издании опубликованы 14 видовых фотографий, а также список литературы по олонецким водопадам. Особое внимание привлекает подзаголовок на титульном листе книги: «Поэзия северно-русской природы».

В 1912 г. на организационном заседании Олонецкого епархиального историко-археологического комитета Н. С. Шайжина избирают членом создаваемого комитета, целью которого было сохранение и приумножение ценностей древлехранилища Александро-Свирского братства.

Однако в 1913 г. по обстоятельствам, не выясненным до сих пор, Николай Семенович покидает Петрозаводск и переезжает в Вологду. Здесь он работал в духовной семинарии, женской гимназии, а после революции – в городских школах № 4 и 7 и в школе политпросвета. Позднее в звании профессора читал курс этнографии в Вологодском педагогическом институте. В 1920-х гг. он был активным членом Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК), одно время занимал пост товарища (заместителя)

председателя этой краеведческой организации¹¹. В дальнейшем активно сотрудничал с областным краеведческим музеем.

За плодотворную педагогическую и общественную деятельность Н. С. Шайжин был награжден орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», знаками «Почетный железнодорожник» и «Ударник сталинского призыва». Скончался в 1950 г. в Вологде, где и похоронен. В Карельском государственном краеведческом музее хранится коллекция личных вещей, документов, наград и фотографий Н. С. Шайжина, переданных супругой и дочерью исследователя-краеведа в 1962 и 1988 г.¹²

Основные публикации Н. С. Шайжина

1. Андрей Петрович Воронов [некролог] // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 г. Петрозаводск, 1912. С. 85.
2. Говор крестьян Нигижемской волости Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1903. 29 ноября, 2, 4, 6, 9, 11, 13, 16 декабря.
3. Зависимость областного олонецкого наречия от наречий и говоров прибалтийских, прикамских и приволжских финнов в лексическом отношении // ОГВ. 1903. 8, 15 апреля.
4. Загадки, записанные в Нигижме, Пудожского уезда Олонецкой губернии // ОГВ. 1903. 25, 28 октября.
5. Заонежская заточница – великая государыня инокиня Марфа Ивановна. Петрозаводск, 1912.
6. Заонежские «гуляй-кабаки» XVII века и борьба с ними населения // Олонецкая неделя. 1911. 16 мая.
7. Затюремная припальч в Нигижме // ОГВ. 1903. 8 мая.
8. Из жизни Олонецкого края в Отечественную войну // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1912 г. Петрозаводск, 1912. С. 35–48.
9. Из истории медицины в Олонецком крае: Открытие первой больницы в Петрозаводске (1785 г.) // Вестник Олонецкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1908. № 7/8. С. 47–49.

¹¹ Северный край (Вологда). 1922. Кн. 1.

¹² Карельский государственный краеведческий музей. Ед. хр. 431, 782, 25660–25700.

10. Из прошлого Олонецкого края // Олонецкая неделя. 1911. 17 апреля, 8, 22, 29 мая, 12 июня, 17 июля.
11. Исторические данные о новгородской колонизации Обонежья: Административное разделение края на два наместничества, Новгородское и Каргопольское // ОГВ. 1912. 19 января.
12. К материалам по народной словесности. Сб. 1. Пословицы и поговорки, записанные в Нигижме Пудожского уезда. Петрозаводск, 1903.
13. К материалам по народной словесности. Сб. 2. Петрозаводск, 1903.
14. Новгородские бояре-скотники и помужники Толвуйской земли и их дарственная грамота (начало XV в.) Палеостровскому Богородицкому монастырю // ОГВ. 1904. 13 января.
15. Олонецкие водопады. Петрозаводск, 1907.
16. Олонецкий край по данным местного фольклора // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1908 г. Петрозаводск, 1908. С. 289–306; То же на 1909 г. Петрозаводск, 1909. С. 192–229.
17. Олонецкий мрамор в музее императора Александра III в СПб. Исторические сведения об открытии мрамора и поставок его // Олонецкая неделя. 1911. № 21, 28.
18. Олонецкий фольклор (Похоронные притчания волгеницы Н.С. Богдановой) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск, 1910. С. 194–212.
19. Олонецкий фольклор. Былины. Петрозаводск, 1906.
20. Олонецкий фольклор. Критико-библиографический очерк // ОГВ. 1905. 8, 12, 19, ноября, 1, 3, 9, 15 декабря; 1906. 9, 14, 16, 18, 21, 25 февраля, 9, 11, 16, 21, 23, 28 марта, 18, 23, 25, 29 апреля, 4, 10, 13, 18, 24, 27 мая.
21. Олонецкое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении. Петрозаводск, 1907.
22. Отхожие промыслы крестьян Олонецкой губернии в конце XVIII в. // ВОГЗ. 1908. № 18. С. 20–21.
23. Памяти исследователя Олонецкого края А. Ф. Гильфердинга // ОГВ. 1908. 13 мая.
24. Пословицы и поговорки, записанные в Нигижме, Пудожского уезда Олонецкой губернии // ОГВ. 1903. 17, 20 мая.
25. Припльчи вдовы по мужу, убитому на Дальнем Востоке. Записано от крестьянки Пудожского уезда Нигижемской волости, дер. Корнышевской Н. В. Конихиной // ОГВ. 1905. 15, 20 октября.
26. Рекрутская припльчи в Нигижме // ОГВ. 1903. 13 мая.

28. Свадьба в Нижнем, Пудожского уезда Олонецкой губернии // ОГВ. 1903. 30 октября, 1, 4, 6, 8, 11, 13, 15, 18, 20, 25, 27 ноября.
29. Слава святителя чудотворца Николая в Олонецком крае. Петрозаводск, 1909.
30. Современная народная песня – частушка // ОГВ. 1903. 17, 22, 24 апреля.
31. Современное русское иконописание // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 10. С. 399–403. № 11. С. 433–436.
32. Старая Пудога с XIV по XVII век (Историко-бытовой очерк). Петрозаводск, 1906.
33. 100-летний юбилей Петрозаводского духовного училища. Петрозаводск, 1909.

Н. С. Шайжин

СТАРАЯ ПУДОГА С XIV ПО XVIII ВЕК (ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ ОЧЕРК)

Впервые работа Н. С. Шайжина увидела свет в газете «Олонецкие губернские ведомости» в номерах за март – июнь 1905 г. Через год, в 1906 г., она вышла в Петрозаводске отдельным изданием. До сих пор это исследование, основанное на большом количестве исторических источников, сохраняет не только историографическую, но и краеведческо-познавательную ценность.

В основу данной публикации положен текст отдельного издания 1906 г. Он приближен к правилам современной орфографии и пунктуации. Примечания, отмеченные звездочками, принадлежат Н. С. Шайжину и оставлены без изменений. В конце публикации приводится расшифровка этих авторских ссылок. В затекстовых ссылках даются комментарии к тексту, подготовленные А. Ю. Жуковым с учетом современных научных представлений. Они отмечены арабскими цифрами.

I. Время возникновения поселений

Под общим просторечным названием Пудоги, кроме г. Пудожа, теперь разумеют очень нередко весь Пудожский край, равно как под название, например, Каргополя, Вытегры подводятся многие местности этих уездов. Но в древности именем Пудоги*, входившей в состав Обонежской пятины, означалась только юго-западная часть нынешнего Пудожского уезда, погосты-округи Водлозерский, Пудожский и Шальский, вся же северо-восточная часть края,

* Впервые название это встречается в III Новгородской летописи под 6959 (1448) г.; «Каргополе и Пудогу пограбиша шестники».

лежащая за водоразделом рр. Водлы и Онеги, относилась к Каргополью, а вместе с ним к Заволоцкой земле, или Заволочью^{*1}. Нас

* И. Калита завещает своему сыну все пять пятин Новгородских и Каргополь и волости на Ваге и Двине... и (вообще) всю Заволоцкую землю. См. также границы на карте при «Новгородских пятинах» Неволина.

¹ *Ныне самым древним утюминанием о Пудоге считается текст новгородской грамоты на бересте № 131, датированной концом XIV в. В ней перечислены районы обширной вотчины новгородского феодала, с которых сборщик податей собирал платежи. В частности, сборщик докладывал, что был в Пудоге в праздник русалий и взял с местных крестьян арендную плату – «празгу» – за пользование угodyями (видимо, с рыболовного промысла в Водле). К тому же времени относится берестяная грамота № 2, содержащая список государственных налогов с селений Водлозерского погоста. Обе грамоты на бересте опубликованы, им посвящена обширная научная литература (см.: Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 20–25 (№ 2); Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 68–71 (№ 131); Попов А.И. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Труды КФАН. Вып. XII. Петрозаводск, 1958. С. 95–100; Хямляйнен М.М. О статье А.И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах» // Там же. С. 101–103; Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 280–283; Жуков А.Ю. Водлозерье и Водлозерский погост в X–XV вв. // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 256–267 и др.). Что касается утверждения Н.С. Шайжина о делении государственной территории Великого Новгорода на пять пятин, то оно не подтверждается наличными источниками. Великий князь Московский и Владимирский Иван I Данилович Калита завещал сыну Симеону Городу не пятину, а власть над землями, входившими в великое княжение Владимирское, в т.ч. над всей Новгородской землей, над Заволочьем и Двинской землей. Новгородская феодальная республика делилась на тысячи и земли. Так, территория нынешнего Пудожского района (бывшие погосты Шальский, Пудожский и западная половина Водлозерского) входили в Обонежскую тысячу. После того как в 1478 г. Новгородская республика вошла в состав объединившейся под властью Москвы России, в самом конце XV в. из новгородских земель были образованы пять военно-мобилизационных округов, получивших название «пятин». Пудожский край вошел в состав Обонежской пятини. В середине XVI в. на основе пятин были образованы судебно-следственные и податные округа – «половины», и погосты на берегах Онежского озера, а также в Посвирье и Выгозерье составили Заонежскую половину Обонежской пятини. (История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.)*

интересуют в настоящий момент исторические судьбы только Пудожского и Шальского погостов, то есть местностей, расположенных в бассейне р. Водлы и по частям составлявших вотчинные владения Юрьева Новгородского, Муромского и Палеостровского монастырей (до 1764 г.), государя царя и великого князя (в конце XV в.), новгородских боярынь Настасьи Григорьевой*, Ксении Есиповой, известной посадницы Марфы Борецкой и бояр Ивана Немирьева, Никиты Грузова, Федора Худякова, Ивана Фомина, Селифона Твердислава и (в начале XVII в.) Федора И. Морозова**2.

Первый раз в актах древней России Пудожский и Шальский погосты упоминаются как олонецкая вотчина Юрьева монастыря и вместе владение великого князя*** в «Обводной книге Юрьева монастыря 1391 г. 25 августа», одной из древнейших русских юридических грамот. «В лета 6890 году августа в 25 день», читаем в «Обводной книге», из Великого Новаграда Юрьева монастыря вотчина возли Онига озера Спасской погост Шальской да Никольской Пудожской выставок, волости тех же погостов Негыжийская, и Отаозирская и Купинская, и на Карбоозири крестьянских их пашенных и не пашенных земель и всяких угодей и рыбных ловель и бору и мхов и поверстного лису той земли межевые обводные

* Той самой, к которой обращался преп. Александр Ошевенский.

** Гакукские деревни на р. Гакуксе, впадающей в Муромское озеро, принадлежали к Андомскому Никольскому погосту и издревле были вотчиной Муромского монастыря, данной князем Василием Ивановичем Новгородским Вячеславом, см.: «Муромский монастырь» Докучаева-Баскова.

² Все перечисленные вотчинники Пудожского края являлись новгородскими феодалами. С присоединением Новгорода к Москве в 1480-х гг. их ре-прессыровали, а вотчины попали в «волость князя великого», т.е. были конфискованы в пользу государства. Впрочем, в источниках XVI–XVII вв. эти государственные земли иногда, в частности в писцовых книгах, назывались по именам их бывших новгородских владельцев. (Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1.)

*** «По правую руку реки Шалы земля великого князя кристиан да Юрьева монастыря кристиан»...

книги»^{*3}. С некоторым правом решаемся, впрочем утверждать, что эти же земли Юрьева монастыря и под общим названием земель «на Волоце» разумеются еще в грамоте Иоанна Калиты (всероссийский великий князь с 1328 по 1340 г.): «Се аз князь Иван Данилович пожаловал есмь... святого деля Юрья архимандрита Есифа, и всей братии, что земля св. Юрья на Волоце, кто сядет на земли (сей), не надобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в корм, ни в стан, ни в который протор, а волостелем их волоцким на Волоце не судити опричь татьбы и разбоя и душегубства, а то судит их человек св. Юрья, а коли размире князю великому с Новым городом, а тогда из в безадшину не оставити, не обидети их в то время, но живут оприснь в брезе (в охране) князя великого...»^{**} Основания для утверждения следующие: а) Заонежская Юрьевская вотчина большей своей частью (восточной) лежит именно на волоцке между рр. Водлой и Онегой, в) Юрьевских владений на других волоках, Ламском^{***}, Вышнем, например, в XIV в. не было, как показывает история Юрьева монастыря^{****}, с) под землями «на Волоце» нельзя разуметь земли Волотова поля^{*****} (пахотной на 45 ½ четвертей и 6 десятин сенокосной), где в 1352 г. основан был самостоятельный монастырь, только в 1764 г. приписанный к Юрьеву, д) а, главное, И. Калита не мог бесконтрольно распорядиться зем-

* Калачев. Акты юридического быта древней России. Т. 2. № 134; Олон. губ. вед. 1852 г. № 48–49. «Обводная книга» напечатана здесь по списку XVI в.

³ В настоящее время доказано, что так называемая «Обводная книга» 1391 г. (у Н.С. Шайжина – «Обводная книга»), фиксировавшая границы («обод») вотчины Новгородского Юрьева монастыря, является поздней подделкой, совершенной, судя по манере письма, в середине XVII в. См.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 359.

^{**} История российской иерархии. Ч. 6. С. 775–786. Юрьев монастырь, грамоты.

^{***} 7 пустошей у р. Черницы пожалованы только в 1692 г. (История российской иерархии. Ч. 6. С. 793–804).

^{****} Юрьев Новгородский первоклассный монастырь. Иеромонах Валентин (Ключарев). 1893 г.

^{*****} Волотово поле в 3 верстах на восток от Новгорода. Здесь стоял идол Велес, или Волос, и было поле, где новгородцы погребали своих богатырей; подле, в саж. в 20 от церкви Успения, находится погребальный холм Гостомысла (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII. С. 103).

лей под самыми стенами господина Великого Новгорода (Волотово поле в 3 верстах на восток от города), между тем как к этому он имел полную возможность на заонежской и заволоцкой окраине. Здесь была сильная чересполосица, так как посреди новгородских владений, были рассеяны земли, принадлежавшие другим князьям. Указанная чересполосица вела к частым усобицам, которыми и пользовался великий князь. В качестве верховного главы удельных князей он принимал сторону последних и захватывал у новгородцев лучшие земли^{*4}.

Что касается времени первоначального возникновения русских «страдомых деревень» на местах лопарских и чудских становищ в Пудоге, то на достаточных основаниях время это должно определять гораздо ранее XIV, но не прежде XI–XII вв., хотя Е. В. Барсов и склонен думать, что в устье реки Черной (до конца XVIII в. носившей название Нигижемской^{**} , на месте древней деревни Бесов

* Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Семенова. Т. III. С. 76.

⁴ Древнейший новгородский монастырь св. Георгия (Юрия) владел обширными землями в самой Новгородской земле. Трактовка слов жалованной грамоты великого князя Ивана Калиты монастырю о землях «на Волоце» как землях «между рр. Водлой и Онегой» не имеет основания, т.к. сами погосты – районы вокруг Онежского озера – активно возникали в XIII–XIV вв., а массовая вотчинная колонизация окрестных земель боярами и монастырями Великого Новгорода началась во второй половине XIV в. (История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 84–85). Вотчина Юрьева монастыря в Обонежской Карелии располагалась только в Шальском и Пудожском погостах, а земли по Кенскому волоку и рядом с ним находились в другом погосте – Водлозерском и принадлежали новгородским боярам (Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г.; Жуков А.Ю. Водлозерье и Водлозерский погост в X–XV вв.).

^{**} В грамоте новгородских посадников Ивана да Волоса Муромскому монастырю (не позже, кажется, XII в.) при указании границ жалуемой земли говорится: «От Онега в Андомской губе... к Великому Камению... да на Чермозу... да на Нигижемские реки верховья, да через великой мох на Сомбу реку»... (Христианское чтение. 1886 г. С. 170; Муромский монастырь. Докучаев-Басков. См. также дело о переводе старцев из Палеостровского монастыря в Муромский. Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887 г. Т. III.) Даже в Географическо-статистическом словаре Российской империи Семенова. Т. III. С. 429, читаем: «Нигижма река образуется южнее Пудожа из слияния рек Юги и Черной...» Stuckenberg hidr. III, 583. Но уже Озерецковский в описании своего путешествия по Ладожскому и Онежскому озерам в конце XVIII в. называет эту реку при ее впадении в Онего Черной.

Нос, новгородские славяне жили еще до принятия христианства⁵. Вот интересная по этому вопросу выдержка из реферата Е. В. Барсова «Об олонецких древностях». «Есть, по видимому, указания, – говорит он, – о древнейшем существовании на Обонежье новгородского племени в отдаленную эпоху языческую. На восточном берегу Онежского озера находится небольшое селение Бесовец (название д. Бесов Нос передано здесь неправильно. – *Н. Ш.*). Местность, на которой оно находится, имеет вид террасы, вершину которой занимает само, а скаты идут к (Онегу) озеру и впадающей в него Черной речке. Берег Онега недалеко от селения изгибается в правильный полукруг и образует пространную и красивую бухту, на оконечностях которой лежат два гранитных мыса, носящих по изображениям, иссеченным на них неизвестной рукою и в неизвестное время, название “беса” и “бесихи”». (Снимок с этих изображений приложен к «Известиям Русского географического общества» 1870 г. С. 68.) Главная фигура, имеющая подобие человека, представляется длиною в сажень; прочие изображены относительно к этой последней. Первый из упомянутых мысов называется также Крестовым, по двум изображениям креста, прибавленным, как видно, впоследствии, второй удержал и древнее свое финское имя Пелий (*pel* – с зырянского и пермяцкого – ухо).

Народное предание передает об этих мысах следующую незатейливую историю.

«Бес и бесиха, нежные супруги, жили на берегу своим хозяйством; вдруг почему-то бес задумал перенести свой дом дальше и, свив веревку, потащил мыс в озеро; но, вероятно, он, надорвав

⁵ По всей видимости, русское население стало закрепляться на р. Водле со второй трети XIII в., тогда же, когда первые русские поселенцы обосновались на восточном берегу Заонежского полуострова. (Подробнее см.: История Карелии... С. 74.) В настоящее время выяснено, что Успенский Муромский монастырь возник в середине – третьей четверти XIV в., а в конце XIV в. у него появилась вотчина в Пудожском крае (Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 50). См. также прим. 12.

силы, успел оторвать только один угол, который с ним вместе и упал в воду». Поводом к такому объяснению послужила, конечно, огромная глыба гранита, отторгнутая переворотом от берегов однородной с нею массы и выходящая на поверхность вод в расстоянии нескольких десятков сажен от первого мыса.

Полагают, что в этих очертаниях изображено финское божество Вяйнямейнен, управляющее водами и сушей и разделяющее власть со своей супругой. Но, принимая в соображение низкий уровень нравственного развития живших здесь финских племен, трудно допустить, чтобы эти изображения, отличающие более или менее развитую мифологию, принадлежали этим аборигенам. Начертание таких образов, как например, циркуля, пилы и чего-то вроде зеркала, находящихся здесь, скорее должно быть приписано более развитому новгородскому племени, лишь только в более отдаленный период⁶.

Как с принятием христианства начертание крестов на камнях составляло его особенность, так, вероятно, в период язычества подобным же образом были деланы начертания мифические, как можно видеть близ с. Видлицы в Олонецком уезде, такого же рода языческие изображения на одном камне*.

По нашему мнению, бесоновские скалы с насечками на них в период языческой и христианской древности были, несомненно, местом умилостивительных жертвоприношений и молитв со стороны как лопарей и чуди, так и проезжавших мимо новгородских ушкуйников. Даже в XVI в. на севере Руси было в обычай суевер-

⁶ Наскальные изображения (петроглифы) создавались в эпоху неолита, в конце IV–III тыс. до н.э. (История Карелии... С. 24–31). Этническая принадлежность населения Карелии того времени не определима. Однозначно, что «авторство» петроглифов не может быть приписано ни русским, ни прибалтийско-финским поселенцам – древним венсам, заселявшим берега Онежского озера в первые века II тыс. н.э., и их предшественникам саамы, кочевавшим по землям Пудожского края в I тыс. н.э. Что касается выбитого поверх фигуры «беса» православного креста, то действительно, его сделали русские поселенцы, скорее всего, монахи соседнего Муромского монастыря.

* Труды Московского археологического общества. 1878 г. Т. VII. Вып. III. С. 214–232; Олонецкий сборник. Вып. III. С. 178–181.

ное почитание скал и камней, как об этом свидетельствуют Герберштейн, посол (в 1517 г.) императора Максимилиана, и англичанин Антоний Дженкинсон, посетивший Русь в 1557 г. Герберштейн, давший в своих записках о Московии подробное описание всех местностей Московского царства и только об одном Онежском водоеме не обмолвившийся, к сожалению, ни словом, пишет: «Один из спутников великокняжеского посла Григория Истомы при проезде Семиостровского становища на Белом море, ночью тайком вылезал на скалу Семь, чтобы принести жертву, конечно не скале, а тому, к кому он мысленно обращался с мольбой о милости и помощи. Хотя он и совершал языческий обряд, тем не менее можно предполагать, что он был христианин, а не инородец-язычник»⁷.

Дженкинсон тоже говорит, «что на Белом море у мыса Святой Нос (Svetinose) лежит большой камень, которому проходящие ладьи (Barkes) обыкновенно приносят в жертву масло, муку и другие припасы, полагая, что в случае отказа в этом приношении ладьи и другие суда должны погибнуть, что часто и случалось»⁸.

В объяснение приведенных языческих обрядов жертвоприношения на прибрежных скалах, обрядов, имевших место у православных русских поморов XVI в., Е. Замысловский* пишет: «Как

⁷ Цитируются строки из главы «Записок Герберштейна» «Плавание по Белому морю». Упомянутый Григорий Истома (Малый) – переводчик при дворе Василия III Ивановича (1505–1533 гг.). Последнее по времени переводное издание «Записок...» более точно передает оригинальный текст С. Герберштейна и упоминаемые в нем географические названия. Так, становище на скале Семь передано как остров Семес, ныне остров Кувшин, один из группы, называемой Семь островов. Издание снабжено обширными научными комментариями (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988).

⁸ Дженкинсон Антон (ум. в 1611 г.) – английский купец и дипломат, четыре раза посещал Россию (с 1557 по 1572 г.) в царствование Ивана IV Васильевича Грозного (1533–1584 гг.). Перевод на русский язык его воспоминаний о России опубликован в книге «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» (Л., 1937).

* Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884 г. С. 104–109.

известно, у обитателей стран, лежащих на крайнем севере Европейского материка, и в христианскую эпоху долго сохранялось религиозно-нравственное и поэтическое наследие языческой эпохи, и не потому только, что они поздно приняли христианство. Живя среди постоянных лишений и опасностей и на суше, и на море, отчужденные от постоянных и непрерывных сношений с другими, они, естественно, долго сохраняли обряды, которыми поддерживалась вера в легкую возможность обеспечить себя от частых опасностей, сохраняли и сказания, в коих находили живое олицетворение сил природы. Жители Исландии сберегли песни Эдды, жители Норвегии и до настоящего времени отличаются обилием суеверий; мы еще недавно были свидетелями открытия на нашем севере (разумеется Олонецкий край. – *H. Ш.*) новых высокозамечательных произведений народного творчества древнейшей эпохи – былин записи Рыбникова и Гильфердинга и притчаний Барсова. Поэтому нет ничего невероятного и в описанном выше обряде жертвоприношения, который совершали поморы в XVI в., видеть обломок русской старины: в X в. русские промышленники, ездившие на лодках по Днепру в Черное море, приносили жертвы на острове, лежащем за опасными порогами днепровскими».

Сохранению до позднейшего времени обычая жертвоприношений могли немало способствовать постоянные сношения русских с финнами, боготворившими камни и скалы. Морское божество, по понятиям финнов, имело свое пребывание в пестром камне на дне океана, и вообще с каждым, чем-нибудь замечательным камнем связана у них была особая легенда. «Боготворение камней и до сих пор составляет одну из выдающихся особенностей лопарей. Везде, где говорят языком лопарским, – замечает Кастрен, – слышны предания о Сейде, Сиейде, то есть об идолах из камня, в которых, по понятиям лопарей, живет божество, и ему они приносят жертвы, по большей части из рогов и оленых костей». Эти верования финнов и соединенные с ними религиозные обряды имели в продолжение долгого времени сильное влияние на русское население, даже там, где последнее скорее, чем на севере, утрачивало следы мифических воззрений. Сохранилось, например, указание на то, что

переяславцы до XVII в. боготворили камень, лежавший на буераке за Борисоглебским монастырем, где в глубокой древности обитали финны⁹.

Возвращаясь теперь к вышеизложенному преданию о бесоновских скалах, заметим, что хотя мнение Е. В. Барсова о жительстве здесь славян в языческий период и может казаться крайним, но более или менее раннее появление новгородских славян в Заонежье вполне допустимо. Дело в том, что населенные пудожские пункты большую частью расположены непосредственно на одном и притом главном из трех древнейших путей, по которым совершилась первоначальная колонизация славян новгородских в Заволочье. Путь этот шел по р. Волхову на Ладожское озеро, из него Свирию в озеро Онежское и оттуда р. Водлой в озеро Водло, а через него далее за волок на Мошу¹⁰. Этим путем, по Шегрену, совершены были в XI в. походы на Ямь – победоносный Владимира, сына Ярославова, в 1042 г. ** и несчастный в 1079 г., в котором 30 мая убит был за Волоком князь Глеб, сын Святослава (История Соловьева, I, 1226). Имея в виду известие летописного свода Татищева, что последний

⁹ «Финнами» Н.С. Шайжин называет и различные современные прибалтийско-финские народы (финнов, карелов, венгров), и древнюю, но исчезнувшую ныне народность мерю (она проживала на территории нынешних Московской и Владимирской областей), и даже саами. Все эти народы, не будучи родственными по крови, принадлежат одной финно-угорской языковой общности.

Второй путь шел через Шексну, озеро Лаче, р. Онегу к Белому морю, а третий – через Кубенское озеро столь же древний. Пушкин. Описание Российской империи 1844 г. I. С. 24–25.

¹⁰ С запада, по Водле, на Кенский волок попадали не через Сухую Водлу и Водлозеро, а по левому притоку Водлы р. Череве. Затем суда тянули по волоку, а потом через оз. Волоцкое в Кенозеро и по р. Кене на р. Онегу. По притокам рек Онеги, Сев. Двины, Мезени и Печоры новгородцы добирались вплоть до Северного Урала. Подробнее об освоении Пудожского края и Водлозерья в связи с волоковой трассой см.: Жуков А.Ю. Водлозерье и Водлозерский погост в X–XV вв. С. 255–261.

** «Иде Володимер, сын Ярославъ, из Новагорода на Емъ и победи их и плениша множество Еми и помропша кони у вои Володимеровыхъ, яко дышащим им сдираху кожу с них живыхъ, толико бе морлют на кони». Полное собрание летописей. XV. Тверская. 142. V. Софийская. 157. III. Новгородская первая. 3, I. Лаврентьевская. 16, 85.

из этих походов относится к Ями, жившей на р. Емце, притоке Северной Двины, Шегрен склоняется к тому мнению, что в 1042 г. новгородцы столкнулись с самыми южными ямнями, жившими по ту сторону Волока (в 20 верстах от Водлы, около Муромского монастыря, эти «страшевые сыроядцы» продолжали жить еще и в половине XIV в., см.: Житие преподобного Лазаря Муромского), а 37 лет спустя вступили в самый Волок и узнали, что Ямь распространялась и там, в Заволочье. Можно думать затем, что по пути Владимира и Глеба прошел в 1123 г. и князь Всеивод. В летописи об этом читаем: «На весну ходи Всеивод на Ямь в великое говенье и победи я, но лют бяше путь, иже купляху по ногате^{*} хлеб». (II. Собрание летописей. Новгородская IV, 2; V Софийская, 116; X V Сев. 193). Если бы этот поход был сделан новгородцами к Ладожскому озеру, а не далее на восток за Онего, где предполагается в это время Ямь, то снабжение хлебом, хотя бы и в великое говение, едва ли могло встретить затруднение ввиду близости Новгорода^{**11}.

* Ногата – единица ценности в Древней Руси, по Русской правде в Смоленской грамоте 1230 г. – в ней заключалось до 1/2 золотника чистого серебра. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

** Список населенных мест Олонецкой губернии 1879 г. С.-Петербург. Исторический обзор Олонецкой губернии. С. XLIX и след.

¹¹ Н.С. Шайкин разделяет широко бытовающую в отечественной историографии XIX в. теорию Татищева-Шегрена о зарождении «финнов» в бассейне Сев. Двины и перекочевке их в начале II тыс. к нынешним местам расселения. В настоящее время благодаря плодотворной работе археологов доказано положение об автохтонном (местном) складывании народов прибалтийско-финской группы в Балтийско-Беломорском регионе Европы. Под «Емью» и «Ямью» древнерусских летописей следует понимать население восточной Эстонии и, видимо, восточной Финляндии, где проживала народность Хяме. На это указывает ряд географических названий, содержащихся в летописных статьях о походах русских князей на «Ямь» – «Емь». Но в любом случае, связывать «Ямь» – «Емь» с бассейном р. Емцы (притоком р. Онеги) нет оснований. Летописи многократно сообщали о жестоких хлебных неурожаях, часто поражавших всю Новгородскую землю в XI–XV вв. Автор и сам приводит несколько примеров таких бедствий в гл. VII «Исторические условия жизни крестьян Пудожского и Шальского погостов. Народные бедствия» (см. также прим. 29).

Естественные богатства Заонежья – обилие пушного зверя, дичи и рыбы – не могли не привлечь к себе внимания новгородцев-завоевателей, и очень возможно, что русские «страдомые деревни» в бассейне р. Водлы и возникли именно в XI или начале XII в., после походов 1042, 1079 и 1123 гг. Е. В. Барсов допускает, впрочем, на основании известия Киевской летописи под 1114 г., что в северную Украину – в Заонежье и далее за Югору и Самоядь – новгородцы предпринимали походы и даже мирные – в X в. и ранее*.

Как бы то ни было, в конце XII в., в 1189 г., поселения на р. Водле уже существуют, что косвенно доказывает открытый Е. В. Барсовым документ: «Дело о переводе из Палеостровского и других монастырей старцев в Муромский монастырь»**. Из приводимой в этом деле челобитной (от 29 августа 1686 г.) вытегорских, андомских и пудожских крестьян видно, что Муромский монастырь построен в 1189 г. и строили его предки этих крестьян: «В прошлых, государи, годех в 6697-м в Заонежской пятине в Овложерском стану построен Муромский монастырь, ваше государское богомолье, а *мирское* старинное строение и изстари в тот же Муромский монастырь *сродичи наши* давали же вклады...»¹²

II. Время возникновения Юрьевской вотчины

На вопрос, когда и кем возникшие по Водле и ее окрестностям поселения (конечно, не все), пожалованы были Юрьеву монастырю, в исторических актах прямых сведений не дается. Но если принять во

* Реферат «Об олонецких древностях». См. также: Н. Барсов. Очерки исторической географии. С. 201.

** Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887 г. Т. III.

¹² Наиболее точно время возникновения монастыря и его вотчины указывается в судебном деле 1537–1540 гг. по взаимному иску Муромского и Палеостровского монастырей друг к другу из-за спорных земель и угодий на восточном побережье Онежского озера. На судебном разбирательстве местные крестьяне-старожильцы показали под присягой: «Отцы наши, господине, жили 80 лет, — а за теми муромскими старцами, а сами есмъ, господине, живем уж 70 лет за ними после отцов наших» (Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 136). Другими словами, близлежащими вотчинными землями монастырь обзавелся не ранее 1380-х гг., немногим позднее того времени, как возникла сама обитель.

внимание, что основателем Юрьева монастыря (в 1030 г.) и усердным жертвователем на его нужды был новгородский князь Ярослав, то более вероятным будет предположение, что заонежскую вотчину пожаловал Юрьеву монастырю или сын Ярослава князь Владимир после похода в 1042 г., или внук Владимира и сын Мстислава Всеволод, ходивший на Ямь в 1123 г. Предположение такого пожалования со стороны Владимира или Всеволода вполне соответствует тому древнерусскому обычью, по которому монастыри и церкви, построенные предками известной фамилии или рода, делались предметом особых попечений потомства этой именно фамилии. Правда, в числе княжеских дарственных грамот Юрьеву монастырю имеется от XI–XII вв. только одна грамота, именно та, которою закрепляется за монастырем рель (поемные луга) под самым монастырем, у Мачина озера*. Но это не говорит еще против сделанного предположения, напротив, известие летописи, что благоверный князь Всеволод – Гавриил (1125–1132 гг.) вместе с игуменом Исаисю «с сотвориша (восстановили, разумеется. – Н.Ш.) монастырь велий и братью собраша»**, дает повод думать, что благотворитель-князь не остановился на даровании монастырю одного сравнительно ничтожного участка, но, создав «монастырь велий», дал ему и соответствующие средства содержания в виде крупных заонежских вотчин. Дарственная грамота, сопровождавшая это пожалование, со временем могла легко исчезнуть, как исчезла и грамота Мстислава Владимировича на земли в Вотской пятине***¹³. В подобных случаях обычно монастырские земли в тех или иных размерах насильственно отнимались соседними владельческими крестьянами. Так было, например, с землями Муромского монастыря после похищения литовскими ворами в 1612 г. монастырских межевых грамот****. И вот из большой вотчины Юрьева монастыря,

* История российской иерархии. VI. С. 744.

** Новгородская III, 214. Примечания к Истории российской иерархии. VI. С. 736 и др.

*** Труды общ. ист. и рос. Кн. 1. С. 20–21. См.: История Юрьева монастыря. С. 43–44.

¹³ См. прим. 4 и 5.

**** Докучаев. Муромский монастырь.

бывшей в 1391 г. в двух погостах и четырех волостках, к концу XV в. в наличии имелось только «8 деревень с починком, а в них десять обеж* с третью». Вся же остальная монастырская и великого князя земля попала в руки новгородских боярских фамилий. Но после взятия Новгорода Иоанном III «по государеву указу даны (то есть возвращены. – Н. Ш.) в Юрьев монастырь волостка Ксеньинская Микитины жены Есипова да Ивановские деревни Немирьева, всего 8 деревень при 7 обжах земли, да деревни, что была Федоровская Худякова, а в ней 1 обжа без трети»**. Итого за Юрьевым монастырем к началу XVI в. числилось за Онегом 17 деревень, между тем к концу этого века (1583 г.) монастырь имел в нашем крае 42 деревни живущих да одну пустую, да 3 пустоши. Прибывшие деревни были пожалованы монастырю неизвестно в какие годы из государевой вотчины, которая к концу XVI в. после пожалований Юрьеву монастырю имела на 30 деревень меньше, чем в конце XV в. (192–162 деревни), что видно из сопоставления данных писцовых книг Юрия Сабурова 1496 г. и Андрея Плещеева 1582–1583 гг.¹⁴

* Обжа — древняя поземельная единица в Новгородской области. На вопрос новгородцам: «Что их соха?» — они отвечали Иоанну III: «Обжа — соха, а обжа — один человек на одной лошади орет». По межевой инструкции 1754 и 1766 г. велено мерить на обжу по 10 четвертей, или 5 десятин в поле, а в дву по тому ж. (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXI. С. 503.)

** Акты исторические. Т. III. № 75. С. 71–72. Память Оштинского стана приказчику Резанову о рыбных ловлях.

¹⁴ Принадлежавшие новгородским боярам земли восточного Прионежья были конфискованы в 1480-х гг. Иваном III Васильевичем в пользу государства (см. прим. 2). Затем, видимо, до 1547 г. (когда Иван IV Васильевич был провозглашен царем), «князь великий дал» часть этих земель с крестьянами в вотчину Юрьеву монастырю. Писцовая книга 1563 г. не оставляет сомнений в том, что до конфискации данные деревни в Шальском и Пудожском погостах принадлежали боярам, т.к. все их бывшие владельцы названы поименно, а термин «дал» означает «пожаловал в собственность». До 1480-х гг., в годы существования Новгородской феодальной республики, вотчина Юрьева монастыря в крае была очень мала и включала лишь 8 деревень. Уменьшение общего числа пудожских деревень к 1580-м гг. объясняется последствиями острого политического и социально-экономического кризиса, разразившегося в стране в результате опричнины 1566–1572 гг. и неудачной Ливонской войны (1558–1583 гг.).

III. Поименный перечень поселений Юрьевской заонежской вотчины дают писцовые книги только с самого конца XVI в. Книга Юрия Сабурова, самая ранняя и потому особенно важная, ограничивается только общим указанием на число юрьевских деревень, как это видно из вышеприведенной выписки из нее, данной в «Памяти о рыбных ловлях Юрьева монастыря на р. Водле 1618 г., марта 18». Необходимые в данном случае сведения заключаются в писцовых книгах по Обонежской пятине Заонежской половины Андрея Плещеева 1582–1583 гг., Петра Войкова и дьяка Ивана Льговского 1616–1617 гг., Лыкова и подьячего Якова Гневашова 1620 г., Маврина и князя Долгорукова и Ракова 1628–1629 гг., Ивана Писемского 1646–1647 гг. и в переписной книге князя Якова Мышецкого 1678–1679 гг.* Но из всего этого богатейшего материала мы имели под руками в подлиннике только «Список с писцовых книг Новгородского уезду, Заонежских Водлозерского, да Оштинского станов митрополичьим и монастырским вотчинам письма и меры князя Ивана Михайловича Долгорукова да подьячего Посника Ракова 136 и 137 г. (1628–1629 гг.)». Здесь делается сопоставление с данными приправочной книги дьяка Ивана Льговского 124–125 гг. «Список» книги князя Долгорукова принадлежит библиотеке Муромского монастыря. Сокращенная копия со «Списка» помещена в «Олонецких губернских ведомостях» за 1850 г. В такой же сокращенной копии, как приложение (VI) к «Новгородским пятинам» Неволина, доступна для пользования и книга Плещеева за 1582–1583 гг.¹⁵

* Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. I, отдел 2. Новгород, 33 1752, 1778, 1815 и кн. V. С. 145.

¹⁵ Н.С. Шатижиным пропущена «Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины» 1563 г. Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина. Подробный анализ и толкование всех писцовых и переписных материалов Заонежских погостов конца XV–XVII вв. см.: Мюллер Р.Б.: 1) Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947; 2) Заонежские погосты Обонежской пятини // Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 251–278; 3) Обонежская пятини: Заонежские погосты // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятини. Л., 1974. С. 141–260.

Отсутствие сведений, содержащихся в писцовых книгах раннейшего и последующего времени^{*}, особенно ощутительно ввиду очень важного, исключительного значения писцовых книг вообще^{**}. «Писцовые книги – первый документ для истории, географии, статистики, финансов, хозяйства, юридического и религиозного быта, семейного и общественного состояния нашего отечества с XV по XVIII в. включительно» (Иванов).

Дополнением к имеющимся сведениям из писцовых книг 1496, 1582–83, 1616–17 и 1628–29 гг. являются данные из архива Юрьева монастыря, собранные в «Истории» этого монастыря иеромонаха Валентина (Ключарева).

По «Истории»^{***} в Пудожском уезде за Юрьевым монастырем числились в разное время следующие, так называемые олонецкие, вотчины: 1) Шальский Спасский погост при р. Водле, отстоявший от монастыря за 700 верст. В нем Нигижемская волость с деревнями: Великодворская, Бочилово, Бахтинская, Иглинская-Бекетовская, Прилуцкая, Зеховская, Янинская, Окуловская, Карчевская (д. Каршевская), Горская, Шильникова, Гора Яковлева, Усовская, Афанасьевская, Трестянка, Давидовская (вместо Давыдова), Осипова Гора, Подберезье, Корнышово, Бессоново (вместо Бесово); Купецкая волость с деревнями: Авдеево, Воробьево, Мелентьевская, Бураковская, Лядинская, Ижгорская, Губская, Тарасина Гора. 2) Никольский Пудожский погост в 740 верстах от монастыря, к нему относились: Отаозерская волость с деревнями: Ефимово, Наволоцкая, Стегалово, Залесская,

* Императорской археографической комиссией предпринято издание писцовых книг по пятинам Великого Новгорода. Но вопрос об издании писцовых книг по Обонежской пятине, по справкам, еще не поставлен на очередь. Изданы и издаются книги по другим пятинам, но крайне медленно: с 1868 по 1902 г. выпущено не более пяти томов. Полный перечень писцовых книг по Обонежской пятине помещен у К.А. Неволина «О пятинах и погостах новгородских». С. 10.

** Об этом значении красноречиво говорит тот факт, что «из писцовых книг почти еженедельно извлекаются и выдаются справки на земельные владения». (Иванов. О начале, значении, составе и содержании писцовых, межевых и др. книг. Описание Московского архива Министерства юстиции. Кн. 1, отдел II. С. III).

*** История Юрьева монастыря. С. 9.

Заломаевская и Погосская; Пудожская волость с деревнями: Жаровица, Вангозерская (Вянгозеро), Ножево, Коловская, Сумозерская и Мячево. Всего 40 деревень Юрьева монастыря. В разные периоды времени, по особым условиям, число это то увеличивалось, то уменьшалось. Так, в конце XV в., как мы видим, число деревень с 8 поднялось на 17, а в 1583 г. за Юрьевым монастырем числилось 27 деревень в Шале + 15 деревень живущих, 1 пустая и 3 пустоши в Пудожском погосте, всего 42 деревни живущих да одна пустая, да 3 пустоши*.

После литовского разорения «по приправочным книгам Льговского (1616–17 г.) написано в Никольском Пудожском да в Спасском Шальском погостах Юрьева монастыря в вотчине 39 деревень, да 24 пустоши, да деревня дана к церкви» (деревня и церковь не названы). Через 12 лет, в 1628–29 г., число деревень да починков живущих возросло до 50 при 15 пустоشاах, то есть сверх приправочных книг Ивана Льговского по новому письму в тех погостах «прибыло 11 деревень живущих».

IV. Села, деревни, починки и пустоши царя и великого князя и мелкие владения других вотчинников

Большая часть волостей Великого Новгорода отписана к Москве и подчинена управлению наместничества, как известно, при великом князе Иоанне III, после новгородского похода в 1471 г. Владения государя еще более увеличились через столетие: покорив окончательно Новгород в 1580 г., Иоанн Грозный потребовал себе половину волостей владычных и монастырских¹⁶. Но в пределах

* Книга А. Плещеева за 1582–1583 гг. Л. 1199–1214 и 1259–1265.

¹⁶ Великий Новгород лишился независимости в феврале 1478 г. в результате похода Ивана III на столицу вичевой республики. Тогда же был создан Новгородский уезд во главе с великокняжескими наместниками из числа высшей правительенной знати Московской Руси. Опричный поход и разгром царем Иваном IV Грозным Новгорода состоялся в 1571 г. После него все черноземные (государственные) земли Заонежских погостов на год (до отмены опричнины) были записаны в опричный удел царя. Вотчины же новгородских монастырей, в том числе Юрьевского, в опричнину не попали, т.к. сами эти обители располагались под Новгородом на западной, земской половине Новгородского уезда.

Пудожского и Шальского погостов земли московского князя столь же древни, как и Юрьева монастыря, хотя ясное свидетельство о границах этих земель относится только к концу XIV в.

В «Обводной книге 1391 г., 25 августа», свидетельство которой историк профессор Платонов подвергает сомнению, вероятно, как разноглашающее с данными летописи от 1471 и 1580 г., значится, между прочим: «Пойдет межа... Шалой рекой верх до устья Ялгонды... до великого каменя, да тут у великого каменя сошлись три межи: *межа великого князя крестьян кузаранцев, а другая межа великого кн. крестьян да Юрьева монастыря крестьян Шальского погоста Купецкия волости, да третья межа Муромского и Пальюстровского монастыря крестьян Унойские волости, по правую руку вода и земля великого князя да Юрьева монастыря, а по левую руку вода и земля Муромского монастыря и Пальюстровского монастыря крестьян...*» «По сыску в писцовых книгах Юрья Сабурова, 7004 г. (1496 г.) государевой земли написано: в Обонежской пятине, в Никольском погосте в Пудожском, волость государева дворцовая, бывала *Настасьинская* Ивановы жены Григорьева, а в ней девяносто три (93) деревни и с починки, а в них 88 обеж с третью да в том же погосте волость государева дворцовая, бывала *Микитинская* Грузова, а в ней 50 деревень с починки, пашни полтретью обжи с третью да волость *Марфинская** Исаковы, на Колодозере, а в ней 49 деревень, пашни 44 обжи с полутретью**. Всего 192 деревни с починками при 133 обжах земли; в это число входили небольшие владения великого князя и в Шале, составлявшие 1/3 (30) деревень Настасьинской волости. В 1583 г. всех государевых и монастырских деревень в Пудожском и Шальском погостах было «204 деревни живущих да 10 деревень пустых, да 39 пустошей; из этого числа только 42 деревни живущих, 1 пустая и 3 пустошей принадлежали Юрьеву монастырю, а остальные

* Марфа – Исакова, Борецкая, посадница. Акты исторические. I, 285. Борецкий Исак Андреевич – посадник и посол новгородский. Акты исторические. I, 102. Дмитрий Исакович Борецкий, посадник новгородский. Акты исторические. I, 511.

** Акты исторические. Т. III. № 75.

(162 живущих, 9 пустых деревень и 56 пустошей) числились черными оброчными царя и великого князя*.

Полный поименный перечень их не может быть представлен за неимением данных из «писцовых книг дворцовых государевых черных сел и деревень 1616–17 и 1647 гг.»** и за краткостью извлечений из книги Плещеева. Неволин делает только следующую выдержку из последней: «Л. 1189–1198 с. Спасского ж погоста Шальского *Настасьинские волости* Григорьева царевы и великого князя деревни оброчные по реке по Шале вниз по обе стороны. Дер. у погоста на р. на Водле» и т.д.

Междуд прочим, значатся еще деревни на реках Малой Водлице, Большой Водле, Трестянке, на Купецком озере, на Урмозерке. Л. 1196 об.: «И *всего* в Спасском погосте на Шале в цареве и великого князя в черной волости 30 деревень живущих». Л. 1217 об.–1258, с. 1: «В Никольском же погосте в Пудоге села и деревни, починки и пустоши царя и великого князя черные оброчные» и т.д. Междуд прочим, значатся деревни на бору Путятину, на Манухиной горе, на Бору Ермолинской след Олексеева, на Бору на Сумозере, на Пудозере, на речке Новзиме, в Чоропаке, под Омнивцом порогом, в Шенопаге, на Глубоком плесе, на горе на Жеравке, на Городище, на Долгом плесе, на Девичье горе, за Паназерком, у часовни на Острову, на Сумозере, вверх Сумы реки, на Колодозере (Л. 1233); «на Колодо же озере церковь Никола Чудотворец» на рр. Колоде, Водле (в числе других деревень на р. Водле, над Вайбучем порогом у часовни), в Негижиме на Урм-озере, на р. Негижиме, на Кривцу, на Стегайловой горе, на р. Суме, на Кунголе на р. Водле, на Сиговом наволоке на р. Водле, на Югозерке, на усть Чененже речки, на Ченеже реке, на Салме, на Салме усть-реки, на Гумне озерке, на Кумбоозерке, на Корбозере, на Пял-озере, на Равдозере, на Танбач-озерке, на Пилуксеозере. «И *всего* (Л. 1257) в Пудоге в

* Насельники этих деревень под именем государственных крестьян уцелели и до нашего времени. Соколовский. История сельской общины на севере России. С. 27.

** Описание Московского архива Министерства юстиции. Кн. I, отдел 2, № 1774, книга Лыговского и № 1818, список с переписной книги Сумина.

черной волости и в выставках 130 деревень живущих да 9 деревень пустых, 56 пустошей, а вместе в черной волости и монастырских землях 145 деревень живущих да 10 деревень пустых, да 59 пустошей» (Л. 1265–1266); в Спасском же погосте на Шале всего 59 деревень живущих (Л. 1216).

Разграничение государевых и юрьевских земель и деревень не создавало, однако, разобщенности между их насыльниками, напротив, «многие великих государей крестьяне жили с монастырскими Юрьева монастыря крестьяны вместе и поли пахали заодно, а иные жили в дальнем расстоянии...» Так по крайней мере было в конце XVII в., по свидетельству дела о пудожских раскольниках 1693 г.*

Кроме государя и Юрьева монастыря вотчины в Шальском погосте имели Муромский монастырь (1 деревня на Уножском острове по книге Сабурова: «Двор Оникейко Семенов да его дети Михалка да Микулка, во дворе Ульянко Семенов да зять его Игнатко...» В начале XVII в. от боярина Морозова пожаловано было в Муромский монастырь 3 деревни на Шале) и Палеостровский монастырь – ему по разъезжей 1539 г.**, в Уножских островах принадлежало две деревни: на Мар-наволоке и Пер-наволоке... В Пудожском погосте Палеостровскому монастырю принадлежала с 1617 г. небольшая тягловая земля и мельница на р. Рагнуксе*** и займище – мельничное место на р. Нигижме, в пороге, повыше Чид ручья****.

Укажем здесь же на ближайших соседей вотчинников Шальского и Пудожского погостов. Таковыми в пределах нынешнего Пудожского уезда были первоначальные владельцы (XII–XIV вв.) деревень и земель по р. Вакукской и в окрестностях Муромского озера: князь Василий Иванович Новгородский Вячеслав (как говорится в грамоте от половины XVI в.), хотя летописи знают только трех князей с этим

* Акты исторические. Т. V. № 233. С. 390.

** Е. В. Барсов. Палеостров. Прилож. под буквой А. № 45.

*** Палеостров. А. № 26–28, 31–32, 36–41.

**** Барсов. Палеостров. Прилож. А. № 42.

именем: Вячеслава Борисовича Ливонского, Вячеслава Юрьевича Новгородского в начале XIII в. и Вячеслава, сына Владимира Мономаха, XII в., ^{*} «посадники Иване да Волосе», ^{**} Иван Захарович и сын его Феодор ^{***17}.

V. Состояние православия в Пудожском и Шальском погостах. Монастыри, часовни, церкви и приходы при них

В пределах Пудожского и Шальского погостов христианство совместно с появлению новгородцев-колонистов, то есть существовало уже в XI–XII вв. ^{****18} Располагаясь здесь становищами, отважные новгородские промышленники, конечно, знакомили со своей верой местных лопарей и чудь, но, как усвоившие христианство только с внешней, обрядовой его стороны, и преследовавшие

^{*} Брокгауз и Ефрон. Словарь. Т. VII. С. 739.

^{**} Дело о переводе старцев. Чтения общества истории и древностей российских. 1887 г. Т. III.

^{***} Житие Лазаря Муромского.

¹⁷ Очевидно, в грамоте середины XVI в. (подстрочная ссылка на которую у автора отсутствует) под именем князя Василия Ивановича новгородского «Вячеслава» (?) имелся в виду средний сын Ивана III Васильевича Василий Иванович, будущий великий князь Василий III. После смерти старшего сына Ивана III Ивана Ивановича и сына последнего Дмитрия (в источниках — «Дмитрия внука») князь Василий был объявлен наследником престола и в этом качестве в 1499 г. пожалован титулом государя Новгорода и Пскова. В 1500 г. псковичи упросили великого князя освободить арестованных псковских посадников и сложить с князя Василия титул государя Пскова. Великий князь Иван III согласился. Поэтому с 1500 г. и по воцарении в 1505 г. наследник престола князь Василий Иванович величался «князем новгородским». А в 1510 г. Василий III упразднил остатки псковской самостоятельности и вновь стал государем Новгорода и Пскова (сведения Новгородской четвертой летописи за 1499 и 1500 г. см.: ПСРЛ. 1848. Т. IV. Ст. 272, 273–274).

^{****} Олон. епарх. ведом. 1903 г. Данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII в.

¹⁸ Самые ранние из предметов христианского быта — нательные крестики, однотипные с крестами, бытовавшими в Новгороде в XIII в. — были обнаружены в Водлозерье археологами Г.А. Панкрущевым (Сухая Водла) и В.И. Фомкиным (о. Колгостров). Более ранних следов проникновения христианства на территории Пудожского района пока не найдено.

при том главным образом коммерческие интересы, новгородцы не имели в деле веры заметного влияния на инородческое население. И к половине XIV в., ко времени удаления «в пределы окияна моря», заонежские лопари и чудь в массе были по-прежнему «страшивыми сыроядцами» и грубыми язычниками. Для удовлетворения религиозного чувства на местах своих становищ новгородцы строили часовни и ставили кресты. Но очень рано подле некоторых часовен («да у часовни церковь»... часто отмечается в писцовых книгах) возникли и церкви. На такое заключение уполномочивает очень раннее упоминание (в 1391 г.) погостов в Пудоге и Шале. Дело в том, что в древности погост, кроме податного (не административного) округа, означал еще и место: описание каждого погоста (в писцовых книгах уже с 1500 г.) начинается указанием на то, есть ли в нем погостская церковь или нет. Место, где находится погостская церковь, и называется в описях погостом, и описывается особо со всем тем, что «на погосте» находится. Эти места-погосты Неволин и принял за главные местности погоста-округа*. Итак, можно утверждать, что в конце XVI в. в Пудоге и Шале было две погостских церкви, созданных, быть может, при содействии Юрьева монастыря, проявлявшего свою помощь и впоследствии, напр., в 1650 г. написанием икон в Георгиевскую Нигижемскую церковь**. Свидетельства от первой половины XVI столетия показывают, что в Шале существовал монастырь, тогда мужской. Об основателе и времени основания этого монастыря сведений не имеется. Е.В. Барсов, впрочем, утверждает, что это тот самый монастырь, который устроил Антоний Сийский, расставшись с преп. Пахомием, основателем Кенского монастыря, и который автор «Церковной иерархии» назвал Шелекским. Ныне здесь погост Шальский, одна из церквей которого построена в 1505 г., именно в год пострижения Антония Сийского***. Но мнение это основано на недоразумении: преподобный Антоний Сийский, подвижник

* Проф. В. Сергеевич. Древности русского землевладения. Журн. М. Н. Пр. 1901 г., март.

** О сем гласит надпись на иконе Спасителя за клиросом правого придела.

*** Памятная кн. Олон. губ. 1867 г.

Архангельского края, расставшись около 1505–1510 гг. с Пахомием Кенским, подвизался не на р. Шале, впадающей в р. Водлу, а именно на р. Шелексе, притоке р. Онеги, где, должно полагать, и устроил монастырь, упоминаемый автором «Церк. иерархии»*. Первый раз Шальский Спасский монастырь упоминается под 1505 г. От этого года есть разводная грамота на земли Вяжицкому и Юрьеву монастырям, грамоту эту «писал дьяк с Юрьевские стороны Нектарей Шальского монастыря святаго Спаса»**. Существование в Шале Спасопреображенской церкви в 1537 г. подтверждается тяжебным делом Муромского монастыря с Палеостровским (в 1537–39 гг.). Дело это заканчивается так: «А в суде сидели люди добрые: Ерм Сергеев сын, староста... да Иван Федоров сын Смолев из Нигижмы. А сей судной список писал дьяк св. Спаса нашего Шальские волости Олешка Еремеев сын»***. В 1548 г. в Шале продолжает существовать Спасский мужской монастырь. Под этим годом в одной платежной о поземельных деньгах говорится: «Яз, Юшко Митрофанов сын, десятской Шальской, взял есми у Спасского игумена у Еуфимья с братъею...»****. По описи 1582 г. в Шале значится Спасский мужско-женский монастырь. На погосте тогда была «церковь Преображене Господне да церковь Успение Св. Богородицы деревянные. Да на монастыре келья игумена Кирилла, да 4 кельи, а в них живут черноризцы, да 6 келей пустых, да за монастырем 5 келей, а в них живут пять стариц черноризец». Монастырь владел и землей: «паши пашут игумен с соборяны 3 чети с третником в поле, а в дву потому ж; сена 15 копен. Треть обжи». После же литовского разорения Шальский монастырь обратился в приходскую церковь, писцовая книга 1628 г. говорит о нем как лишь о существовавшем: «да на погосте же и

* Макарий, еп. Христианство в пределах Архангельской губ. Чт. в общ. истории и древ. рос. 1878 г. II. С. 10.

** Акты юридич., изд. Археограф. комис. 1838 г. № 145.

*** Христ. чт. 1886 г. С. 176. Докучаев-Басков. Муромский монастырь.

**** Акты юридич., изд. Археограф. комис. 1838 г. № 209. См. у В. Зверинского. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях России. Т. III. Под редакцией Собко. № 2227.

за погостом 16 мест келейных, а живали на тех местах в кельях старцы и старицы»¹⁹.

Из белых шальских священников конца XVI в. известен, по книге Плещеева, Тит Маковеев, имевший для «торговли рыбью и мелким товаром два амбара под клетью да под горницею»²⁰.

Церкви и пригты Пудожского погоста впервые упоминаются у Плещеева: Л. 1227 «на погосте ц[ерковь] Никола чудотворец древня да церковь живоначальная Троица с трапезою, древня же, на царя и великого князя земле Да на п. же двор: поп Богдан Иванов, дв[ор] поп Василий Григорьев, дв[ор] дьячок церковной Ломанко Васильев, дв[ор] дьячок церковной Якуш Микулин, дв[ор] пономарь Клепа, дв[ор] пономарь Тарас, дв[ор] проскурница Ираида старица да 6 келей, а в них живут нищие, питаются милостиною о[т] церкви Божией. Пашни церковныя земли 10 чети в поле, а [в] дву потому ж; сена 120 копен». Около половины XVII в. известен священник Ждан Прокопьев, а в 1693 г. при Троицкой и Никольской пудожских церквях в составе пригты

¹⁹ Если в начале XVI в. на р. Шале и существовал Спасо-Преображенский монастырь, то весьма краткое время, и уже к середине столетия он превратился в богадельню, содержавшуюся местным крестьянским миром. И в ранних текстах, цитируемых автором, и в писцовой книге 1563 г. нигде данное место не именуется монастырем. Так, в 1563 г. отмечен погост-место, на нем две церкви (Преображенская и Успенская), «а у церкви служыт игумен Кирило да на погосте ж 14 старцев и 6 стариц». Только в писцовой книге 1582 г. значится Спасо-Преображенский «монастырек». А вообще богадельни с живущими в них старицами отмечены «письмами» 1563, 1582, 1616–1618 гг. повсюду в Заонежских погостах, в том числе в Пудожском погосте. Термин «игумен» в то время не только употреблялся в значении «настоятель монастыря», но и означал священноискусника, присланного каким-либо монастырем на дальний приход с миссионерской целью и для духовного окормления верующих. Подробнее см.: Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии. С. 46–47.

²⁰ Шальский погост в устье р. Водлы имел значение торгового центра восточного Прионежья. На погосте-месте около церквей стояли торговые амбара, которые принадлежали не очень богатым местным и новгородским купцам. В 1563 г., например, они торговали тут «рыбой и мелким товаром», производимым местными крестьянами на продажу.

были: попы Семен Петров и Антип Михалев, дьякон Михей Афонасьев и пономарь Иван Матфеев*.

Кроме пудожских и шальских погостских церквей, рано возникли церкви с постоянными причтами при них и в волостках: очень значительные расстояния волосток от погостов (до Нигижмы от Шалы 20 верст, до Купецкого от Пудожского погоста около 40, тоже почти расстояние до Отовозера, а до Колодозера даже 70 верст) делали бы невозможным отправление церковных треб, если бы приходилось исполнять все одним погостским причтам. В Шальском погосте существовали церкви во имя Георгия Победоносца в Купецкой и Нигижемской волостях уже в 1626 г., та и другая «у часовни». В книге Плещеева об этих церквях упоминания нет. Из нигижемско-георгиевских священников конца XVII в. известен Афанасий. На допросе по делу о раскольниках в 1693 г. «жонка Феклица Данилова показывала, что была-де она у отца духовного в прошлых давних годах в Нигижемской волости у попа Афонасия, а чей он сын, того сказать не упомнит». Кроме того, из надписи на старинной деревянной водосвятной чаше, сохранившейся при церкви от XVII в., видно, что тогда служил еще священник Федор. В 1628 г. причт Нигижемской церкви состоял из попа Степана Селиверстова, дьячка Кондрашки Селиверстова и пономаря Ларки Клементьева, прозвищем Третьячки. О количестве имевшейся при Нигижемской церкви земли и получаемого с нее хлеба говорит то обстоятельство, что у священника с крестьянами дер. Великий Двор была своя мельница, одна из двух**, имевшихся в 1628 г. на всю Нигижемскую волость; «да у попа Стефана, да у крестьян у Ондрюшки Григорьева с товарищи на Долгом ручью мельница мутовочная», – читаем в книге к[нязя] Долгорукова. При Купецкой церкви в 1628 г. служили поп Арист Миронов, дьячок Кирилко Кирилов и пономарь Фомка Иванов. В Пудожском погосте по писцовым книгам известны церкви – с 1628 г. Отовозерская Ильинская и с 1583 г. «на Колодозере ц. Никола Чудотво-

* Дело о пудож. раскольниках. Показание Федосея Яковлева.

** Другая в деревне Черновской или Самочерновой, по писцовой книге.

рец». В черте этого же погоста находятся еще следующие церкви: Сумская, Кулгальская, Корбозерская, Градская кладбищенская во имя архистратига Михаила, Коловская, Салмозерская, Устьколодская и Кумбасозерская; первые три, без сомнения, большой древности*. Церковь Нигижемско-Пречистинская, по клировым ведомостям, существует с 1728 г., Шальская Александровская в д. Семеновой построена в конце истекшего столетия, Александровская же кладбищенская в г. Пудоже освящена в 1903 г. Итого, в начале XVII в. число церквей в районе Пудожского и Шальского погостов было вдвое меньше, чем в настоящее время.

Немногочисленные по количеству пудожские и шальские церкви, по данным о них писцовых книг, поражают своей бедностью: построенные из дерева «клетки», некоторые с шатровым верхом, они снабжены деревянными сосудами, крашенинными покровами, полотняными ризами. Церкви имеют ограниченное количество богослужебных и учительных книг, а на колокольницах вместе с колоколом или двумя висят еще клепала железные. Вот описание трех приходских церквей Пудожского края – бедной Отовозерской и более состоятельных Нигижемской и Купецкой. Описание заимствуется из списка с писцовой книги кн. Долгорукова **, Л. 397. «Волостка Отовозеро, а в ней церковь Ильи Пророка древяна клецки, а в ней образов: образ местной Ильи Пророка, Пресвятой Богородицы знамение, Одегитрей, Деисус, двери царские и сень и столицы на краске, да в олтаре за престолом образ Пресвятой Богородицы знамение, на другой стороне образ Николы Чудотворца, крест выносной и крест благословляющий на краске, индитя и покровы крашенинны²¹, потир и блюда древяные, звезда медная,

* В Корбозере приход был уже в 1582 г. Причт Корбозерской церкви, подвергшийся вместе с прихожанами нападению шведов, получил в 1607 г. жалованную грамоту на землю. См.: Памят. кн. Олон. губ. 1905 г. С. 34.

** В «Олон. губ. вед.» 1850 г. оно опущено.

²¹ Здесь и далее – названия богослужебных и других церковных книг и предметов: индитя – верхний покров св. престола в церкви из ткани, по возможности, «светлой и великолепной», а в данном случае – из крашенины (дешевой ткани, покрытой краской); покровы – платы, которыми покрывают дискос и потир во время литургии, оказались тоже из крашенины; «потир и блюда древяные,

звезда медная, воздух и покровы крашенные, ризы и стихарь полотняные, оплечья выбойчатые, патрахиль и поручи крашенные»: потир – богослужебный сосуд (чаша), в котором во время божественной литургии возносятся Св. Дары – выточен из дерева, как и блюда, используемые в службе; звезда – очевидно, имеется в виду звездница, крестообразно соединенные две дуги, используемые при окончании проскомидии (поставляется на дискос над Св. Агнцем); воздухи и покровы крашенные. Воздух – это подобный платку покров, которым покрыты Св. Дары от проскомидии до пения Символа веры, при этом дискос и потир по отдельности покрыты своими покровами, а воздух покрывает оба эти священных сосуда подобно «тверди небесной». Несмотря на значение данных предметов, в деревенской церкви они сделаны из простой крашенины. Риза – облачение священников на службе, стихарь – облачение дьякона и причетников, пошиты из простого полотна. Оплечье – самый верх священнослужительских риз, лежащий на плечах, обычно отличающийся от стана ризы особым цветом или позументом, здесь выполнен выбойкой (вдавливанием) на ткани. Епитрахиль – надеваемое на шею облачение, подобное длинному шарфу, сшитому сторонами книзу; поручи – нарукавники, манжеты, также оказались самыми простыми, из крашенины. Евангелие письменное – четвероевангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, то есть первые четыре книги Нового завета, в которых описана земная жизнь Иисуса Христа, определение «письменное» означает книгу, написанную от руки. Апостол – богослужебная книга, в которой содержатся «Деяния апостольские», послания апостолов, а также прокимны и указания апостольских чтений. Апракос (опракос, пракос) – книга с текстами из Евангелия и апостола, расположеннымными по порядку дневных церковных чтений при богослужении, начиная с недели Пасхи. Шестодневец – книга Шестоднев, или беседы на шесть дней творения св. Василия Великого и Иоанна, экзарха Болгарского. Минеи общие – книга, содержащая службы тем святым, которым не составлено особой службы. Златоуст (?) – вероятно, имеется в виду сборник некоторых произведений Иоанна Златоуста. Соборник – книга-сборник нравоучительных слов св. отцов и учителей Православной церкви. Служебник – церковная книга, по которой отправляется божественная служба, она содержит последования вечерни, утрени, литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого, литургии преждеосвященных Даров Григория Двоеслова и так называемое известие учительное (наставление для священника). Служебник настолько важен, что обычно он вручается архиереем священнику по рукоположению последнего в сан. Часовник – видимо, речь идет о сборнике молитвословий – «часов» (вседневных, великопостных, царских и пасхальных). Трефолой – церковная книга, в которой собраны службы праздничные и наиболее почитаемых святых из Миней месячных. Охтая (октоих) – книга, содержащая недельные службы на восемь «гласов» (8 главных напевов, звучащих в православном богослужении), каждому из гласов соответствуют свои собственные стихиры, каноны и проч., поэтому гласы употребляются в каждую

воздух и покровы крашенинныя, ризы и стихарь полотняныя, оплечья выбойчатые, патрахиль и поручи крашенинныя, да кадило железное; да книг: Евангелие письменное в 1/2 десь, Евангелисты и средина медные, апостол, апракос, шестодневец, Минея общая, Златоуст, соборник, служебник – все книги письмянныя в 1/2 десь. Да на колокольнице два колокола по смете 2 пуда, клепало железное. Строение церковное, образы и книги тое ж волости крестьян».

«Об. 363 и 364 л.: др. в Нигижиме у часовни Спирка Иванова, а Великий двор тож, а в нем церковь великомученика Георгия, деревянная клетцки теплая с трапезою, верх шатровой, а в церкве образов: образ местной Георгия страстотерпца на краске да пред тем же образом свеча поставная, образ месной Николы чудотворца на золоте в деянии, обр. м. Пречистые Богородицы Умиления на краске, образ м. Покров Пр. Богородицы на краске, обр. м. О тебе радуется, на краске. Да в олтаре за престолом образ Пречистыя Богородицы воплощение, а на др. стороне обр. Николы Чудотворца; крест выносной на краске; на престоле индитъя выбойчатыя, покров крашенной; воздух и покровы крашенинныя; сосуды, потир и блюда деревянные, звезда железная. Да книг: Евангелие напрестольное письмянное, апракос в десь, часовник письм. в 1/2 десь, псалтири письм. 1/2 десь, Златоуст письм. 1/2 десь, трефолой письм. в 1/2 десь, 2 охтая письм. в 1/2 десь, треодъ цветная печатная в десь. Да на колокольнице 2 колокола по смете в 4 пуда, да клепало железное».

неделю поочередно. Треодъ (*триодион, триодъ*) – богослужебная книга, содержащая троепесенные каноны. «Усмень золочен, венец и гривенка серебряны»: «*оусьма*» на древнерусском языке – кожа, а *усмень* – кожаная одежда, ремень или сапоги; венец – церемониальный головной убор; грифна (здесь – «гривенка») – нашеиное ювелирное украшение, видимо, писец отметил украшения из драгоценных металлов на двух иконах св. Георгия. Евангелие толковое – истолкованное Евангелие (с объяснениями евангельского текста); прологи – церковная книга, в которой собраны сокращенные жития святых, поучительные слова Василия Великого, Иоанна Златоуста и проч., расположенные по числам месяца. Ермолой – ирмологий, книга, в которой записаны ирмосы канонов (Полный церковнославянский словарь, с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. Г. Дьяченко. Репринт. изд. М., 1993).

«Др. на Купецком озере у часовни, а в ней поставлена церковь вел. Георгия деревяна клецки теплая с трапезою, верх шатровой, а в церкви образов: обр. м. Страстотерпца Хр. Георгия в деянии на золоте, у Георгия венец серебрян, а усмень золочен, обр. м. Покров Пр. Богородицы на золоте; обр. великомуч. Георгия на краске, у Георгия венец и гривенка серебряны... золочены, обр. м. Пр. Богородицы Одигитрии на золоте, да перед теми образ три свечи поставные велики; Деисус и праздники, и пророки, и двери царские, и сень, и столпцы на краске. Да в олтаре за крестом обр. Пр. Богородицы воплощения, а на др. стороне образ Юрия страстотерпца на краске; крест благословящей на краске и крест выносной; индитъя выбойчатая, сосуды, потир и блюда древянные, воздух выбойчатой, покровы крашенные, кадило медное, да в трапезе образов Деисус поясной на краске. Да книг: Евангелие напрестольное тетр письм. в десь, поволочено крашениною, Евангелисты и средина медная; Ев. толковое печатное в десь, пс[а]лтырь следов. письм. в десь, апостол письм. в 1/2 десь, две треоди посная да цветная письм. в десь, два пролога во весь год письм. в десь, два охтая да Минея, да две триоди, да трефолой письм. в 1/2 десь, ермоловой в 12 десь. Да на колокольнице колокол по смете пуда в 3, да доска железная. Строение церковное, образа и книги, и ризы, и сосуды, и колокола тое же волости крестьян»²².

²² «Строение церковное, образа и книги... тое же волости крестьян»: по древнерусским установлениям, строительство, обеспечение предметами и содержание церкви, священника и причта ложились на плечи прихожан, пожелавших иметь собственную церковь. В Карелии почти все церкви являлись такими приходскими церквами. Описанная Н. Плайсиным география церквей имела под собой примечательное явление в жизни края XVI–XVII вв. – освоение крестьянами нетронутых доселе земель. Когда община, она же приход, численно увеличивалась, часть крестьян отделялась и основывала собственные деревни на необжитых землях, в отдалении от центра погоста. Но чтобы создать самостоятельную общину, по закону требовалось поставить и содержать собственную церковь. Такие выделившиеся общинны назывались «выставками», а их новые церкви, на первых порах получавшие материальную помощь от центральных церквей погоста, звались «выставочными». Переписная книга 1646–1647 гг. зафиксировала «выставочный» процесс в Заонежских погостах почти повсюду. Так, в Пудожском погосте, кроме старинных 47 деревень и двух церквей во имя

Что касается часовен, то, кроме расположенных подле самых Купецкой и Нигижемско-Георгиевской церквей, упоминаются еще у Плещеева – часовня в деревне на Острову и над Вайбучем порогом на р. Водле, у кн. Долгорукова в Купецкой деревне Кураковой, и в 1693 г. – часовня во имя Николая Чудотворца в дер. Колове, в которой самочинно служили раскольники.

Относительно причтов при церквях Юрьевской вотчины должно сказать, что они находились в значительной зависимости от монастыря и ничего не могли предпринять без ведома юрьевских настоятелей. Эта зависимость проявлялась в следующем. О постройках и перестройках церковных зданий причты отписывали в монастырь и через монастырское начальство получали на то разрешение власти епархиальной; получали от монастыря билеты в случае отлучек от мест службы, причем монастырское начальство делало распоряжение о замене уволенного в отпуск другим для исправления треб. Причты же Пудожской и Колодозерской церквей, чуждых зависимости от монастыря, по всем означенным делам сносились с епархиальною властью непосредственно.

Причты и монастырских, и государевых церквей пользовались, как мы видели, землями для своих хозяйственных надобностей, а монастырские, кроме того, получали от монастыря денежный и хлебный трактамент²³.

Общею очень хлопотливою и обременительною обязанностью для всех причтов было выплачивание «Софийской дани», собиравшейся в пользу митрополита Новгородского его боярскими детьми. С духовенства каждой церкви собирались: «подъезд и десятина, и казенная, и венечная пошлина, и новогодные, и перехожие

Троицы и св. Николая Чудотворца в центре погоста, отмечены четыре выставки: на Суме, с церковью Великомученицы Параскевы и 16 деревнями; на Корбозере, с церковью Николая Чудотворца и 18 деревнями; на Колодозере, тоже с церковью св. Николая и 19 деревнями; наконец, совсем недавняя — на Нигижме, с церковью во имя Рождества Богородицы и 7 деревнями (Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. Переписная книга И.П. Писемского и подьячего Я. Еувфимьева. Л. 254–279).

²³ Автор описывает более поздние порядки, относящиеся к XVIII–XIX вв.

гривны... и за прошлые годы, где не плачены, всего по 10 алтын с церкви, а буде попы учнут венечную пошлину и новогодние, и перехожие гривны за собой таити... на тех попах правити промыт по 2 рубля по 4 алтына и по 1/2 деньги;.. и подъемные деньги со всякой церкви по 10 алтын да пищею и всякого платежу 4 деньги, да истопничего по 4 деньги. А которые попы и причетники не учнут Софийской казны беречи накрепко и не учнут сами провожать от церкви к церкви, и что учинится Софейской казне какова истеря, и то доправити на тех попех и причетников церковных»²⁴.

Священники Юрьевской вотчины в своей паstryрской деятельности подлежали контролю со стороны архимандритов юрьевских. Был даже случай, когда особым ордером поручено было приказчику в одной вотчине «понуждать попа» исправлять «безотговорочно» требы, вероятно, по жалобе на священника со стороны того же приказчика. Случалось, что монастырская власть обращалась к своим вотчинным священникам с предложением «поучать и вразумлять народ в церквях и домах». Был, конечно, контроль над

* Рус. истор. библ. Т. II. № 119. Наказ м. Макария детям боярским, посланным в Заонеж. десятину, в Лопские погосты и в Поморье. 1619 г., окт.– ноября 20.

²⁴ Перечисляются различные виды церковных сборов. «Софийские деньги» – узаконенные выплаты с каждой церкви и монастыря на содержание начальства Новгородской епархии (Дома св. Софии) пропорционально их доходам. Подъезд – подать на содержание владыки и его сопровождающих во время паstryрских поездок по епархии. Десятина – установленная церковным уставом десятая часть доходов в пользу церкви, которая собиралась приходскими церквами с прихожан. Казенная пошлина – подать в пользу епархиального казначея, заведовавшего сбором и расходом владычной «казны». Венечная пошлина – церковный сбор за венчание. «Новогодные» (неточно, следует читать «новичные») гривны – пошлина за постановку новой церкви. Перехожие гривны – пошлина за переход священника из одной церкви в другую. Промыт – штраф за утайку церковных выплат и пошлин, выплачивался в пользу епархии. Подъемные деньги (они же – «московский подъем») – денежная и продуктовая компенсация в пользу владыки, который при своем поставлении на новгородскую кафедру в Москве сильно издергивался, они выплачивались со всех церквей и монастырей епархии по пропорциональной их доходам раскладке. Пищая (имеется в виду «писчая пошлина») – сбор в пользу подьячих Дома св. Софии за делопроизводство. Истопничего деньги – сбор на отопление епархиальных построек и владычных покоя в Новгороде.

дeятельностью и пудожского, и колодозерского причтов, но он не мог предупреждать тех злоупотреблений пудожского причта, о которых говорит «дело» 1693 г.

VI. Пудожский раскол. Поход раскольников на Пудожский погост (21 июля 1693 г.) и самосожжение их в д. Строкиной (12 авг. 1693 г.)

Недостаточные для предупреждения злоупотреблений духовенства заботы и распоряжения новгородской духовной власти не могли предупредить и проникновения раскола в олонецкие вотчины, особенно в пределы Пудожского погоста²⁵. С этим церковным настроением бороться было еще тем труднее, что с самого возникновения раскола, с половины XVII в., на северной и южной границах Пудожского и Шальского погостов выросли два таких центра раскола, как Рогозерская* и Курженская** пустыни. В первой из них жил в одно время чернец Корнилий, собравший вокруг себя

²⁵ Н.С. Шайжин пользуется распространенным в его времена термином «раскол», ныне почти не употребляемым в связи с тем, что Священный Синод в конце 1920-х гг. и Поместный собор Русской православной церкви в 1971 г. признали старообрядчество «духоспасаемым» православным течением и сняли с него все «клятвы» (соборно-церковные проклятия), «яко не бывши». На самом деле движение старообрядцев имело причиной не столько «недостаточное радиение» епархиального начальства, сколько глубокий социально-психологический, личностный и общий внутрицерковный конфликт, разразившийся в Русской православной церкви во время и после Поместного собора и «Собора патриархов» 1665–1667 гг., утвердивших реформирование церковного устава патриархом Никоном, но снявшего его с места предстоятеля. Подробнее об этом см.: История Карелии... С. 127–129.

* О ней см.: «Внутренние вопросы в расколе в конце XVII в.» П.С. Смирнова. Расположена была Рогозерская пустынь на межевой земле между Пудожским и Водлозерским погостами (Олон. губ. вед. 1851 г. № 1). Теперь она в черте Сумского прихода (Памятная книжка Олонецкой губернии. 1867 г.).

** Курженская пустынь в 20 вер. от Саминского прихода. Последователи раскола, руководители (по преимуществу Досифей) и руководимые стекались сюда массами. «Отсюду, — по выражению раскольничего историка, — тогда, в зиму лютого гонения на благочестие, весна сияще пресветлая» («Ист. Выгозерской пустыни» Филиппова. С. 79). Истреблена пустынь позже 1664–72 гг.

видных расколоучителей и имевший громадное влияние в Поморье, а о значении Курженской пустыни достаточно говорит уже тот факт, что с ее именем раскольники соединяют мысль о бывшем будто бы здесь большом раскольническом соборе 1650 г.

Как известно, характерною чертой раскола в первый его период было явление самоистребления раскольников. Эта «смертоносная язва» в виде самосожжения нашла себе в конце XVII в. немало жертв и в Пудоге, причем раскольники, по научению своих наставников-фанатиков, смотрели на «горение», как на путь ко спасению, показанный от самого Бога. Свои наставления фанатики подтверждали ссылками и на «видения». Так, в сочинении инока Ефросина «о самоубийственных смертях»* передается об одном мужике, который, заснув на берегу р. Водлы, видел двух неких светообразных. Они имели в руках горящие факелы и просили мужика перевезти их на другой берег. На вопрос сновидца: «Кто они и откуда идут?» – те отвечали, что они ангелы, сожгли Игнатия и Емельяна в Палеострове (в 1687 г.), а теперь идут в Пудогу устроить новое «горение»**. Влияние ревнителей «горения» сказалось: в Пудоге совсем было приготовились к сожжению (факт был ранее 1693 г.), которое не без труда удалось отвратить иноку Мине***, одному из представителей раскольнической партии, противной самосожжению. Однако самосожжение раскольников имело место в Пудоге именно 12 августа 1693 г. Подготовил его соловецкий выходец старец Иосиф, имевший пристанище на Коломене и на Ножовом. «Он часто приходил в село, рекомендуя в Пудожский погост, и поучал христиан... хранить древнерусское благочестие, от Никоновых же новин веляше вельми бегати****. Страшному по количеству жертв «горению» 12 августа предшествовал характерный раскольнический поход на Пудожский погост, подобный палеостровскому походу.

21 июля 1693 г. в Пудожский погост через д. Вянгозеро вступили многие незнаемые люди с ружьями. Это были ревнители

* С. 20–89.

** Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе. 78 с.

*** Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе. С. 70.

**** История Выгоз. пустыни. С. 62.

древлего благочестия во главе с чернечом Тимошкой и дьячком Васькой Зайцем. Пришли они из Рогозерской пустыни, где у них построена была изба о пяти жильях. Здесь жило мужского и женского полу близ 100 человек. Хлеб им приносили пудожские и окольных деревень жители. Оружия раскольники имели «больше 100 пищалей, пороху с четверика два». Вступив в Пудожский погост и достигнув церквей, Васька Заяц «в колокола по вестовому забил», и пришельцы вломились в церкви Живоначальной Троицы и Николы Чудотворца. Фанатики тотчас же принялись снимать и обмывать иконы и одежды на престолах. С водой появились даже на главах церквей и лили ее на кресты. В то же время того же Пудожского погоста три жонки соблазн чинили и были будто вне ума. От прелестных слов сих жонок, по показаниям раскольника Анички, великого государя и Юрьева монастыря крестьяне все были в раскольничем совете у церквей Божиих, опричь 10 дворов. Тимошка затем пересвятил даже церковь Николы Чудотворца, причем «антиминс с престола сняв, в реку Водлу бросил»²⁶. Евангелие напрестольное, книги и иконы многие были переменены. 23 июля раскольники устроили крестный ход вокруг церквей, а 1 августа взяли иконы и кресты, ходили на р. Водлу (в тексте: «Волгу». – А.Ж.) и там «без попа святали воду и в ней купали своих прелестников, в числе которых был и журавицкий староста». Потом ежедневно до 12 августа раскольники строем с ружьями ходили по деревням, являлись в церковь и пели здесь вечерни, утренни и даже обедни, отправляя и все другие церковные требы, открывавшиеся у окрестных обывателей православных. Последних Васька Заяц перекрещивал ежедневно до 77 человек, по показаниям восприемника Сеньки Яковлева. Молебны пелись и в Коловской Никольской часовне, так как крестьяне дд. Колова, Ножова и Вяньгозера были «прельщены» раскольниками. Не прельщенные

²⁶ Антиминс – *шелковый плат с частицами мощей святого, освященный правящим архиереем, отправлялся в каждый из вновь возведенных храмов и полагался на престол. Поскольку старообрядцы не признавали правящего епископата как еретиков, то и освященный владыкой антиминс вызвал столь гневное обращение с ним «ревнителей древлего благочестия».*

миряне и пудожские попы, «от воров по иным волостям и на леса разбежавшиеся, из опасения содержали караулы многие» и на всякий случай «все крест целовали на том, чтобы стоять и противиться ворам заодно». Кроме того, пудожские никольские попы Семен Петров да Антип Михеев на бесчинства раскольников отправили челобитную память царям Петру и Иоанну. Они жаловались, что раскольники отняли у них церковь, их самих били, домишки разграбили и разорили; их ста два и больше, с ними чернец и многие дьячки в расколе.

Раскольники же из пудожских государственных крестьян в своей отписке властям за руками 212 человек старались представить дело следующим образом: «воров-де и церковных раскольников и никакого воровского собрания в их Пудожском погосте нигде нет и не бывало, и попы челобитную подали напрасно». Было же действительно только следующее: «В 201 году по лету учал Божиим извлечением в их Пудожском погосте скот падать и люди умирать скорою смертью, и они, прихожане, 201 году 21 июля с женами и детьми собрались в Пудожском погосте в церкви Божии и молились для морового поветрия три дни неисходно, молебны и часы пели и св. водою образа в церквях кропили, а молебны-де у них пели в двух церквях дьякон Михей Афонасьев с дьячками, Микитка Иванов, Оська Алексеев сын Копос да Иван Григорьев. Служение совершилось без попов, потому что попов они, миряне, отказали, и они-де, попы, в то время в кабаке пили и бражничали. Отказ же последовал будто бы для тех их поповских налогов и безчинств. Попы-де к ним, мирским людям к болящим, для исповеди и причастия не приходят и не исповедают, и не причащают, и многие умирают, а которых умерших тела они, мирские люди, к церкви привозили, и попы с тех умерших имали от погребения по 2, по 3 и по 5 рублей, а дать-де было нечего, и те умершие тела лежат без погребения; а что молитву давали родительницам и свадьбу венчали и младенцев крестили и которые умирали, и они-де, попы, имали за все перед прежним вчетверо. А как они, мирские люди, приходили их, попов, звать к родительницам, и они-де, попы, не слушали и, забыв страх Божий, пили и бражничали, и многие родительницы без молитвы и без покаяния умерли. А ругу-де они, попы, с них,

мирских людей, емлют накладную, пред прежним втрое. Да как-де поп Семен Петров тягался с понамарем с Ивашком Матфеевым и взял с мирских людей угрозами 10 рублей...». Ради всего перечисленного жалобщики просили «тех попов дела разыскать». Просьба о розыске по поповским делам говорит о наличии злоупотреблений попов в отношении к прихожанам и низшим чинам причта, но, несомненно, раскольники преувеличили эти злоупотребления «втрое и вчетверо» против действительности. В члобитной, например, говорится, что с умерших попы «имали» по 2, по 3 и по 5 рублей – деньги по тому времени очень большие, – а раскольник Федька Алексеев не остановился даже пред таким поклепом: «прощали-де попы за исповедь и отпевание по 15 рублей»!

Следствием обоюдных жалоб пудожских попов и раскольников была присылка в Пудожский погост из Олонца стрелецкого сотника Микиты Ижорина да подьячего Ивана Буракова «с стрельцами и с ружьем, и с боевыми припасы». Им поручено было «чинить о поимке над раскольниками промысл, а для всякого промыслу и поимки тех воров взять понятых добрых людей с ружьем и не раскольников»: с Вытегорского уезда 50 человек, с Андомы 100 и с Нигижемской волости 20 человек. Пойманных «воров» стрельцы должны были привезти на расправу в Олонец, не замешкав; приказано также было «отнюдь не допускать ворам жечься, как такие воры и раскольники наперед сего жглися».

Раскольники, однако, предупредили поимку и 12 августа «в пяток», оставив Пудожский погост, во главе с иноком Иосифом предались самосожжению в дер. Строкиной. Здесь, «собравшись в хоромы некоторых христолюбцев со своими христианами», Иосиф не только запер все выходы, но «около хором и стену срубил». Как только показались посланные с Олонца начальники и подьячие, и с ними полтораста солдат с оружием и с пушками*, насмертники стали уговаривать Иосифа идти на кровлю обличать гонителей. Им хотелось, чтобы их учитель явил свою ревность «к излитию кровному» и тем загладил бы свое прежнее отречение от раскола, случившееся с ним после неудачной попытки

* История Выгоз. пустыни. Гл. XII. О собрании соловецкого отца инока Иосифа и о скончании его в Пудожском погосте. С. 62.

сгореть в местечке Дорах Каргопольского уезда. И вот, «выshed на хоромы на кровлю, на руках имуще образ Спасителя», Иосиф стал «о вере стязатися с никонианскими посланными». В хоромах в это время сидели с зажженными свечами в руках. «Стязались весь день» до вечера, ревность Иосифа превзошла всякое вероятие и вызвала с противной стороны выстрел «из мушкетов». Иосиф упал мертвым, внутри ^{*} «храмины» в это время началось пожарище .

По официальной отписке из Пудоги сотника и подьячего от 17 августа 1693 г. дело представляется в несколько другом свете. «Воры и церковные раскольники» заперлись в дер. Строкиной в 4 избах; их напрасно уговаривали отстать от богомерзкой ереси, они хулили церковь и крест, их хотели захватить живыми, но раскольники «учали стрелять», и они со стрельцами, прибежав к стенам, «учали стен просякать, чтобы их, воров, взять живых, и они-де, воры, в тое время зајглись вскоре и сгорели все без остатку, потому что-де у них изготовлены были к тому пожогу всякие припасы – порох и солома и сено сухое». Общее количество сгоревших с точностью неизвестно; раскольничьи синодики («Сводный Синодик» изд. Пыпина) о нем не упоминают, но, во всяком случае, оно громадно: по официальным показаниям, сгорело около 800 человек ^{**}, «Краткое летосчисление» считает 1500 человек ^{***}, а «История Выгозерской пустыни» – «к другой тысяче несколько» ^{****}. «Какие животы и рухлядь и припасы и скот и хлеб» остались после сгоревших и в чьи руки они попали, – по «сказке» Васьки Игровка, – «то не ведомо». А меж тем все это надлежало представить в Москву в Новгородский приказ. Посланые в Рогозерскую пустынь, в прежнее местожительство раскольников, донесли, что и там уж никого нет, все впусте; там только два избных сруба, которые без приказу они не смели (вернее, как сочувствующие расколу, не хотели) разорять, хотя прямое распоряжение начальства было: «пристани по лесам жечь и разорять».

^{*} Смирнов П. С. С. 58; Ефросин. С. 27–32, 46.

^{**} Акты истор. Т. В. С. 389.

^{***} Брат. Слово. 1888 г. I. 795.

^{****} С. 63. С раскольниками сгорели и три жонки, чинившие «соблазны».

С самосожжением раскольников и запустением Рогозера раскол в Пудоге не прекратился. Напротив, его крепко поддерживала теперь память о страдальцах за веру, окруженных ореолом мученичества и святости. Особенно сильно действовало на придерживавшихся и сочувствовавших расколу сказание о чуде, о котором рассказывали бывшие при пожарище стрельцы, «последи за древнерусское благочестие овии пострадавшии, а овии бегавшии». По рассказу стрельцов-караульных, темною ночью на 13 августа 1693 г. они увидели спустившееся на огнище и окружавшее его подобие светлого столпа «разными цветущего цветы». С высоты столпа сошли три мужа – два в епископских и один в диаконском светлых облачениях. Они ходили около огнища «на посолонь», один ограждал огнище благословящим крестом, другой кропил его водою из чаши, а третий кадил огнище фимиамом. Обойдя огнище с пением «три краты», мужи вошли в столп и «столп взят бысть с ними на аер и к тому не являшеся». Последствием рассказа караульных о чуде было то, что все слышавшие «ужасахуся и на месте огнища собираша во единую кучу кости и телеса оставшая и загребоша землею и обрубиша около того места сруб в три бревна». Для вразумления будто бы «ни во что же не вменявши чудное видение» оно повторялось в 40-й день и «последи на том месте против вселенских суббот многие видяще на том месте в нощи горящие свечи и дивиша сему»*.

Нет сомнения, что сочувствовавшие расколу пудожане и впоследствии поддерживали постоянную связь с знаменитой Выговской киновией, получая оттуда и нравственную, и материальную поддержку.

VII. Общая картина быта: занятия и промыслы крестьян Пудожского и Шальского погостов

Пустынен и дик был Пудожский край, как и все Обонежье, когда начали появляться здесь «страдомые деревни» новгородцев-колонистов. Одинокие русские села и починки в один, два-три

* История Выгоз. пуст.

двора совсем терялись среди девственных лесов. В разбросанных, больше по берегам рек и озер, на значительном расстоянии друг от друга поселках очень слабо могла развиваться общественная жизнь, и только «с нужею» поддерживались взаимные отношения. Главным препятствием тому, при больших расстояниях, являлись невозможные пути сообщения, не вышедшие из своего первобытного состояния даже в XVII в., как об этом свидетельствует «Роспись Олонецким городом» 1649 г.: «От Андомского погоста до Шальского погоста 70 верст... от Шальского погоста до Пудожского погоста 20 верст. А выставки из всех тех погостов расселились по мелким озерам в розни... сухим путем дороги во все погосты есть же, пешие и конные, с нужею, зашли мхи и озера, и перевозы через озера многие, а тележных дорог нет»*. «Дороги-де пришли плохие, а перегоны большие, – жаловались в конце XVII в. крестьяне на повенецких целовальников, – как поедут целовальники через погосты в выставки, и того перегону будет верст 70, и в разъездах в вешнее и в осеннее время в бездорожье многих лошадей замучат».

Но, несмотря на столь невыгодные условия, обрусение края шло довольно быстро: к концу XIV в. от кочевавших в пудожских пределах лопарей и чуди не осталось и следа. Русские поселки с приростом населения увеличились все более и более, так что в первой половине XVII в., после литовского погрома, среди малолюдных починков в Пудоге было немало деревень по 8–10 дворов. Общее же количество дворов в 50 юрьевских деревнях и починках достигало в 1628 г. 267 крестьянских да 14 бобыльских, кроме 3 дворов поповских, 3 дьяковских, 2 пonomарских и кельи просвирницей; населения в них было: крестьян домохозяев 267 да детей их и братьев, племянников и подсуседников 288 человек, да бобылей 33 человек, всего 588 душ муж. пола. Государевых деревень было втрое больше юрьевских, поэтому утвержденное количество крестьянских и бобыльских дворов и их наследников в Юрьевской вотчине должно нам приблизительно указывать общую

* Дополн. к акт. истор. Т. III. № 64. С. 231.

численность населения в Пудожском и Шальском погостах. В 1628 г. число дворов должно было простираться до 1100, а число душ муж. пола до 2350. К настоящему времени число душ в описываемом районе* больше чем удвоилось, достигнув в 1903 г. 6262 душ муж. пола**; в то же время число деревень не только не увеличивалось, но даже уменьшилось до 174. Для наглядного показания прироста населения за три века, хотя бы в пределах одного только Нигижемско-Георгиевского прихода, целиком составлявшего владение Юрьевского монастыря, приводим следующую сравнительную таблицу (см. с. 92).

Главным занятием пудожских крестьян было хлебопашество, которое за рассматриваемый период, как и доныне, велось подсечным путем. Пользование лесами для подсек, как и пастбищами, при их изобилии едва ли подчинено было каким-либо правилам. Всего вероятнее, пишет г-н Соколовский***, каждый рубил лесу где и сколько хотел²⁷. Землей для пашни крестьяне наделены были в изобилии: в одних Юрьевских вотчинах 1628 г. числилось при живущих деревнях «пашни паханые добрые земли 76 четей с осминою да перехожей земли 265 четей, да перелогом и лесом поросло 181 чет и всего пашни, перелогу и лесу 523 чети». Земледелие не отличалось от современного: на подсеках крестьяне сеяли рожь, овес, лен и ячмень, а судя по значительному количеству сена (в Юрьевских деревнях в 1628 г. было 1563 копны), по дешевизне

* Берутся приходы: Пудожский градской, Нигижемско-Пречист., Нигижемско-Георгиевский, Шальский, Купецкий, Коловский, Кулгальский, Сумский, Усть-Колодский, Колодозерский, Корбозерский, Салмозерский, Отовозерский и Кумбасозерский.

** Пам. кн. Олон. губ. 1903 г.

*** Соколовский. История сельской общины на севере России.

²⁷ Подсечное земледелие, как и всякая агрономическая система, конечно, имело собственные правила, достаточно простые для соблюдения в любом крестьянском хозяйстве. Так, для подсеки обычно выбирался лиственый лес, росший на склоне холма, чтобы потом, во время созревания злаков, лишняя влага стекала по склону. Автор, вслед за П.А. Соколовским, совершенно справедливо отмечает засадочный характер подсечного земледелия. Писцовая книга 1616–1618 гг., например, повсюду в Заонежских погостах, в т.ч. в Шальском, Пудожском и Водлозерском, отмечает, что крестьяне «пашут лесную пашню, кто где поспел».

В 1628 г.	Дворов	Душ м. п.
Дер. Ивана Антонова Патракова, а Окулова тож	10	18
Дер. Павлика Савина, а Каршева тож	8	16
Дер. Филиппа Яковлева, а Шильникова тож	6	15
Дер. Спирка Иванова, а Великой Двор тож	14	23
Дер. Полухта Тимофеева Чечетова	4	12
Дер. Афонаска Яковлева, Игнитовская Якушевская тож	10	27
Дер. Максимка Луккина, а Фомина тож	5	10
Дер. Микулки Давыдова, а Матвеевская тож	4	10
Дер. Осипка Иванова Феофилова, над Пертом-озером	3	10
Дер. Еремка Ортемова, а Никитинская тож	7	15
Дер. Ивановская Заволоченинова Мысова за озером, а Юрига тож	5	8
Дер. Игнатовская Самочерная	7	17
Дер., что была пустопынь на Бесовом носу Якимка Филипова	2	2
Итого	85	183 ²⁸

В 1902 г.	Дворов	Душ м. п.
Дер. Окуловская	19	61
Дер. Каршевская	25	67
Дер. Шильниковская	9	26
Дер. Великодворская	17	43
и дер. Знаменская	1	7
Дер. Якушевская	33	111
Дер. Фоминская	11	36
Дер. Давыдовская	10	23
Дер. Горская	17	49
Дер. Никитинская	18	51
Дер. Юрчурская	8	29
Дер. Черненская	22	51
Дер. Бесовская	14	50
Дер. Бахтынская	9	19
Дер. Новинская	4	10
ИТОГО	217	633 ²⁹
Военых	—	82
Раскольников	—	9
Итого	—	727 ³⁰

²⁸ У автора в оригинале итоговая сумма указана неточно: 185.

²⁹ У автора в оригинале итоговая сумма указана неточно: 636.

³⁰ У автора в оригинале итоговая сумма указана неточно: 724.

скота, удивлявшей иностранцев, по тому, как налоги платились в то время вместе с хлебом, маслом, сыром, овчинами, можно думать, что каждое хозяйство имело скот. Здесь интересно привести, как особенно раннее, свидетельство писцовой книги Юрия Сабурова (1496 г.) о положении хозяйства в деревне Шальского погоста на Уножском острове, где был только один двор, а «ржи сеяли две коробьи^{*}, сена косили 15 копен обжа, а дохода с деревни в Муромский монастырь 10 бел, а из хлеба четверть да сыр, да мерка масла».

Бортничество, которое в древности процветало и на севере России^{**}, не знали пудожские крестьяне. Об этом можно судить и по тому, что соседний с Пудогой Муромский монастырь медом и воском в качестве царской милости снабжался из Москвы, откуда ежегодно шло «по пуду с четью меду да по пуду с четью воска», как гласит «запись о ружных церквях и монастырях Обонежской пятины» 1577–1589 гг.³¹

Зато доходную и выгодную статью для пудожан составляли *звероловство* и рыбная ловля. Предметом добычи служили особенно

^{*} Коробья – древнейшая новгородская хлебная мера, в XV в. подвергшаяся преобразованию. Вполне ясно коробья обозначилась в 1588 г., а именно: «трое заняли коробью овса в новую миру» и один из них за свою треть овса заплатил осмину с третником. Итак, вновь преобразованная коробья содержала в себе 2 четверти (Брокгауз и Ефрон. Т. XVI. С. 309).

^{**} Соколовский. С. 22.

³¹ Ружное обеспечение являлось обязательным условием существования небогатых приходских церквей и дальних монастырей. Руга – это вспомоществование, которое выплачивалось священнику и причту местным приходом, иногда в виде хлеба, очень редко – деньгами, а в Карелии чаще всего – передачей в пользование церковникам части общинной земли, таким образом, им предоставлялась возможность жить результатами своего земледельческого труда. Выше в тексте речь шла о священнике, получавшем такую приходскую ругу. На уровне государства ружное обеспечение состояло в выделении в помощь и на пропитание братии отдельных монастырей и причту некоторых церквей денежных сумм и продуктов из государевых доходов. Муромский монастырь принадлежал именно к данной категории ружников. Другой тип государевой руги – выделение государственных земель в пользование обитатели (так с 1600-х гг. обеспечивалась Шокшинская Падостровская пустынь). Но обычно на ругу шли деньги и продукты с дворцовых сел и деревень, т.е. с личного домениального хозяйства царя.

белки и куницы, шкурами которых крестьяне платили оброк (белы и куничья подать). Была возможность охотиться и на такого редкого зверька, как бобр, о распространении которого в Пудожском крае еще в конце XVI в. говорит грамота 1585 г., укрепляющая за Кожеозерским монастырем (на границе Пудожского уезда) бобровые гоны. По мнению И. С. Полякова, бобр водился, впрочем, и во всей Олонецкой губернии, так как он попадался также около Ладожского озера*.

Рыболовство более широко было развито в Шале. Здесь в 1582 г. производился торг рыбой и мелким товаром в 11-ти амбараах. Кроме того, из всего количества крупной и ценной рыбы, ежегодно доставлявшейся в Юрьев монастырь из вотчин (лососей 22 пуда 20 фунтов, сигов 722 пуда), большая часть получалась из этой Олонецкой вотчины, расположенной возле Онежского озера. Во владении крестьян Пудожского погоста были «рыбные мневые ловли на реке на Водле в пороге во Мневце» (помыше дер. Подпорожья). Монастырские крестьяне уже по писцовой книге Юрия Сабурова, т. е. в конце XV в., имели здесь 21 мерду с полумердою, в то время как государевым крестьянам всех дворцовых волостей представлено было владеть – по части «сорокью тремя (43) мерды с полумердою, а оброку с тех ловель две гривны». Совместные владельцы ловель не могли уживаться в мире, докучая начальству взаимными жалобами. Так, в 1618 г. Юрьевский архимандрит, защищая права своих крестьян, жаловался на «государевых крестьян на Полуянка Олексеева и на всех крестьян Пудожского погоста: владеют-де те крестьяне в пороге во Мневце рыбною ловлею, а им-де в монастырь в той рыбной ловле изстари дана треть и в писцовых книгах написана с ними вопче и с тою-де они третью владеют 13 лет, а их монастыря крестьянам ловити не дают, только дают из тое рыбы им семью долю». После этой жалобы монастырские крестьяне были восстановлены в своих правах, с условием «оброк платити по-прежнему: Пудожского погоста крестьянам две доли с малой вытью, а Юрьева монастыря крестьянам третья

* ЖМНПр. 1902. VI.

доля без малой выти». В 1640 и 1682 г. рыбные монастырские ловли по рекам Водле, Шале и др. были царскою волею увеличены. Что касается цен на рыбу в Пудоге, то об этом имеются сведения в сохранившейся от XVI в., после 1547 г., «Порядной Водлозерских (из дер. Кургаловы и Согиловой Горы) крестьян Ивана и Семена Петровых с Кирилловым (вероятно, Челмогорским монастырем) на рыбную ловлю». Обязавшись ловить на монастырь рыбу, Петровы выговорили для себя такое условие: «а не захотим мы тое рыбы на срок (Рождество Христово) везти в Кириллов монастырь, коя в сей порядной записана, и нам дати за бочку цучины по 20 алтын, за бочку лещевины по 20 же алтын, а буде Бог пошлет сиго-вины, ино нам привести за бочку судачины, с обжи полбочки сиго-вины, а не захотим мы тое рыбы везти в Кириллов монастырь, коя в сей порядной писаны, и нам дати за полбочки сиго-вины 20 же алтын денег»*.

Из пудожских крестьян писцовая книга 1628 г. называет нескольких красильников и занимавшихся кожевенным производством, например в Нигижме, в деревне над Пертом озером бобыль Якушка Трифонов *красильник*, в деревне Амоска Иванов на Яковлева дворе Ивашко Герасимов *кожевник*, в деревне Окуловой Левко Микитин *кожевник* и др.

Некоторое представление о жилье нашего крестьянина за описываемое время могут дать следующие краткие записи: от 1582 г.: «в Шале у попа Тита два амбара под клетью да под горницею для торга рыбой и товаром»; запись 1590 г.: «двор крестьянской – изба трех сажен наземная да противо клеть, да два хлева, да межи хлевов два простенка». Кроме того, как общая особенность жилых помещений того времени, отмечаются в пережитке старины – свадебной причети, волоковые окна и недостаточное освещение изб:

У чужого чужсанина
У млада сына отецкого
Избенка будто байнишка –
Долотом окна прорублены,
Решетом свету наношено.

* Акты юридические, изд. Археограф. комис. 1838. № 1478.

Одевался пудожанин в домотканый балахон и лапти. С эпитетами балахонника и лапотника он является и в былине о Рахте Рагнозерском^{*}, местном пудожском богатыре^{**}. Будничная женская одежда была из одного и того же скромного материала, что и мужская, – на нее шли крашенина и точivo из льна, производством которого Пудога славилась с древности. Недаром сноп льна фигурирует и в гербе Пудожского уезда. В праздники женщины любили и умели наряжаться. По представленному г-ном Ивановым на С.-Петербургскую международную костюмную выставку костюму олонецкой крестьянки XVII в. можно было судить, с каким изяществом одевались в праздники девушки состоятельных семей в нашем крае.

Что касается *тици* крестьян, то, пишет г-н Соколовский^{***}, она была за описываемый период гораздо сытнее и разнообразнее, чем позже, как доказывает это г-н Аристов для всей древней России^{****}.

Речь о быте, собственно только о материальной культуре нашего края, необходимо было бы дополнить главой о семейно-общественных отношениях и религиозно-нравственном укладе жизни населения. Но исторические и юридические акты затронутые вопросы обходят молчанием, и потому ответ на них мы дадим в особой статье на основании нашей живой старины – по произведениям народного творчества. Восстановление картины семейно-общественного быта и религиозно-нравственного мировоззрения народа возможно не только через изучение всей области народного творчества^{*****}, но и через изучение одного даже вида этого творчества, например, похоронных причетей^{*****}.

^{*} Онежские былины. Записи Гильфердинга. Изд. Академии наук. Т. I. № 11.

^{**} Рахта – единственный богатырь Олонецкого края.

^{***} История сельской общины на севере России. С. 28–29.

^{****} Промышленность древней России: см. у Соколовского. С. 28–29.

^{*****} Попов. Влияние церковного учения и древнерусской церковной письменности на мировоззрение русского народа и его словесность.

^{*****} Барсов Е. В. Причтания Северного края. Т. 1.

ВIII. Исторические условия жизни крестьян Пудожского и Шальского погостов. Народные бедствия

Тяжела была в древности жизнь нашего заонежского, как вообще новгородского, крестьянства, когда хлеба хватало только в обрез, когда за невозможностью сделать запасы неурожай произвели страшные голода, сопровождавшиеся морами. В каждом столетии летопись отмечает не одну тяжелую для народа годину. В 1042 г. в Заволочье «бе мор лют на кони», а в 1123 г. здесь же «купляху по ногате хлеб». Страшный голод 1421–1423 гг. был следствием три дня сряду шедшего снега, уничтожившего посевы (История Карамзина. Т. V, прим. 222). К голоду в 1423 г. присоединился мор, а в 1446 г. «короб хлеба опять доходил до полтины», так что, по летописцу, на торгу и на улицах иные падали и умирали от голода. Голод 1471 г. произошел от сильных жаров и засухи, а в 1588 г. – от морозов³². При Борисе Годунове вся Россия пережила страшный трехлетний голод (1601–1603 гг.). XVIII в. для нашего севера был тоже не без голодовок (1716–1717 гг.)*. Но до падения Великого Новгорода наши крестьяне, живя на одних и тех же местах десятки лет за разработкой естественных богатств края, без лишних стеснений со стороны призванного и не призванного чинноначалия, могли еще восстановить свое хозяйство после голодных годов. В этом они успевали даже настолько, что страна, в общем, была, по выражению одного современника (около 1480 г.), «и хлебна, и скоты велики, и лен, и железо добро»**. Но если таково было положение нашего края сразу после похода на Новгород Иоанна III, то через столетие Московского владычества громадное большинство населенных мест опустело, вся Новгородская область покрылась множеством пустошей – пустых деревень и селищ, оставленных жителями. Благосостояние края сильно

³² Автор приводит свидетельство летописей о голодных годах из-за неурожаев, последовавших от природных катаклизмов; см. об этом также наше прим. 11.

* О голодных годах см. у Аристова.

** См. у Неволина. С. 48.

понизилось. Так, к 1582 г. в одном Пудожском погосте, по книге Плещеева (Л.1257), было «10 деревень пустых да 59 пустошей»!³³

Бобыли, избенки которых ютились на церковной земле, нищие, питающиеся подаянием, составляли повсеместное явление. И все это произошло, как показывали сами крестьяне, в 1573 г., «от государевых податей и от подвод», в других местах «от опричного правежу, от свейских немец».

Как тяжелы были *подати и подводы* – показывают грамоты на Олонец по поводу злоупотребления таможенных повенецких голов (1674 г., сентября 15; 1680 г., мая 21; 1681 г., февраля 27)*.

В государеву казну положено было вносить таможенного сбора «с Нигижемской волости на год по два рубля с полтиной, Купецкие волости по рублю по 20 алтын, Шальского погоста по полтора рубли, Пудожского погоста по рублю по 20 алтын на год», а головы своим умыслом наложили вновь «и на хлеб, и на скотину, и на харчевное по 5 денег с рубля, и деньги имали смертным правежом, и на правеже били и мучили, а в Новгородском-де во всем уезде таких сборов и мученья нигде нету»³⁴.

³³ О главных причинах запустений к 1580-м гг. см. прим. 14.

* Акты Археографической экспедиции. 1836. Т. IV. № 196, 241, 244.

³⁴ Повенецкие таможенные целовальники занимались сбором налогов с местной торговли. Если законные сборы не выплачивались в срок, то их взыскивали с помощью правежа – ежедневных избиений недоимщика вплоть до выплаты им денег. Этот законный способ буквального выколачивания налогов был распространен по всей стране, а не только в Пудожском крае. Без правежа просто нельзя было собрать сполна никаких налогов, т.к. только угроза правежа, с возможной смертью во время ежедневных экзекуций, заставляла выплачивать причитавшиеся деньги. Вместе с тем целовальники-праветчики отвечали перед казной личными средствами за сбор всех положенных выплат, поэтому они сами обезвоживали всех должников, но все же старались «не слишком усердствовать»: смерть недоимщика на правеже оставляла и их ни с чем. Конечно, Н. Шайкин возмущен такой «дикостью правов», но из приводимого им текста следует, что пудожане возмущались не самим правежом (жаловаться на закон не имело смысла), а слишком долгим пребыванием у них праветчиков и связанными с этим материальными тяготами, ложившимися на весь крестьянский мир, а не только на должников. В особенности недовольство вызывала гибель на плохих дорогах лошадей – основной рабочей силы в крестьянском хозяйстве. Поэтому они очень прозрачно намекают, что праветчики наносят вред не только всем местным крестьянам, но и казне, которая потом недосчитается налогов из-за разорения хозяйств.

Те же головы вместе с целовальниками мучили крестьян и подводами и кормами: «Приезжают они в Спасской Шальской и в Никольской Пудожской погосты, и в выставки в Нижнегородскую, и в Купецкую, и в Отовозерскую волости погодно... и стоят многие дни человек по 10 и больше, и пьют, и едят, и подводы емлют у монастырских и у государевых крестьян всякому человеку по подводе, да под запас подводы ж... и по подводе емлют в обе стороны – от Повенца едучи и назад на Повенец – и в бездорожье лошадей многих замучат». Донимали крестьян также «гонцы и посыльщики, кои на ямех емлют без указу кормы и харчи себе многие и крестьян бьют на правеже, и от тех кормов и харчей убытки бывают многие, от того они, крестьяне до конца разорились», так как «они платят (немалые) Великого Государя подати: стрелецкий хлеб, и рублевые, и постайные, и ямские деньги в Новгород сверх своих погостских волостных ямов».

IX. Вдвойне против государевых крестьян тяжело было положение юрьевских монастырских крестьян

Вдвойне против государевых крестьян тяжело было положение юрьевских монастырских крестьян под жестоким управлением «прикащиков» и при взносе двойных оброков на монастырскую и государеву казну. В монастырских книгах помещаются следующие налоги: «подушная подать, кабальный хлеб, рублевый оброк, пятна, помольные, свиточные, куничные, выводные и свадебные деньги». В «денежные книги» писали: оброчные, бобыльские, за годовых работников, за косцов, приказчиков, с водяных мельниц, урковых деревень, за конюшенные припасы, за кровельный тес. В «хлебных ведомостях» указываются сборы натурою: а) хлеб: рожь, овес, ячмень, конопля, горох; б) столовые припасы: соленые грибы, малина, смородина, брусника, черника, сухие грибы; здесь же об оброках холста и пряdeva.

Неисправное внесение всех этих налогов было обычным явлением и зависело от побегов крестьян и периодических неурожаев, вызывавших общую скудость, вследствие чего крестьяне вымаливали у монастыря «обождания» уплаты податей, жаловались, что

платежных средств у них «самое умаление», грозившее им порой, по необходимости «с отчаянием животишки свои бросить и с Богом уйти». Монастырское начальство или откладывало или перекладывало недоимки с денег на натурю или, к великой радости крестьян, заставляло отработать недоимки и в редких случаях просто умалчивало о них.

При взгляде на вотчины как данные только «для кормления» все, за исключением экономической, стороны жизни монастырских крестьян само собой отдалялись на второй план и порой как бы совсем выходили из круга забот монастыря, а если и подвергались регламентации монастырского начальства, то опять-таки соответственно большей или меньшей близости их к экономическому стоянию вотчин. Для надзора за вотчинным хозяйством в каждом погосте, а иногда и по волостям находился назначенный от монастыря управитель или приказчик из светских или монашескующих лиц. Такие – светские – приказчики жили, например, в Нигижме, как видно из собственноручной подписи одного из них на пожертвованной в Георгиевскую церковь богослужебной книге. Нигижма, судя по сравнительной величине взносов (таможенный сбор, например, был здесь двойной по сравнению с Пудогой – 2 рубля с полтиною), являлась самой людной и доходной из олонецких вотчин Юрьева монастыря.

Приказчики из монахов, если они постоянно пребывали на месте назначения, носили название «посельских монахов», а если временно, то, смотря по роду назначения, назывались «пятичными монахами – для сбора пятинного оброка», «конюшенными», ездавшими для надзора за монастырскими пастбищами, и проч. Все эти лица во избежание превышения власти и «своеволия» должны были руководиться инструкцией, по которой приказчик должен был избирать десятских и сотских и брать с крестьян подпиську не держать беглых драгун, матросов, раскольников, разбирать споры «по сущей правде», отнюдь не давать «отделять без указу прочь на другие дворы и земли сыновей, братьев, племянников, зятей и шурьяков, дабы оные от этого не могли приходить в каковую нищету и недостатки, отчего бы к побегу способа не было». Отдавать

дочерей в замужество или вдов за второго и третьего мужа в своих вотчинах крестьяне могут без выводных писем, но с уплатой 50 коп. куничных денег за брак, а «в посторонние вотчины без данных от монастыря отпускных писем и не получа выводных денег не отпускать, а самим им крестьянам без выводных писем тоже отнюдь не брать, а кем такие выводные письма получены будут, оные все прислать для содержания в монастырь неудержко». По § 9 приказчик в монастырские леса и угодья посторонних промышленников отнюдь никого не должен впускать, да и самим монастырским крестьянам для поставки тем промышленникам лесу на подряд не давать, и денег за то брать не допускать. Под жестоким наказанием он должен был следить, не лежат ли в праздности или не владеет ли кто безданно монастырскими землями.

Содержание приказчика во время бытности его в вотчине составлял следующий, «*взимаемый с крестьян*, приказчикский трактамент: денег по рублю по 60 коп. да за овчью шерсть по 2, по 4 коп. с выти, да въезжего и отъезжего со всякого двора по 6 коп., с бобылей бобыльщины по 5 коп. с человека, ржи и овса в старую меру и подвод для себя, а для розылок в ходоки одного человека. Обеспеченный содержанием приказчик должен был обид напрасных не чинить и взятков не брать». Но памятали ли наказ этот заонежские приказчики, жившие на кормлении за 700 верст от монастыря и имевшие в инструкции такой грозный параграф: все наряды монастырские брать с крестьян «безостаточно и бездоимочно», ибо убытки взыщутся с собственного твоего кошта с немалым истязанием? Приведенный параграф особенно заставил приказчиков заботиться о пополнении монастырских житниц, у которых должны были стоять сторожа и стеречь накрепко. Для записи каждого умолята хлеба в вотчинах существовали особые умолотные книги.

Недоимки вотчин, недохватки при вербовке рекрутов вели за собой строгие монастырские указы приказчику, которые, хотя и прочитывались «при всем полном скопе крестьян», но «сверх чаяния» нередко приходились не по нраву мужикам, вызывали бурные сцены возмущений и насилий, что видно из архивных монастырских записей XVII и XVIII в.

Обыкновенно дело происходило так. Прежде всего, при созыве «на скоп» для прочтения указа, крестьяне, по предварительному договору, отговаривались исполнить требование, выставляя причину няяви какое-либо домашнее дело или болезнь, а затем принуждаемые приказчиком и десятниками, хотя и собирались «для выслушивания» указа, но вскоре «горлачеством своим» принуждали приказчика прекратить чтение и приступить к разъяснению, что «указ», дескать, к их же крестьянской пользе служит, или же, взяв в руки палку, бить по спинам и головам смутьянов-горланов, дабы впредь супротивничать и озорничать им было неповадно». Если и этого оказывалось недостаточно для водворения порядка и возбуждения должного внимания к указу со стороны слушателей, то в дело иногда употреблялось и военное оружие, которое, вероятно, на случай опасности, приказчики имели при себе. Один приказчик в начале XVIII в. употребил, например, в дело «кортик» при отказе крестьян выдать «доброму» оброки и рекрутов «полностью по указу». Но подобные энергичные способы «взимания» не всегда обходились благополучно и для самих приказчиков. Бывали случаи, «крестьяне с рогатинами и винтовками выбегали к месту сбираща» и тогда злополучному и неумелому приказчику приходилось плохо: его били жестоко, со всеми ужасами дикой расправы, били до «полумертвия».

И вот затевалось «судное» дело. Побитый приказчик посыпал рапорт в монастырь с подробным изложением «по чистой совести (?) и без утайки» обстоятельств своей неудачной миссии. Но что же могли сделать хозяева-монахи? Духовные средства вроде внушений и увещеваний они не всегда употребляли в дело, хотя и советовали иногда эти средства приказчикам и писали об этом в вотчины к местным священникам. Чаще же бывало так, что в силу несудимых грамот настоятели юрьевские сами начинали следствие по делу, отмечая свою рукой на рапорте приказчика: «послать немедленно нарочитого человека и велеть тыя деревни крестьянам виновных выдать и, забрав таковых, пригнать в монастырь, а как будут приведены – допрашивать». Показания по делу каждого свидетеля записывались особо и клонились, разумеется, к оправданию

себя и опровержению изложенного в рапорте приказчика. В большинстве случаев или почти всегда подобные ссоры кончались общим примирением, так как большую частью носили характер взаимных обид. На основании каждого «судоговорения» составлялось непременно «дело», в конце которого архимандрит-судья собственоручно делал резолюцию: «взять с крестьян хлеб» или «доправить деньги» и тому подобные безапелляционные решения!

Кроме сбора оброков и решения недоразумений между крестьянами, у приказчика был еще целый ряд дел, для «безобидного» решения которых требовалась также довольно сложная процедура. Это так называемые земельные споры, заурядные при отсутствии правильной планировки местностей и точного размежевания земель. Споры эти довольно скоро и почти всегда решались «полюбовно» на месте при участии местных жителей из старожилов, как о том говорит и «отводная» на земли Вяжицкому и Юрьеву монастырям от 15 июня 1505 г.* В ней читаем: «Се яз, Ефимей, Вяжицкого монастыря старец, да аз, слуга Юрьева монастыря Кузьма, прошли есмя между (в других подобных актах говорится о прохождении с несением над головой земли и иконы) на любви промежи Секозара и Рындозера от Шалы реки на Раймуевы нивы, Лычные горы, Кукоозерское Соломя, на Тетеревинный мох, на Шали реке падун, на Ерихновы нивы, от Овдеевой нивы прямо к Шале реке промежу двух лайбин. А вели юрьевские старики межники (шестеро). А кто через той развод через между перейдет, и ино на том 5 рублей новгородский».

В речи о вотчинном управлении** автор «Истории Юрьева монастыря» рисует в общем невеселую картину жизни юрьевских вотчинных людей, но в то же время он находит не приложимым к ним слова Иоанна Грозного, сказанные на Стоглавом соборе о монастырских крестьянах вообще: «Крестьяне монастырские алчут и жаждут, и не имеют покоя, и терпят всякие нужды». «На основании подлинных письменных данных, – пишет иеромонах Валентин, – можно сказать, что в бедствии, “в оскудении”, юрьевский

* Акты юридические, изд. Археографической комиссией. 1838. № 145.

** История Юрьева монастыря. С. 50–64.

крестьянин, несмотря на всю строгость указов о сборах в пользу монастыря, смело шел в монастырь и находил в настоятелях милостивых, хотя и без поблажки, защитников и оборонителей от несправедливых действий расходившихся не в меру за глазами своего начальства слуг монастырских, находя в своих настоятелях истинных отцов и благодетелей». «С неподдельною искренностью обращались крестьяне к ним в своих нуждах, и настоятели, – продолжает характеристику отношений иеромонах Валентин, – с такой же искренней отзывчивостью приказывали “выдать” или “не брать” с крестьян чего-либо, смотря по роду просьбы». Благодаря таким «сердечным» (?), по выражению самих крестьян, отношениям, самый характер управления юрьевскими вотчинами должен был, естественно, носить особый, несколько своеобразный оттенок, далеко не похожий на характер светского крепостничества.

Кроме больших поборов и несправедливого – с превышением власти – отношения ближайшего чиновничества тяжелым бедствием для юрьевских и государевых вотчинников в Пудоге были частые *нападения врагов*. С самого раннего времени Пудожский край не мало пострадал от грабежа удалых новгородских ушкуйников и детей боярских. В 1448 г., во время преследования Дмитрием Шемякою великого князя Василия Темного, «за Волоком Онего и Каргополе и Пудогу повоеваша и пограбиша шестники». Грабежи продолжались и XVI в., уже со стороны «свейских немец»^{*} и завершились страшным для всей Руси литовским разорением. Ужасы этого разорения Пудога пережила уже после освобождения Москвы^{**}, вероятнее всего, в конце 1613 г. Воровские шайки, состоявшие из литовцев, поляков, запорожцев и русских изменников, начали наводнить вытегорские и каргопольские пределы еще в конце 1612 г. В октябре и декабре этого года ими сделаны были три приступа на Каргополь и произведены большие опустошения в

* Ими, может быть, в 80-х гг. этого века сожжены были Успенская церковь и ограда около Муромского монастыря. См.: Христианское чтение. 1886. Статья о Муромском монастыре.

** Всего в Олонии хозяйствничало с 1613 по 1618 г. до 70 шаек.

окрестностях, тогда же воры успели предать огню и мечу деревни Андомского погоста и Муромский монастырь. Надвигалась гроза и на Пудогу. До сих пор ее спасала от воров не сила ратная и не засеки в лесах, а только то, что «живут они в дальнем расстоянии, за большими перегонами, да дороги к ним прошли плохие: зашли все мхи да озера». Но разорение сопредельных с пудожскими каргопольских и вытегорских волостей, и особенно Андомского погоста (всего в 70 верстах), через который прискакали в Пудогу гонцы «с Тифинами»³⁵, заставило пудожан встрепенуться, подумать о действительных средствах защиты, позаботиться о том, «кабы изневестно воры в поречьях (рек Водлы, Шалы, Колоды, Черной) людей не изъехали, крестьян не поsekли и животов не пограбили бы, и дворов не пожгли». И вот в трудную минуту «старосты и целовальники, и все крестьяне Пудожского уезда целом бьют^{*}, взывая о помоши (раньше 27 октября 1613 г. ^{**}) в Каргополь к господам князю Ив. Андр. Дацкову и Каргопольского уезда старостам и целовальникам, и всем живущим людям». Известив, со слов «гонца Мордвинова с казаки», что «немецкие и литовские люди стоят обострожно в острожке на Вытегре», что они были уже в Андоме, пудожане пишут: «Было-де воров 300 человек, а ныне-де к ним идут 300 человек... и вам бы господа, нас ворам не подати; а стать бы вместе на литовских людей и засеки, где пригоже крепити, а воров бы в поречья не пропустити. А отписки бы, господа, росписали по всем станом и по волостям, и совет доброй меж собой советовали, и гонцов скоро на подводах посыпали, и подводы бы, господа, с гончиками, давали не издержа». Но из Каргополя, который

³⁵ «С Тифини» – с Тихвина. С 1613 г., в условиях оккупации шведами Новгорода, Тихвин стал главным центром суворенной российской власти в Новгородском уезде. Крестьяне Пудожского погоста об этом хорошо знали и поддерживали связь между его воеводами и свободным от неприятеля Каргополем, помогая тем самым скорейшему освобождению Севера от войск неприятеля. Уже зимой-весной 1614 г. российская часть Карелии была очищена от оккупантов, и настало время борьбы с многочисленными бандитскими шайками, объявившими себя «казаками». В 1615 г. этим занимался присланный из Москвы воевода князь Львов.

^{*} Дополнения к актам историческим. Т. 2. № 10, IV.

^{**} Там же. № 10, I.

каждый день мог ожидать повторения вражеских приступов, трудно было ожидать просимой помощи. Вероятно, ее и не было послано, и беззащитную Пудогу постигла участь сопредельных погостов и волостей. В актах исторических нет описаний разорения Пудожского края. О хозяйствичанье здесь воров говорят, и то вскользь, только «данные Палеостровскому монастырю (от 31 марта 1623 г.) на 3/4 мельничных хоромишек и с мельничною железною снастью, что осталось на реке Рагнуксе от разорения немецких и литовских людей»^{*36}. Но если не письменные памятники, то память народная до сих пор живо хранит сказания о панах-разбойниках, стерших с лица земли не один десяток деревень в Пудожском крае. От разбойников-воров прекратила, например, свое существование деревня Кершино (в верховье реки Черной), которая под названием «Киршин омут» и посейчас остается отмеченной на подробнейшей карте России в С.-Петербургской императорской публичной библиотеке. Даже спустя 3–4 года после лихолетья, в которые многие из спасшихся от воров крестьян успели устроить себе хоть какое-либо жилье, в одной Юрьевской вотчине недосчитывалось все-таки 3 деревень, но зато прибыло 20 с лишком пустошей и оказалось 101 «двор пустых»! Страшному разорению соответствовала и громадная численность воров. На каргопольско-пудожские пределы их приходило до 15 тыс. Об этом можно заключить из того факта, что уже в 1615 г. из уездов Каргопольского и Белозерского по вызову царя вступило в поход казаков от 30 до 40 тыс., хотя более мелкие шайки продолжали свирепствовать и опустошать Каргопольский край до 1620 г. .

* Барсов Е.В. Палеостров. Приложения. № 27.

³⁶ «Разорение» от действий польских и шведских интервентов и «русских воров» в Пудожском крае зафиксировало «письмо» 1616–1618 гг. По нашим подсчетам, к тому времени в 116 полупустых деревнях Пудожского погоста проживало всего около 1600 человек, а 115 деревень (т.е. половина) вообще обезлюдело. Немногим лучше было положение дел в Шальском погосте. К 1616 г. здесь имелось 50 «живущих» деревень с населением в 730 человек и 42 пустые деревни. Потребовался упорный труд двух поколений, чтобы возродить к середине XVII в. людской и хозяйственный потенциал.

** Белозерский В.М. Исторический очерк города Каргополя. Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 год; Докучаев-Басков. История Челменского монастыря. С. 50.

После литовского разорения жизнь пудожских крестьян довольно быстрыми шагами входила в обычную колею, и через 15 лет число душ и дворов в монастырской и в государевой вотчинах удвоилось, как видно из сравнения переписей 1628 и 1616–1617 гг. В 1628 г. юрьевских крестьянских дворов числилось уже 267. Из этого числа в 1665 г. убыло 22 двора, наследники которых неизвестно в каких видах выведены были в государевы Заонежские Лопские погосты*.

При Петре Великом жители Пудожского края, наравне с жителями других местностей, привлекались на общественные работы как в своем kraе (на заводы), так и в строившийся Петербург, одна из окраинных улиц которого (на Выборгской стороне) названа была Пудожской.

В царствование Екатерины II в 1764 г. совершилась секуляризация церковных имений. С этого года прекратилась зависимость и порвалась многовековая связь между Юрьевским монастырем и его бывшими вотчинными людьми в Пудоге и в других местностях. Настоятелем Юрьева монастыря в памятный год секуляризации имений был архимандрит Иоаннник II.

Х. Замечания о говоре крестьян за описываемый период

Говор крестьян нашего kraя за описываемый период не имел почти отличий от современного местного говора. К такому выводу приходим через сравнение языка сохранившихся в kraе причитаний и былин с «Богатырским словом» в списке начала XVII в., открытым Е. В. Барсовым** в каргопольско-пудожских пределах***. «Богатырское слово» является первою по древности записанной былиной, которую история русской литературы получила из той же «русской Исландии» – Олонецкого kraя, где собраны богатства живого былевого творчества Рыбниковым (4 тома «Песен»),

* См.: История российской иерархии. Ч. 6. С.796.

** Приложение к XL тому Записок императорской Академии наук. № 5.

*** Сборник, в котором помещено «Богатырское слово», принадлежал целому роду Каменевых в Турчасове.

Гильфердингом («Онежские былины»), Е. В. Барсовым («Причтания» и былины), Истоминым («Песни русского народа, собранные в Архангельской и Олонецкой губерниях») и другими.

Для определения особенностей говора крестьян нашего края за описываемый период нам в качестве материала не могут служить данные исторических и юридических актов. Самый ранний из документов, писанных в Пудоге, относится к 1505 г. В этом году написана «Отводная Юрьеву монастырю» шальским дьяком Нектарием. Другой документ писан уже в половине XVI в. Это «Судный список по делу Муромского и Палеостровского монастырей в 1537–1539 гг., писанный дьяком святого Спаса нашего Шальские волости Олешкой Еремеевым сыном». Между тем все особенности местного наречия – синтаксические, морфологические и фонетические – удерживаются в юридических актах (договорных, купчих, закладных, заемных, рядных) только до XV в. С XV в. московские приказные избы все более начинают забирать в свои руки самые различные стороны народной жизни подведомственного населения, и система централизации и административного однообразия не замедляет сказаться в официальном языке. Юридические акты пишутся по определенным формам, и многие вступают в законную силу только после скрепы дьяком великого князя. Если мы сравним, пишет проф. Д. И. Абрамович, частную юридическую сделку в письменной ее передаче в XIV и XV в., хотя бы в области Северной Двины, то увидим, что купчая XIV в., писаная на двинском наречии, отражает местные особенности и притом не всего Холмогорского края, а, быть может, специально, например, Княжеостровской волости. Одного взгляда достаточно, чтобы отличить юридический акт XIV в. севера от Суздаля и Углича. Но купчую XVI в. мы признаем за двинскую только после того, как убедимся из названия местностей, что имеем дело с Холмогорским уездом. Она писана тем же почти языком, как купчая тверская или рязанская, мы даже найдем в ней особенности акающего наречия. Московское наречие уже в XV–XVI вв. делается официальным языком Великорусского государства, и на нем не замедлили заговорить во всей Великоруссии все те, кто стал выше народа.

Список источников и литературы, использованных Н. С. Шайжиным

Акты Археографической экспедиции. 1836. Т. IV – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициою Академии наук. Т. IV. СПб., 1836.

Акты истор. (А.И.) Т. I, III, V – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1, 3. СПб., 1841. Т. 5. СПб., 1842.

Акты юридические, изданные Археографической комиссией. 1838. (Акты юридич., изд. Археограф. комисс. 1838) – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838.

Аристов. (Промышленность древней России) – *Аристов Н.Я.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1886.

Барсов Е. В. Палеостров – *Барсов Е. В.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. М. 1868. С. 18–222.

Барсов Е. В. Причитанья Северного края. Т. 1 – *Барсов Е.В.* Причитания Северного края. Т. 1. М., 1872 (Похоронные плачи).

Барсов Н. Очерки исторической географии. – *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873.

Белозерский В. М. Исторический очерк города Каргополя. Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 год – *Белозерский В.М.* Каргополь. Исторический очерк // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1858 г. Петрозаводск, 1858. С. 167–203.

Братское Слово. 1888 г. I – Братское Слово. 1888. Т. 1.

Валентин (Ключарев), иеромонах. Юрьев Новгородский первоклассный монастырь (История Юрьева монастыря) – Валентин (Ключарев), иеромонах. История Юрьева Новгородского первоклассного монастыря. М., 1893.

Географическо-статистический словарь Российской империи Семенова. Т. III – *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 3. СПб., 1870.

Дело о переводе старцев. Чтение общества истории и древностей российских. 1887 г. Т. III – Дело о переводе из Палеостровского и других монастырей старцев в Муромский Успенский монастырь и о выводе стариц из сего монастыря в Вознесенский и Никольский монастыри 194 г.

авг. 29 дня – 196 г. марта 19 дня // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 3, разд. 5. С. 54–76.

Дело о пудожских раскольниках – См.: Акты исторические. Т. 5.

Докучаев-Басков. История Челменского монастыря – Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри крайнего севера. История Челменской пустыни // Христианское чтение. 1889. № 9/10. С. 43–111.

Докучаев-Басков. Муромский монастырь – Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри крайнего севера. Муромский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 9/10. С. 492–536.

Дополн. к акт. истор. Т. III – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1848. Т. 3.

Ефросин – Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Сообщено Х.М. Лопаревым. СПб., 1895.

Житие Лазаря Муромского – Житие Лазаря Муромского // Амвросий (Орнатский), архимандрит. История российской иерархии. Ч. 5. М., 1813. С. 115–130.

ЖМНПр. 1902. № 6 – Журнал Министерства народного просвещения. 1902.

Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884 г. – Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

Зверинский В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях России. Т. III – Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Вып. 3. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897.

История российской иерархии (Ист. рос. иерарх.) Ч. 6 – Амвросий (Орнатский), архимандрит. История российской иерархии. Ч. 6. М., 1815.

Истор. сельской общ. на севере России – См. Соколовский.

Калачев. Акты юридического быта древней России. Т. 2 – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографической комиссией / Под ред. Н.В. Калачова. Т. 2. СПб., 1864.

Макарий, еп. Христианство в пределах Архангельской губ. Чтения в общ. истории и древ. рос. 1878 г. II – Макарий, архиепископ. Христианство в пределах Архангельской губернии // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1878.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских. (Неволин. Новгородские пятины; Неволин) – *Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в.* СПб., 1853.

Новгородская летопись III – См.: Полное собрание летописей.

Олон. епарх. ведом. 1903 г. Данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII в. – *Шайжин Н.С. Новые положительные данные в пользу существования в Олонецком крае христианства в XII в.* // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 6. С. 201–206.

Олон. губ. вед. – Олонецкие губернские ведомости.

Олонецкий сборник. Вып. III – Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894.

Онежские былины. Записи Гильфердинга. Изд. Академии наук. Т. 1 – *Гильфердинг А.Ф. Онежские былины.* Т. 1. СПб., 1873.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. (Описание Московского архива Министерства юстиции). Кн. I – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1. СПб., 1869. Кн. 5. СПб., 1888.

Памятная кн. Олон. губ. 1867 г. – Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867.

Памятная книжка Олонецкой губернии. 1903 г. – Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 г. Петрозаводск, 1903.

Памятная книжка Олонецкой губернии. 1905 г. – Памятная книжка Олонецкой губернии на 1905 г. Петрозаводск, 1905.

Полное собрание летописей. XV. Тверская. V. Софийская. III. Новгородская первая (Новгородская летопись III). I. Лаврентьевская. – Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссии. Т. I. Лаврентьевская летопись. СПб., 1846; Т. III. Новгородская первая летопись. СПб., 1841. Т. V. Софийская первая летопись. М., 1851; Т. XV. Тверская летопись и Рогожский летописец. СПб., 1863.

Попов. Влияние церковного учения и древнерусской церковной письменности на мировоззрение русского народа и его словесность – *Попов А.В. Влияние церковного учения и древнерусской духовной письменности на миросозерцание русского народа, и в частности на народную словесность, в древний допетровский период.* Казань, 1883.

Приложение к XL тому Записок императорской Академии наук. № 5 – Записки императорской Академии наук. Т. 40. Прил. 5. СПб., 1882.

Промышленность древней России – См.: *Аристов.*

Пушкарев. Описание Российской империи 1844 г. I – *Пушкарев И. И.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Т. I. Ч. 3. Олонецкая губерния. СПб., 1845. Шайжинским год выхода книги указан неточно.

Реферат «Об олонецких древностях» – *Барсов Е.В.* Об олонецких древностях. (Реферат, читанный автором в заседании Московского археологического общества в 1878 г.) // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. Отдел. I. С. 170–186.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. Семенова. Т. III – Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова и В.И. Ламанского. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900.

Рус. истор. библ. Т. II – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссию. Т. II. СПб., 1875.

Сергеевич В. Древности русского землевладения. Журн. М. Н. Пр. 1901 г., март – Сергеевич В. Древности русского землевладения // Журнал министерства народного просвещения. 1901. № 3.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в конце XVII в. (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе; Смирнов) – Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в конце XVII в. СПб., 1898.

Соколовский. История сельской общины на севере России – Соколовский П. А. История сельской общины на севере России. СПб., 1877.

Список населенных мест Олонецкой губернии 1879 г. – Списки населенных мест Российской империи. Вып. 27. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. СПб., 1879.

Ист. Выгозерской пустыни – Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. У Шайжина вместо «Выговской пустыни» неточно «Выгозерской пустыни».

Чтения в обществе истории и древностей российских. 1887 г. Т. III – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887. Кн. 3.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона (Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Словарь). Т. VII, XVI, XXI. – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. Т. 7. СПб., 1892. Т. 16. СПб., 1895. Т. 21. СПб., 1897.

Stuckenber hidr. III – Stuckenber I. Hydrographie des Russischen Reches oder geographische-statistische-technische Beschreibung seiner floss- u schiffbar Flüsse und Seen. III. St.- Pbg. 1844.

А. Ю. Жуков

ПУДОЖСКИЙ КРАЙ В X–XV вв.

Пудожский край стоит в ряду самых значимых для средневековой истории Карелии земель. По его территории проходили первичные волны оседлого заселения Русского Севера. Здесь формировался один из первых очагов северного земледелия. Из бассейна реки Водлы шли удобные водно-волоковые пути на север к Белому морю: первый – к рекам Онеге и Двине, а второй – по Илексе к реке Нюхче. Известно, что Пудожье сыграло заметную роль в сохранении русско-новгородской былинно-певческой традиции. Наконец, в крае возник один из первых монастырских центров Карелии – Муромский Успенский монастырь, который сейчас возрождается из забвения. Несмотря на то что в средние века Пудожье не составляло единого административного целого, существует ряд факторов, которые дают веские основания говорить о складывании уже тогда того территориального и социокультурного единства, которое и выражается в понятии «Пудожский край».

Главное первичное, базовое условие, которое определило всю средневековую историю края, – это природно-географический фактор. Бассейн рек Водлы и Илексы является северо-восточной оконечностью огромного общего бассейна Атлантического океана. Но уже близ восточных окраин Пудожья начинаются пространства другого крупнейшего океанского бассейна планеты – Северного Ледовитого океана, его крайней юго-западной водной провинции. Таким образом, именно Пудожский край и примыкающие к нему архангельское Каргополье и Поонежье являются передаточными звеньями между этими крупнейшими бассейнами планеты.

В непосредственной близости от Пудожья, на Вытегоршине начинался путь с реки Вытегры к притокам Волги, а это – бассейн Каспийского моря. К тому же между Вытегрой и Водлой протекает река Андома, так что Пудожье связано с Вытегоршиной не только водной гладью Онежского озера, но и через притоки Андомы. С конца I тыс. н. э. данный природно-географический фактор уже заметно проявлялся в экономике.

Каспий и Волга, а также южная часть бассейна Онежского и Ладожского озер, реки Свирь и Нева являлись северным ответвлением Великого шелкового пути из Китая в Европу. Не случайно на берегах Свирь и Невы археологи находят крупнейшие клады серебряных монет конца I тыс., некоторые из них насчитывают до десяти тысяч дирхемов, отчеканенных в городах Багдадского халифата. У северных границ Пудожья, в Челмужах высились захоронения-курганы поволжской судско-мологской веси, которая контролировала самый северный путь с Онежского озера к Белому морю. Это следы так называемой циркумбалтийской торговли. Северяне поставляли на емкий международный рынок Востока и Запада пушнину¹. Позднее активно заработал знаменитый Кенский волок. Так, в писцовой книге Обонежской пятини 1563 г. об этом торговом пути с верховьев реки Водлы в Каргополье говорится: «а через тот волочек торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугородцкие земли водяным путем в судех»². Но чтобы Кенский волок успешно действовал, новгородцам поначалу пришлось взять под государственный контроль юг и восток Обонежской Карелии.

¹ Кочкуркина С. И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 103–112; Кочкуркина С. И., Стиридонов А. М. Средневековые поселения // Древние поселения Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988. С. 121–135; Стиридонов А. М.: 1) Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I – начала II тыс. н.э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 136–147; 2) Монетные клады Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1995. Вып. 3. С. 136–151.

² Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 177.

Земли эти первоначально были закрыты для прямого управления Новгорода. Отголоски тех времен звучат, видимо, в некоторых преданиях «о панах», записанных в середине XIX в. Обычно эти легенды повествуют о шведской интервенции на Севере в 1610-х гг., но часть их несравненно древнее. Согласно последним, *паны* жили в укрепленных поселениях – замках – на реке Водле, у Повенца и на Городовом острове на Выгозере. Вооружены они были луками и ходили отрядами, покоряя местное население и заставляя его работать на себя. Изгнали этих «панов» русские³. Данную архаику мы связываем с деятельностью на Севере викингов-варягов. Связи племенных верхушек прибалто-финнов, в том числе веси, с варягами вызвали появление этносоциальной группы «колбягов» (или «кюльфингов»). Они упоминаются, наряду с варягами, в кодексе законов «Русская Правда» 1015 г.⁴ и скандинавских сагах. В частности, саги повествуют о том, что кюльфинги занимались на Севере торговлей, «а кое-где – и грабежами». В Присвирье у колбягов имелся собственный укрепленный центр Алаборг на реке Сясь (впоследствии – село Городище)⁵.

Городище было и на Водле. В писцовой книге 1563 г. указан ряд деревень в центре Пудожского погоста, то есть на территории нынешнего г. Пудожа, в названиях которых присутствует слово *городище*: дер. *На Городище* (рядом с дер. *За полем на реке на Жаравице*), дер. *На острове словет под Городищем у Жаравкене реке* и дер. *На Жаравице на Городище словет Титовская*⁶. Очевидно, именно это место и имели в виду архаичные предания «о панах»,

³ Чудские памятники и предания о «панах» // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. Отд. III. С. 113–117.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 490.

⁵ Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 52–54; Кочкуркина С.И., Спиридовон А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 110–111; Jackson T.N. Old Rus through the eyes of medieval Icelanders // Russian Studies in Word History and Culture. Т. 3 / V. 3. N-Y., 2000. С. 70–72.

⁶ Писцовые книги... С. 181, 183.

рассказывая об их укреплении – «замке» на Водле. В целом старинные предания согласуются с нашими знаниями о колбягах-кюльфингах.

Весьма интересно отмеченное выше наименование писцовой книгой 1563 г. каргопольских и поонежских земель Заволочьем. Данный факт полностью согласуется с текстом завещаний Ивана III и Ивана IV (XVI в.) своим наследникам: «даю... Заволоцкую землю всю: Онего и Каргополе и все Поонежье»⁷. Первоначальное Заволочье, оказывается, включало земли Озерного края и реку Онегу. Само это название отразило взгляд древнерусского человека на пути проникновения на Север из верхнего Поволжья. Взгляд этот простирался вплоть до восточного побережья Онежского озера (современного Пудожья). Между тем нас более всего интересует смежная с Заволочьем область *Обонежья*, примыкающая к Онежскому озеру со стороны Новгорода. Данное название отразило другое направление древнерусской экспансии на Север: от Новгорода к северо-востоку, на Свирь и побережье Онежского озера. Как раз на востоке Обонежья, в Пудожье, оно и смыкалось через Кенский волок с первоначальным Заволочьем.

Русские летописи дважды, под 1282/83 и 1317 гг. упоминали новгородцев – «обонежских купцов», пострадавших от военных действий шведов⁸. Новгородские купеческие корпорации складывались на основе рынков закупки и продажи товаров. По географическим названиям этих рынков они и именовались⁹. Летописные строки о торговой корпорации обонежских купцов говорят о существовании по крайней мере с середины XIII в. административной области *Обонежья* и о том, что данная область уже вполне вошла

⁷ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 269; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссию. СПб., 1846. Т. I. С. 384. Следует напомнить, что, кроме поонежского Заволочья, в обоих этих завещаниях несколькими словами после описывается и другое Заволочье – земли к востоку от реки Северной Двины. В данной же статье речь идет именно о Поонежье.

⁸ См. например: НПЛ. С. 95, 325, 337.

⁹ Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 279.

в сферу экономической деятельности Новгородской республики. Дата вхождения земель Обонежской Карелии в государственную структуру земель Новгорода вытекает из анализа текста «Устава» Святослава Ольговича 1137 г. и приписок к нему под особыми заголовками «А се Обонезьский ряд» и «А се Бежеческий ряд». Приписки эти появились в середине XIII в. и содержали наименования погостов и суммы налогов, которые новгородский князь согласился выплачивать Новгородской епархии в качестве церковной десятины¹⁰. Так, впервые смежные земли Пудожья и Поонежья по обе стороны от географической границы бассейнов Атлантики и Ледовитого океана стали частями одной государственной территории. Новгородская государственность обеспечила единое экономическое пространство, отраженное летописями в понятии *обонежские кутцы*. Но все же главным условием присутствия Новгорода на Севере являлись не торговля и даже не войска, а укоренение на местах подданных республики. Поэтому государственная инкорпорация Обонежья шла вслед за его оседлым освоением сначала вепсами, а затем новгородцами-русскими.

Начало массовому русско-новгородскому крестьянскому продвижению на Север было положено в 1220-е гг. Бурная история Великого Новгорода ознаменовалась тогда двумя важнейшими событиями: борьбой Михаила и Ярослава Всеволодовичей за княжеский стол, и страшным голодом, поразившим Новгородскую землю во второй половине десятилетия. Когда в апреле 1229 г. князь Михаил был принят новгородцами, оказалось, что за время затяжного конфликта тысячи крестьян покинули своих господ. И он «вда свободу смердомъ на 5 лет дании не платити, кто сбежаль в чюжю землю...»¹¹ Ситуацию усугубили четырехлетние неурожаи, которые привели к тому, что, по словам новгородского летописца, «и землю нашю пусту положиша; а иное сами не блюдуче, без

¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 147–148; *Цапнов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси, XI–XIV вв.* М., 1972. С. 164; *Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий.* М., 1991. С. 144.

¹¹ НПЛ. С. 68, 274; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. Стб. 351–352.

милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пуста...». «И разыдеся Новгородъ въ волость», – добавлял тверской хронист. «При кончине град сии», – писал в 1231 г. предшественник летописца Лаврентия о Великом Новгороде¹². Без сомнения, отмеченные крупные подвижки населения привели к тому, что в Обонежскую Карелию стали попадать русские крестьяне из-под Новгорода и Пскова.

К сожалению, в летописях и других письменных источниках прямо не зафиксирован начальный период русского проникновения в Обонежье, включая Пудожский край. Однако в распоряжении исследователя есть материалы другого рода – переписи XVI–XVII вв., где запечатлены тысячи названий деревень, возникших здесь во времена независимости Великого Новгорода, то есть до 1478 г. Массовость этих названий дала возможность топонимистам И. И. Муллонен и А. С. Герду проследить путь первых волн оседлой русской колонизации Карелии. Оказывается, русские крестьяне-новгородцы с южных прибрежий Онежского озера, в том числе с Вытегорщины, продвигались сначала в Пудожский край, а затем, огибая Онежское озеро, заселяли Занежский полуостров. И только позднее, в XIV в., они через Занежье добрались до западного берега Онего, к реке Шуе и в район нынешнего Петрозаводска¹³. Таким образом, именно Пудожский край стал первым местом укоренения русских на территории Карелии.

Государственное освоение Пудожья началось после прихода сюда русских крестьян в начальный период христианизации веси. В 1998 г. на о. Колгостров на Водлозере, напротив деревни Канзанаволок, В. И. Фомкин нашел россыпь средневековых вещей, в том числе нательный крестик. Археологи С. И. Кочкуркина и

¹² НПЛ. С. 69, 277; Тверская летопись. Стб. 356; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Стб. 512.

¹³ Муллонен И. И., Герд А. С. Типы языковых ситуаций в истории Обонежья / Доклад на международной научной конференции «Межкультурные взаимодействия в полиглоссичном пространстве пограничного региона», посвященной 75-летию ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск, 10–12 октября 2005 г.).

И. С. Манюхин датировали эти вещи XIII в. Ранее схожий нательный крест был найден экспедицией Г. А. Панкрушева вблизи Водлозера, на реке Сухой Водле¹⁴. Судя по полевым материалам фольклориста В. П. Кузнецовой, взаимосвязанный христианско-этнический процесс своеобразно отразился на Водлозере в именовании ветров: западный ветер тут называют крестовым, а южный – русским¹⁵. Определение *русский* маркирует общее направление продвижения русских и русской государственности – с юга на север, а термин *крестовый* – конкретный путь прихода первых христиан по Водле, то есть с запада на восток.

Новгородские крестьяне принесли с собой не только новую церковную, но и народную русскую культуру. Давно замечено, что в тех областях Севера, где шла экспансия Новгорода, до XIX–XX вв. дожили русские былины; в ростово-суздальской зоне экспансии они не бытовали. Наряду с Заонежьем, Пудожский край является одним из центров, где собирали обнаружили богатый былинный репертуар¹⁶. Исследования в области народной музыкальной культуры также показали, что для всего Пудожья свойственно единобразие музыкально-поэтического стиля, который по происхождению имеет новгородско-северную основу. Территориальное распространение этого стиля на восток остановилось как раз перед Кенским волоком, по границе Водлозерья с Каргопольем¹⁷. И это понятно. Каргополье входило в другую – ростово-суздальскую зону древнерусской колонизации Севера. Впрочем, говор современного русского населения Водлозерья неоднороден. Наряду с прибалтийско-финским влиянием, он генетически связан как с новгородским, так и с ростово-суздальским диалектом древнерусского

¹⁴ Автор благодарит археологов М. Г. Косменко и И. С. Манюхина за эту информацию.

¹⁵ Фонограмм-архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ед. хр. 3296/24. Экспедиционные записи В. П. Кузнецовой, 1973 г.

¹⁶ Кузнецова В.П. Памятники русского фольклора Водлозерья: предания и былички. Петрозаводск, 1997. С. 211–214.

¹⁷ Краснопольская Т.В. Певческая культура Водлозерья в контексте пудожской традиции // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 227–230.

языка¹⁸. Очевидно, что через Заволочье на Водлозеро проникали и выходцы из центрально-русских земель. И все же основным компонентом среди русских переселенцев в Пудожский край, в том числе в Водлозерье, в средние века являлись новгородцы. Впрочем, они не только основывали здесь собственные деревни, но и подселялись к уже проживавшим в этих местах вепсам. Такое смешанное русско-вепсское население фиксирует берестяная грамота № 2 (найдена в Новгороде в слоях рубежа XIV–XV вв.). Она описывает Водлозерский погост – самый восточный из погостов Пудожского края; водлозерские земли заканчивались на Кенском волоке¹⁹. Источникovedческий анализ показал, что в ней речь идет о водлозерских селениях Гумарнаволок, Великий Остров и Гостилов Наволок²⁰. Другие центры сбора податей названы по именам, как древневепсским, так и крестильным и народным русским.

Грамота интересна также перечисленным в ней набором податей. Л. В. Черепнин посчитал, что в грамоте речь идет о кабально-зависимых людях. А. Л. Хорошкович высказалась более осторожно – это

¹⁸ Михайлова Л.П. Говор Водлозерья как источник изучения истории края // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. С. 221, 223–224.

¹⁹ «Аекуевь бела росомуха. У Фоме 3 куницы. У Мики 2 куницы. У Фоме сохудаль, дару куницю. Вельяказа 4 куница. Игугморо на Волоке куница. У Митеши 2 куницы. У Вельютовых 2 куницы. У Воземута 2 куницы. У Филиппа 2 куницы. У Наместа 2 бели. У Жидили куница. Воликом острове куница. У Вихтимаса 2 бели. У Гостили 2 куницы. У Вельята 3 куницы. У Лопинкова 6 бел». Аричховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 21–25.

²⁰ Попов А.И. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. XII. С. 95–100; Хямяляйнен М.М. О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах» // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Вып. XII. С. 101–103; Логинов К.К. Еще раз о «вепсском» прошлом Водлозерья // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты: Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1999. С 109; Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 124–125.

список повинностей феодально-зависимых людей²¹. Позволим себе не согласиться с обеими трактовками. Да, действительно, со второй половины XIV в. население Водлозерья, как и всего северного Обонежья, стало попадать в частную феодальную зависимость. Но «водлозерская» берестяная грамота говорит не о частнофеодальных, а о государственных податях с погоста. На это указывает сама формула источника: «у такого-то [взять] столько-то»; она характерна именно для сферы фиска. Так, «Обонежский ряд» зафиксировал сборы с погостов Присвирья по той же формуле, отразившей состояние личной ответственности старейшин за сбор налогов. В частном праве использовалась другая формула: «на таком-то [взять] столько-то», подчеркивавшая личную ответственность крестьянина за подать феодалу или долг заимодавцу. Но грамота содержит и прямое доказательство – фиксацию «сохи» и «дара». «Дар» шел князю, а «соха» – Новгородскому государству. Прямой государственный налог «соха» – это мера обложения трех крестьянских однолошадных хозяйств; трехлошадное хозяйство («в соху два коня, а третий припряж») также оценивалось целой «сохой»²². А вот пушная подать грамоты № 2 – это государственный налог «дань» за пользование лесными угодьями.

Итак, вслед за своими подданными-крестьянами в северное Обонежье пришло Новгородское государство. Результатом этого стало административно-территориальное оформление новых земель. В Пудожском крае образовались три погоста – первичные административные единицы. В низовьях Водлы возник Спасский Шальский погост, в средней части бассейна Водлы – Никольский Пудожский погост, а на Водлозере и Кенском волоке – Рождественский Водлозерский погост. Центры погостов одновременно являлись и приходскими центрами во главе с церквами, название которых отразилось в официальном двойном наименовании каждого из погостов.

²¹ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 280–283; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 58.

²² Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.–Л., 1965. С. 71–74.

В XIV в., а именно в 1340–1342 гг., была твердо установлена и внешняя граница Пудожского края с Каргопольем. Тогда состоялся поход Луки Варфоломеевича, сына новгородского посадника, со своими «боевыми холопами» в поонежское Заволочье. Разгромив ставы ростовских колонистов с помощью «новгородцев», живших по реке Емце, отряд Луки Варфоломеевича взял двинские погосты «на щит» и основал крепость Орлец²³. Несомненно, что отряд из Новгорода шел не по землям ростово-сузальского Белозерья и Каргополья (иначе летопись оставила бы подробности боев на этих землях), а продвигался по Обонежской Карелии. Он поднимался из Онежского озера по реке Водле и через Кенский волок вышел в бассейн реки Онеги. С середины XIV в., как очевидно, власть Великого Новгорода над востоком Обонежской Карелии стала незыблевой. Ее и подтверждает водлозерский налоговый список.

После огосударствления территории активно пошел процесс социально-экономического нивелирования северных земель с собственно новгородскими землями. С последней четверти XIV в. северные погосты Обонежья подверглись частнофеодальной колонизации: земли здешних крестьянских общин стали вотчинами новгородской знати. Это обояривание состоялось на заключительном этапе колониальной политики Великого Новгорода на Севере и отличалось широким размахом и интенсивностью²⁴. Но тогда же в новых погостах окончательно сложилось крестьянское самоуправление, опиравшееся на общинные обычаи. Дело в том, что управлять своими отдаленными землями бояре могли лишь через традиционное общинное самоуправление.

Авторы «Истории крестьянства Северо-Запада России», проанализировав материал берестяных грамот, отметили, что некоторые из них написаны от имени крестьян отдельных «волостей», а не от всех крестьян погоста. Они справедливо связывают это с существованием внутри погостов крестьянских общин, которые имели самоуправление. Последнее заключалось в совместном отстаивании своих

²³ НПЛ. С. 355.

²⁴ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 74.

интересов перед вотчинником и его управленцем на местах, заключении с феодалом договора, определявшего размер податей. Самоуправление возглавлял староста. Вместе с авторитетными общинниками он раскладывал подати по дворам. Крестьяне могли даже ходатайствовать об исключении кого-либо из числа членов своей общины²⁵. Для Обонежской Карелии подобную картину взаимоотношений рисует берестяная грамота № 131, датируемая второй половиной XIV в.²⁶ Она являет собой доклад сборщика податей своему господину в Новгород о поездке по вотчинам: на Оять, в Пудогу, на Сямозеро и на реку Шую. Такая «разбросанность» вотчинных земель не должна нас удивлять. Она была характерна для землевладения новгородской знати в Обонежье.

Начальные строки грамоты посвящены *Пудоге* (Пудожской вотчине). Оказывается, там выплачивалась празга (*празда, празка*), то есть вид феодальной ренты за пользование природными угодьями. После слов о празге на Пудоге следует загадочная фраза об Ояти («изо Ояте … закрою спроста»). Может быть, речь идет о покрытии каких-то пудожских недоимок за счет податей с Оятской вотчины. Затем сборщик пишет, что в Пудоге он был на празднике русалий (это народный, в основе своей языческий праздник моления о дожде, который праздновался в начале лета с целью поднятия плодородия земли²⁷). Но самое интересное следует далее, где говорится о крестьянской общине сямозерцев, которая заключила с вотчинником соглашение – ряд – по поводу феодальной ренты. Оказалось, что выплатить ее сямозерцы не могут. Вместо оговоренной рядом подати они предлагают другой вид выплат²⁸. Сямозерье

²⁵ История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994. С. 75–76.

²⁶ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 68–71.

²⁷ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 691–746.

²⁸ «А что про сямозерци хедыле есемо не платяще, а плаатяще в томо, что промежу ряду нету. А ныне сямозерци в городе, говори с неми сами. А я сти, осподине, буду. А я борзо буду. А нине есемо к тебе рибако[в?] послали. А во Шье ни лидие, ни лову» (Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). С. 68–71.

представляло собой редко заселенный и плохо освоенный в сельскохозяйственном отношении район²⁹, зато здесь имелись прекрасные рыболовные угодья, поделенные на «части» между крестьянскими общинами³⁰. Видимо, рыбный оброк и составлял основную долю в уряженной крестьянами с господином подати. Но главное то, что в грамоте зафиксирована правомочность крестьянской общины пересматривать условия рядного договора с вотчинником в части изменения вида подати. Более того, для новгородца-сборщика такой поворот дела не кажется невероятным, и он сам предлагает господину поговорить об этом с прибывшими в Новгород представителями общины. Поскольку в грамоте речь идет о владениях одного собственника, то нет оснований сомневаться, что и в его Пудожской вотчине взаимоотношения с крестьянами обстояли иначе.

Из имеющегося фактического материала следует вывод, что огосударствление земель Обонежской Карелии, в том числе Пудожского края, и боярская колонизация шли синхронно и поддерживали друг друга. Но оба процесса базировались на первоначальном крестьянском освоении северного Обонежья. Сложившаяся в его ходе общинная организация явилась основой для административного разделения края на отдельные погосты, с единообразной внутренней общинно-приходской структурой. Боярская вотчинная колонизация придерживалась тех же водно-волоковых путей, по которым ранее следовали крестьяне-первопоселенцы. Созданные крестьянами поселенческие очаги – главные территории проживания отдельных общин – становились и центрами вотчин, и центрами приходов.

В 1478 г. Великий Новгород утратил свою независимость. Все его земли влились в состав России, объединявшейся под властью великого князя Московского. Пудожский край стал неотъемлемой частью нового государства. Но складывавшееся ранее территориальное и социокультурное единство его земель, теперь, в начале

²⁹ Писцовые книги Обонежской пятини. С. 57–59, 63–64, 66–68.

³⁰ Там же. С. 58, 64, 75.

Нового времени, нашло и свое административное оформление. Три погоста Пудожского края и примыкавший к ним с юга Андомский погост были объединены Москвой в один административный округ – Водлозерский стан во главе с московским управленцем – *волосителем*, который контролировал всю водлинскую водно-волоковую трассу вместе с Кенским волоком в Каргополье.

Н. А. Кораблев

НИКОЛЬСКИЙ ПОГОСТ НА ПУДОГЕ В XIV–XVII вв.

Данные археологических, лингвистических и этнографических источников свидетельствуют, что к концу I тыс. н. э. на территории восточного Обонежья жили племена финно-угорской языковой группы – лопари (саами) и чудь, которую исследователи считают предками вепсов¹.

Примерно с XIII в. сюда стали проникать русские, преимущественно выходцы из новгородских земель. По восточному Обонежью пролегал один из главных водных путей из Новгорода в богатые пушниной Подвилье и Беломорье. Преодолев на судах Онежское озеро, новгородцы поднимались по р. Водле, затем – по ее левому притоку р. Череве, откуда шли волоком к речке Волошке, продвигались по ней к Кенозеру, а оттуда – на р. Онегу, впадающую в Белое море².

Первоначально новгородская колонизация носила, по-видимому, торгово-промышленный характер, но постепенно она переросла в земледельческую, и на всем протяжении онежско-водлинского водно-волокового пути стали возникать русские крестьянские поселения. Редкое коренное население с течением времени растворялось в среде более многочисленных пришельцев. Среди вновь возникших в процессе русской колонизации поселений была и древняя Пудога. Первое письменное свидетельство об этом населенном пункте зафиксировано в берестяной грамоте № 131, обнаруженной археологами в 1953 г. при раскопках в Новгороде, в слое, датируемом 1382–1396 гг. Грамота гласит: «Что было в Пудоги праздда, ту празку Сергие взяли. Изо Ояте... закрою спроста. А я быле о

¹ Пименов В.В. Вепсы. М.–Л., 1965. С. 194–195.

² Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Пг., 1923. С. 15.

русаляхо в Пудоге... А что про сямозерци хедыле есими не пла-тятце...»³. Как показал академик Л. В. Черепнин, грамота № 131 представляет собой письмо одного из новгородских сборщиков «празды» другому, подчиненному начальнику. «Празда», правильнее «празга» – северорусский термин, означавший плату за аренду угодий. Автор грамоты сообщает о ходе ее сбора в различных пунктах Обонежья – Ояти, Сямозере и Пудоге. В Пудоге «празду» получил сборщик Сергей. Интересно упоминание автора грамоты о том, что он побывал в Пудоге «о русаляхо», то есть во время древнего славянского праздника поминовения умерших предков, связанного с языческими обычаями. Христианская церковь не признавала этого языческого праздника с культом русалок. Однако в народе языческие пережитки были еще сильны, и сборщики податей, как видно, вынуждены были порой приурочивать свои разъезды к русалочным торжествам, чтобы облегчить себе работу⁴.

Таким образом, текст грамоты № 131 позволяет говорить о том, что к концу XIV в. Пудога была уже оформленвшимся поселением, выполнявшим локальные административные функции, о чем свидетельствуют остановки здесь сборщиков податей. Местное население к тому времени состояло в феодальной зависимости и проживало в «боярщинах» – обширных вотчинах новгородских бояр.

В некоторых краеведческих публикациях в качестве первого письменного упоминания о Пудоже дается ссылка на «Межевую обводную книгу землям Юрьева монастыря 25 августа 1391 г.», в которой зафиксированы «возли Онига озера Спасской погост Шальской да Никольской Пудожской выставок». Однако известный источниковед С. Н. Валк, а вслед за ним и академик В. Л. Янин ставят под сомнение достоверность этого документа, составленного, по их мнению, не ранее XVII в.⁵

³ Арицховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 68–69.

⁴ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 212–213.

⁵ Материалы по истории Карелии XII–XVвв.: Сб. документов. Петрозаводск, 1941. С. 387–388; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XVвв. М., 1991. С. 389.

Следующее раннее упоминание о Пудоге связано с событиями феодальной войны, разгоревшейся на Руси во второй четверти XV в. между московским великим князем Василием II Темным и противниками централизации во главе с князем Дмитрием Шемякой. Как сообщает 4-я новгородская летопись, в 1447/48 г. остатки войск Шемяки, разбитых Василием II, бежали на север, где захватили и разграбили Пудогу⁶.

Некоторые сведения о Пудоге, относящиеся к концу первого, новгородского, этапа его истории, можно почерпнуть из ретроспективной информации писцовых книг более позднего, московского, периода. Из дошедшей до нас в копии XVII в. небольшой выписки из книги Ю. Сабурова 1496 г. о владениях в крае Новгородского Юрьева монастыря (в целом текст с описанием Пудожья не сохранился) яствует, что к середине XV в. Пудожский Никольский погост являлся центром Пудожского погоста-округа – одной из 18 административных единиц на обонежских землях Великого Новгорода. Округ охватывал среднюю часть бассейна р. Водлы и включал около 200 деревень⁷.

Известно, что непременным и важнейшим элементом структуры погоста-места как центра сельского административного округа служила погостская церковь. Следующая за переписью Ю. Сабурова писцовая книга А. Лихачева 1563 г. указывает на наличие в Пудожском погосте-месте двух церквей – летней Николая Чудотворца и теплой во имя Живоначальной Троицы. Упоминание о факте открытия или постройки этих церквей вновь после переписи 1496 г. в книге отсутствует, хотя информация такого рода обычно фиксировалась. Можно с уверенностью утверждать, что по крайней мере одна из церквей – Никольская (или ее прямая предшественница), давшая второе, зафиксированное в 1496 г. имя погосту, была построена и функционировала еще в новгородское время (то есть до конца 70-х гг. XV в.)⁸.

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. СПб., 1848. С. 126.

⁷ Акты исторические. Т. 3. СПб., 1841. С. 71–72.; Шайжин Н.С. Старая Пудога с XIV по XVIII век. Петрозаводск, 1906. С. 10.

⁸ Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 г. Л., 1930. С. 177.

По писцовой книге 1563 г., Пудожский погост-место, как и большинство обонежских погостов, имел простую структуру. Помимо двух церквей, здесь, на р. Водле, у Пудожского озера, располагалось 5 дворов священнослужителей и, очевидно, приходское кладбище⁹. Однако церковное поселение стояло не изолированно. Оно служило ядром для целого гнезда деревень, разместившихся рядом с ним, в районе ответвления от основного русла р. Водлы ее правого рукава – р. Журавки (Жеравицы) и двух заливов-озерков, образуемых этими реками, – Вянгозера и Пудожского. Конкретный состав этого гнезда деревень довольно хорошо прослеживается по документам, начиная с писцовой книги 1563 г. вплоть до ревизских сказок конца XVIII в. – времени образования города Пудожа, когда крестьяне данной группы селений переходили в разряд мещан. В XVI–XVII вв. в гнездо входили следующие селения: 1) У погоста Большой Двор; 2) Гридки Максимова; 3) Сарпиновская; 4) Заполье Афанасьевское на Городище; 5) Заполье Демьяновское на Городище; 6) Солоничегорская на Городище; 7) Тяжелова на Вянгозере; 8) Трофимова Гора; 9) Дуплева Гора; 10) Ермолинский след (Старцева Гора); 11) Манухина Гора (см. прил.). Как известует из информации источников, первые 7 деревень располагались на береговой линии или поблизости от нее, а остальные 4 деревни – на верхней террасе, отстоящей на 1–1,5 км от береговой линии¹⁰. В писцовой книге 1563 г. все эти селения описаны как старинные жилые деревни в рамках бывших боярщин, что свидетельствует об их существовании еще в новгородский период. Правда, одна из 11 деревень – Ермолинский след – к 1563 г. числилась запустевшей, но уже к переписи 1583 г. она вновь стала жилой¹¹.

Подавляющее большинство селений пудожского куста – 8 – в новгородское время принадлежало боярыне Настасье Григорьевой, которая была крупнейшей вотчинницей в восточном Обонежье –

⁹ Писцовые книги Обонежской пятины. С. 177.

¹⁰ Там же. С. 177, 180–184, 188.

¹¹ Там же. С. 180; История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 3. Писцовая книга Заонежских погостов 1583 г. Йоэнсуу – Петрозаводск, 1993. С. 225.

СССС

Приложение. Поселения Пудожского куста в XVI–XVIII вв.¹²

№ п/п	1563 г.	1582/83 г.	1616–1619 гг.	1678 г.	1782 г.	1795 г.
1	Погост на Пудоже	Погост на Пудоже	Погост на Пудоже	Погост на Пудоже	На погосте	В составе г. Пудожа
2	д. У погоста («во дворе Гридка Максимов да в Бурговском дворе... бобыль Бург»)	д. У погоста Гридки Максимова да Бурга Демьянова, да Куземки Бирича	д. У погоста Гридки Максимова да Бурга Демьянова, да Куземки Бирича	д. У погоста Гридки Максимова да Бурга Демьянова, да Куземки Бирича	На погосте	В составе г. Пудожа
3	д. У погоста («во дворе Гришка Максимов»)	д. Заполье Демьяновское на Городище («во дворе Оксентейка Гришин... во дворе Кондратко Максимов»)	д. За полем Демьяновское на Городище	д. Заполье Демьяновское на Городище	д. Заполье Демьяновское на Городище	В составе г. Пудожа
4	д. На бору Ермолкин след Алексеева, пуста	д. На бору Ермолинский след Олексеева	д. На бору Ермолинский след Олексеева	д. На бору Ермолинский след Алексеева	д. На бору Ермолинский след Старцева Гора	В составе г. Пудожа
5	д. У погоста на Водле Сарпуновская	д. Сарпиновская	д. Сарпиновская	д. Сарпиновская	Не упоминается, предположительно слилась с д. Большой Двор (10) ¹³	

¹² Таблица составлена по данным: Писцовые книги Обонежской пятини. 1496 и 1563 г. С. 177, 180–184, 188; История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 3. С. 224–237, 240; РГАДА. Ф. 1209. Д. 1137. Ч. 1. Л. 22 об.–24 об.; Ч. 2. Л. 254–258 об.; Д. 8551. Л. 287 об.; Д. 8554. Л. 292–297, 308; НА РК. Ф. 4. Оп. 18. Д. 8/53. Л. 1–172; Д. 21/208, Л. 1–39; Д. 21/212, Л. 316–317. Селения под № 1–13 в таблице перечислены в порядке их упоминания в писцовой книге 1563 г.

¹³ В пользу такого предположения свидетельствуют особенно тесные семейно-хозяйственные связи между этими селениями, прослеживающиеся в XVII в. Так, в 1646 г. по д. Большой Двор значатся бобыль Онофрейко Петров и дворохозяин Степка Игнатов Рюжа с племянником Терешкой Захаровым. В 1678 г. и в Большом Дворе, и в Сарпиновской мы встречаем крестьян с отчествами Онуфриев, Игнатов, Терентьев. Живший в 1646 г. в Сарпиновской у своего дяди Наумко Ондреев, в 1678 г. числится дворохозяином в д. Большой Двор.

6	д. У погоста на горе («во дворе Иванко Васильев Дуплева»)	д. У погоста на горе Иванка Дублева	д. У погоста на горе Иванка Дуплева	д. У погоста на горе Иванка Дуплева	д. У погоста Дуплева	В составе г. Пудожа
7	д. У погоста на горе противу погоста («во дворе Онтонко Трофимова»)	д. Против погоста Онтонко Трофимова	д. Против погоста Онтонко Трофимова	д. Против погоста Онтона Трофимова	д. Против погоста Антона Трофимова	В составе г. Пудожа
8	д. На бору Путятине на Манухиной Горе	д. На бору Путятине на Манухиной Горе	д. На бору Путятине на Манухиной Горе	д. На бору Путятине на Манухиной Горе	д. На бору Путятине на Манухиной	В составе г. Пудожа
9	д. На Городище («во дворе Микитка Ефимов староста»)	д. На Городище Никитки Ефимова старосты	д. На Городище Никитки Ефимова старосты... на Солоницы на горе тож	д. На Городище Никитки Ефимова старосты... а Солоницы на Горе тож	д. Солоницегорская	В составе г. Пудожа
10	д. У погоста Большой Двор	д. У погоста Большой Двор	д. У погоста Большой Двор	д. У погоста Большой Двор	д. На погосте Большой Двор	В составе г. Пудожа
11	д. на Жаравице на Городище Титовская («во дворе Микитка Воропилов пасынок, во дворе Ефимко Костянтинов»)	д. Офонасовская на Городище («во дворе Минка Костянтинов, во дворе Ефимко Костянтинов»)	д. Офонасовская на Городище	д. Афонасовская на Городище	д. Заполье Афанасьевское на Городище	В составе г. Пудожа
12	д. На Янгас-озере у погоста	д. Вянгоозеро на Вянгоозере	д. В Янгозере на Янгозере Тяжелова	д. Вянгозеро	д. Вянгозеро	В составе г. Пудожа
13	д. На Ганвасозере («во дворе Ларивонко Олексеев»)	Пустошь, что была д. На Говаозерке, что жил Ларионко Олексеев	Пустошь, что была д. На Вянгоозерке, что жил Ларионко Олексеев	—	—	—
14	—	—	—	—	д. Болото (новопоселенная)	В составе г. Пудожа
15	—	—	—	—	д. Новинка (новопоселенная)	В составе г. Пудожа

ее владения в пределах Пудожского погоста-округа насчитывали 93 деревни¹⁴. Название селения У погоста Большой Двор указывает на то, что в нем находился «господский двор», где жили приказчики, управлявшие Пудожской вотчиной Настасьи Григорьевой. Деревня Заполье Афанасьевское на Городище была собственностью боярина Никиты Грузова, а деревня на Янгасозере (Вянгозере) Тяжелова – Новгородского Юрьева монастыря. В новгородское время на Вянгозере существовала еще одна деревня (Ларионки Алексеева), принадлежавшая боярину Федору Худякову, однако после передачи Юрьеву монастырю она к 1583 г. запустела и более не восстанавливалась¹⁵. Местные крестьяне платили феодалам – боярам и Юрьеву монастырю оброк, частью деньгами, а частью натурой – продовольствием и мехами.

Термин «Городище», встречающийся в названии трех пудожских деревень, говорит о том, что некогда, вероятно, в начальный период новгородской колонизации, на их месте располагалось укрепление.

По-видимому, в обиходном употреблении, судя, в частности, по известию летописи о действиях войск Шемяки, под общим именем Пудога и Пудожский погост в качестве населенного пункта уже с XV в. понималось не только собственно церковное поселение, но и все тяготевшее к нему гнездо деревень.

В 1478 г. Великий Новгород и его владения были присоединены к русскому централизованному государству. Это событие означало начало нового этапа в жизни Пудоги. Земельные владения новгородских бояр были конфискованы – «отписаны на государя», а жители бывших боярских деревень вошли в разряд чернососных крестьян, которые за пользование землей должны были платить налоги в государственную казну. Лишь одно из селений пудожского куста – деревня Тяжелова на Вянгозере осталась у прежнего владельца – Юрьеву монастырю. Великий князь московский передал Юрьеву монастырю и вторую деревню на Вянгозере (Ларионки Алексеева), но та, как уже отмечалось, вскоре запустела¹⁶.

¹⁴ Шайжин Н.С. Старая Пудога... С. 13.

¹⁵ История Карелии XVI—XVII вв. Т. 3. С. 240.

¹⁶ Писцовые книги Обонежской пятины. С. 188; История Карелии XVI—XVII вв. Т. 3. С. 240.

С падением Великого Новгорода старинный колонизационный, а затем торговый путь по Онежскому озеру и р. Водле с волоком на р. Онегу утратил свое значение. Еще на рубеже XV– XVI вв. он был широко известен и активно функционировал. Ссылаясь на «письмо» 1496 г., писцовая книга 1563 г. информирует: «Да в Водлозерском же погосте, на Настасьинской земле на Мышьих Черевах волочек Кенской, а через тот волочек торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугородцкие земли водяным путем в судах, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих Черевах через тот волочек товар волочат, а найму емлют с беремени по деньги». Ю. Сабуров в 1496 г. обложил волок оброком в 4 гривны в пользу великого князя¹⁷.

Есть веские основания полагать, что именно водлинским путем проследовали из Новгорода к Белому морю и далее в Западную Европу российские посольства Григория Истомы в Данию в 1496 г. и Дмитрия Герасимова к римскому папе Клименту VII в 1524 г.¹⁸

Но уже к 1563 г. некогда оживленный путь запустел. Писцовая книга А. Лихачева констатирует: «И тот волочек ныне пуст, а гости тою дорогою ныне не ездят, ездят новою дорогою»¹⁹. Главные торговые пути в Беломорье переместились ближе к центру Российского государства – в район Белозерья и Северо-Двинского бассейна. Пудога осталась в стороне от торных транспортных путей, что сдерживало в дальнейшем ее развитие.

Материалы описания 1563 г. дают возможность впервые, хотя бы приблизительно, определить численность населения в пудожском кусте. Всего в 12 деревнях в районе погоста-места (включая деревню Ларионки Алексеева на Вя ногозере) А. Лихачев учел 37 крестьянских дворов, в которых насчитывалось 45 «людей», то есть глав семей²⁰. На основании методики, разработанной авторами

¹⁷ Писцовые книги Обонежской пятини. С. 177.

¹⁸ См.: Григорьев С.В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск, 1973. С. 81–82, 117.

¹⁹ Писцовые книги Обонежской пятини. С. 177.

²⁰ Там же. С. 177–188.

«Аграрной истории Северо-Запада России» для установления людского состава крестьянского двора XV – начала XVII в.²¹, общая численность жителей в указанных деревнях может быть определена примерно в 200 человек. Исходя из той же методики и учитывая, что уклад жизни приходских священнослужителей в XVI–XVII вв. был близок к крестьянскому, численность жителей непосредственно на погосте-месте (6 дворов клира, «пять стариц да чернец») определяется около 40 человек²². Таким образом, общая численность населения на территории будущего города Пудожа составляла около 240 человек. Из отдельных деревень наиболее значительными были Тяжелова (8 дворов), Солоничегорская (5 дворов), Большой Двор и Манухина Гора (по 4 двора), остальные были 2–3-дворными.

К моменту следующего описания, проведенного в 1583 г. А. Плещеевым, количество дворов в пудожском кусте увеличилось до 56 (с 59 «людьми»), а численность населения – до 290 чел. На погосте-месте имелось 7 дворов клира (примерно 35 жителей). Кроме того, здесь появилось 6 келий, в которых жили нищие, «питавшиеся милостынью от церкви». Восточное Обонежье было одним из немногих районов северо-запада страны, где в 1563–1583 гг. наблюдался рост населения. Сказывалась относительная удаленность края от театра Ливонской войны 1558–1583 гг.²³

Начало XVII в. ознаменовалось для Пудоги, как и всей страны, трагическими событиями, связанными с польско-шведской интервенцией. В конце 1612 г. на территорию восточного Обонежья проникли польско-литовские отряды, бежавшие на Север после поражения основных польских сил и поступившие на службу шведского командования. Около года они совершали рейды по селениям края, грабя, сжигая дома, убивая мирных жителей.

²¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV– начало XVI в. Л., 1970. С. 17–20.

²² Подсчитано по: Писцовые книги Обонежской пятини. С. 177.

²³ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 3. С. 224–225, 240; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV– начало XVI в. С. 243.

В ноябре 1613 г. в Пудожский погост для организации отпора интервентам прибыл с отрядом воевода Богдан Чулков. Пополнившись «даточными людьми» из местных крестьян, отряд Б. Чулкова выдвинулся в Андомский острожек, где 21 ноября подвергся атаке польско-литовских отрядов Сидора и Барышпольца, однако нападение было отбито. Потерпев в двухчасовом бою неудачу и потеряв убитыми и ранеными до 200 человек, интервенты покинули обонежские земли и ушли в сторону Холмогор²⁴. Правда, разрозненные шайки поляков и литовцев, отколовшиеся от сил Сидора и Барышпольца, продолжали тревожить крестьян разбойничими набегами вплоть до 1616 г.²⁵

Последствия иноземного нашествия были для пудожан исключительно тяжелыми. Писцовая книга 1616–1617 гг. И. Льговского зафиксировала картину страшного разорения. На Пудожском погосте-месте уцелели лишь храмы («церковь Николая Чудотворца деревяная с папертьми, высок верх шатровый; да теплая церковь Живоначальныя Троицы, деревяная, клетки с трапезою»), да 7 дворов клира. В то же время 13 келий, где до войны жили нищие, были сожжены. На погосте впервые появились дворы бобылей – людей, лишившихся своего хозяйства и временно поселившихся на церковной земле. Отмечено четыре таких двора²⁶.

В 11 деревнях вокруг погоста писцы насчитали 23 жилых двора с 25-ю людьми, зато отметили 25 дворовых мест и 7 пустых дворов. Особенно сильно пострадала деревня Большой Двор, где из 10 хозяйств уцелело лишь одно (Игнатки Фомина), а от других остались только пепелища. О причинах запустения писцы повсеместно говорят одной печальной формулировкой: «Дворы сожгли и жильцов побили литовские и немецкие люди, и казаки в разоренье...» Общая численность населения «на Пудоге» (включая церковное

²⁴ Олонецкий сборник. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. Отдел 1. С. 1–3.

²⁵ Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 109–113.

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 292–292 об. Автор благодарит к.и.н. А.Ю. Жукова за возможность ознакомиться с содержанием неопубликованных материалов писцового делопроизводства по Пудожью.

поселение) по писцовой книге 1616–1617 гг. устанавливается в 175 человек, что ниже уровня 1563 г. Понадобились многие годы крестьянского труда, чтобы залечить раны, нанесенные иноземным нашествием²⁷.

Следующее полностью сохранившееся по Пудоге описание – книга И. Писемского 1646–1647 гг. – позволяет сделать вывод о том, что к середине XVII в. процесс восстановления поселений пудожского куста в основном завершился. Непосредственно на погосте, помимо двух церквей и шести дворов причта, отмечены «келья просвирницы да семь келий новых, а в них живут старцы и старицы, питающиеся от церкви». Бобыльские дворы на церковной земле не показаны, их жильцы расселились по деревням. Общее количество дворов в пудожских селениях достигло 50, то есть почти довоенного уровня. Причем процесс восстановления дворов наблюдался во всех деревнях. Описанием было зарегистрировано «на Пудоге» 75 «людей», но, по мнению исследователей, в книге 1646–1647 гг., в отличие от предыдущих переписей, учитывались не только главы семей, но и все взрослые мужчины (с 15 лет)²⁸. Исходя из этого, общее количество жителей в районе пудожского куста (включая церковное поселение) можно определить примерно в 350 человек, что на 20,6% выше уровня переписи 1583 г.²⁹

Последнее в XVII в. описание Пудожского погоста, как и всего Обонежья, было проведено в 1678 г. Ф. Аничковым в связи с предстоявшим введением подворного налогообложения вместо поземельного. Этой переписью впервые учитывалось все мужское население каждого двора, что делает ее информацию особенно ценной. На Пудожском погосте Ф. Аничковым учтено 6 дворов с 18 душами мужского пола. Отмечено также наличие кельи просвирницы да 5 келий, где обитали нищие. Обращает внимание тот факт, что из 6 погостских дворов лишь 4 принадлежат представителям

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. Л. 287 об.; Д. 8554. Л. 292–297, 308.

²⁸ Чернякова И.А. Население Олонецкого края в XVII в. (по писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 122–124.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 980. Л. 254–257, 282–282 об.

церковного причта, а два остальных двора значатся крестьянскими. Их жители, потомки бывших служителей церкви, владеют пахотными участками в ближайших деревнях Гридки Максимова и Большой Двор и несут полное крестьянское тягло. Налицо начало процесса срастания церковного поселения с окрестными деревнями.

Перепись 1678 г. отразила процесс дальнейшего роста и укрупнения сельских поселений вокруг погоста. В них зафиксировано в общей сложности 73 крестьянских и бобыльских двора – в 1,4 раза больше, чем в 1646–1647 гг., и почти вдвое больше, чем в 1563 г. Средний показатель числа дворов на одну деревню составил 6,5 против 4,5 в 1646 г. и 3,7 в 1563 г. В трех селениях куста (Тяжелова, Гридки Максимова и Трофимова Гора) в 1678 г. было более 10 дворов в каждом, еще в 4 деревнях – от 4 до 7 дворов, и лишь три деревни оставались двух-трехдворными. Как отмечалось, обозначился процесс срастания ближайших к центру погоста деревень Гридки Максимова (11 дворов) и Большой Двор (6 дворов) с церковным поселением в единое целое.

По данным книги Ф. Аничкова, в деревнях пудожского куста насчитывалось в общей сложности 276 лиц мужского пола. Исходя из этого, общая численность населения во всей группе поселений, включая собственно погост-место, может быть определена в 588 душ обоего пола³⁰.

Таким образом, за век с небольшим, прошедший со времени описания 1563 г., количество жителей в селениях «на Пудоге» увеличилось в основном за счет естественного прироста почти в 2,5 раза. При этом рост населения носил в целом устойчивый характер, за исключением периода польско-шведской интервенции начала XVII в.

Пудожское гнездо поселений, занимавшее центральное положение в восточном Обонежье, являлось в этом районе и наиболее значительным. В 1678 г. в нем было сосредоточено 14% населения Пудожского погоста-округа и более 8% населения трех погостов-округов, расположенных в бассейне р. Водлы – Шальского, Пудожского и Водлозерского³¹.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1137. Ч. 1. Л. 22 об.–24 об.; Ч. 2. Л. 254–258 об.

³¹ Подсчитано по данным: Там же. Ч. 1, 2.

В свете вышеизложенного представляется, что у правительственные структуры, избравших в последней четверти XVIII в. пудожскую группу селений в качестве основы для образования г. Пудожа как административного центра одного из уездов Олонецкой губернии, территория которого охватила почти все восточно-обонежские земли, были веские историко-географические основания для такого выбора.

A. M. Пашков

ПИСЬМА НА ПУДОЖСКИЕ ТЕМЫ НА СТРАНИЦАХ «ОЛОНЕЦКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В КОНЦЕ 1860-х гг.

В июле 1869 г. в газете «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) было опубликовано письмо неизвестного жителя Пудожа, содержавшее интересные сведения о пребывании там французских военнопленных в 1812 г., а также о разных злободневных событиях, волновавших образованных пудожан. Сведения о пленных французах имеют все черты «устной истории». О них автору письма поведал один из местных старожилов. Рассказ о французах почти лишен точных дат, цифр, фамилий, но благодаря этой публикации мы можем узнать, какие интересные детали пребывания наполеоновских вояк в их городе сохранились в памяти местных жителей. Интересно, что факт пребывания французов в Пудоже получил отражение и в позднейшей краеведческой литературе¹.

Другая важная проблема, отраженная в этой публикации, – отношение жителей Пудожа к только что созданному в ходе реформ Александра II новому органу местного самоуправления – Пудожскому уездному земству. Это отношение явно негативное. Автор обвиняет пудожских земских деятелей в стяжательстве и махинациях. Такое отношение можно объяснить как реальными злоупотреблениями чиновников, купцов и зажиточных крестьян, оказавшихся в руководстве уездными земствами, так и ситуацией конца 1860-х гг. Уездные земские собрания были открыты в Олонецкой

¹ Шайжин Н.С. Из жизни Олонецкого края в Отечественную войну // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1812 год. Петрозаводск, 1912. С. 41–45.

губернии только в декабре 1866 г.², и за такой короткий срок они еще не могли раскрыть свой потенциал. Кроме того, 1867–1869 гг. были временем сильнейшего неурожая и голода, охватившего весь Север Европы. Этот голод вызвал обнищание крестьян, на фоне которого злоупотребления местных земских деятелей выглядели еще более нетерпимыми. Голодом 1867–1869 гг. объясняются и встречающиеся в письме упоминания о крайней бедности пудожан.

В письме из Пудожа есть интересные зарисовки повседневной жизни пудожан – игра в рюхи, безобразное пение церковного хора, обилие бродячих собак на улицах и почти полное отсутствие в городе газет. Упомянутые корреспондентом «Биржевые ведомости» – это ежедневная газета, выражавшая интересы русской либеральной буржуазии. Она отстаивала принцип свободной торговли, выступала за интенсивное развитие в России промышленности и железнодорожного строительства, введение всеобщего обязательного обучения, создание системы ремесленного и специального технического образования. «Биржевые ведомости» придерживались идеи единства интересов всех сословий в деле накопления национальных богатств. Большое значение газета придавала земской деятельности. Для «Биржевых ведомостей» были характерны также антидворянские выступления. За критику системы русского финансового управления и цензурного законодательства газета в 1867 г. получила предупреждение от цензуры³. Можно предположить, что единственным в Пудоже подписчиком на «Биржевые ведомости» был пудожский купец 1-й гильдии И. И. Малокрошечный⁴.

Удивительно, что наполненное разными разоблачениями и обличениями местных нравов письмо из Пудожа было опубликовано в ОГВ – официальном издании, выпускавшемся при губернском

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 251.

³ Биржевые ведомости // Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959. С. 408–409.

⁴ О нем см.: Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.С. История экономики Карелии. Т. 1. Петрозаводск, 2005. С. 78, а также статью Н.А. Кораблева «Пудожское купечество (вторая половина XIX – начало XX в.)» в наст. сб.

правлении – высшем административно-полицейском учреждении Олонецкой губернии. Это тоже объясняется ситуацией 1860-х гг., когда существовала известная свобода печати и действовал принцип гласности, то есть открытого обсуждения социально значимых проблем, разоблачения в печати различных злоупотреблений и пр. Можно предположить, что автором публикации был какой-то ссыльный.

Таким образом, письмо из Пудожа, опубликованное в ОГВ в июле 1869 г., позволяет нам узнать, как жили тогда пудожане, что они помнили об истории своего города, какие проблемы их волновали, как они относились к своему земству.

Критические публикации о жизни Пудожа помещались не только в ОГВ. Об этом свидетельствует письмо некоего горожанина, укравшегося под инициалами «М. Е.». В конце 1860-х гг. несколько корреспонденций, освещавших жизнь Пудожа только с негативной стороны, появилось в «Биржевых ведомостях». Можно предположить, что авторами (или автором) этих корреспонденций были жившие в Пудоже ссыльные, которые хотели таким образом досадить И. И. Малокрошечному. Ответом на эту газетную кампанию и стало письмо некоего М. Е., напечатанное в петербургской газете «Новое время» и перепечатанное в сокращении в ОГВ (1870. 18 июля)⁵.

Автор аргументировано защищает И. И. Малокрошечного и называет среди его заслуг развитие в Пудожском уезде льноводства, перечисляет медали, полученные пудожским льном на выставках в Петербурге и Москве. Особо выделена благотворительная деятельность И. И. Малокрошечного – пожертвование 10 тыс. рублей на возрождение старинного Муромского монастыря (основан в XIV в., закрыт в 1787 г., восстановлен в 1867 г.)⁶, открытие в Пудоже

⁵ Газета «Новое время» выходила в Петербурге с октября 1868 г. и была до 1876 г. малопопулярным изданием консервативного направления См.: Русская периодическая. С. 509–510.

⁶ Подробнее о Муромском монастыре см.: Кожевникова Ю.Н. Муромский Успенский монастырь // Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 99–101.

богадельни, учреждение 10 стипендий в Мариинском женском училище Петрозаводска для обучения дочерей беднейших горожан Олонецкой губернии. Подчеркивается тот факт, что за выделение 10 стипендий купец получил личную благодарность царя Александра II⁷.

Итак, публикация в ОГВ корреспонденции, перепечатанной из петербургской газеты «Новое время» о пудожском купце И. И. Малокрошечном и его благотворительной деятельности позволяет отметить еще одну важную черту в истории Пудожа и многих других малых городов России – формирование там в XIX в. местного бизнес-сообщества и начало широкой благотворительной деятельности местной буржуазии.

Конечно, богатства предпринимателей возникли не только из-за их личных деловых качеств. Эти богатства были основаны прежде всего на жестокой эксплуатации местного населения. Но вместе с тем именно предприниматели создавали рабочие места и давали хоть какой-то заработок местным жителям. Осознание неправедности нажитых богатств, основанное на православной религиозности, заставляло предпринимателей заниматься благотворительностью. К благотворительности их подталкивала и продуманная система правительственные мер по ее поощрению. Свою роль играло и общественное мнение, в том числе и критические по отношению к предпринимателям газетные выступления.

Но социальные язвы 1860-х гг. были настолько мучительными и невыносимыми, что общественное мнение было настроено резко негативно против любого предпринимателя. Это отношение проявлялось и в либеральной прессе. Против печатных выступлений предприниматели, особенно провинциальные, зачастую были беспомощны. Можно предположить, что развернутая в «Биржевых ведомостях» кампания против И. И. Малокрошечного сыграла свою роль и в его преждевременной кончине. Он умер 13 ноября 1870 г. в возрасте около 62 лет.

⁷ Высочайшая благодарность // ОГВ. 1869. 25 октября.

Итак, публикации в ОГВ о жизни Пудожа в конце 1860-х гг. позволяют лучше понять, какой была в Карелии эпоха, которую историки назовут потом «эпохой великих реформ Александра II». Приношу свою благодарность Н. А. Кораблеву за помощь и советы при подготовке данной публикации.

Публикуемые ниже тексты печатаются с небольшими сокращениями.

Из Пудожа (письмо в редакцию ОГВ) // ОГВ. 1869. 19 июля

Французы, бывшие в 1812 г. в Москве, были также (конечно, не все и не по своей воле) и в Пудоже. Привели их сюда, рассказывал мне один из здешних старожилов, человек 40, в осенне время. Одеты они были в башмаках, чулках и куртках. Расставили их на квартиры по изbam и давали каждому по 5 коп. ассигнациями в сутки на продовольствие. Офицеры получали больше. Многие из них были хорошие музыканты и барабанщики. Чтобы увеличить средства к жизни, занимались они выделкою колец из волос, изящных корзиночек из соломы, некоторые красили дома и пр. Кого они в особенности брали, так это Наполеона, за то, что завел их в такую негостеприимную страну, и казаков, которые колотили их немилосердно, никому не давая пардону. После Парижского мира все они отправились отсюда на родину. Может быть, многие из этих артистов-барабанщиков не дошли до своей любезной Франции и остались гувернерами у наших гостеприимных помещиков. В то время, как известно, была большая мода на французский язык, так что другой недоросль, едва умевший подписать свою фамилию по-русски, отлично знал французский язык.

От воспоминаний о давно прошедшем Пудожа перейдем теперь к настоящему. Один из здешних купцов, убедившись, что служба в Пудожской земской управе вещь весьма нехитрая и что она почти вовсе не отвлекает от ежедневных, обычных хозяйственных занятий, решился, как говорят, предложить себя в председатели управы на следующее трехлетие без всякого вознаграждения за службу свою обществу. Пудожане надеются, что найдется еще два человека в уезде на должность членов управы, которые пожелают служить

эту службу обществу на этот раз тоже безвозмездно. Такое желание некоторых более зажиточных здешних обывателей, конечно, делает им большую честь, так как чрез то, хотя отчасти, земское общество будет облегчено в своих издержках на различные нововведения. Настоящие же члены управы после первого года своей службы исходатайствовали себе на следующее время почти двойное содержание против первоначально назначенного. Конечно, взгляды на одни и те же предметы могут быть различны, и то, что кажется одним весьма легким, для других составляет труд едва посильный.

В настоящее время исправлены в городе три моста, то есть сделаны новые к ним перила и настланы новые доски. Работа эта была отдана управою с торгов за 153 руб. серебром. Хотя, по нашему мнению, таковую можно было бы исполнить и за половину этой суммы, тем более что два из этих мостиков весьма малого размера. При том же в перила между новыми попали и старые изгнившие бревна. Но так как подрядчики на эти работы были те же члены земского общества, то, собственно говоря, здесь еще для земства вообще не произошло большого ущерба, только деньги общие, земские, перешли, так сказать, в частные карманы нескольких членов земства (подрядчиков), сделавших эти исправления.

Нельзя также не удивляться той роскоши расходов, которые делаются и на наем волостных писарей. Так, например, писарь одной волости нашел возможным из получаемого им жалованья нанять для себя еще и особого помощника, который собственно и исправляет эту нехитрую службу. Сам же писарь постоянно живет в городе, приобретая, таким образом, почти даром две трети своего жалованья. Между тем немало нашлось бы лиц, и грамотных, и благонадежных, которые с благодарностью приняли бы на себя эту обязанность и за половину отпускаемого ныне обществом жалованья на наем писаря. Вообще, очень жаль, что лица, на которых лежит обязанность блюсти интересы крестьян, мало обращают внимания на количество необходимых общественных расходов, тогда как при известной бедности здешних жителей, с таким трудом добывающих каждый грош, уменьшение везде, где можно, расходов, было бы истинным для них благодеянием.

Самая любимая игра пудожан – это игра в *рюхи* (городки). Не только дети, но и взрослые во всякое свободное время занимаются ею с увлечением, располагаясь по партиям на всех улицах, преимущественно же возле кабаков, так что нередко здесь можно видеть мужика, сидящего верхом на своем партнере. Подобного рода игры весьма полезны в гигиеническом отношении и отчасти могут заменить собою гимнастику...

В воскресные и праздничные дни для пения во время литургии составляется у нас хор из так называемых любителей церковного пения. К сожалению, пение это выходит чрезвычайно негармоничное. В особенности же басы своим непомерным криком нередко нарушают самое благоговение, подобающее mestу. Поэтому было бы весьма полезно, ежели бы законоучитель приходского училища (или кто-либо другой) приучал бы к стройному пению обучающихся грамоте мещанских мальчиков. Тогда бы родители их, видя хотя одну практическую пользу от обучения (пение молитв), может быть, с большою охотою отдавали бы в училище своих детей. При том же и для всех было бы приятнее слушать в церкви более стройное пение, которое в нашем православном богослужении составляет такую существенную часть.

Пудож в одном отношении весьма похож на Константинополь: и там, и здесь собаки не имеют определенных хозяев, поэтому бродят по улицам, как бесприютные, с той только разницей, что в Константинополе кормить собак считается одной из обязанностей общественной благотворительности и поэтому там они множатся до бесконечности. Здесь же, в Пудоже, где нередко и самим жителям есть нечего, собаки бродят голодные, изредка только воровством добывая себе скучную пищу. Зимою же от холода и голода они большей частью пропадают. От этого их здесь весьма мало, да и те не только ни на кого не бросаются, но даже редко и лают, вообще же ведут, что называется, настоящую собачью жизнь.

Достать для прочтения какую-нибудь газету в Пудоже чрезвычайно трудно. Только один купец, выписывающий «Биржевые ведомости», отдает эту газету желающим с платою по 40 коп. серебром в месяц, да и то с условием, чтобы взявший никому другому

не давал ее читать. Таким образом, живущим здесь весьма трудно знать, что делается на белом свете, да едва ли многие этим и интересуются.

Из Пудожа (подпись: Горожанин М. Е.) // ОГВ. 1870. 18 июля

В столичных газетах, особенно в «Биржевых ведомостях», в последние два года очень нередко встречались корреспонденции из Пудожа, рисовавшие развитие там общественной жизни и экономический вид в довольно непривлекательном виде. В одной из корреспонденций, сообщая слух о предположении упразднить этот город, автор выразился: «Город Пудож – такой город, что он и теперь похож на деревню, да и вообще от него, как от козла, ни шерсти ни молока для Олонецкого края, тем больше для России». На эти корреспонденции в «Новом времени» появился ответ, подписанный «Горожанином М. Е.». Отпуская полемическую остроту ответа, мы считаем интересным заимствовать из него следующие строки:

«Неужели злосчастный Пудож так неизмеримо упал ниже обыкновеннейших провинциальных городов, что на его темном фоне не найдется ни одной светлой точки?.. Можно бы описать эту небезынтересную местность в отношениях и географическом, и санитарном, и административном, и промышленном – и во всем этом читатели нашли бы более занимательного и полезного, чем в сведениях о нескобленном поросенке и о 12-копеечной цене за фунт ярмарочных пряников...»

В доказательство того, что не все в Пудоже так грязно и бесполезно, как оно является из-под негодующего пера корреспондента «Биржевых ведомостей», мы приемлем смелость указать на некоторые общеизвестные факты, совершившиеся на глазах у пудожан и сами собой доказывающие неудачное применение пословицы, что от существования Пудожа «как от козла, ни шерсти ни молока». Оставляя в стороне высказанные печатно все причудливые желания и впечатления корреспондента, все религиозное негодование его при виде крестов, на обилие которых (в христианской стороне) ему угодно было серчать, мы укажем только на ту полезную деятельность, происходящую в городе и уезде, которую корреспондент с непременною целью упустил из виду.

Было время (с лишком лет 40 тому назад), когда Пудожский уезд на всем своем обширном пространстве производил не более 3–5 тыс. пудов льну в год. Ныне же производительность этого почти единственного продукта и источника крестьянского дохода возросла до 30 и более тыс. пудов годично. Ежели считать только по 4 и по 6 рублей за пуд, то это составит вместо прежних 12 и 30 тыс. ежегодный доход от 120 до 180 тыс. рублей – сумма много значащая для быта бедных крестьян малопроизводительного уезда. Каждый спрошенный добросовестно объяснит вам, что почти вдесятеро (против прежнего) увеличенное количество производства льна исключительно обязано деятельности и старанию того же самого купца, который ежегодно выписывает из Псковской губернии значительное количество испытанного льняного семени для засева, так как климатические условия Пудожского уезда не позволяют для той же цели семена собирать на месте.

Что очистка и доброта льняного волокна трудолюбием и основательным знанием дела доведена до известного совершенства, доказывают серебряная и золотая медали, полученные экспонентом с мануфактурных выставок в С.-Петербурге и Москве в 1839 и 1844 г. Не буду исчислять в хронологическом порядке обильного запаса похвальных листов, наград и благодарностей, полученных сказанным лицом в пределах империи и со всемирных выставок за границею, скажу только, что почти полувековая деятельность его проявилась не на одном лишь промышленном и торговом поприще – она полезно заявила себя и в отношении религиозном, и в деле человеколюбия, и в интересах просвещения. Наглядным доказательством всему этому служит обновление Муромского монастыря (в 40 верстах от Пудожа), открытие в городе богоугодного призрения на 24–30 человек обоего пола, с основным капиталом в 90 тыс. рублей и учреждение 10 стипендий при Мариинском женском училище в Петрозаводске. Тому же самому лицу Пудожский уезд и его жители в 1830-х еще годах обязаны повсеместным разведением картофеля.

Действительная заслуга не пропадает бесследно. Правительство, поощряя благородное стремление, не оставляет без внимания

полезных деятелей, и, кроме письменных и орденских почетов, лицо это удостоилось в истекшем октябре месяце драгоценнейшей для каждого добросовестного гражданина награды – высочайшей благодарности. Нельзя же после этого бессмысленно глаголить, что от Пудожа (а следовательно и его сограждан) “как от козла, ни шерсти ни молока”. Правда, вам хочется клубов, трактиров и харчевен, но бедные горожане того не требуют, а спекуляторов на чужие тощие карманы между ними не находится. Впрочем, и удобства жизни применимы не ко всякой местности...»

Н. А. Кораблев

ПУДОЖСКОЕ КУПЕЧЕСТВО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Пудожское купечество было сравнительно немногочисленным. На протяжении XIX – начала XX в. сословные купеческие свидетельства в городе и уезде выбирали представители всего 5–7 семейств. При этом они вносили крупный вклад в организацию хозяйственной жизни Пудожья, занимали видное место в деловых и общественных кругах Олонецкой губернии, а некоторые из них пользовались известностью и за пределами Олонии. Бессспорно, самой значительной среди пудожских купеческих фамилий была династия Малокрошечных–Базегских. Основатель этой династии Афанасий Малокрошечный был в числе первых местных жителей, записавшихся при образовании г. Пудожа в купечество по 3-й гильдии и в 1787 г. избирался городским старостой¹. По традиции Малокрошечные занимались скупкой и поставкой на рынки высококачественного пудожского льна-карелки. Наиболее преуспел в этом деле внук Афанасия Иван Иванович Малокрошечный (1808–1870). Сызмальства знавший не только местные условия, но и все тонкости торгового дела, И. И. Малокрошечный сумел вытеснить конкурентов-скупщиков из г. Онеги и Каргополя и практически монополизировал закупку и поставку пудожского льна на петербургский рынок, а также за границу. Кроме того, И. И. Малокрошечный взял под свой контроль значительную часть операций со льном на крупнейшей в Олонецкой губернии Шунгской ярмарке. Действовавшие помимо него мелкие скупщики «булыни» из числа крестьян ограничивались главным образом второстепенными рынками – карельским Поморьем,

¹ НА РК. Ф. 648. Оп. 1. Д. 1/11. Л. 7 об., 26.

Вытегрой, Каргополем. Для первичной переработки продукции И. И. Малокрошечный в 1830 г. открыл собственную льнотрепальню в д. Бальбино (в 17 верстах ниже Пудожа по р. Водле), где работало до 250 сезонных работниц из числа крестьянок ближайших волостей. Неоднократно и с большим успехом экспонировал образцы пудожского льна, обработанного на своей льнотрепальне, на престижных российских и международных выставках, где они удостаивались высоких наград.

П. Иванов, автор статьи о льняной промышленности Пудожского уезда, опубликованной в центральной печати в 1853 г., характеризуя деятельность И. И. Малокрошечного, писал: «Зимой недостаточные крестьяне берут у него до выроста льна в долг хлеб, весной – деньги в подать, а осенью уплачивают ему этот долг льном». П. Иванов констатировал, что «лен большей частью на месте» переходит к Малокрошечному и отмечал далее, что даже самым за jakiщенным крестьянам, решавшимся на самостоятельный сбыт продукции на Шунгской ярмарке, далеко не всегда удавалось выйти из-под контроля оборотистого пудожанина. При низких ценах на ярмарке он оптом скупал привезенный крестьянами лен и обязывал их самих везти этот лен обратно в Пудож. Из 15–20 тыс. пудов пудожского льна, поступавшего на рынки в середине XIX в., 10–15 тыс. пудов приходилось на долю И. И. Малокрошечного². Кроме льна пудожский купец вывозил на петербургский рынок лесоматериалы (древа) и лососину, он выступил также одним из пионеров разведения картофеля в уезде³.

Являясь pragматичным и жестким предпринимателем, И. И. Малокрошечный в то же время был широко известен своей благотворительной деятельностью. В 1859 г. он на свои средства построил православную церковь в с. Лекса, являвшемся одним из традиционных центров старообрядчества в крае⁴. В 1863 г., вскоре после

² Иванов П. Льняная промышленность в Пудожском уезде Олонецкой губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1853. № 5. С. 135–136.

³ И. И. Малокрошечный (некролог) // Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1870. 16 декабря.

⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45/173. Л. 4.

внезапной кончины старшего брата Василия Ивановича, И. И. Малокрошечный решил пожертвовать 10 тыс. рублей на восстановление старинного Муромского монастыря в Пудожском уезде, существовавшего с XIV в., но закрытого в 1787 г. в связи с секуляризацией церковно-монастырских владений. В свое время мысль о необходимости возрождения местной святыни подал купцу архиепископ Венедикт, занимавший олонецкую кафедру в 1842–1850 гг., который выражал искреннее сожаление, что «при гробах преподобных Лазаря и Афанасия (основатели обители. – *H. K.*)... не может каждодневно отправляться божественная служба» и остаются «без удовлетворения благочестивые желания богомольцев, приходящих из дальних мест». В 1867 г. по постановлению Синода деятельность Муромского мужского монастыря была возобновлена с назначением 7 монашествующих вакансий и продолжалась до 1918 г.⁵

На проценты с пожертвованного И.И. Малокрошечным капитала (30 тыс. рублей) в г. Пудоже с 1867 г. действовала богадельня, где призревалось до 30 престарелых жителей. Добротный дом для богадельни на ул. Маккавеевской (ныне Горького), Малокрошечный также построил за свой счет. После кончины благотворителя богадельня находилась под управлением попечительского комитета возглавлявшегося наследниками основателя – Александром Петровичем, а затем Николаем Александровичем Базегскими. По уровню постановки дела частная пудожская богадельня ни в чем не уступала аналогичным учреждениям в Петрозаводске и Повенце, сдержавшимся земством⁶.

В 1869 г. И. И. Малокрошечный выделил средства на учреждение 10 стипендий в Петрозаводском Мариинском женском училище (с 1870 г. – женская гимназия) для обучения дочерей беднейших граждан городов Олонецкой губернии. По распоряжению Александра II от 4 октября 1869 г. назначением этих стипендий

⁵ Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри крайнего севера. Муромский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 9–10. С. 522, 526, 528; Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 100.

⁶ НА РК. Ф. 1. оп. 1. Д. 45/173. Л. 2–4 об.; Ф. 27. Оп. 2. Д. 13/207. Л. 46 об.

vedal попечительский совет училища, а сами они получили официальное наименование «стипендий пудожского купца И. Малокрошечного». И. И. Малокрошечный был известен и как общественный деятель, с 1859 по 1862 г. он занимал пост городского головы Пудожа, с 1851 г. состоял попечителем местной больницы. За общественную и благотворительную деятельность был награжден орденами Св. Анны 3-й ст. и Св. Станислава 2-й ст. В 1862 г. ему, как одному из виднейших представителей делового мира Олонецкого края, было пожаловано звание потомственного почетного гражданина⁷. После кончины И. И. Малокрошечного в 1870 г. капиталы и дело унаследовал зять А. П. Базегский.

Александр Петрович Базегский (1838–1897) происходил из Вытегорского купеческого рода, окончил в г. Вытегре уездное училище, в Пудож перебрался после женитьбы на дочери «льняного короля» И. И. Малокрошечного Надежде Ивановне. Помимо скупки и сбыта льна, он развернул широкую торговлю хлебными, бакалейными и мануфактурными товарами в Пудоже и уезде. В начале 1880-х гг. построил на ул. Владимирской лучший в городе двухэтажный каменный дом, а рядом с ним – на Торговой площади – каменные торговые ряды. В доме А. П. Базегского в июле 1885 г. останавливался во время посещения Пудожа великий князь Владимир Александрович.

По примеру своего тестя А. П. Базегский продолжал опекать Муромский монастырь и затратил до 10 тыс. рублей на отделку церквей и устройство каменной ограды в обители. Он также в течение долгого времени состоял старостой Троицкой соборной церкви в г. Пудоже и в 1890 г. за свой счет осуществил ее реконструкцию. Построенный в конце 1820-х гг. каменный храм был расширен, к нему пристроили колокольню, а территорию церкви обнесли металлической оградой на каменном фундаменте. Значительное пожертвование было сделано А.П. Базегским и на устройство церкви при губернской мужской гимназии⁸. Олонецкий гу-

⁷ ОГВ. 1862. 20 октября.

⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 2/38. Л. 1, 2; Мисайл, епископ. Путевые заметки // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 23. С. 573.

бернатор Г. Г. Григорьев в 1881 г. писал о нем: «Пудожский 2-й гильдии купец А. П. Базегский, будучи человеком глубоко набожным и добрым, усердно заботится о благосостоянии церквей и монастырей, щедрою рукою посыпает он денежные пособия в некоторые храмы Олонецкой епархии»⁹.

Традиции старинного купеческого рода сохранил и приумножил Николай Александрович Базегский (1859–1918). Хотя в 1907 г. ему и довелось по невыгодности дела закрыть дедовскую льнотрепальню, торговые дела Базегского-сына неуклонно шли в гору. Если в 1900 г. податная инспекция оценивала оборот его заведений в торговых рядах в Пудоже в 100 тыс. рублей, то в 1913 г. – высшей для Карелии суммой в 225 тыс. рублей. С 1899 г. он неизменно состоял в 1-й купеческой гильдии (единственный первогильдийский купец местного происхождения в карельских уездах Олонецкой губернии в начале XX в.). Губернские власти в официальных документах прямо именовали его «миллионщиком»¹⁰.

Весьма выразительную характеристику деятельности Н. А. Базегского и его личных качеств дал олонецкий губернатор М. И. Зубовский, представляя его в 1915 г. к званию коммерции советника: «Обстоятельства последнего времени, раскрывшие язвы нашего купечества, еще более выдвинули личность Н. А. Базегского из ряда местных крупных торговцев, которые, в общем, проявили необычайную жадность и поразительное отсутствие патриотизма. Конец 1914 и весна 1915 г. были особенно тяжелы для олончан, так как в этот период к бедствиям войны присоединились последствия исключительно плохого урожая. Пользуясь народным бедствием, местные торговцы... стали бессовестно взвинчивать цены до никогда неслыханных размеров, и среди этой вакханалии устоял от соблазна быстрой наживы один только Базегский, который не изменил своим принципам торговой порядочности и участливого отношения к народному горю. Он прокормил до нового урожая почти все население Пудожского уезда, причем продавал свой

⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 19. Д. 2/38. Л. 11.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 114а/30. Л. 6–7.

хлеб неизмеримо дешевле всех других торговцев и даже не поднял цен до уровня впоследствии установленной мною весьма умеренной таксы... а все время торговал ниже этой таксы, как до ее опубликования, так и после ее отмены. Вообще Базегский идет навстречу всем начинаниям губернской администрации в области продовольственного дела. При небольшом сравнительно развитии торговли и промышленности в Олонецком крае Н. А. Базегский по местной расценке является огромною коммерческою силою»¹¹.

Н. А. Базегский сохранял верность семейным традициям религиозной благотворительности. Близ места последнего упокоения своего отца он в 1902 г. на собственные средства соорудил каменную Александро-Невскую кладбищенскую церковь, а в 1906 г. пристроил к ней колокольню¹².

Большой общественный резонанс в губернии имел участие Н. А. Базегского в создании в Петрозаводске в 1903 г. приюта для мальчиков-сирот, который получил официальное наименование Протасьевского (в честь губернатора). Он внес основную лепту (10,5 тыс. рублей) в формирование неприкосновенного капитала в 16 тыс. рублей, требовавшегося на содержание этого приюта. Кроме того, пудожанин выделил 600 рублей на первоначальное обзаведение приюта и полностью принял на себя обеспечение приюта в течение первых четырех месяцев существования, на что затратил еще 1,4 тыс. рублей. Разместился приют в специально выстроенном двухэтажном доме. Принимали в него мальчиков от 4 до 15 лет со всей губернии, как полных сирот, так и имевших лишь одного из родителей. Детям преподавались общеобразовательные предметы по программе начальной народной школы. В приюте имелись мастерские, где было организовано обучение столярному, сапожному и переплетному ремеслу¹³. Помимо организации Протасьевского приюта, Н.А. Базегский пожертвовал 1000 руб. на создание в 1893 г. земского приюта «Ясли» для детей-сирот обоего

¹¹ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114а/30. Л. 25–26.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. 50. Д. 52/33. Л. 9, 10.

¹³ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. С. 330–331; ОГВ. 1908. 4 декабря.

поля до 4-летнего возраста. Кроме того, он ежегодно вносил по 300 рублей на текущие нужды обеих приютов. Неутомимая благотворительная деятельность Н. А. Базегского на благо церкви и детских приютов была отмечена орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени¹⁴.

В первые пореформенные десятилетия, кроме представителей династии Малокрошечных-Базегских в купечестве по 2-й гильдии практически постоянно состояли пудожские коммерсанты Захар Васильевич Гомырин и Иван Александрович Плоскирев. Правда, размеры их операций были значительно скромнее. З. В. Гомырин (род. в 1839 г.) первоначально имел мелочную лавку со смешанными товарами в доме Буторина на набережной Вяньгозера, а затем открыл лавку в своем доме на Торговой площади, в которой торговал бакалейным и колониальным товаром, табаком, а также посудой. Оборот данного предприятия в 1890 г. оценивался в 2 тыс. рублей. В 1900-е гг. Гомырины в купечестве уже не состояли. Иван Александрович Плоскирев (род ок. 1825 г.) в 1870-е гг. владел питейным заведением с продажей вин распивочно и на вынос на Платовской улице, а также лавкой с сировским и колониальным товаром в своем доме на Троицкой улице. В 1890 г. за ним числилась уже только одна лавка на Троицкой, оборот которой составлял 4 тыс. рублей. Правда, к этому времени часть капитала он выделил старшему сыну Модесту, который отправился пытать счастья в Москву, где открыл торговлю на Варварке. После смерти отца в конце 1890-х Модест некоторое время еще продолжал формально числиться в семействе своей матери – пудожской купеческой вдовы Афанасии Васильевны, но в 1904 г. окончательно перевелся в московское купечество по 2-й гильдии. После этого Плоскиревы свернули все торговые дела в Пудоже. Следует отметить, что, проживая в Москве, М. И. Плоскирев не забывал о родной Олонии и с редким энтузиазмом занимался благотворением на ниве народного просвещения. Он состоял попечителем четырех школ – Гакугской, Коловской и Лобегской церковно-приходских в Пудожском уезде и Мунозерской министерской в Петрозаводском уезде.

¹⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114а/30. Л. 6–7.

К началу XX в. в среду пудожского купечества вместо выбывших из него по разным причинам представителей старогильдейских фамилий влилось несколько разбогатевших торгующих крестьян. Это были Михаил Петрович Борисов, Федор Алексеевич Нечаев и Фаддей Афанасьевич Овчинников с сыновьями Павлом и Степаном.

М. П. Борисов, выходец из крестьян пригородной деревни Мячево Коловской волости, записался в купечество во второй половине 1880-х гг., унаследовав дело от дяди – крестьянина Василия Ивановича Борисова. Михаил Борисов имел крупную лавку с продовольственными и промышленными товарами на Троицкой улице, оборот которой как в 1900-м, так и в 1913 г. податная инспекция определяла в 45 тыс. рублей. Кроме того, он был известен как владелец городской пекарни с оборотом в 7,2 тыс. рублей, в пекарне работали мастер и 4 наемных рабочих, выпекались булки и кренделя¹⁵.

Ф. А. Овчинников происходил из крестьян д. Восняково Кирилловского уезда Новгородской губернии. Первоначально служил приказчиком у торговавшего некоторое время в Пудоже кирилловского купца Ф. Н. Зайцева. В 1876 г. Ф. А. Овчинников купил у А. П. Базегского участок земли на углу Торговой площади и Кутузовской улицы, где построил дом, а рядом с ним лавку, в которой развернул продажу мануфактурных и галантерейных товаров. Ее оборот в 1900 г. оценивался в 15 тыс. рублей¹⁶. В дальнейшем сам Фаддей Афанасьевич отошел от дел и лавкой заведовали сыновья, которые к 1913 г. увеличили ее товарооборот более чем в полтора раза – до 23 тыс. рублей.

Ф. А. Нечаев унаследовал капиталы от отца-крестьянина, с успехом занимавшегося торговлей в селе Кенозерский Погост, а также организацией лесозаготовок в родной Вершининской волости. Наследник в начале 1900-х гг. записался в купечество и решил обосноваться в уездном центре. Им были открыты крупный мануфактурный и хлебный магазин на Троицкой улице и склад с продажей

¹⁵ НА РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 24/251. Л. 54–56.

¹⁶ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 117, 118.

керосина за городской чертой, суммарный оборот этих заведений к 1913 г. оценивался в 35 тыс. рублей. Кроме того, Ф. А. Нечаев продолжал лесопромышленные операции и даже стал одним из четырех членов-пайщиков товарищества «Огонек», владевшего Петрозаводской спичечной фабрикой.

Как и у Базегского, торговлю у Борисова, Нечаева и Овчинниковых вели наемные приказчики, а закупка товаров осуществлялась непосредственно на центральных рынках страны. Пудожские купцы занимались не только розничной, но и оптовой торговлей, снабжая товаром мелких лавочников, не имевших возможности непосредственно выходить на крупные рынки.

Если в других городах Карелии после издания торгово-промышленного положения 1898 г., которое ликвидировало связь между получением свидетельства на предпринимательские занятия и принадлежностью к купеческим гильдиям, позиции купечества в торговле постепенно слабели, то в Пудоже благодаря активному пополнению рядов купеческого сословия крестьянами-выходцами с периферии они оставались незыблемыми. В 1913 г. представители купечества сосредоточивали в своих руках 92% всего городского товарооборота (363 тыс. из 392,2 тыс. рублей)¹⁷. (В Петрозаводске в 1913 г. на долю купцов приходилось 37%, мещан – 30%, крестьян – 14,3% учтенного городского товарооборота. Еще 14,5% товарооборота падало на долю ассоциированных собственников – торговых домов). Это свидетельствует о прочности традиционных установок и представлений об организации торгового дела у представителей предпринимательской элиты глубинного Пудожского края.

¹⁷ Подсчитано по данным: НА РК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24/206. Л. 1–96.

T. A. Мошина

ПУДОЖАНЕ НА ШУНГСКИХ ЯРМАРКАХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

На гербе города Пудожа, утвержденном императрицей Екатериной II в 1788 г., изображено, как известно, три мотка льна, «в знак того, что сей город славится... льном». Лен «бел-кудрявый, тонкий, долгий и высокий», имел в крестьянском хозяйстве большое значение. Из его стеблей получали волокно, которое после обработки шло на изготовление белья, одежды, полотенец, скатертей, из семян отжимали масло. Жмых и мякина шли на корм скоту, кострика (отходы от обработки) – на топливо. Золу из сожженной кострики использовали в качестве удобрений для полей.

В статьях Н. А. Кораблева довольно подробно рассказано об истории этого промысла, основных рынках сбыта, о процессе выращивания и обработки этой культуры¹. Широко известны и фамилии купцов, которые занимались скупкой, обработкой и сбытом льна: Малокрошечные, Базегские, Новиков, а также богатых крестьян, составлявших им какое-то время конкуренцию, – С. Ф. Кораблев и А. В. Марков.

Лен в Пудожье высевали вплоть до 50-х гг. XX в. Для того чтобы получить хорошее льняное полотно, надо было трудиться не покладая рук: полоть, убирать, освобождать стебли от семян, обрабатывать на волокно (обработка включала немало операций: мочение, расстилание, сушку, мятье, трепание, чесание, которое иногда было четырехкратным). После чесания лен связывали и скручивали

¹ Кораблев Н.А. Товарное льноводство в Пудожском крае (конец XVIII – начало XX в.) // Музей и краеведение на Европейском Севере. Петрозаводск, 2001; Набокова О.А. Выращивание и обработка льна крестьянами Пудожского уезда на рубеже XIX–XX вв. // Кижский вестник. № 7. Петрозаводск, 2002.

в мотки (повесьмо). 20 повесьм составляли «куклу». Куклы складывали в холодное помещение на хранение до продажи или до начала дальнейшей обработки зимой и весной, когда крестьянки пряли и сучили нитки, ткали полотна, а с началом ярких солнечных дней расстилали их на снегу для отбеливания.

В лучшие годы зажиточный крестьянин с семейством мог получить до 100 пудов льняного волокна. В середине XIX в., по оценке губернских статистиков, в уезде ежегодно выращивалось около 20 тыс. пудов льноволокна. Из них около 17 тыс. поставлялось на рынки: 40% – в Петербург, по 25% – в Поморье и на ярмарку в Шуньгу, а остальная часть – в Петрозаводск, Вытегру и Каргополь.

Качество пудожского льна высоко оценивал академик Н. Я. Озерецковский, побывавший в 1785 г. в Шальской волости. По словам академика, пудожский лен – «особливой доброты», «превосходнее псковского». В. А. Дашков в книге «Описание Олонецкой губернии» писал: «Холст пудожский славится своею добротою во всей губернии»².

Лучшие образцы льняного семени, кудели пудожского «льна-карелки...», вышитые льняные полотенца, закрайки, рубахи экспонировались на российских и международных выставках. В 1850 г. на сельскохозяйственной выставке, устроенной Императорским Вольным экономическим обществом в Петербурге, было представлено льняное однолетнее семя, выращенное крестьянином д. Ярчево Филиппом Головановым, а также образцы льна, выращенные им же и его земляками Петром Александровым и Василием Куфыриным³. На международной выставке исторических и современных костюмов в 1902 г. (Санкт-Петербург, Таврический дворец) экспонировались традиционные полотняные костюмы пудожских крестьян.

² Дашков В.А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842. С. 67; Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 128, 130.

³ Участие Олонецкой губернии в сельскохозяйственной выставке Императорского Вольного экономического общества // ОГВ. 1851. 5 июля.

нок с вышитыми рубахами. Олонецкий губернский статистический комитет за эти костюмы был отмечен специальным дипломом (хранится в Карельском государственном краеведческом музее).

О распространении льноводства, прядения волокна и ткачества в уезде свидетельствуют некоторые местные обычай и фольклорные материалы. Например, на второй неделе Великого поста, во вторник, в одном из селений у кого-либо из домохозяев собирались на беседы все пары, поженившиеся в минувший год. Молодухи приходили с прядлками и несколькими сменами одежды. Они демонстрировали мастерство в прядении льна и нарядные одежды, которые меняли за вечер по нескольку раз (в зависимости от своей состоятельности). В Великий четверг девушки вставали пораньше и бежали к плямам в надежде стать хорошими мастерицами⁴.

Знаток пудожского фольклора Н. С. Шайкин приводил такие поговорки, связанные с женскими ремеслами: «Девка не тоцивна труба – не понесешь продавать» (тоциво, точиво – готовое льняное полотно, свернутое в рулон), «Как руцьки сделают, так плецьки сносят»⁵.

Имел место и заговор, имитирующий процесс обработки льна, способствующий избавлению от «ночной плаксы». Для того чтобы младенцы хорошо спали, делали из лучины подобие прядки, привязывали лен, веретено и втыкали или клади в угол, при этом приговаривая: «Куделька, ночная работка, пряди ее и нитки сучь, а ребенка не лучь» (т.е. не трогай)⁶.

Заонежское село Шуньга упоминается в писцовых книгах уже в 1496 г. Ярмарки проходили там издавна, хотя официально они были утверждены только 11 июня 1782 г. указом Санкт-Петербургского

⁴ Новикова В.В. Изделия из текстиля в северорусском свадебном обряде // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 149; Барсов Е.В. Суеверия и предрассудки в простом народе // ОГВ. 1885. 2 октября.

⁵ Шайкин Н.С. К материалам по народной словесности. Пословицы и поговорки, записанные в Нигижемской волости Пудожского уезда // ОГВ. 1903. 25 октября.

⁶ Кофырин Н. Суеверия крестьян с. Песчаное Пудожского уезда // ОГВ. 1900. 23 ноября.

правления, данным Петрозаводскому городскому магистрату. Ежегодно проводились четыре ярмарки: Богоявленская (Крещенская) – с 6 по 18 января, Благовещенская – с 25 марта по 2 апреля, Никольская – с 6 по 12 декабря и Сборная – с первого воскресенья Великого поста в течение 6 дней.

На шунгские ярмарки приезжали купцы и торгующие крестьяне из карельского Поморья, Архангельска, Москвы, Петербурга, Каргополя, Галича, Владимира, Белозерска, Вологды, Ярославля, Новгорода, Череповца, Тихвина и даже из-за границы. Имеются, например, упоминания о коммерсантах из Франции, Польши и Швеции. В некоторые годы бывало до 547 торговцев со всевозможными товарами (преобладали пушнина, рыба и дичь).

На Шунгском погосте, на церковной земле рядом с Никольской и Благовещенской церквами, был построен Гостиный двор с 65 лавками. Каждый торговец за право торговать в балагане платил по 3 руб. в церковную кассу (что равнялось примерно цене пуда льна), а также делал и «доброхотные подаяния с возов и балаганов». От каждой ярмарки церковь получала около 1200 руб. дохода, в том числе заметную долю составлял сбор с арендатора важни – 225 руб.

Сохранились архивные материалы, свидетельствующие о том, что пудожане бывали на шунгских ярмарках уже в 20-е гг. XIX в. Традиционно они приезжали на зимнюю Крещенскую ярмарку длинным конным обозом, включавшим 15–20 упряжек, по санному пути через Онежское озеро. В основном представители Пудожья торговали льном, но иногда предлагали и другие товары. Так, на Крещенской ярмарке 1881 г. кроме 15 торговцев «кудельного ряда» среди пудожан были еще 11 человек, торговавших крестьянским сукном, холстом и дичью. В 1895 г. в числе 6 торговцев кожаным товаром отмечен и пудожский житель Павел Федоров⁷.

С особым нетерпением торговцев льном поджидали местные девушки и женщины, так как Заонежье издавна славилось своей вышивкой по полотну. Не случайно для пудожан даже был устроен специальный «кудельный ряд».

⁷ НА РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8/59. Л. 12 об.; Ф. 461. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 2.

О количестве привозимого и продаваемого льна можно судить по статистике, публиковавшейся в газете «Олонецкие губернские ведомости». Так, в 1859 г. льна было доставлено 1,5 тыс. пудов, в 1860 г. – 3 тыс., а в 1861 г. – 4 тыс. пудов. В 1878 г. льна привезли на 4,9 тыс. руб. (продали на 4,4 тыс. руб.), а в 1881 г. – на 5,9 тыс. руб. (1,2 тыс. пудов) и весь продали⁸.

Цена за пуд льна обычно колебалась в пределах от 1 до 5 руб. Часть привезенного льна пудожане меняли на рыбу у приезжавших на ярмарку поморов.

В Национальном архиве РК, в фонде Шунгской Благовещенской церкви (Ф. 461) мной был найден документ (книга для записи ярмарочных доходов) за первую половину 1880-х гг. со списками приезжавших на Шунгскую ярмарку торговцев, тех самых крестьян-скупщиков, которых называли в Пудожском уезде «булынями». Фамилии эти до сих пор встречаются в крае и, возможно, что потомки тех, кто когда-то приезжал на ярмарки в Шуньгу, и ныне живут в Пудожском районе.

В 1881 г. из 15 пудожан, торговавших льном в балаганах кудельного ряда на Крещенской ярмарке, пофамильно зафиксировано 12 крестьян. Это Григорий Родионович Вшивков и Матвей Иванович Штурмин (д. Давыдовская), Николай Иванович Осин (д. Корчагинская), Василий Семенов и Иван Петрович Данилов (д. Кошуковская), Фома Панфилович Титов (д. Михалевская), Федор Иванович Красный (д. Ножово), Николай Семенович Кораблев (д. Семеновская), Петр Иванович Катайков и Федор Иванович Вершинин (д. Юрпуч), Василий Андреевич Сергачев и Прокопий Захарьев (д. Якушево).

На Крещенскую ярмарку 1883 г. приезжали 12 пудожан: Яков Марков из д. Бальбино; Матвей Иванович Штурмин (д. Давыдовская); Петр Катайков из д. Ижгора (в 1881 г. – из д. Юрпуч); В. Е. Семин из д. Каршево; А. Е. Кузнецов и Федор Иванович

⁸ Шунгская Богоявленская ярмарка // ОГВ. 1859. 25 февраля; Рыбников П. Н. Богоявленская ярмарка в Шуньге в 1860 г. // Там же. 1860. 12 марта; Он же. Шунгская Богоявленская ярмарка в 1864 г. // ОГВ. 1864. 8, 15, 22 февраля; Шунгская ярмарка // ОГВ. 1878. 15 февраля; То же // Там же. 1881. 14 марта.

Красный из д. Колово; Е. Ф. Борисов из д. Мячево; К. С. Присолов из д. Никитинская; Николай Семенович Кораблев из д. Семеновская; Михаил Родин, А. И. Кириллов, Яков Андреевич Сергачев из д. Якушево.

На Крещенской ярмарке 1885 г. среди 65 торговцев было зарегистрировано 13 пудожских крестьян: Яков Васильевич Марков из д. Бальбино; Прокопий Родионович Вшивков из д. Давыдовская; Матвей Иванович Штурмин из д. Зеховская (в 1883 г. – из д. Давыдовская), Василий Ефимович Семин и Иван Петрович Рантов из д. Каршево; Федор Иванович Красный из д. Кашеварово (в 1883 г. указана д. Колово); Николай Иванович Осин из д. Корчагинская; Василий Семенович Кораблев из д. Семеновская; Петр Иванович Катайков из д. Юрпуча; Михаил Родин, А. И. Кириллов, Яков Андреевич Сергачев из д. Якушево; Павел Иванович Фалин из Нигижемской волости (деревня не указана).

На основании списков можно сделать некоторые выводы. Купцы А. П. Базегский и А. В. Новиков в числе приезжавших на ярмарки пудожан в книгах не отмечены. И это понятно, крупные купцы в балаганах кудельного ряда не торговали, а совершили на ярмарках сделки с оптовыми покупателями и позже отправляли лен в Петербург, Поморье и на другие рынки сбыта. Имели место также случаи, когда купцы скупали лен у мелких торговцев и заставляли их везти товар назад.

В то же время представители крестьянских семейств Кораблевых и Марковых, имевших свои льнотрепальни, основанные соответственно в 1864 и 1880 г., непосредственно участвовали в ярмарочной торговле.

Среди пудожских крестьян, торговавших в кудельном ряду, во всех трех упомянутых выше списках встречаются пять фамилий: Сергачев, Штурмин, Катайков, Красный, Кораблев (дважды Николай и один раз Василий). Указаны 13 селений, откуда приезжали торговцы. Это деревни Нигижемской волости: Бальбино, Давыдовская, Зеховская, Корчагинская, Михалевская, Никитинская, Семеновская, Юрпуча, Якушево; деревни Коловской волости: Кашеварово, Колово, Мячево, Ножово, деревни Ижгора Авдеевской волости и Кошуковская Боярской волости.

Вполне вероятно, что существовала определенная очередность поездок на ярмарки среди крестьян-скупщиков, так как путь в Шуньгу был долгим, а порой и опасным. Кроме того, как отмечалось выше, нужно было заплатить за аренду балагана, а также обеспечить себя съестными припасами на 10–12 ярмарочных дней. Так что эти поездки далеко не всегда приносили ощутимую прибыль.

Известный фольклорист и этнограф П. Н. Рыбников в статье о пудожском льноводстве, отмечал: «Богатые торговцы пользуются нуждой крестьянина и отпускают ему товары в долг по высокой цене и с непременным условием продать будущий лен кредитору по... низкой цене. Чтобы спастись от монополии скупщиков, хозяева выбирают себе надежного человека. Дают ему на комиссию каждый по 6–15 пудов льна и посылают его в Каргополь, на реку Онегу, в Вытегру, Поморье и Шуньгу. В этих местах, кроме Шуньги, им действительно удается продать выгодно товар и разделить полную его цену между собой. Но в Шуньге дело оканчивается не совсем благополучно. Богатые торговцы привозят нарочно по 100–200 пудов льна на ярмарку как будто для продажи и роняют цену до того, что незначительные торговцы весьма часто принуждены сбывать свой товар в убыток и тому же скупщику, спасаясь от которого они привезли лен на ярмарку»⁹. Однако Шунгская ярмарка была крупнейшей в губернии, и пудожане продолжали ездить на нее вплоть до 1920-х гг.

Оживленные ярмарки привлекали гостей не только своими торговыми оборотами, но и разнообразными общественными развлечениями. На ярмарках, например, как отмечал этнограф С. В. Максимов в книге «Год на Севере», «можно было встретиться с огромными артелями слепых старцев, по целым неделям распевающих старины, досельные исторические предания о князьях новгородских, богатырях киевских, грозном царе московском и о Петре Великом». Посетителям шунгских ярмарочных рядов особенно

⁹ Рыбников П.Н. О разведении льна в Пудожском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск, 1864. С. 151.

нравилась притча об Алексее, человеке Божьем, о чем упоминал учитель Иван Петров в стихотворении «Пятачок», написанном на основе живых впечатлений от ярмарки¹⁰. На озере устраивались конские бега, на погосте – карусель, иногда заезжали бродячие цыгане сдрессированными медведями.

Торговцы жили в крестьянских семьях, причем селились из года в год у одних и тех же хозяев, бывало, что коммерческие связи укреплялись и родственными. Так, например, торговавшие льном Кораблевы из д. Семеновская породнились с Белоусовыми из д. Падмозеро.

¹⁰ Филимонов К. Памяти И.Д. Петрова // Олонецкая неделя. 1914. 2 марта.

А. Г. Костин

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПУДОЖЬЯ И КАРГОПОЛЬЯ

В последнее время жители Пудожского и Каргопольского районов стали ближе друг к другу благодаря постройке автомагистрали, связавшей обе территории. Стали развиваться добрососедские отношения, включая экономические, культурные и спортивные связи. В то же время практика показала, что история наших отношений нуждается в систематизации и обобщении.

Одного взгляда на карту Севера России достаточно, чтобы понять, почему именно по водным путям с древних времен шло освоение этого края. Только в нашем районе насчитывается более тысячи озер, сотни рек и речушек, да и в Каргополье их достаточно. Еще в незапамятные времена был открыт водный путь в Заволочье, связавший восточное Обонежье и земли по р. Онеге. Возможно, это произошло в период мезолита, что подтверждается сходством мезолитических культур бассейнов Водлы и Онеги.

В эпоху неолита, как считает ряд карельских археологов, восточное Обонежье и Поонежье представляли собой единое культурное пространство. Это доказывают археологические находки¹. Значит, уже в то время осуществлялись постоянные межродовые и межплеменные контакты, возможно через Кенский (Черевский) (р. Водла – р. Черева – оз. Волоцкое – р. Волошова – р. Поча – Кенозеро – р. Кена – р. Онега); в меньшей степени через Кумбасозерский волоки.

¹ На территории Карелии поселения так называемой каргопольской археологической культуры выявлены на Водлозере, в устьях рек Илексы, Водлы и Выга. Кроме того, каргопольская керамика присутствует и на поселениях повсеместно распространенной в Карелии неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики. См.: Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 93–94.

В более поздние времена из-за Урала в Карелию проникли через те же волоки предки нынешних саамов и вепсов. Русские (новгородцы) появились в Пудожье, очевидно, в XI в., а массовое переселение русских крестьян в бассейн Водлы произошло в XIV в.

Наконец, в XV в. здесь стали селиться выходцы с Белого озера и Кенозера. Кенский волок сохранял важную роль и после падения Новгорода, когда Москва установила высокие пошлины и прямые запреты на торговлю с Каргополем и другими северными территориями через вологодские торговые пути. В конце XV в. он был весьма оживленным², но вслед за этим наблюдается упадок данного пути и переход торговли на Кумбасозерский волок. По некоторым данным, эти волоки использовали также голландские купцы.

В XVIII в., когда Россия получила выход к Балтийскому морю, речной путь Онежское озеро – р. Онега стал использоваться в основном для подвоза хлеба с каргопольской стороны в Выгорецию, а еще позднее волоками пользовались только местные жители и водлозеры, продающие рыбу в Кенозерье. Вот свидетельство писателя и этнографа И. С. Полякова: «После весеннего улова в Каргопольский уезд на ярмарки Ивановскую и Троицкую идет до 40 лодок рыбы с Водлозера...» У него же: «Доставка рыбы в Каргопольский уезд на протяжении 100–150 верст обходится жителям весьма дорого. Они должны спустить лодки с грузом по Водле через 17 главных порогов, затем в вершинах р. Черевы, поднявшись против течения, около деревни Заволочье они оставляют свои лодки и едут на чужих за плату или... заготавливают на реке Волошове свои собственные лодки. Назад, обменяв рыбу по большей части на хлеб, они еще с большими трудностями, перевозя хлеб на наемных лошадях через волок, поднимаются вверх по р. Ваме»³.

² См.: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М.Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 177.

³ Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 127.

Не случайно на Водлозере так популярна была идея строительства канала на месте волока. Кстати, первый проект канала Онежское озеро – р. Онега через Водлозеро составил еще в 1778 г. один из пудожских купцов⁴.

При всей своей изнурительности путь «из водлозёр в каргополы» имел для первых один плюс – он способствовал культурному обмену с более богатыми восточными соседями. Возможно, свидетельством о древних контактах водлозёров с кенозёрами на семейном (родовом) уровне является известная легенда о сватовстве пречистенского и кенозерского водяных к дочери ильинского водяного.

Водные пути из Каргополья в Пудожье использовались не только в хозяйственных, но и в военных целях. В этом отношении показательно предание о походе каргопольского князя Святослава (другой вариант – Вячеслава) за данью в Пудожье и битве с чудью. Князь разбил чудь на Водлозере, но оставшиеся в живых ему отомстили – когда зимой он возвращался с данью к себе домой, заманили его на лед озера и утопили со всей дружиной. Возможно, как считает петрозаводский историк А. Ю. Жуков, это предание навеяно неудачными попытками каргопольцев установить контроль над Пудожьем⁵. Может быть, конкретно имеется в виду белозерский князь Вячеслав, который, по каргопольским источникам, разбил «чудь белоглазую» в XII в.

О возможных событиях того же порядка может свидетельствовать и предание шелтозерских вепсов о поражении «чудского князя» Аминты под Каргополем и о бегстве предков шелтозерцев на лодках через Онежское озеро на его западный берег⁶.

В XIV в. Кенский волок мог быть использован во время похода (1340–1342 гг.) сына новгородского посадника Луки Варфоломеевича

⁴ См.: Река Водла // Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1846. 14 марта.

⁵ Жуков А.Ю. Водлозерье и Водлозерский погост в X–XV вв. // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 257.

⁶ См.: Пименов В.В. Вепсы. М.–Л., 1965. С. 131–132.

со своими боевыми холопами в Заволочье, где он разгромил станы ростовских колонистов и поставил Подвинье под контроль Великого Новгорода⁷.

Во время феодальных междоусобиц XV в. земли к востоку от Онежского озера пострадали от противоборствующих сторон. В 1447 г., спасаясь от великого князя Василия Темного, Дмитрий Шемяка с остатками своих войск, прихватив с собой можайского князя Ивана, заложнику – мать Василия Темного и московскую казну, разорил оба края. «За волоком Онего и Каргополь и Пудогу повоеваша и разграбиша шестники»⁸.

Особенно суровому испытанию подверглись Каргополье и Пудожье во времена Смуты начала XVII в. В 1612 г. поляки и литовцы осадили Каргополь, но смогли разорить только посад. После этого они ушли в Шальскую волость, где действовали до осени 1613 г. В октябре 1613 г. возникла угроза захвата восточного Обонежья. В панике пудожские старосты и целовальники направили гонца Мордвинова с казаками в Каргополь к князю Ивану Андреевичу Дацкову, воеводе Алексею Ивановичу Зюзину и дьяку Богдану Ивановичу Губину, а также к старосте и целовальнику и всем живущим людям со слезным прошением: «И вам бы, господа, нас врагам не подати, а стать бы вместе на литовских людей и засеки, где пригоже крепить, а воров бы в поречье не пропустить»⁹. (Имеются в виду земли по Водле с притоками. – А. К.)

Однако Каргополь, сам пострадавший от польско-литовских интервентов и запорожских казаков-«черкас», не смог оказать помощь соседям. Пудожский погост, не имевший оборонительных сооружений, был захвачен «панами», как прозвали в нашем kraе захватчиков. Многие деревни были разорены, жители – убиты. Пудожане думали отсидеться за «большими перегонами», уповая на бездорожье, леса и болота, но не вышло.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 355.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. СПб., 1848. С. 126.

⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1847. Т. 2. С. 23.

Во второй половине XVII в. Пудожский край стал одним из центров старообрядчества в России. В 1694 г. братья Денисовы и их идейные последователи основали знаменитую Выговскую пустынь, Выгорецию, охватившую и часть территории на севере нынешнего Пудожского района¹⁰.

А незадолго до этого, в 1693 г., многочисленные приверженцы древлего благочестия построили недалеко от Пудожского погоста Рогозерскую пустынь. По некоторым данным, здесь собралось более тысячи раскольников, пришельцев из самых разных мест. Не последнюю роль среди них играли каргопольцы. Из «Отписки олонецкого воеводы Леонтия Стрешнева в Новгородский приказ по делу о раскольниках Пудожского погоста»: «В той пустыни построена у них изба о пяти житьях, а в той... избе каргополцов мужеска полу болши 100 человек»¹¹.

С Рогозера раскольники совершили поход на Пудожский погост, завершившийся 12 августа 1693 г. «гарью» – самосожжением. Количество жертв «гари» – от 800 до 1500 человек, по разным источникам. Среди них, очевидно, и те самые каргопольцы.

К слову сказать, среди руководителей и вдохновителей пудожского мятежа 1693 г. выделяется колоритная фигура соловецкого выходца старца Иосифа (Иосифа Сухого, по некоторым источникам). В 1684 г. он уже был «гарщиком» в местечке Доры Каргопольского уезда, но проявил малодушие и был «выволочен» из огня. Затем попал под следствие церковных властей и оказался в Каргопольском Спасо-Преображенском монастыре. После притворного покаяния Иосиф покинул стены обители и отбыл за пределы Каргополья. Встречался с известным проповедником «огненного крещения» Игнатием и просил у него прощения. Именно Иосиф, по всем признакам, отдал приказ о самосожжении пудожских старообрядцев в д. Строкино.

¹⁰ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 129.

¹¹ Карелия в XVII в.: Сб. документов / Сост. Р.Б. Мюллер. Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 331–346.

После образования Выгореции в конце XVII в. сюда стало стекаться множество противников «Никоновых новин». Среди них были и каргопольцы. Об одном из них стоит сказать особо. Это старец Варлаам, в миру – Василий Быков. В сочинении Ивана Филиппова «История Выговской пустыни» о нем сказано: «Из Каргополя ушел в андоморецкие пустыни и в водлозерские». В Выгореции Варлаам был келейником соловецкого старца Германа, жил в Тамбичозерском скиту. За пропаганду своего учения оба были схвачены по доносу пудожгорского попа, в оковах отправлены в Новгород. Там староверов «на жестоких допросах держали», а они «стояли крепко».

Затем их выслали в разные монастыри, они оттуда бежали, снова встретились и вернулись на Выг. Поселился Варлаам в Кодозере, и «многие люди к нему приходили, он же их учил и укреплял в вере и мужестве».

После разорения Выгореции в середине XIX в. связи пудожских и каргопольских старообрядцев сохранились. Особенно это касается сектантов-бегунов (они же скрытники или странники). Известны случаи, когда пудожские бегуны вели пропаганду своих взглядов в Каргополье. Один такой эпизод описан в журнале «Олонецкие епархиальные ведомости» за 1903 г.: «В отчетном году несколько странников-первостатейников Пудожского прихода Пудожского уезда поселились в Верхне-Чурьегском приходе Каргопольского уезда. Здесь они на свой счет устроили несколько избушек. Хозяевам домов, к которым пристроились, платят хорошо. После споров со старейниками... в мае месяце они начали совращать в свой толк филипповцев и православных. С этой целью устраивают продолжительные богомоления, на которых поют две молодые девицы. Посетителей молений поражают строгостью поста и множеством поклонов»¹². В свою очередь и каргопольцы чувствовали себя свободно среди пудожских братьев по вере.

¹² Извлечения из отчета о состоянии раскола и действиях миссионеров в Олонецкой епархии за 1902 г. // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 24. С. 836.

С Каргопольским уездом связана еще одна страница истории религии в нашем крае. Речь идет об иеромонахе Иннокентии (в миру Иван Левизор). Этот человек возглавлял православную секту в Молдавии или, как тогда говорили, в Бессарабии. Был выслан в 1912 г. в Муромский монастырь, куда вслед за ним устремились многие сотни его почитателей. В феврале 1913 г. они вместе со своим «пророком» были высланы из монастыря на восток, имея пунктом назначения ст. Няндома.

Именно на каргопольской земле была поставлена точка в этой трагедии. 16 февраля 1913 г. Иннокентия с ближайшими сподвижниками арестовали недалеко от д. Печниково. В Каргополь были стянуты полицейские силы, приехал вице-губернатор А. Ф. Шидловский. Как только сюда поступили иннокентьевцы, сначала 200 человек на подводах, затем еще 600 человек пешком, им была оказана медицинская помощь. С ними встретился епископ Варнава, организовал первую помощь и благословил их в путь на родину¹³.

С установления волоков экономические связи Каргополья и Пудожья вряд ли прерывались. Они проявлялись в разных формах, но прежде всего в торговле. Первые сведения об этом относятся к XVII в., когда крестьяне Нигижемской волости отвозили лен и другие товары «в Каргополь и на иные ярманки». В свою очередь каргопольские купцы были постоянными участниками пудожских ярмарок, чему есть масса примеров. Вот некоторые факты, взятые из «Олонецких губернских ведомостей» за соответствующие годы:

1881 г. Никольская ярмарка в Пудоже – 10 торговцев из Каргополья;

1883 г. Та же ярмарка – 9 торговцев;

1886 г. Покровская ярмарка в Корбозере – 5 торговцев;

1892 г. Пречистенская ярмарка в Колодозере – 5 торговцев и т. д.

Чем торговали наши восточные соседи? Самые распространенные товары – хлеб, изделия из глины (игрушки, посуда), лошади и т. д.

¹³ Задержание иеромонаха Иннокентия // ОГВ. 1913. 17, 19 февраля.

И в XX в. каргопольские торговцы были желанными гостями в нашем городе. Вот воспоминания Л. П. Глазачевой, относящиеся к 1925–1928 гг.: «Зимой... проводилась Никольская ярмарка. Много товаров привозили каргополы: облитую глиняную посуду, глиняные расписные игрушки, свистульки, добрые полуушубки из овчины, белые фетровые валенки выше колен, мешки с сухой репой (лакомство для детей), репчатым луком»¹⁴.

В свою очередь пудожане продавали в Каргополье меха, рыбу и т.д. Интересно, что знаменитого водлинского налима наши восточные соседи «ни почем не ели», а соответственно и не покупали. В отдельные годы, например в 1910-м, кенозеры покупали хлеб у пудожан.

Отдельный разговор – хозяйствственные связи Водлозерья с Каргопольем. Географически больше тяготея к Кенозерью, водлозеры вели активную торговлю с ним по водным путям, продавая рыбу и покупая у восточных соседей все необходимое. Даже кремни для добывания огня и ружей они привозили с Кенозера и средней Онеги.

Очевидно, после запустения волоков на повестку дня встал вопрос о постройке сухопутной дороги, которая бы надежно связала оба края. Еще в конце XVIII в. пудожский городничий Христиан Бидберг подал рапорт олонецкому губернатору о необходимости постройки прямой дороги на Каргополь на основании прошений от пудожских купцов, мещан и крестьян¹⁵. Такой дорогой стал Каргопольский тракт, который каргополы называют Пудожским. Когда он был построен, неизвестно, но в XIX в. эта дорога активно использовалась и для хозяйственных нужд, и для почтовой связи. Ездили по ней и административные власти самого высокого ранга как, например, в 1892 г., когда великий князь Владимир Александрович проехал в восточном направлении для «обозрения войск». Ездили и церковные власти, и просто путешественники. В годы Великой Отечественной войны Каргопольский тракт стал своеобразной дорогой жизни для пудожан. Помимо военных грузов, по

¹⁴ Глазачева Л.П. Никольская ярмарка // Пудожский вестник. 1997. 19 июня.

¹⁵ Дороги Карелии с древнейших времен до наших дней. СПб., 1999. С. 41.

нему поступало продовольствие в прифронтовую зону, а в противоположном направлении шел поток эвакуированных. В феврале 1941 г. Совнарком Карело-Финской ССР издал указ, в котором ставилась задача привести в круглогодичное проезжее состояние автодорогу Медвежьегорск – Пудож – Архангельская область. 30 июня 1941 г. бюро Пудожского райкома партии объявило массовый выход населения района со 2 по 6 июля на дорожное строительство. Подобные акции предпринимались и позднее. К обслуживанию дороги привлекался также контингент 14-го Пудожского отделения Беломорско-Балтийского комбината, то есть заключенные. Что касается эвакуации населения из оккупированных районов Карелии, то в 1941 г. в наш район прибыло 50 тыс. человек, из которых значительная часть проследовала дальше в направлении Каргополя. Зимой 1941/42 г. Каргопольский тракт неоднократно бомбили и обстреливали финские самолеты, в том числе нападали на автоколонны и одиночные автомашины, повозки колхозников¹⁶.

Весной 1942 г., когда в Пудожском районе наступил голод, через Каргопольский тракт была оказана продовольственная помощь. Со ст. Няндома автотранспортом доставили в Пудож 100 тонн муки, тем самым от голодной смерти были спасены многие жители района и эвакуированные.

В годы войны каргополы и пудожане вместе воевали против общего врага. Осенью 1942 г. Каргопольский и Пудожский истребительные батальоны обнаружили и после преследования ликвидировали немецкую разведгруппу в районе ст. Коноша. В рядах партизанских соединений вместе с пудожанами воевало немало каргополов. Среди них пулеметчик 2-го партизанского отряда А. Ф. Пономарев (уроженец Лекшмозера), А. И. Аборин, А. В. Шилов (оба из Каргополя) и др. В мае 1942 г. 1-я партизанская бригада Карело-Финской ССР пешим порядком прошла по Каргопольскому тракту до ст. Няндома, а оттуда в район Сегежи.

¹⁶ См.: Нилов Е.Г. Военные будни района // Пудожский вестник. 2001. 30 ноября.

И после окончания Великой Отечественной войны Каргопольский тракт использовался пудожанами. Например, когда в 1958 г. Приреченский лесопункт остался без топлива, а проехать в Пудож не было возможности, так как дорога была совершенно разбита, то горючее завезли из Каргопольского района и тем самым спасли предприятие от больших проблем. В память об этом одна из улиц п. Кривцы названа Каргопольской.

К сожалению, где-то с 1960-х гг. дорога начала приходить в упадок и постепенно соседний район стал для пудожан недоступен. Изредка из Колодозера люди пешком ходили по некогда оживленной магистрали до ближайшей каргопольской деревни.

И все-таки Каргопольский тракт возродился. Несколько лет назад дорожные строители отремонтировали непроезжий участок дороги на стыке двух районов, и ныне мы за 2–3 часа (165 км) можем добраться до Каргополя.

В память о событиях, связанных с Каргопольским трактом, не мешало бы вернуть это название на карту города. Еще один аспект исторических связей Каргополя и Пудожья – это религиозные контакты. Оба уезда входили в Олонецкую епархию, управление которой находилось в Петрозаводске. Это вынуждало каргопольских иерархов по служебным делам ездить туда через пудожскую территорию. По пути они проводили совместные с пудожанами богослужения, посещали Муромский монастырь, встречались с верующими. Среди множества примеров тому я приведу лишь два.

В феврале 1914 г. епископ Каргопольский Варсонофий выехал из Каргополя в Петрозаводск. По дороге посетил Колодозерский, Сумский, Кулгальский, Коловский приходы и Кривецкую приписную церковь. Везде «говорил поучения», экзаменовал детей. В Пудоже ночевал у купца Н.А. Базегского. 6 февраля он совершил литургию в Пудожском Свято-Троицком соборе в сослужении с местным священником В. Разумовым. В тот же день Варсонофий выехал в Муромский монастырь, по пути посетив церкви в Нигижемско-Пречистенском погосте и Гакутсе. В стенах монастыря 7 февраля он совершил молебен в честь преподобных Лазаря и Афанасия, осмотрел обитель и беседовал с братией, после чего побывал в

Нижнекемско-Георгиевском храме и церкви Александра Невского в д. Семеново¹⁷.

Еще пример: 19 августа 1911 г. в с. Шала Варнава, викарий Каргопольский, совершил освящение ремонтируемого храма во имя Преображения Господня. В Шале он остановился у местного священника. Вместе с епископом Варнавой в церкви служили протоиерей Каргопольского собора В. Петров, наместник Спасо-Преображенского монастыря иеромонах Августин, пудожский священник П. Глазачев и местный священник М. Попов.

В истории Пудожья и Каргополья оставили свой след многие замечательные люди. Некоторых я уже называл. Приведу еще несколько фамилий.

В. Л. Абрамов родился на р. Онеге в д. Спирово. В юном возрасте отправился продолжать образование в Пудоже (1908–1909 гг.), в местную школу, точнее – высшее начальное училище. Окончив его, поступил в учительскую семинарию, затем – в Военную академию имени М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны командовал дивизией и корпусом, получил звание генерал-майора. Автор интересной книги «Детские странствия», в которой рассказывает о своих детских годах¹⁸.

В. М. Касогледов, болгарский врач, революционер, в начале XX в. проживал и работал в Каргополье, сперва – в Усть-Моше, затем – в Бережной Дуброве (1918–1920 гг.). В 1920–1923 гг. он трудился в Пудожской больнице. Активно участвовал в общественной жизни нашего города¹⁹.

К. А. Докучаев-Басков, известный каргопольский краевед-историк, немало сделал и для изучения Пудожского края. В 1886 г. в журнале «Христианское чтение» опубликовал очерк о Муромском монастыре²⁰. Как он сам пишет: «В 1873 г. вброд переходил

¹⁷ Путешествие преосвященного Варсонофия, епископа Каргопольского, в Петрозаводск // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 6. С. 154.

¹⁸ Абрамов В.Л. Детские странствия. М., 1954.

¹⁹ См.: Цикалова Ж., Цикалов В. Васил Касогледов. Петрозаводск, 1991. С. 79–122.

²⁰ Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри крайнего севера. Муромский монастырь // Христианское чтение. 1886. № 9/10. С. 492–536.

р. Рагнуксу в 8 верстах от славного града Пудожа, в 18-ти от жалкой деревни Сарозеро – и чуть не утонул...»²¹ К сожалению, его творческое наследие пудожанам пока мало известно.

Прямое отношение к Каргополью имеет пудожский священник Иоанн Георгиевский, автор интереснейшего описания нашего края середины XIX в., но эта работа пока существует в рукописном варианте (70 страниц)²². Лишь отдельные ее фрагменты печатались в «Кижском вестнике». Георгиевский родом, очевидно, из самого Каргополя, здесь окончил духовное уездное училище. В 1828 г. он стал священником Шальской Преображенской церкви, а затем Пудожского Троицкого собора.

В 1916 г. в Каргополь был переведен из Пудожа П. Э. Мудров. У нас он занимал должность председателя уездной земской управы, много сделал для развития школьного дела, был горячим пропагандистом пчеловодства. В Каргополе Мудров был утвержден в должности председателя комитета улучшения народного труда. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В заключение автор выражает надежду, что те факты, которые он изложил, лягут в основу более широких научных или краеведческих исследований и поднятая тема получит дальнейшее развитие. Это, в свою очередь, поможет пудожанам больше узнать о своих восточных соседях, активнее развивать с ними многосторонние связи.

²¹ Он же. Из путешествий по Олонии // Известия общества изучения Олонецкой губернии. 1914. № 5/8. С. 131.

²² Архив Русского географического общества. Ф. 25. Оп. 1. Д. 30. (Георгиевский И. Географические сведения Олонецкой губернии о г. Пудоже с принадлежащими к оному окрестными селениями.)

Н. И. Тормосова, Д. В. Тормосов

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРГОПОЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. И В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Современный Каргопольский район находится в юго-западной части Архангельской области. Его площадь составляет 10,1 тыс. кв. км. Официально существующими считаются чуть более 200 сельских населенных пунктов. В районе один город и ни одного рабочего поселка. В 1997 г. численность сельского населения составляла около 11 тыс. человек и была практически равна численности городского. В последнее десятилетие число горожан увеличивается, а сельчан сокращается.

В середине 90-х гг. XIX в. в данных границах имелось 693 деревни, входившие в состав 19 волостей, относившихся к трем разным уездам. На селе проживало около 63 тыс. человек, а городское население составляло 2,7 тыс. Таким образом, за 100 лет «село сократилось» на 82,5%, а «город увеличился» в 3,7 раза. Приведенные цифры иллюстрируют типичную картину изменения численности сельского населения для большинства районов Русского Севера.

Нашей задачей являлся сравнительный анализ численности сельского населения на рубеже прошлых и настоящего веков на территории историко-культурного региона *Каргополье*. Современный Каргопольский район и Каргополье – это не одно и то же. В конце XIX в. (первый изучаемый период) мы имеем дело с Каргопольским уездом Олонецкой губернии. В конце XX в. (второй изучаемый период), как уже сказано выше, – с Каргопольским районом. Границы их совершенно не сопоставимы. Так что же такое Каргополье?

Каргополье – это широко известный историко-культурный регион. К определению его границ существуют разные подходы. Исследователи архитектуры и древнерусской живописи рассматривают Каргополье в рамках Поонежья (бассейн р. Онеги от оз. Лаче до побережья Белого моря). Этнографы изучают Каргополье в границах современных административных образований: Каргопольского, Няндомского и большей части Плесецкого районов Архангельской области (бассейн верхней и средней Онеги).

В процессе исследования традиционной системы сельского расселения Каргополья и ее трансформации в современный период (грант РФФИ, проект № 03-06-96177 р2003север_а) мы столкнулись с необходимостью более четкого определения границ историко-культурного региона *Каргополье*. В результате многочисленных административно-территориальных преобразований на протяжении XX в. сложилась ситуация, при которой сложно проводить корректное сравнение статистических данных. При разделении Каргопольского уезда в 1929 г. было образовано три административных района: Каргопольский, Няндомский и Приозерный. При этом в состав Каргопольского района были включены селения нескольких бывших волостей Вытегорского и Кирилловского уездов. Приозерный район впоследствии был ликвидирован, а его территория разделена между Каргопольским и Плесецким районами. Также и границы волостей XIX в. практически нигде не совпадают с границами современных сельсоветов. Поэтому вопрос определения границ изучаемой территории имеет первостепенное значение.

В рамки исторического Каргополья мы включаем следующие территории:

1. Каргопольский уезд Олонецкой губернии, образованный в бассейне верхней Онеги в конце XVIII в., в границах южной половины Каргопольского уезда XV–XVIII вв. Он располагался в юго-восточной части губернии. Площадь его территории составляла 22,5 тыс. кв. км. По пространству Каргопольский уезд занимал в Олонецкой губернии третье место. Но по причине меньшего количества озер и заболоченных пространств площадь, удобная для хозяйственного использования, здесь была самой большой.

2. Пять волостей Пудожского уезда, с XV до конца XVIII в. входивших в состав Каргопольского уезда (северное Кенозерье, левобережье рек Кены и Онеги до устья р. Моши).

3. Три волости Вытегорского уезда, вошедшие в состав Каргопольского уезда в 1923 г. (Тихмангская, Ухотская, Шильдская).

4. Деревни по берегам р. Свиль, отнесенные к Каргополью в первой половине XX в. (Хотеновская и Никольская волости).

Эти волости мы плюсуем к Каргополью, потому что история одних на протяжении столетий была неразрывно связана с этим краем, а другие в настоящее время считаются «нашими».

Поэтому понятно, что приведенная выше цифра – 63 тыс. человек не отражает полной картины, как и сведения по численности сельского населения в пределах Каргопольского уезда – 77 тыс. человек. При сложении данных по всем вышеназванным четырем территориям получилось, что в целом на исторической территории Каргополья в 1892 г. проживало 111,8 тыс. человек¹. Всего деревень было 1171. Поскольку работа еще не завершена, сложно назвать окончательную итоговую цифру по числу деревень и количеству сельского населения на территории исторического Каргополья на начало XXI в. Но, по предварительным подсчетам, число сельских жителей здесь в настоящее время составляет около 25 тыс. человек.

Для более детального изучения нами было выбрано несколько модельных участков в различных частях Каргополья.

1. В субрегионе² *Окологород* – Павловская и Надпорожская волости.

2. В субрегионе *Бассейн реки Моши* – Фатяновская волость. Для нее более распространено название «Моша». В непосредственной близости от Моши в конце XIX в. прошла железнодорожная линия Москва – Архангельск. В настоящее время весь этот

¹ Подсчитано по данным: Список селений в Олонецкой губернии с обозначением наличного числа домов и жителей // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 427–522.

² В ходе работы по проекту было проведено условное разделение Каргополья на субрегионы. См.: Тормосов Д.В., Тормосова Н.И. Пространственная структура Каргополья // Каргополь. Летопись веков. М., 2004. С. 40–55.

субрегион находится в составе Няндомского административного района.

3. В субрегионе *Верхняя Онега* – Александровская волость Каргопольского уезда и Шелтомская волость бывшего Пудожского уезда. На протяжении нескольких веков они входили в одну волость, историческое название которой – «Бережная Дуброва». Несмотря на включение в конце XVIII в. левобережья Онеги в Пудожский уезд, теснейшие связи между деревнями сохранились. В настоящее время исследуемая территория известна под общим названием «Коневская округа» («село Конево») и входит в состав Плесецкого административного района.

4. В субрегионе *Бассейн оз. Лаче* – Ухотская волость Вытегорского уезда. Данный субрегион с середины XX в. полностью входит в состав Каргопольского района.

На рубеже XIX–XX вв. на территории Каргополья в целом сохранялся традиционный уклад северного крестьянского хозяйства. Использовалась общинная форма землевладения. С одной стороны, она полностью соответствовала традиционной структуре расселения, а с другой – способствовала ее устойчивому состоянию. Сельское хозяйство, основным направлением которого являлось земледелие, в Каргопольском уезде к началу XX в. не было высокопродуктивным. Отмечается тенденция к снижению пахотных площадей. Растет число домохозяев, занятых на отходящих промыслах.

Численность сельского населения за счет естественного прироста стабильно увеличивалась. В среднем рост населения за 1893–1906 гг. составил 18%. При этом соотношение числа сельского населения в уезде к его общему числу в губернии оставалось в пределах 23%, что свидетельствует о стабильном приросте сельского населения по всей губернии. На состояние системы сельского расселения данные процессы пока не влияли: новых поселений практически не возникало, но не было и ни одной запустевшей деревни.

Территория Каргополья была заселена неравномерно. Значительная часть населения концентрировалась вблизи центральной водной артерии Поонежья – р. Онеги. Достаточно плотно были

заселены берега крупнейших озер, а также окрестности города Каргополя.

В субрегионе *Верхняя Онега* сельхозугодья тянулись полосой вдоль реки в ширину от 3 до 5 км. Треть всех деревень располагалась непосредственно по берегам реки: 375 деревень (32%). Проживала в них также третья от общего числа населения в регионе: 35 тыс. человек (31,3%).

Центр каргопольской водной системы – оз. *Лаче*. По берегам впадающих в него рек с древнейших времен сложились группы поселений. Здесь оформилось более 10 сообществ. Данная территория в течение нескольких столетий была разорвана между тремя уездами. С середины XX в. она полностью сосредоточена в составе Каргопольского района. Вблизи этого крупнейшего водоема проживало 14% населения и было 15% деревень. При рассмотрении остальных озер хотелось бы отдельно остановиться на Мошинском озере (восточная половина Каргополья). На большом пространстве, покрытом лесами и болотами, оно представляло собой своего рода ядро с большим количеством поселений. Концентрация деревень по сравнению с другими аналогичными водоемами Каргополья была здесь более чем плотная. Основная масса поселений Фатяновской волости – около 80 деревень – размещалась на берегах этого водоема. На сравнительно малой территории в конце XIX в. сконцентрировалось более 4 тыс. жителей. Известный исследователь И. С. Поляков, изучавший Каргополье, составил достаточно подробное описание мошинской местности. Можно предположить, что она вызвала у него определенный интерес: «В 120 верстах от г. Каргополя лежит живописное Мошинское озеро, по островам и берегам его разбросано до 80 деревень; из них только 8 селений не стоят непосредственно у озера; 3 деревни лежат около соседнего Модзера, 5 при реке Иксе. Озеро, по берегу которого расположена почти вся волость, имеет в длину 12 верст, а в ширину 1–2 версты...»³ Надо отметить, что и сегодня большая

³ Поляков И.С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва. Отделение этнографии. СПб., 1882. Т. 9. С. 47.

часть из этих деревень пока существует. Для сравнения, оз. Лекшмозеро в западной части Каргополья аналогично Мошинскому по характеру береговой линии и превосходит его по размерам. Но на берегах Лекшмозера находилось только три куста деревень с населением 2,3 тыс. человек. Близ глубоководного Кенозера, еще большего по размерам, имеющего тектоническое происхождение и сложную форму многолучевой звезды, со значительной протяженностью береговой линии, располагались 64 деревни с 6 тыс. жителей. Даже сельхозугодья оз. Лаче не обеспечивали поселенческую емкость, аналогичную округе Мошинского озера. Всего же вблизи 5 самых крупных озер проживал также 31% сельского населения Каргопольского региона.

Нельзя не сказать и об *Окологороде*. В Окологород мы включили деревни четырех волостей (Калитинская, Ладыгинская, Надпорожская, Павловская) в окрестностях г. Каргополя. Здесь, в радиусе 20 км от города с запада на восток было 120 деревень – 10,2% всех сельских поселений. Это довольно высокий показатель для относительно небольшой территории. А жителей в них проживало всего 6,2%. Характерными чертами окологородных деревень можно назвать их крайне небольшую дворность, уличную планировку и расположение на местах, не привязанных к водоямам.

Необходимо особо отметить, что большинство деревень Каргополья были малодворными. Наибольший удельный вес таких деревень был в Окологороде 90%; в Ухте и Моше – до 70; и только в Коневской округе малодворные деревни составляли всего 5%. К малодворным мы относили деревни с числом дворов не более 10–12. Если в Окологороде в среднем число дворов на деревню составляло 5–10, то в Верхней Онеге, в Коневском сообществе в селениях насчитывалось от 30 до 50 дворов. Соответственно и число жителей на деревню различалось: от 30–40 до 350. Хотя надо сказать, что крупнодворные деревни встречались во всех частях Каргополья. Например, в 30 км от Каргополя, в Красноляжской волости была д. Кучепалда, насчитывавшая более 600 человек.

Средний состав сельской семьи составлял 5–7 человек на двор, но были и здесь варианты. В Окологороде этот показатель равнялся 4,4 – 5,9, а в Верхней Онеге – 6–7,5.

В составе населения во всех исследуемых волостях отмечается наличие представителей разных сословий (менее всего в Надпорожской и Шелтомской)⁴. Причина данного явления та, что модельные участки были административными центрами станов. Здесь находились крупные школы, больницы, центры лесничеств и т. д. Служащие и чиновники чаще всего были из дворян и мещан. Доля их среди населения была очень мала – в среднем от 0,2 до 1%. Но в большинстве остальных волостей этих категорий населения не было совсем. Духовенство составляло от 0,5 до 1%. Почти во всех волостях имелись представители торгового сословия. В ряде волостей, как например, в Павловской, в состав населения входило монашество.

На территории Каргополья, как и во всей Олонецкой губернии, преобладающим сословием было крестьянство. В целом удельный вес крестьян в социальной структуре составлял 90–95%. В Павловской, Александровской, Шелтомской волостях в 1893 г. процент крестьян к общему числу населения был 91–92, а в Надпорожской, Фатяновской, Ухотской – 95. Но удельный вес крестьян на рубеже веков не был стабильным. В Окологороде и на Моще с 1893 по 1897 г. доля крестьян снижалась за счет убыли крестьян-мужчин. В этот же период в Павловской волости отмечается уменьшение общего числа населения, а в ряде волостей – его стабилизация. Вместе с тем снижения естественного прироста не происходило. Видимо, отмеченные явления были вызваны «уходом» крестьян на строительство Вологодско-Архангельской железной дороги. С 1897 по 1910 г. при том, что общее число населения стабильно

⁴ Выводы по числу и составу населения в конце XIX – начале XX в. сделаны на основе анализа следующих источников: Государственный архив Архангельской области. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 457, 498, 509, 546, 574, 575, 578, 678. Ф. 1348 Оп. 2. Д. 37; НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 37/4, 46/8. Оп. 2. Д. 19/291, 21/326, 23/365; Государственный архив Вологодской области. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2, 3.

растет, в ряде волостей – Павловской, Усачевской, Нифантовской (это центральные волости Каргополья) – уменьшение доли крестьян продолжается. В Александровской волости к 1906 г. отмечается также снижение числа мужчин-крестьян. Мы предполагаем, что это было связано с втягиванием мужчин в сферу отхожих промыслов. Именно в этих волостях крестьяне особенно активно уходили на заработки в С.-Петербург. Этот вопрос, на наш взгляд, очень интересен и требует отдельной, более глубокой проработки.

В среде крестьян по всем волостям наблюдается численное преобладание женщин над мужчинами на 7–9%. Заметно ниже этот показатель был в Шелтомской и Александровской волостях – 1–5%, а в Коневе крестьян-мужчин проживало даже больше, чем женщин. Процент крестьянок к общему числу женщин выше, чем аналогичный показатель по мужчинам. Это объясняется наличием в структуре населения военного сословия, которое состояло из мужчин – 3–4% (отставные запасные нижние чины – солдаты). В Павловской волости с 1894 г. идет процесс постоянного уменьшения числа крестьянок. К 1910 г. их процентное соотношение к общему числу населения сократилось с 50,5 до 45,2. В свою очередь число мужчин-крестьян после 1897 г. растет. Можно предположить, что непосредственная близость Каргополя стала причиной ухода девушек на заработки в город, например в качестве прислуги. В целом же по всем волостям процентное соотношение между мужчинами и женщинами изменилось незначительно.

Организация централизованного сельскохозяйственного производства в середине XX в. дала определенные экономические результаты. Основной отраслью сельского хозяйства становится животноводство. Все производство на селе сосредоточивается вокруг ферм, местоположение которых приобретает большое значение. Концентрация производства сопровождалась укрупнением небольшого числа традиционных поселений, которые благодаря плановой застройке превращались в поселки баракчного типа при одновременной ликвидации «неперспективных» деревень. Места размещения производственных центров, и в первую очередь центральной усадьбы, определялись сверху по следующим принципам: близость

к большой дороге и наличие уже сложившейся сети административных и социальных учреждений. Число жителей и качество сельхозугодий, как правило, принимались в расчет только при создании отделений совхозов.

Социально-экономические процессы XX в. повлияли на состояние традиционной системы расселения. С 1893 по 2003 г. произошло сокращение количества деревень и снижение числа сельских жителей. Уменьшились размеры сельской семьи. Расчет среднего показателя количества человек на хозяйство практически везде одинаков: до 2–2,5. Столь низкий показатель объясняется большим количеством людей пенсионного возраста, живущих отдельно.

От общего числа существовавших селений на изучаемой территории к 2003 г. осталось от 5% в Надпорожской волости до 72% – на Моше. Самые значительные утраты произошли в Окологороде. Здесь сложилась абсолютно нетипичная для Нечерноземья картина: лучше сохранилась сеть поселений не вблизи центра, а на окраинах территории. Практически везде кусты деревень трансформировались настолько, что деревни и угодья занимают лишь малую долю существующего пространственного потенциала. Общий процент малодворных деревень остался практически на том же уровне, но к этой категории теперь относятся пока еще существующие «неперспективные» деревни, где постоянно проживают только пенсионеры. Число малодворных деревень увеличилось в Коневской округе за счет запустения ранее больших селений. При этом в целом по всем модельным территориям число крупных селений увеличилось. Они появились даже там, где их раньше не было: в Окологороде и на Моше. Это связано с укрупнением определенного числа деревень. Население на всех территориях за сто лет сократилось на 75,5%. Но показатели изменения численности населения в «неперспективных» деревнях и в «главном» кусте различаются. На центральных усадьбах происходит рост населения за счет переселенцев. В остальных деревнях показатель снижения численности населения намного превышает общий уровень и составляет 90–100%. Таким образом, произошла концентрация сельского населения в определенных деревнях.

Например, Коневская округа. На первый взгляд число деревень уменьшилось ненамного. Но если еще до 1960-х гг. на левобережье Онеги в многолюдных деревнях кипела жизнь, то теперь ее практически нет. Оставшиеся деревни представляют собой жалкую картину. В 4 деревнях куста Бережная Дуброва в 1892 г. проживало 842 человека, сегодня – 59. Плесское сообщество насчитывало 2600 человек, сегодня – 60. В то же время число жителей в с. Конево в конце XIX в. составляло 19% от общего числа населения в округе, а к 2003 г. этот показатель вырос до 92%. Аналогичная ситуация и в соседней Троицкой волости. От 59 деревень осталось 12, но относительно полноценно функционирует одна д. Семеновская, где проживает подавляющая часть трудоспособного населения. В Ухте таких деревень 5 из 12 сохранившихся, но из этих 5 деревень 4 фактически слились и представляют собой одно поселение с преобладающей барабанной застройкой. В указанных 5 деревнях число жителей по сравнению с 1892 г. увеличилось на 3,2%, а в остальных – уменьшилось на 92,6%.

По социальным группам можно сказать следующее. В документах XIX в. население дифференцировалось в основном по социальным признакам. Так, например, на Моше (в %) насчитывалось: крестьян – 96, дворян – 0,3, мещан – 0,1, духовенства – 0,6, отставных военных – 2,5. Спустя сто лет мы имеем дело уже с социально-профессиональными категориями. В той же Моше ныне учтено (в %): совхозных рабочих – 4,5, учителей – 4,2, воспитателей детских садов – 1, клубных работников – 1, медперсонала – 3 (участковая больница), служащих сельсовета – 0,4. Как нам представляется, все эти категории требуют отдельного, специального анализа. К примеру, можно сравнить число домохозяев и количество рабочих на сельскохозяйственных предприятиях. В конце XIX – начале XX в. процент домохозяев к числу крестьянского населения в среднем составлял 14–20. В конце 1990-х гг. этот показатель равняется 4–6. Сравнив число домохозяев в 1901 г. и число рабочих в совхозах в 1986 и 2002 г., мы получили следующие результаты. В 1986 г. количество рабочих на сельхозпредприятиях было меньше числа домохозяев в среднем на

30–60%, а в 2002 г. – уже на 80–90%. И это при том, что к домохозяевам относились только мужчины, а в число рабочих входят представители обоего пола. Крестьян в современной деревне нет.

Кризис 1990-х гг. разрушил все экономические достижения, а для еще сохранившихся сельских поселений наступил очередной критический период. С 1992 по 2002 г. используемость пашни сократилась до 2–4%. В сравнении даже с 1901 г. упала урожайность и снизилось поголовье коров. С 1992 по 2003 г. произошло уменьшение общей численности сельского населения на 21%. В настоящее время в населенных пунктах всех сельсоветов процветает безработица, хотя официально она не регистрируется. В большей мере деревня сегодня живет за счет лесозаготовок, где занята основная часть трудоспособного населения.

Традиционная система сельского расселения на всех модельных участках оказалась в полной зависимости от социально-экономической ситуации. Наибольшие потери понесли те сообщества, где система сельского расселения состояла из рассредоточенных малодворных деревень. В меньшей степени пострадали системы поселений с небольшим числом многодворных деревень, и те, где деревни, даже малодворные, располагались компактно и вблизи центральной усадьбы.

Л. П. Попова

ДРЕВНИЙ ГОРОД КАРГОПОЛЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Один из древнейших городов Русского Севера – Каргополь – в нынешнем, 2006 г. отметил 860-летний юбилей. Статус малого исторического города накладывает свой отпечаток на его развитие, на поиск путей выживания в современный период.

Конкретизация понятия об исторических городах России как особых феноменах культурного наследия произошла в 1948 г., когда на государственном уровне был принят достаточно ограниченный список городов, «имеющих общесоюзное значение ввиду сохранения в них большого количества памятников архитектуры»¹.

В 1970 г. список городов и населенных мест, имеющих историческую ценность, увеличился до 115, в их число вошли и 3 города Архангельской области: Архангельск, Каргополь, Сольвычегодск.

В 1990 г. совместным постановлением коллегий Госстроя РСФСР, Министерства культуры РСФСР и президиума ВООПиК утверждается новый список исторических населенных мест Российской Федерации, который включает 541 поселение, в том числе 7 городов Архангельской области: Архангельск, Каргополь, Мезень, Онегу, Сольвычегодск, Шенкурск, Холмогоры и поселок Соловки. Расширение списка явилось итогом большой работы по изучению историко-культурного наследия и было продиктовано необходимостью его сохранения².

¹ Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // Сборник постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. 1948. № 6.

² Поярков Н. Новый список исторических населенных мест России // Информационный вестник Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1990. № 3. С. 14,15,17; Список исторических населенных мест РСФСР // Там же. С. 21.

В год своего 850-летнего юбилея г. Каргополь постановлением Правительства России от 6 июня 1996 г. включен в группу 26 городов – объектов первоочередной реализации федеральной целевой программы (ФЦП) «Возрождение, реконструкция и реставрация исторических малых и средних городов России»³.

При конкурсном отборе городов в ФЦП обязательным условием являлась разработка и принятие концептуальных программ их возрождения. Проект концепции «Комплексная региональная программа сохранения и использования историко-культурного и природного потенциала г. Каргополя и Каргопольского района» был подготовлен специалистами Российского НИИ культурного и природного наследия (руководитель Ю. А. Веденин) в 1997 г.

На основании поручения Президента РФ Б. Н. Ельцина от 4 июля 1996 г. были выделены средства на разработку «Программы возрождения и комплексной реконструкции г. Каргополя». Работа выполнена Российским научным и проектным институтом реконструкции исторических городов ИНРЕКОН (руководитель В.Р. Крогиус) в 1998 г.

В проекте концепции отмечалось, что «историко-архитектурные достопримечательности г. Каргополя и его окружения, сохранившийся уникальный природный ландшафт, традиции художественных народных промыслов и традиционного природопользования делают этот регион одним из самых известных в России и за ее пределами заповедных историко-культурных и природных комплексов»⁴. Перспектива развития подобных Каргополью территорий, экономический потенциал которых не получил достаточного развития, определялась как их особая специализация на использовании богатейшего потенциала культурного и природного наследия во взаимосвязи с развитием других отраслей хозяйственного комплекса.

³ Программа возрождения и комплексной реконструкции г. Каргополя. 1996–1997.

⁴ Проект концепции «Комплексная региональная программа сохранения и использования историко-культурного и природного потенциала г. Каргополя и Каргопольского района». 1997.

В программе возрождения конкретизировалась ближайшая, среднесрочная и долгосрочная перспектива возрождения социально-экономической значимости и устойчивого развития города в увязке со всем Каргопольским районом, с опорой на собственные силы и ресурсы, главными из которых также признавались сохранение и рациональное использование уникального культурного и природного наследия⁵. Вышеназванные документы дают научное обоснование использования ресурсов территории, они легли в основу многих планов и программ развития города и района.

На стыке XX и XXI в. ситуация с историческими городами претерпела серьезные изменения в связи с состоянием архитектурно-градостроительного наследия, а также в результате осуществления ряда законодательных и управленческих инициатив.

В 2001 г. Правительством РФ утверждена федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 гг.)». В 2002 г. принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ». Закон кардинально изменил состав видов и категорий значения объектов наследия, нашло правовое признание понятие «историческое поселение». В соответствии с законом «историческим поселением... является город или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов РФ, их вклада в мировую цивилизацию». Под культурным наследием «подразумеваются памятники истории и культуры, представляющие культурную ценность с точки зрения истории, науки, техники, эстетики, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, а также вызывающие общественный

⁵ Программа возрождения и комплексной реконструкции г. Каргополя.

интерес с точки зрения интеллектуального развития (просвещения)»⁶.

С принятием вышеназванных документов актуализируется проблема объективной идентификации городских поселений в качестве исторических. В основе ее – необходимость комплексной оценки культурного наследия поселений, кардинальный пересмотр подхода к отбору исторических городов на основе их четкой категоризации по уровню значения.

Госстрой России поручил, а ИНРЕКОН провел работу по научному обоснованию критерии отнесения городов и иных поселений к категории исторических, которые предложены в качестве основы для подготовки проектов постановлений Правительства РФ об утверждении «Положения об историческом городе» и «Перечня исторических поселений России». В предполагаемом списке называются 50 исторических городов федерального значения, из поселений Архангельской области упоминается только Каргополь в списке возможного дополнения⁷.

Попадание в перечень федерально-значимых объектов не будет легким. Предстоит экспертная оценка ценности наследия конкретного поселения приглашаемыми авторитетными специалистами. То есть статус исторического поселения Каргополю необходимо обосновать. Насколько сложной будет процедура? Найдутся ли на эти цели финансы в муниципальном бюджете? Какой будет позиция администраций области, района, города? Ответ неоднозначен.

В начале XXI в. стала разрабатываться и другая концепция, объединяющая два понятия: «историко-культурное наследие» и «туризм». С целью возрождения исторических городов Северо-Запада России в 2003 г. НИИ градостроительства (по заданию Гос-

⁶ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25. 06. 2002 г. № 73-ФЗ // Российская газета. 2002. 29 июня.

⁷ Документы I Всероссийской конференции по проблемам развития исторических городов, охраны и использования памятников архитектуры и градостроительного искусства. Сузdalь, 2003.

строя РФ) приступил к разработке концепции организации международной историко-рекреационной зоны «Серебряное кольцо»⁸.

Перед авторами данной концепции стояла задача определить и обосновать границы зоны, отвечающие системе критериев международного масштаба, наметить туристские маршруты, учитывающие исторические пути и привлекательность объектов, разработать комплекс мероприятий по созданию условий для возрождения исторических городов.

В состав предполагаемой историко-рекреационной зоны включены «Малое кольцо», охватывающее территории, прилегающие к Петербургу, и «Большое кольцо», сформированное на основе трех центров: Вологды, Архангельска и Петрозаводска. «Большое кольцо» характеризуется взаимосвязанной системой комплексов, расположенных на берегах Онежского озера и рек Онеги и Северной Двины, где находится наибольшее количество «следов» исторического освоения Европейского Севера. На карте, приложенной к проектной разработке, в качестве исторических поселений Архангельской области отмечены: Архангельск, Соловки, Онега, Каргополь, Шенкурск, Вельск, Карпогоры, Котлас и Сольвычегодск. Исследования продолжаются. И опять возникает вопрос: войдет ли наш город в окончательный вариант «Серебряного кольца» в качестве историко-культурного и туристского центра Северо-Запада?

Почему нас волнует сохранение статуса исторического города? Назову, на мой взгляд, наиболее веские причины.

1. Каргополье потеряло, вероятно навсегда, былой имидж крупного сельскохозяйственного района области. С 1992 по 2006 г. количество используемых сельхозугодий сократилось более чем в 3 раза, засеваемые земли составляют лишь 1000 га; поголовье скота уменьшилось в 8 раз. Промышленность в основном состоит из мелких и средних частных и акционерных предприятий лесозаготовительной и лесоперерабатывающей отраслей, часто переживающих стадию банкротства. Не имея ни природных ископаемых,

⁸ Чистякова Т.Н. Историко-культурное наследие Северо-Запада. Проблемы формирования международной туристско-рекреационной зоны «Северное кольцо» и развитие малых городов // Зодчий. 21-й век: Вестник. 2004. № 1/2. С. 16–20.

ни крупной промышленности, но обладая богатым историко-культурным наследием, город может претендовать только на статус исторического и туристского центра Северо-Запада России.

Город «без лица» порождает в сообществе пессимизм, потерю перспективы, миграционные процессы и т.д. Особый статус города, его достойный имидж дают ощущение собственной значимости, объединяют сообщество вокруг идеи, порождают инициативу, творчество, действенный поиск путей выживания.

2. Статус исторического города позволит получить значительную финансовую поддержку из федеральных целевых программ на сохранение и развитие историко-культурного наследия, что не по силам ни области, ни тем более муниципальному образованию.

3. На основе сохранения, дальнейшего изучения и рационального использования историко-культурного наследия возможен один из путей выживания древнего города – развитие туризма. Безусловно, развитие туризма должно рассматриваться в единстве с перспективами всего социально-экономического комплекса территории.

Конечно, мы понимаем, что статус исторического города в настоящее время достаточно формален. Он не предполагает ни финансовой, ни управленческой специфики, ни особого режима налогообложения. Не предусматривается поддержка развитию инфраструктуры города и окружающей территории. Сохранение и использование памятников истории и культуры в рамках существующих нормативных актов осуществляются сами по себе, без включения в единый хозяйственный механизм. При реализации региональной социально-экономической политики исторический город рассматривается лишь как один из многих малых городов, без учета его уникальности. Поэтому в основном проблемы выживания приходится решать на муниципальном уровне, при крайне ограниченных организационных и материальных ресурсах.

И все же, несмотря на указанные проблемы, у нас осуществляются меры, которые должны помочь Каргополю сохранить статус исторического города и обеспечить устойчивое развитие окружающей территории.

Общие установки развития города определялись последовательно уточняемыми, но сохраняющими преемственность генеральными планами. С 2000 г. возобновлено сотрудничество с Российским государственным научно-исследовательским и проектным институтом урбанистики в Петербурге по разработке нового генерального плана, составной частью которого станет документ «О зонах охраны памятников истории и культуры г. Каргополя». Завершение работы ожидается в 2007 г. (Около 60% малых и средних исторических городов в настоящее время документов по зонам охраны не имеют.)

При поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) разработана «Стратегия развития муниципального образования «Каргопольский район» (2001 г.). Администрацией района приняты «Программа развития туризма», «Программа развития культуры», соответствующие предложения включены в федеральную программу «Культура России» (подпрограмма «Культура Русского Севера»). Проведена работа по официальному утверждению исторического герба Каргополя, внесенного в Государственный геральдический регистр РФ (21.09.2004 г. за № 1511). Таким образом, проводится значительная теоретическая, документальная работа.

В реализации принятых программ и планов есть как положительные результаты, так и проблемы, и противоречия. Сложнейшая из проблем – сбережение памятников в их исторической среде, что придает Каргополю особый колорит и своеобразие, делает его непохожим на другие города; сохраняет душу города, определенное настроение, ауру.

В Каргополе наиболее полно сохранились уникальные архитектурные ансамбли Соборной площади (ранее Новой Торговой) середины XVI – начала XIX в., Красноармейской (ранее Благовещенской) конца XVII – середины XVIII в., другие памятники каменной архитектуры. Историческую ценность представляют памятники деревянного зодчества на селе, а также старая жилая застройка Каргополя XIX – начала XX в., частично сохранившаяся планировка XVIII в., как памятники бытового уклада северного русского города, подчеркивающие его своеобразие, несущие определенные

исторические сведения. Важную информацию о прошлом хранят старые названия каргопольских улиц: Благовещенская, Шелковня, Каменка, Базаиха, Ивановская, Потаниха... Доктор филологических наук, профессор Виктор Яковлевич Дерягин, проанализировав эти названия, сделал вывод: «История города без старой топонимики мертва»⁹.

На поддержку отдельных памятников федерального значения (их в районе 28) поступают средства из федерального бюджета (в 2002 – 2005 гг. было выделено 11,5 млн руб.). Эти средства регулярно осваиваются, хотя их и недостаточно при современном состоянии памятников. Есть свое строительное предприятие ЗАО «Северянин», которое с 2000 г. имеет лицензию на реставрационные работы.

Сложнее обстоят дела с памятниками регионального и местного значения, на сохранение которых не находится средств ни в областном, ни в муниципальном бюджетах. Это прежде всего деревянная купеческая застройка центральной части города, которая не ремонтируется, ветшает, сносится, зачастую горит и замещается новыми, иногда чужеродными, строениями или пустырями в центре города. К данной же категории относится и множество памятников на селе.

Один из возможных путей – привлечение частных инвесторов к разрешению наболевшей проблемы. Так, в 2002–2004 гг. было привлечено 2200 тыс. руб. на реставрацию 6 памятников местного значения (дома лесопромышленника Вагера, купцов Осыкина и Сергеева, магазин Сергеева, общежитие Духовного училища, одно из зданий Успенского монастыря).

Однако проблему сохранения исторического «лица» города нельзя решить только путем поддержки отдельных памятников. Необходим комплексный подход: сохранение и реконструкция рядовой старой застройки, ведение нового строительства в черте старого города по канонам, не нарушающим неповторимости его архитектурного облика. Важно увековечить и исторические названия улиц, поместив вторые таблички на главных перекрестках. Обычно отделом

⁹ См.: Крючкова М.Н. Каргополь средневековый // Каргополье. 2001. 4 апреля.

архитектуры даются указания по пропорциям и внешнему облику реставрируемых или строящихся в исторической части города зданий. Однако принудить хозяев к выполнению архитектурных требований достаточно трудно. У власти и значительной части сообщества бытует весьма устойчивое мнение о том, что сохранять традиционный, «деревенский» облик застройки в центре города неперспективно. К тому же новые дома построить проще, чем реставрировать старые. Стремление жителей города к современной цивилизации, использованию новых строительных материалов и проектов, наверное, понять можно, но кирпич, пластик, армянский стиль... Небрежное отношение к планировке и названию улиц, торговых точек, пунктов питания, мест проживания... Все это ведет к необратимому разрушению традиционной исторической среды.

Нельзя не согласиться с мнением М. И. Мильчика (кандидат искусствоведения, зам. директора института «Спецпроектреставрация») о том, что исторические города продолжают жить, и они не могут быть музеефицированы. Идущие в стране процессы капитализации недвижимости, активизации строительной деятельности, продажи земель под застройку привели к усилению противоречий между потребностями развития городского хозяйства и необходимостью сохранения историко-культурного наследия. Данная коллизия сегодня остро ощущается в жизни любого исторического города¹⁰.

Из вышесказанного вытекает и еще одна важная проблема, связанная с сохранением исторического облика города – психологический настрой его жителей. Именно население активно пользуется всем городским пространством и изменяет традиционную среду с учетом современных потребностей. Жители исторических городов, составляющие около 70 млн человек, или почти 50% населения России¹¹, унаследовали историческое

¹⁰ См.: Мильчик М.И. Исторический город и современная архитектура. Л., 1990. С. 5.

¹¹ Шевченко Э.А. Города и иные поселения – новый субъект стратегического планирования развития страны (Вопросы государственной политики развития городов) // Материалы II Всероссийской конференции «Проблемы развития исторических городов, охраны и использования памятников архитектуры и градостроительного искусства». Мичуринск, 2004.

пространство, но далеко не все из них ощущают свою сопричастность к нему. Гости не в состоянии нанести существенный ущерб городской среде по причине краткости своего пребывания. Основной урон ей наносят сами жители исторических городов. Конечно, сказываются не только процесс урбанизации, но и упущения в воспитательной и разъяснительной работе. Очень важно воспитать, сформировать определенное отношение, психологический настрой, культуру поведения у жителей исторического и туристского центра, привить понимание того, что и имидж, и статус, и чистое «лицо» города зависят от них.

Огромное значение в этом непростом деле имеют позиция власти, просветительная работа общеобразовательных учреждений, музеев. За последние годы произошли заметные изменения в образовательных учреждениях района, возрос интерес к исследованию и изучению истории родного края, обучению основам традиционных ремесел. Региональный компонент введен в учебные программы школ и даже дошкольных учреждений. Семинары, лекции в школах, занятия и экскурсии для детей, проводимые музеем, экспозиции, музейный лекторий для взрослых, безусловно, способствуют углублению краеведческих знаний, пробуждают у населения живой интерес к сохранению и развитию традиционной культуры.

Историко-культурный ресурс Каргополья – это не только архитектурное наследие. Немаловажное значение для развития территории имеют также возрождение и развитие традиционных промыслов и праздников, активная деятельность музеев и Кенозерского национального парка.

Знаковой вехой явился праздник мастеров России, впервые проводившийся в нашем городе в 1990 г. и ставший традиционным. Он получил известность, поддержку и ныне определенно служит брендом Каргополя. Еще более ранний и не менее популярный бренд – каргопольская глиняная игрушка. С 1993 г. работает центр народных ремесел «Берегиня», цель которого – обучение основам мастерства подрастающего поколения. В разряд традиционно проводимых входят все новые мероприятия: конкурс снежных скульптур «Снеговик», Масленица, выставка «Осенины», фестиваль

поэтов и прозаиков, фестиваль «Колокольные звонь», праздники деревень, научно-практические конференции Каргопольского музея и Кенозерского национального парка. Многие из названных мероприятий становятся межрегиональными. Широкую известность получили Лядинская начальная школа-музей, частные музеи Н. Ф. Аннина, Г. Ф. Сергеевой, семьи Шевелевых, творческие коллективы Каргополя. Все это способствует привлечению туристов и деловых людей, укрепляет имидж Каргополя как историко-культурного центра.

На территории района немало религиозных святынь. Ныне воссоздаются православные общины, воскресные школы для детей, восстанавливаются и строятся церкви и часовни. Вновь почитаемыми становятся религиозные праздники. Оказался восребованым долгое время пустовавший храм Иоанна Предтечи, решается вопрос о передаче церкви комплекса культовых памятников в Ошевенске. Создаются условия для возрождения духовности среди местного населения, развития паломнического туризма.

Безусловно, одной из отправных точек развития района является присутствие на его территории Кенозерского национального парка с неповторимым ландшафтом, памятниками деревянного зодчества, международным детским экологическим лагерем, растущим научно-исследовательским потенциалом. В течение трех лет (2002–2004 гг.) на территории Каргополья и Пудожского района Карелии проводилась работа по проекту Совета Министров Северных стран «Национальные парки для всеобщего блага», целью которой было объединение усилий администраций муниципальных образований, Водлозерского и Кенозерского парков, предпринимателей по использованию ресурсов территории для ее развития. Обучающие семинары, ознакомительные поездки в Республику Карелия, Финляндию, Швецию, Норвегию способствовали активизации работы по развитию туризма и объединению части сообщества вокруг данной идеи. В сферу туризма пришли предприниматели, построившие ряд объектов для его развития, некоторые сельсоветы и органы территориального общественного

самоуправления (ТОСы). В эту сферу включилось также около 30 сельских и городских семей.

Во время медиа-визита представителей СМИ Скандинавских стран по Карелии и Каргополью журналисты восхищались красотами нашего края, радушием и гостеприимством людей. Достаточно терпимо отнеслись они к дорогам и пыли, но огромнейшее раздражение у гостей вызвали мусор на улицах и бытовые неудобства. Фотокорреспондент финской газеты «Карьялайнен» Майя Урийла высказалась по этому поводу очень откровенно: «...Когда я путешествую, мне хочется, чтобы были основные удобства. Если бы как турист я решала, куда ехать, то, скорее всего, сюда бы не поехала. Когда в следующий раз соберусь в Россию, то, наверное, выбор падет на какой-нибудь крупный город»¹².

Заботясь о привлечении туристов на территорию Каргополья, рекламируя его богатое историко-культурное и природное наследие, следует активно и упорно работать над совершенствованием предлагаемого турпродукта, над развитием туристской инфраструктуры, вопросами благоустройства.

В городе постепенно улучшаются условия проживания в гостинице «Каргополочка». За счет привлечения частных инвестиций построена еще одна гостиница, с более комфортными условиями. Для размещения туристов используются также мини-гостиницы и частный сектор. Увеличилось количество пунктов питания. В Каргополь едет разный турист, с различными интересами, требованиями, уровнем доходов. Поэтому следует сохранить разнообразие в условиях размещения, оплаты, питания.

Все еще с трудом решаются в Каргополе проблемы благоустройства: уборка мусора, расчистка снега, строительство мостовых, установка общественных туалетов, освещение улиц и т.д. Причина тому банальна – в муниципальном бюджете не хватает средств. К сожалению, у населения зачастую бытует потребительское отношение к наведению порядка возле своего дома, а у некоторых

¹² Цит по ст.: Хохлов С. Упоительны ль в России вечера? // Карелия. 2004. 21 августа. С. 6.

должностных лиц – равнодушие к наведению порядка в городе. Не созданы нормальные бытовые условия на экскурсионных объектах города и села, а также на пути следования к ним. Все это отрицательно влияет на настроение людей, посещающих город и район, снижает привлекательность территории для туристов.

Развитие туризма зависит от позиции и поддержки управлеченческих структур. По словам зам. директора департамента строительства и жилищно-коммунального хозяйства Минпромэнерго РФ, кандидата архитектуры Э. А. Шевченко: «Сегодня, говоря о развитии туризма, есть возможность рассматривать его как отрасль, способствующую возрождению малых исторических городов России... Именно здесь есть потенциальный продукт для “продажи”: историко-культурное наследие, природа, духовность...» Однако этому мешает отсутствие на современном этапе действенной государственной поддержки туризма. Закон о туризме сохраняет его как услугу, которая не может рассматриваться как градоформирующая функция, прямые доходы от этой услуги низки, а следовательно, главы администраций слабо заинтересованы в развитии туризма на своих территориях¹³.

Россия стоит на последнем месте в мире по использованию историко-культурного наследия, которое должно рассматриваться совместно с еще двумя составляющими: бизнес и туризм. У нас же каждая из этих составляющих – сама по себе, и на государственном, и на муниципальном уровне.

Определенную роль играет и частая смена руководителей региональной или муниципальной власти, в России это обычно ведет не к преемственности, а к смене курса, и многое приходится нарабатывать заново. Порой очень важные инициативы гибнут, что замедляет движение вперед.

Настигивает и реформа организации местного самоуправления на основе федерального закона № 131 от 16 октября 2003 г. Каргопольский район раздроблен на 6 муниципальных образований, из

¹³ Шевченко Э.А. Развитие туризма — путь к возрождению малых городов // Зодчий. 21-й век: Вестник. 2004. № 1/2. С. 12–15

функций районной власти исключены управление культурой, туризмом, архитектурой, комитетом по имуществу. Учитывая уникальность города, возможно, следовало бы сделать исключение из правил, в чем-то отступить от общей системы управления, сохранив на уровне района специфичные для исторической территории функции.

Несмотря на тернистость пути, историко-культурный потенциал может и должен быть сполна использован малыми провинциальными городами России для своего выживания и устойчивого развития на длительную перспективу. Для достижения этой цели необходимы согласованные усилия городских сообществ, районных, областных и федеральных властей.

M. B. Пулькин

ЕВРЕИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)¹

И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли, и будешь там служить иным богам, которых не знал ни ты, ни отцы твои, дереву и камням (Втор. 28, 64).

Исследования истории еврейских общин, российской политики в отношении еврейского населения предпринимались неоднократно². Однако изучение форм и способов адаптации евреев на Европейском Севере России до настоящего времени не ставилось в качестве самостоятельной темы. Это связано с отвлечением внимания специалистов на более масштабные и на первый взгляд «привлекательные» темы: взаимоотношения русского и финно-угорского населения, локальные этнические и конфессиональные группы русских и т.д. Евреи на этом фоне оставались незначительной группой населения, кажущейся не достойной пристального внимания исследователей этнической истории Европейского Севера России. В настоящее время ситуация должна коренным образом измениться. Предстоит использовать накопленный предшественниками опыт исследования малых этнических групп для изучения еврейских общин в городах Олонецкой, Архангельской и Вологодской

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке программы президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² В числе последних изданий можно назвать: *Поляков Л.* История антисемитизма. М.–Иерусалим, 1998; *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2006.

губерний. Исследование заполнит существующую лакуну и может послужить важным подспорьем в изучении современных путей и форм адаптации мигрантов в российских городах.

В рамках данной работы предполагается изучить с опорой на материалы Европейского Севера России правовой статус евреев, особенности отношения к ним представителей местной администрации и не в последнюю очередь населения. Законодательство по еврейскому вопросу существенным образом менялось на протяжении изучаемого периода, становясь все более жестким. Для евреев устанавливались ограничения на проживание во внутренних губерниях и столицах. В 1835 г. для них была учреждена «чертка оседлости», сельские поселения евреев существовали отдельно от поселян другой веры и т.д. Запрет не распространялся лишь на купцов I гильдии, лиц с высшим образованием, средний медицинский персонал, ремесленников особой квалификации. Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии находились вне «черты оседлости».

Поэтому важным условием проживания евреев на Европейском Севере России становилось наличие у них соответствующего образования, значительного опыта работы, востребованной местным населением специальности. Количество евреев, легально проживающих на этой территории, было сравнительно небольшим. По данным на начало XX в., их численность составляла: в Архангельской губернии 252 человека (0,08% от общей численности населения), в Вологодской – 425 (0,03%), в Новгородской – 4740 (0,35%), в Олонецкой – 403 человека (0,11%). Значительно большей была численность евреев в Санкт-Петербургской губернии – 21270 человек, или 1,02 % всего населения³. Определение точного числа проживающих на той или иной территории евреев сильно затруднено.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что одни евреи изо всех сил стремились закрепиться в городах Европейского Севера, но местные власти, руководствуясь законом, всячески им препятствовали. В то же время другие евреи попадали на эту

³ Сборник материалов об экономическом положении евреев в России. Т. 2. СПб., 1904. Табл. 2.

территорию не по своей воле, а по приговору суда или распоряжению чрезвычайных органов власти. Поясним сказанное. Во-первых, статистикой не учитывались евреи, сосланные на Европейский Север за участие в революционной деятельности⁴. Между тем источники указывают: северные губернии, в частности Вологодская, стали в конце XIX – начале XX в. местом ссылки многих десятков революционеров, среди которых процент евреев был стабильно высок. Во-вторых, многие евреи проживали на Севере временно, на полулегальном положении, и архивы полицейских и жандармских учреждений содержат немало дел об их принудительной высылке из северных губерний обратно, за «черту оседлости».

Пребывание евреев в Петрозаводске, Вологде, Архангельске, ряде других городов связывалось с постоянным, зачастую мелочным контролем над их деятельностью, требованиями доказать (главным образом успехами на профессиональном поприще) необходимость своего проживания на Севере России, настороженным отношением к ним местного населения, отдельными проявлениями антисемитской кампании в прессе. И все же первый опыт исследования данной проблемы показывает, что еврейское население сумело адаптироваться к непростой обстановке благодаря сохранению иудейской религии, групповой сплоченности, относительно высокой образованности, готовности в случае крайней необходимости отстаивать свои права.

Правовое положение евреев влияло на их образ жизни, способы ведения хозяйства, восприятие окружающего мира. На всем пространстве России «была разбросана горсть привилегированных евреев, допускавшихся на жительство вне черты... Напор бесправных евреев в эту запретную область сдерживался самыми суровыми мерами»⁵. Сложившаяся ситуация, законодательство по еврейскому вопросу побуждали евреев осваивать те специальности, в которых

⁴ Особенno много документов такого рода в Государственном архиве Вологодской области (далее — ГАВО). См.: ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4105, 4325, 4850, 4898, 4921, 4945, 5180 и др.

⁵ Дубнов С.М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Кн. 1. М.–Пг., 1923. С. 67.

нуждалось местное население, и добиваться все более заметных успехов в профессиональной сфере.

Известно, что евреи, «самый трезвый в мире народ», были поставлены «в такое трагическое положение, что тысячи из них должны были ради добывания куска хлеба служить орудием распространения губительного русского пьянства»⁶. На Европейском Севере России преодолевалось, а точнее говоря, не прижилось, стереотипное представление о евреях как о содержателях питейных заведений. Здесь они предстают как трудолюбивая часть общества, занятая производительным трудом. Эта сторона жизни евреев самым тщательным образом, вплоть до внезапного посещения мастерских, контролировалась местной властью. В губернских правлениях и полиции накапливались подробные сведения о занятиях евреев. Особенно ценным источником сведений стали материалы переписи 1896 г., в ходе которой изучалось положение еврейского народа. В Национальном архиве Республики Карелия эти материалы отложились в фонде канцелярии олонецкого губернатора в виде отдельного дела⁷.

По имеющимся сведениям, в Петрозаводске торговало подавляющее большинство евреев – 15 человек, в основном из числа отставных солдат и их родственников. Те и другие имели право, согласно закону, жить за «чертой оседлости». Портняжным мастерством занимались восемь евреев, сапожным – четверо, шляпным и шапочным – также четверо, часовщиками были трое, по одному местному еврею занимались чулочным и красильным ремеслом, парикмахерским и слесарным делом, починкой резиновых вещей. Один еврей работал адвокатом. Местной спичечной фабрикой также владел еврей. И лишь один еврей «по слепоте своей» не трудился, жил при матери.

Население Русского Севера, за небольшими исключениями, не поддерживало антисемитские настроения. Характерен случай, произошедший в 1881 г. в одной из гостиниц Великого Устюга. Местный

⁶ Дубнов С.М. Евреи в России в царствование Николая II. Пг., 1922. С. 10.

⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 52. Д. 4/48. Л. 2–10 об.

житель читал газету «Сын Отечества» для небольшой компании друзей. Речь шла о еврейских погромах в Киеве. Прослушав текст, двое из присутствовавших «отозвались с запальчивостью, что теперь евреев следует бить и душить и что это приказал государь император Александр Александрovich». Третий слушатель, не разделяющий антисемитские настроения, «заметил им, что за эту угрозу могут подвергнуться ответственности». На это первые двое заявили: «А если и ты к ним пристаешь, то и тебя надо бить». Начавшийся после этого шум прекратил внезапно появившийся хозяин гостиницы. Инцидент стал предметом разбирательства в жандармском управлении, которое, впрочем, сочло участников событий виновными лишь в нарушении общественного порядка⁸.

Однако в олонецкой епархиальной периодике иногда встречались «модные» антиеврейские высказывания, призванные поддержать стереотипный образ еврея-мошенника и корыстолюбца: «Того и бойся, что придет какой-либо пройдоха-немчина, а то еврей обдувало, притворится странником, поживет, поживет, обкрадет всех, да и вон из деревни»⁹. В действительности же евреи, живущие за «чертой оседлости», сами становились жертвами непродуманной экономической политики властей. Об этом свидетельствуют материалы дела о выселении еврея А. Штензата из Петрозаводска в 1864 г. Он прибыл в этот губернский центр в 1862 г., открыл торговлю «разными галантерейными вещами», уплатил все причитающиеся сборы и надеялся на успешное развитие своей коммерции. Однако несчастный не подозревал, какая ему уготована участь. Впоследствии Штензат писал: «Торговля производилась по большей части на доверие и кредиты и окончательно меня разорила, так что я в нынешнем 1864 году собирал долги, но всех не успел собрать. Между тем петрозаводская полиция выгнала меня насилием из г. Петрозаводска, и чрез то я понес чрезвычайную убыль»¹⁰. На помощь Штензату прибыл из Витебска еврей

⁸ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 330. Л. 1–3.

⁹ III-н В. Предание о реке Халуе (Каргопольского уезда Олонецкой волости) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 12. С. 461–462.

¹⁰ НА РК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 18/376. Л. 2.

Е. Ш. Хазан, но и ему не удалось решить проблему. Олонецкое губернское правление распорядилось «немедленно выслать» Е. Ш. Хазана из Петрозаводска¹¹.

Подводя первые итоги, можно отметить, что одним из основных направлений политики властей в вопросе о хозяйственной деятельности евреев стало грубое сдерживание их предпринимательской инициативы. Оно определило облик еврея, уровень его хозяйственных достижений и отношение к российской власти. В современной литературе высказывается мнение о том, что таким образом устраивался самый опасный и эффективный конкурент местного купечества. Так, А. Миллер, сравнивая успехи евреев в экономической сфере европейских стран и России, дает следующую характеристику перспектив еврейских предпринимателей: «Если опыт Германии показывал, что евреи могут выигрывать экономическое соревнование даже у немцев, то у “обломовых” совсем не оставалось шансов»¹².

Непростое экономическое положение евреев осложнялось проблемами конфессионального характера. Известно, что в еврейской среде «фиктивное крещение, позорное само по себе, являлось сравнительно редким средством в борьбе с насилием»¹³. Так, в 1907 г. в Вологде была крещена политическая ссыльная Сарра Дубровская, «изобличенная в революционной пропаганде». Она решилась на этот шаг, будучи беременной, для того, чтобы вступить в законный брак с отцом будущего ребенка Н.В. Маркиным¹⁴.

Подавляющее большинство евреев упорно сохраняло религию своих предков. При этом если профессиональная деятельность евреев стала эффективным способом наладить контакт с местным населением, то иудейская религия становилась способом поддержания групповой сплоченности, важным механизмом сохранения идентичности еврейской общины, оторванной от основной группы

¹¹ НА РК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 18/376. Л. 7.

¹² Миллер А. Империя Романовых и национализм. С. 137.

¹³ Дубнов С.М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Кн. 1. С. 68.

¹⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2789. Л. 1, 22, 24.

евреев, проживающих в «чертте оседлости». Нельзя забывать: «своеобразие еврейского народа состояло в том, что в течение веков религия являлась для него первой по значению, колоссальной по действию социальной силой»¹⁵.

Полноценная религиозная жизнь еврейских сообществ на Европейском Севере России сталкивалась с серьезными трудностями: отсутствовала подготовка раввинов, возникали непреодолимые трудности при открытии синагог, затруднялось приучение подрастающего поколения к еврейским традициям и нормам жизни. Доказательством здесь может послужить ряд дел. Первое из них связано с Петрозаводском и датировано 1860 г. – временем, когда местная еврейская община вполне сформировалась и начала отстаивать свои права. В этом году, вероятнее всего по просьбе подчиненных, командир Петрозаводского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 человек. Они по закону, за отсутвием синагоги, могут «собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина»¹⁶.

Рассмотрев рапорт, губернское правление вынесло отрицательное заключение: в Петрозаводске «помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего не ассигновано»¹⁷. Проблема была решена лишь в 1868 г. Евреи, служившие в Петрозаводском батальоне, купили «дом с землею», который передали в собственность своей части для того, чтобы вести постоянное богослужение. Как говорилось в составленных по этому поводу документах, «если же случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея, то батальон имеет право продать этот дом и вырученные за него деньги разделить между беднейшими жителями города Петрозаводска еврейского закона, по усмотрению самих евреев»¹⁸.

¹⁵ Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. 1908. Кн. 5. С. 129.

¹⁶ НА РК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 15/318. Л. 1, 1 об.

¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 24. Д. 10/10. Л. 19.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 46/194. Л. 80, 81.

Другим примером может послужить дело Ицко Гуревича, длительное время исполнявшего обязанности раввина и учителя еврейской грамоты в Петрозаводске. Для совершения иудаистских обрядов евреи, имевшие право проживания в городе, приобрели дом, в котором разместилась моленная. Из-за отсутствия казенного раввина они избрали на данную должность виленского мещанина Ицко Гуревича, которого считали «по образу жизни и способностям своим вполне достойным этого звания». Немаловажным критерием выбора стало наличие у него необходимой квалификации. У Гуревича имелось свидетельство «на право исполнения духовных треб по еврейскому закону от казенного раввина»¹⁹. В течение девяти лет нанятый общиной Гуревич совершал бракосочетания, обрезания младенцев и другие обряды. Он делал это не только в Петрозаводске, а выезжал и в другие города Олонецкой губернии, «где в уездных командах состоят на службе женатые нижние чины из евреев и у которых рождаются дети»²⁰. Все это время И. Гуревич жил за счет «еврейского общества» и пользовался в нем уважением.

Решение начальства о высылке такого авторитетного человека вызвало поначалу общее недовольство петрозаводских евреев. В своем прошении они указывали: «За выбытием Гуревича из г. Петрозаводска и по неимению в среде нашей такого человека, который бы по способностям своим занял его место, мы должны будем остаться без исполнения необходимых духовных треб по еврейскому закону». При этом просители особо подчеркивали, что за отсутствием в Петрозаводске казенного раввина они заменяющего его обязанность содержат за собственный счет, как равно за собственный же счет нанимают и дом для молельни, «не требуя ни от казны, и ни от города особого для сего по закону положенного помещения»²¹.

Однако перед лицом разгневанного начальства сообщество не проявило должной сплоченности. Через несколько лет группа

¹⁹ НА РК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1/16. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 3.

евреев-мещан обратилась с прошением, в котором напомнила некоторые обстоятельства, связанные с получением Гуревичем вида на жительство в Петрозаводске. Авторы указывали, что «общество их заключается из немалого числа лиц, в особенности нижних воинских чинов», а в соответствии с национальными традициями, «требуемое в пищу мясо должно употребляться чрез особого из их же сословия так называемого резака». Поскольку по приезду И. Гуревич изъявил «согласие заступить на должность резака с прочими обрядами» и был к тому допущен, то общество и просило губернские власти разрешить ему остаться в Петрозаводске. Но теперь ситуация изменилась. Гуревич «устроил в квартире своего жительства особое заведение под названием “учильня” и заготовленные для общества мясо и рыбу отсылает для распространения в разные селения, где только евреи проживают». Поэтому «в Гуревиче, – настаивали податели прошения, – как бесполезном для общества лице, никакой надобности не имеется» ²². Постановление губернского правления о высылке Гуревича они признали правильным и удивлялись, почему «распоряжение это неизвестно по каким уважительным причинам остается без исполнения в продолжение уже трех с половиной лет». Опираясь на данное обращение, губернское правление потребовало от Гуревича покинуть Петрозаводск, а от полиции… принять меры к его выселению. Но неожиданно полиция вступилась за Гуревича, указав, что у него имеется законный паспорт и удостоверение о знании ремесел. «За сим, – говорилось в документе, – по мнению полиции, не дозволять Гуревичу жительства в Петрозаводске невозможно».

Оказалось, что Гуревич хорошо подготовлен во многих отношениях: у него имелось свидетельство точильщика и шлифовщика, выданное ремесленной управой, а раввин города Люцина «письменно удостоверил», что Гуревич «хорошо знает, согласно еврейского религиозного закона, искусство резания крупного и мелкого скота и птицы на кошер». Тот же раввин «испытывал его, Гуревича, в религиозных еврейских законах, относящихся к

²² Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1/16. Л. 24.

обряду резания скота на кошер, и он оказался изустроно знающим это дело»²³.

Однако в 1872 г. Гуревича все же выслали из Петрозаводска. Губернское правление настояло на данной мере, заключив, «что он... хотя и знает точильное мастерство, но как будучи избранным к исполнению обязанностей раввина и к обучению детей еврейской грамоте» ремесло забросил. После этого события местные евреи буквально завалили власти своими прошениями, в которых указывалось на недопустимое состояние дел в их общине.

Таким образом, дело Гуревича, как и многие другие аналогичные акции, показывает, что судьба каждого отдельного представителя еврейского народа становилась головной болью для деятелей местной власти. С огромными трудностями было связано прежде всего определение законодательных норм, на основании которых следовало действовать. Эти нормы постоянно менялись и противоречили друг другу. Существенные трудности возникали при выяснении рода занятий евреев. Многие из них занимались целым рядом ремесел и имели разные источники дохода. При этом одни из этих источников были евреям запрещены, а другие – разрешены. Наконец, сложным оставался вопрос об еврейских духовных наставниках и лицах, на которых возлагалось совершение религиозных обрядов. Их деятельность была необходима по крайней мере для записи актов гражданского состояния, однако находиться за пределами «черты оседлости» таким лицам категорически запрещалось. Все это в совокупности приносило многочисленные неприятности обеим сторонам: самим евреям и тем, кто по долгу службы решал их судьбы.

Исследование показывает: адаптация евреев к условиям Европейского Севера носила комплексный характер. Приспосабливаясь к нелегким условиям, еврейское население самым тщательным образом заботилось о поддержании своей идентичности. Об этом красноречиво сказал известный публицист, автор

²³ НА РК. Л. 28.

ряда книг и множества статей по еврейскому вопросу в императорской России С. М. Дубнов: «В течение двух десятилетий молот российской реакции бил по организму пятимиллионного народа, но к концу оказалось, что тяжелый молот не дробил, а ковал еврейский национальный организм в его неистребимом духовном существе»²⁴.

²⁴ Дубнов С.М. Евреи в России в царствование Николая II. С. 20.

В. П. Кузнецова

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПУДОЖЬЯ

Изучение свадебной обрядности Пудожья началось в середине XIX в. Произведения свадебной обрядовой поэзии этого края стали появляться в печати в 1860-е гг. в записях П. Н. Рыбникова, Е. В. Барсова¹. Они содержатся и в таких известных изданиях, как «Великорус в своих обрядах...» П. В. Шейна, «Песни русского народа» Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша². Среди наиболее крупных публикаций, содержащих описание обряда и тексты, можно назвать статьи Н. Кофырина³ и И. В. Колобова⁴. Свадебный обрядовый фольклор Пудожья записывали участники различных экспедиций на протяжении многих десятилетий. Наибольшее количество материалов по пудожской свадьбе находится в научном архиве Карельского научного центра РАН. В 1937 г. были сделаны записи от двух великолепных сказителей Пудожья – Ф. А. Конашкова и А. М. Пашковой. Ф. А. Конашков прекрасно знал и исполнял приговоры вершника, был постоянным участником свадеб, а

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 80–88; *Б-р-ов Е. Пудожские свадебные притчтанья // Олонецкие губернские ведомости* (далее – ОГВ). 1867. 11, 18 февраля.

² Великорус в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. / Сост. П. В. Шейн. СПб., 1900. С. 485–492; *Истомин Ф.М., Дютши Г.О. Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г.* СПб., 1894.

³ Кофырин Н. Свадебные обряды и обычай в с. Песчаном Пудожского уезда // ОГВ. 1899. 3, 6, 10, 27 ноября, 4, 8, 15 декабря; 1900. 6, 8, 11 января.

⁴ Колобов И. В. Русская свадьба Олонецкой губ., Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. 1915. С. 54–62

А. М. Пашкова славилась как мастер исполнения свадебных притчаний и знаток свадебной обрядности. Особенно интенсивно Пудожский край изучался сотрудниками Карельского научного института культуры в 1938–1941 гг. и с 1945 по 1980-е гг. В г. Пудож, Шальский, Авдеевский и Каршевский сельсоветы, п. Колово, с. Песчаное, д. Рагнозеро и Рындозеро и на Водлозеро выезжали М. М. Михайлов, К. В. Чистов, В. Р. Дмитриченко и другие собиратели. Им удалось записать большое количество произведений свадебного обрядового фольклора наряду с другими жанрами. Были найдены отличные мастера исполнения свадебных притчаний, песен, такие как М. П. Лашинина, А. П. Фомина, С. С. Фофанова, П. М. Савинкова (Семкина). За многие годы собран богатый материал, который позволяет сделать некоторые обобщения в отношении и обрядового фольклора, и состава всей свадебной обрядности Пудожья. В целом этот край, понимаемый как территория расселения одной из севернорусских этнографических групп, имеющей свои особенности в говоре и культурно-хозяйственном укладе, совпадает с административной территорией Пудожского района, а в прошлом одноименного уезда.

Русский свадебный обряд Пудожья характеризуется богатством обрядовой поэзии, развитыми и, как правило, значительными по объему притчаниями, большим репертуаром песен, наличием приговоров дружки-вершника и различных приговорок других участников обряда. Ритуальная схема свадьбы Пудожья в целом такая же, как у многих народов Евразии, а по своим характерным чертам она близка к свадьбе Заонежья, что не раз отмечалось в литературе⁵.

Свадебная обрядность Пудожья включает следующие элементы: *сватовство, просватовство* (богомолье, рукобитье), *«гулянье»* жениха и невесты (поездки с «добривтом», зазывание «породы» на свадьбу), *посещение могил* умерших родственников, *девичью баню, свадьбу* (приезд жениха за невестой, застолье, расставание

⁵ Колтакова Н.П. Старинный свадебный обряд // Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941. С. 163–190; Кузнецова В.П., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья. Петрозаводск, 2001. С. 15.

невесты с девичьей «волей»), *венчание*, *«ужину»* (застолье в доме жениха), *хлебины*. При сопоставлении местных вариантов, записанных в разных поселениях Пудожского края, обнаруживается значительная степень сходства в построении сценария обряда. Вариативность касается деталей обряда, ролей его участников, а также некоторых особенностей свадебного обрядового фольклора, в частности репертуара песен, некоторых особенностей причитаний⁶.

Существовало два варианта вступления в брак: свадьба сватовством и свадьба «уходом», когда девушка уходила из дома к своему избраннику тайком от родителей. Свадьбы играли в «скоромное время» между постами, преимущественно зимой. После Рождества Христова (7 января по новому стилю) начиналось великое межговене – наиболее подходящее время для свадеб. Сватать начинали сразу после Крещения (19 января по новому стилю) и до мясного заговенья. В Масленицу, за неделю до Великого поста, свадеб уже не проводили.

При сватовстве придерживались традиционных обычаев: перед отправлением из дома садились за стол и ели хлеб-соль. Провожая сватов в дорогу, ворошили угли в жаратке, чтобы сватовство было удачным⁷, старались до каждого дотронуться сковородником, чтобы в доме невесты им нажарили пирогов, как было принято в случае удачного сватовства. В этих действиях отчетливо просматриваются представления о том, насколько важно было заручиться поддержкой домашних духов-«хозяев». *Наибольшему* или *старшему* свату закладывали в голенище женскую калошу, чтобы не отказали⁸. Для удачного сватовства отец брал с собой *сборник* жены – головной убор замужней женщины. В некоторых деревнях сборником хлестали сватов⁹. В Корбозере сваты надевали на себя

⁶ Кузнецова В.П. Локальные традиции свадебного обрядового фольклора Пудожья в северорусском контексте // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 58–60.

⁷ Свадебные обряды Пудожского уезда // ОГВ. 1853. 15 января.

⁸ Кофырин Н. Указ. соч. // ОГВ. 1899. 3 ноября.

⁹ Научный архив КарНЦ РАН (далее – НА КНЦ). Кол. 18. Ед. хр. 43.

дубленые бараньи тулуны, не покрытые сукном¹⁰. Обычно сватали вечером «потайну». Как и в дороге на промысел, желательно было избегать встреч с другими людьми, поэтому сваты выбирали окольный путь. Если же кого-то встречали, то примечали: женщина к удачному сватовству, девушка – нет. В некоторых случаях сваты отправлялись искать невесту по деревням, не имея никого на примете. Если парень не находил себе невесту и период межговеня заканчивался, он оставался холостым до следующего года¹¹. В пудожских деревнях долго сохранялся отголосок древнего обычая на Масленой неделе катать неудачливых сватов на бороне.

При сватовстве соблюдались обычаи: войдя в дом невесты, вставать под матицу, под ней же садиться на лавку, класть рукавицы на воронец большим пальцем вверх. Это делалось для того, чтобы заручиться поддержкой домашних духов-«хозяев», «взять верх» в своем деле. Для родителей девушки чрезвычайно важным был совет с членами семьи и родственниками, которых собирали на *думу* во время сватовства. Характерной чертой была публичность сватовства, деревенское общество принимало в нем самое активное участие, мнение соседей играло большую роль и учитывалось родственниками девушки. Большое значение на сватовстве имел обмен подарками и деньгами. Жених должен был выплатить *возвращёну* деньги за невесту и *качельную полтину* – небольшую сумму ее крестной матери. Со стороны невесты жениху вручались *залоги* – самые дорогие вещи из ее одежды. На сватовстве невеста вручала первые дары сватам и передавала подарки для будущих родственников. Обязательными элементами сватовства были *бого-молье* и *рукобитье* (*руковитиё*, *рукоданье*), закреплявшие договор о брачном союзе между двумя родами. На сватовстве невеста начинала причитывать. Причитаниями сопровождались все обрядовые действия вплоть до дня свадьбы, когда девушка расставалась со своей *девичьей волей*. Для исполнения причитаний приглашали *подголосницу*. В некоторых местах, например на Водлозере,

¹⁰ Колобов И.В. Указ. соч. С. 27.

¹¹ НА КНЦ. Кол. 144. Ед. хр. 2.

в Корбозерской волости подголосниц было две. Как правило, это были женщины, имевшие большой опыт проведения свадеб, знавшие порядок обряда и причитания. Они были своеобразными наставницами в этом деле, особенно для невесты.

Для пудожской свадебной обрядности характерен период *гуляния*, отделяющий сватовство от собственно свадьбы. Эта традиция существовала не во всех районах Русского Севера, в поморской традиции, например, она отсутствует. Это время, завершающее холостую жизнь жениха и девичество невесты. Гулянье предполагало катание на лошадях по своей волости, поездки невесты «с добровтом» к родственникам, а жениха с зазыванием родни на свадьбу. В этот период жених и невеста участвовали в молодежных развлечениях, среди которых главное место занимали *вечорки*, или *беседы*. Молодежные беседы с участием невесты и жениха отличались от обычных тем, что на них просватанная девушка исполняла причитания, главной темой которых было прощание с прежней девичьей жизнью. В доме невесты проводили особую *предсвадебную вечеринку*, на которую собирались молодежь со всей волости, приезжали ближайшие родственники жениха, для которых готовили угощение. На предсвадебной вечеринке шаферам жениха вручались банты из лент, девушки, представлявшие сторону невесты, рассаживались попарно с парнями-шаферами от жениха, происходило взаимное приглашение в круг, все эти действия означали признание двух родов, их объединение.

Обязательным элементом предсвадебной обрядности было посещение невестой кладбища с тем, чтобы проститься с умершими и «получить» их благословение.

В обрядах предсвадебного периода один из самых значительных – это невестина баня. Этот обряд имел различные варианты, если рассматривать разные локальные традиции. Два наиболее различающихся варианта – это первый, когда баня проводилась со всеми соответствующими обычаями и с причитыванием; второй, когда невеста только подходила к бане в сопровождении девушек с причитыванием и с песнями, но реального обряда бани не было. Первый вариант характерен для деревень, расположенных

на Водлозере, Колодозере, для с. Песчаное, второй – для деревень на Купецком озере, входящих в Авдеевский сельсовет, для с. Нигижма. Как бы ни различались варианты проведения этого обряда, по всему краю он расценивался как акт расставания невесты с *девичьей волей*, поэтому причитания и содержание песен пронизаны мотивами прощания, оплакивания *воли*. При выходе из бани она символически «отправляла волю» в часовню или церковь, чтобы ее дорогая воля находилась под покровительством небесных сил¹². В бане (с. Песчаное) девушке привязывали *обереги*, которые должны были уберечь ее от «порчи» на свадьбе. Перед самой свадьбой жениха тоже водили в баню, где так же, как и невесте, привязывали различные обереги.

На свадьбу приглашали колдуна или колдунью, которые отправляли и встречали свадебный поезд. Помимо оберегов, которыми колдун снабжал жениха и невесту, он еще *отпускал* свадебный поезд. «*Отпуск*» был очень важен, поскольку он защищал свадьбу от «порчи», которую очень часто наводили колдуны. Колдунов на свадьбах угощали с особым почетом, дарили им подарки. Роль колдуна была особенно значительной на Водлозере.

Встреча жениха в доме невесты, празднование, расставание девушки с *волей* и составляли то, что имелось в виду, когда в Пудожье говорили о *свадьбе*. Свадьбу еще называли словом *поезд* (Салмозеро, Колодозеро)¹³, а само застолье в доме невесты – *поездный стол*¹⁴. В деревнях, расположенных вдоль восточного побережья Онежского озера, а также в районах Колодозера и Корбозера сначала встречали вершника. Это особый свадебный чин, ведущий свадьбы, обычно находчивый и остроумный человек, знаяший приговоры и умевший на ходу импровизировать. Он следовал впереди свадебного поезда верхом. Вершник отличался особым нарядом: на шапку ему нашивали разноцветные ленты, к стремени подвязывали колокольчик, через одно плечо невеста повязывала вышитое полотенце, через другое – рубаху в подарок.

¹² НА КНЦ. Кол. 23. Ед. хр. 10.

¹³ Там же. Кол. 140. Ед. хр. 355.

¹⁴ Там же. Кол. 73. Ед. хр. 57.

Для свадебной обрядности Пудожья характерен своеобразный элемент: дарение жениху свернутого особым образом платка, называвшееся *зайца носить*, или *заяц* (распространение: с. Песчаное, Колодозеро). В платок прятали кольцо, жених должен был ловко развернуть платок, не уронив кольцо. Платок от невесты преподносила женщина, которая «умела говорить», то есть знала слова приговора, сопровождающего вручение «зайца».

Кульминационным и самым драматичным моментом свадьбы было расставание невесты с «волей», когда ей расплетали косу. Невеста сопротивлялась расплетению косы, она причитывала в этот момент по-настоящему. Затем она с причитанием «отправляла волю» на четыре стороны света, уже окончательно лишаясь ее. После этого ее переодевали, что соответствовало древним представлениям о перемене статуса.

Множеством различных примет сопровождалось венчание в церкви. В основном все эти приметы были связаны с положением супругов в новой семье (кто возьмет верх), загадывали на продолжительность жизни, количество детей и т.д. Все эти приметы говорят о том, что венчание воспринималось как начало совместного жизненного пути супругов, поэтому определенные действия и события имели значение предсказания. В это время действовала магия *начала*, магия первого. Столь же важное значение она имела при встрече молодых в доме новобрачного, когда совершались действия, направленные на их счастливую и богатую жизнь (встреча хлебом-солью, осыпание пером и зерном), угощение молодых при переходе через порог. Этими действиями выделялась в обряде граница домашнего пространства, совершалась магия приобщения новобрачной пары к дому, очагу, которая была предназначена и для материального благополучия новой семьи.

Новобрачную «крутили», то есть переодевали, делали женскую прическу и надевали женский головной убор – повойник, или кошку, нередко вместе с ними надевали и девичью поднизь – сетку. Во время застолья невеста дарила всем родственникам жениха подарки, гости отвечали тем же, зачастую заменяя подарок деньгами. Здесь вручались те самые дары, которые выряжались еще при

сватовстве. Подарки получали все без исключения, даже дети, приходившиеся родней жениху. Это был самый значительный момент «ужины». Неоднократный обмен дарами на свадьбе имел большое значение, это был акт объединения двух родов, признания чужого рода своим.

Свадебную обрядность завершали «хлебины» – празднование, проводившееся в доме родителей молодой примерно через неделю после свадьбы. Молодая получала от своей семьи приданое – все полагавшееся ей имущество, в том числе корову и овцу. Снова молодая дарила подарки своим новым родственникам. В некоторых деревнях, как, например, в Песчаном, новобрачных водили в баню, где они снимали с себя все обереги.

Пудожская свадебная обрядность сохранила много древних элементов, которые в других районах уже претерпели различные изменения или были забыты. Например, отчетливо просматривается большое значение домашнего очага, он фигурирует практически во всех обрядах, начиная с просватовства. Четко выделяется семантика домашнего пространства, локусов, где происходит то или иное обрядовое действие – большой угол, печной угол, порог и т.д. Сохраниются в пудожской свадьбе и представления о важной роли умерших, с ними осуществляется общение посредством причитаний. Велика роль деревенского общества, общины, которая принимала активное участие во всех обрядах свадьбы. В значительной степени сохранились также магические элементы. Весьма интересен обряд девичьей бани, посещая которую девушка лишалась своей «воли». Некоторые особенности говорят о возможном влиянии финно-угорских племен-первонаселенников. По-видимому, отсутствие приговорок дружки на Водлозере и доминирующая магическая функция дружки могут расцениваться как наследие дославянского населения этого края.

Вокруг Масленицы группируются обычаи, связанные с новобрачными. На неделе, называвшейся *зятницей, зятней неделей*, предпоследней до Масленой, зять приезжал с женой в гости к теще и гостил всю неделю. Теща его откармливала «как быка на убой». В субботу она топила баню, проставляла по дороге к ней «вехи» из

старых веников, чтобы зять не заблудился, поскольку предполагалось, что от жирной еды у него за неделю заплыли глаза.

На Масленой неделе в пятницу в г. Пудож из всех окрестных деревень съезжались сотни крестьян. Они становились в два ряда около главной улицы, которая шла от церкви до окраины города. По этой улице при стечении народа катались на лошадях все городские и деревенские молодые, повенчанные после Крещения. Им кричали из толпы: «Порох!», при этом молодые должны были поцеловаться. Мужики собирались на перекрестках улиц, поджидая молодых, и не пропускали их, требуя выкуп. Молодой должен был дать им денег на водку. Если толпа не получала выкуп, то сани поднимали на руках и опрокидывали.

На реке был обычай устраивать горку, на которую тоже съезжались молодые. Здесь также требовался выкуп, иначе салазки с парочкой спускали с горы кувырком. Если же в толпе находился неудачливый сват, то его силой сажали на борону и отправляли по горе.

На второй неделе Великого поста, во вторник в одну из деревень недалеко за городом собирались на беседу из окрестных деревень молодухи с мужьями. Женщины рассаживались на лавки и пряли лен. Время от времени они выходили в клеть переменить свой наряд. Каждая молодуха наряжалась во все свои сарафаны, платья, комплекты. В избу набивалась масса народа, мужья обычно стояли ближе к дверям и слушали суждения зрителей по поводу нарядов их жен. Судили прежде всего старухи, дававшие оценку молодым. Суды на такие смотрины выбирались раз и навсегда деревенским обществом. «В 1886 году представлялась необходимость выбрать новых судей из старейших баб, но не удалось сделать выбора. Вовремя наехали власти, как духовные, так и светские, и положили конец этому обычаяю, существовавшему в окрестностях г. Пудожа с глубокой стариной»¹⁵. О подобном обычаяе сообщает и другой источник, только в нем говорится о том, что беседы устраивали молодые у себя на первой неделе Великого поста

¹⁵ К-на. Из свадебных обычаев Пудожского уезда // ОГВ. 1896. 5 июня.

с участием большого количества посторонних зрителей. На этой беседе молодая демонстрировала все имевшиеся у нее наряды, появляясь перед зрителями то в одном, то в другом. Оценщиками ее достоинств были несколько бойких женщин, называвшихся в Пудоже «исправником», «становым» или «городничим». Эти женщины пользовались непререкаемым авторитетом, и новобрачная старалась угодить им хорошим угощением, чтобы они не высказали в ее адрес чего-нибудь такого, над чем потом смеялись бы в городе¹⁶. Впоследствии эти беседы стали искореняться духовенством и преследоваться полицией, и обычай их проведения исчез. Он существовал еще в конце XIX в. На этих беседах происходили испытания молодой, она должна была показать свое мастерство в прядении льна, рукоделиях, оценивалась ее готовность к роли жены, хозяйки. Выдержав испытание, она получала признание деревенского общества.

На Пасху в течение нескольких лет теща дарила зятю большое количество яиц. Чем теща была богаче, тем и яиц было больше, от ста до трехсот. Яйца накапливались в течение Великого поста и даже заблаговременно закупались для такого случая на ярмарке в Каргопольском уезде.

¹⁶ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 126. Л. 10 об.

К. К. Логинов

ОБРЯДНОСТЬ СЕМЕЙНЫХ КРИЗИСОВ В ВОДЛОЗЕРЬЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Обрядность семейных кризисов – это обрядность весьма специфического качества, до настоящего времени исключительно слабо исследованная этнографами. Она включает обряды и магические действия, направленные на восстановление некой «нормы» в случае возникновения реальных или мнимых кризисных отношений между мужем и женой, между женой и родственниками мужа, а также между брачной парой и соседями. Если между соседями и семейной парой царил мир, жена подчинялась мужу, невестка слушалась свекровь и не стремилась занять лидирующее положение в доме, а муж хранил ей верность, то необходимости в исполнении обрядов семейных кризисов не возникало. Однако в реальной жизни Водлозерья такая идиллия обнаруживалась не всегда. В нашей статье мы не будем рассматривать магию кризисных ситуаций, возникавших между невесткой и ее свекровью, свекром, золовками и деверьми, между семейной парой и соседями, а сосредоточимся на кризисах в отношениях между мужем и женой.

Фактическое или мнимое неравноправие жены в семье нередко заставляло женщин прибегать к различным магическим приемам, «регулирующим» отношения с мужем в пользу женщины. Те из них, которые исполнялись (а некоторые и поныне продолжают исполняться) в день бракосочетания, неплохо описаны в этнографической литературе, посвященной исследованиям свадебной обрядности. На них мы также останавливаться не будем.

В первые дни после бракосочетания могли быть совершены особые магические действия, чтобы жена доминировала над мужем. Один из обрядов исполнялся лишь в том случае, если муж был

курильщиком. Молодая жена лично шила супругу кисет и набивала его табаком, в который примешивала зелье из своих мелко настриженных ногтей с рук и ног, а также волосков с некоторых «застеных» частей тела. Считалось, что, выкурив кисет такого табака, муж во всем будет подчиняться жене и никогда не сможет уйти к другой женщине¹. Имелся в Водлозерье и еще один старинный способ для достижения той же цели². Он исполнялся при посещении послесвадебной бани, но описывать его здесь мы не будем, чтобы не шокировать читателей откровенно физиологическими подробностями.

Драчливого мужа отучали и отучают распускать руки следующими способами: ему, спящему, связывали руки ниткой, вытащенной из савана покойника, или подсыпали в умывальник песок, взятый с намогильного холмика, чтобы он умыл руки³. Иногда использовалось мыло, которым обмывали покойника после смерти. Мыло клали в мыльницу у умывальника тайно, чтобы муж ничего не заподозрил. При этом на мыло начитывался заговор: «Как отнялись руки у раба Божьего, покойника, так отнимаются руки у раба Божия (имярек) поднимать их на жену свою, рабу Божью (имярек)»⁴. Широко употребителен и другой старинный способ. Для его исполнения берут пропитанную потом рубаху мужа и топором с одного маху отсекают на плахе концы обоих рукавов рубахи, приговаривая: «Как укоротились рукава у рубахи, так укоротил свои руки раб Божий (имярек) колотить свою жену (имярек)»⁵.

У водлозеров, как и у всех славян, случайное или намеренное просыпание соли считалось и считается предвестием домашней

¹ Научный архив Карельского научного центра (далее – НА КНЦ). Ф.1. Оп. 6. Д. 628. Л. 57.

² Водлозерьем именуется северо-восточная часть Пудожского района, представляющая собой территорию, прилегающую к оз. Водлозеру, на которой сформировалась и доныне существует этнолокальная группа «водлозеров». См. также статью Н.В. Червяковой в наст. сб.

³ НА КНЦ. Ф.1. Оп.6. Д. 404. Л. 129.

⁴ Архив национального парка «Водлозерский» (далее – АНПВ). Д. 1/85, Л.7.

⁵ НА КНЦ. Ф. 1. Оп.6. Д. 628. Л. 25, 101.

ссоры⁶. Противодействие в этом случае очень простое: надо взять немного присыпанной соли и бросить ее через левое плечо в печь. В современных коммунальных домах соль бросают на плиту русской печи, газовую плиту или даже на электрическую плитку. В любом случае обряд считается исполненным⁷. Но в наши дни все чаще вместо бросания соли через плечо используют так называемый городской способ избегания ссоры⁸. Для этого соль сверху засыпают сахарным песком (мол, «подсластить надо»), а потом сметают соль и сахар тряпкой на бумагу и выбрасывают в мусорное ведро.

В Водлозерье считается, что ссору и развод супруги сами себе могут напророчить неисполнением бытовых запретов. Например, нельзя перешагивать через нож, положенный на пол человеком, чистившим картофель, или через картофельные очистки⁹. По водлозерским поверьям, к разводу или уходу из дома навсегда одного из супругов могло привести нарушение запретов заносить воду или дрова в дом после захода солнца и выливать на улицу помои в это же время¹⁰.

В Водлозерье считается, что от случайных или спровоцированных соседями или родственниками ссор уберечься удается далеко не всегда. Частые семейные ссоры водлозеры все еще пытаются преодолевать магическими способами. Один из них состоит в том, что жена тайком берет из трех домов своих знакомых соль, складывает ее в одну тряпницу и заговаривает у шестка печи: «Соль, соль, милая соль, унеси от нас весь сор», потом относит эту соль на кладбище и оставляет на свежей могиле¹¹. Другой способ состоит в том, что супруга покупает в магазине новую метлу и обметает дом или квартиру по направлению от углов к порогу,

⁶ Как и у всех русских, подавая соль через стол, у водлозеров требовалось улыбнуться, иначе, как считалось, ссора станет неизбежной.

⁷ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 101.

⁸ Там же. Л. 107.

⁹ Там же. Д. 404. Л. 129.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 628. Л. 100–101.

приговаривая: «Вся моя плохая доля, уйди за три поля». Затем перед самым заходом солнца она выносит из дома мусор и метлу¹² и бросает на перекрестке дорог в деревне¹³. Считается, что частых ссор с мужем в этом доме уже не будет.

В старину супружеские измены на Водлозере были редкостью, но после Великой Отечественной войны мужчин репродуктивного возраста осталось очень мало по сравнению с соответствующим женским контингентом. С тех пор известием о супружеской измене здесь уже никого не удивишь.

Один из самых надежных способов сохранить верность мужа – это не дать ему возможности увлечься другой женщиной, коли он начал заглядывать в чужой дом. Если такое случилось, в полночь брали горсть земли от восточного угла избы, обходили с нею три раза вокруг дома в направлении против солнца и бросали песок в умывальник с просьбой к домовым сделать так, чтобы соперница казалась мужу столь же красивой, «как ты, наша домовая хозяюшка». Говорят, что умывшись водой из этого умывальника, супруг дальше собственной калитки больше не уходит¹⁴. Распространенным магическим средством против походов мужа к «любушке» было также завязывание женою штанин на брюках мужа узлами, после чего эти брюки тайно сохранялись супругою в их доме¹⁵. В случаях, когда муж подозрительно долго не возвращается домой, водлозеры заговаривают дым топящейся печи. Слова заговора нам записать не удалось. Известно лишь, что произносят их в открытую дверцу для выюшки при топящейся печи. Водлозеры утверждают, что слова действуют так быстро и эффективно, что муж бежит домой, «словно его жжет в одном месте»¹⁶. Мужскую обувь (тапочки) водлозерские женщины тоже иногда используют в магии

¹² Метлу, которой постоянно метут в доме, водлозеры обязательно хранят так, чтобы она была не доступна недоброжелателям, которые, как считается, могут «наслать» через нее порчу.

¹³ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 98.

¹⁴ Там же. Д. 404. Л. 122.

¹⁵ Там же. Д. 628. Л. 101.

¹⁶ Там же. Л. 100.

для ускорения возвращения мужа домой. С наступлением темноты открывают дверь, ударяют несколько раз тапочками по порогу и произносят: «Имярек, имярек, мы тебя ждем (я тебе жду). Иди быстрей (ко мне) домой»¹⁷. Этот способ, впрочем, считается пригодным и в отношении любого члена семьи, любого жильца в доме.

В случаях, когда муж ускользнет от жены и направится к любовнице, прибегают к магии «сокрытия дороги»¹⁸. Для этого сразу же после ухода мужчины из дома пустые кастрюли, чугунки и горшки переворачивают вверх дном. Иногда требуется перевернутую посуду расставить по всем углам. При этом верят, что мужчина чем-нибудь отвлечется, не пойдет туда, куда отправился, а возвратится обратно. Если боятся, что муж окончательно ушел из дома к любовнице, следы его ног срезают с земли, выкладывают на листок бумаги, заносят в дом и кладут в какой-нибудь угол отпечатками носков к пересечению стен¹⁹. Следы эти никто не должен трогать, пока муж не вернется и не попросится обратно в дом.

После Великой Отечественной войны сексуальный интерес к семейным мужчинам стали проявлять незамужние девушки, чего в старину не бывало. При этом многие не претендовали на создание собственной семьи, но были готовы временно от времени получать сексуальное удовольствие от женатого мужчины. Чтобы муж не заглядывался на юных красавиц, жены активно стали прибегать к магическим средствам для усиления любви мужа к жене. С этой целью заговаривали воду или водку в стакане у душника печи: «В светлой горенке раба Божья (имярек) крутью крутится. Домовой батюшка, сделай так, чтобы муж, раб Божий (имярек), свою жену любил, не мог забыть ее ни в бане веником машучи, ни по горенке хажучи, ни днем, ни ночью, век по веку и во веки веков»²⁰. Самым обычным делом для присушки мужа к жене было обращение к лесной силе. Нам удалось записать такой заговор: «Леший батюшка, присуши мужа моего (имярек) ко мне, рабе Божьей (имярек).

¹⁷ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 103.

¹⁸ Там же. Л. 102.

¹⁹ Там же. Л. 106–107.

²⁰ Там же. Л. 72–73.

Сделай так, чтобы мы любили друг друга. Чтобы не могли друг без друга ни есть, ни пить, ни на свет белый смотреть ни ночью, ни днем, ни утром, ни вечером. Аминь»²¹. Однако, по воззрениям водлозеров, лесная сила имеет над людьми власть, строго ограниченную определенной территорией, обычно не очень отдаленной от деревни, в которой было сказано заклинание. Муж, как считалось, мог себя вести по своему усмотрению, когда его посыпали на работу в город или в соседний леспромхоз, сколько бы не обращались за помощью к лешему.

Один из современных способов привязать мужа к семейному очагу состоит в том, что жена ночью расстилает свой поясок вдоль порога, который приходится перешагивать мужу в темноте, если он ночью пойдет «до ветру». После того как муж перешагнет через пояс, жена быстро и тую опоясывается им сама, а утром, не развязывая узел на пояске, стаскивает пояс и прячет в шкаф, чтобы никто не нашел и не развязал²².

Усиливать любовь законного мужа, подмешивая регулы жены ему в пищу, в Водлозерье категорически не рекомендовалось. Считалось, что, передав добровольно часть своей крови мужу через такую присушку, жена передаст мужу и часть самой себя, а значит, добровольно и неизбежно подчинится его воле. Поэтому чаще избирался другой способ: регулами жена обтирала себе сверху вниз лоб, щеки, подмышки, груди, живот, лобок и пятки, приговаривая: «Чтобы ты не мог жить без моего лица, без моего пота, без моей... Ходи за мной, как мои пятки за мной ходят»²³. Потом тряпка со следами месячной крови закапывалась в хлеву, чтобы ее не смогли найти и потрепать собаки.

В случаях, когда посторонняя женщина претендует на чужого мужа только как на любовника, между ней и женой нередко разворачивается борьба за присвоение себе наибольшей доли мужской ласки. Перед уходом мужа к любовнице или любовнику к законной жене водлозерские соперницы дают ненаглядному мужчине

²¹ Там же. Д. 490. Л. 58.

²² Там же. Д. 631. Л. 14–15.

²³ Там же. Д. 628. Л. 99.

питье, на которое нашептывается заговор: «Ко мне идешь жеребцом, от меня идешь мерином»²⁴. Мужчину, чтобы любил чаще и крепче, и жена, и любовница стараются хорошо накормить, особенно мясом. По этому поводу водлозеры обычно высказываются в исключительно откровенной пословице: «В голодный год и волк не е...т»²⁵ Борьба между женой и любовницей изматывает обеих. Одна из них, устав, могла в этом случае исполнить обряд отваживания мужа (любовника) навсегда от своего дома²⁶. Для этого с наступлением темноты выметаются все углы и пол в доме по направлению к порогу, мусор метлой выбрасывается через порог, дверь запирается, а метла ставится комлем на пол (верхушкой вверх). Потом бывало, что, женщина, сделавшая это, начинала искать какие-то магические способы, чтобы снова вернуть мужчину.

Если муж уходит от жены и детей с видимой решимостью, брошенная жена часто идет к знахарке попросить помощи, чтобы вернуть мужа себе, а отца детям. При этом жена должна «взять грех магического действия на себя» (это основное условие помощи со стороны магического специалиста в подобных случаях), понимая, что перед смертью придется испытать нравственные и физические мучения. «Черная» магия и заговоры водлозеров, применяемые для возвращения мужа в семью, частично описаны в работе Т. С. Курец «Русские заговоры Карелии»²⁷. Это избавляет нас от необходимости публиковать в данной статье собственные записи.

Надо заметить, что в наши дни супружеские измены и уход мужа в другую семью провоцируются не столько применением колдовских чар, сколько неумеренными выпивками семейных мужчин. Пьющего мужчину другая женщина заманивает к себе в постель без особого труда и без всякой магии. В наши дни водлозеры шутят, что главным «приворотным средством» для чужих мужей в Куганаволоке служит водка. Водку, мол, и заговаривать не надо –

²⁴ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 107.

²⁵ Там же. Д. 489. Л. 34.

²⁶ Там же. Д. 628. Л. 106.

²⁷ Курец Т.С. Русские заговоры Карелии. Петрозаводск, 2001.

только бутылку покажи. Впрочем, там живут и такие магические специалистки, которые умеют делать «присушку», в том числе посредством наговорной водки. Про мужчин, ушедших из семьи ради водки, в Водлозерье говорят: «Женился на полстакане водки»²⁸.

Своеобразным способом профилактики кризиса в семье был и остается совместный поход супругов за помощью. В наши дни пары, оказавшиеся в кризисной ситуации, едут в п. Шала и обращаются к уроженке Водлозерья В. И. Куроптевой²⁹. Водлозеры, ныне проживающие в Петрозаводске, с той же проблемой обращаются к магическим специалистам столицы Карелии и окрестностей. Для людей, не утративших еще окончательно веры в Бога, более действенным считается поход к настоятелю одной из церквей Петрозаводска или лично к архиепископу Олонецкому и Петрозаводскому Мануилу. После церковного покаяния и причащения супруги «отчитываются» молитвами и получают наставления для дальнейшей совместной жизни³⁰.

В случаях, когда муж не устоял перед соблазном и впал в распутье (на Водлозере после Великой Отечественной войны, повторюсь, это было почти нормой поведения женатых мужчин³¹, совершалась иная магия. Один раз, по нашим данным, для этой цели были использованы заговоренные оладьи³², обычно же применяют более специфическую магию. В Водлозерье о ней говорят описательным образом – «надеть пояс». Суть этого способа состоит в том, что захарка заговаривает пояс или кушак с пожеланием, чтобы у мужа, раба Божьего (имярек), фаллос был «как эти концы» (а концы у кушака или пояса всегда висят вниз. – К. Л.), когда ему придется иметь дело с любой женщиной, кроме жены, рабы божьей (имярек). Заговоренный пояс жена, как бы невзначай,

²⁸ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 26.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ Там же. Д. 627. Л. 11–12.

³¹ Один из ныне здравствующих мужчин Куганаволока, женившийся после Великой Отечественной войны, имел своих 13 детей, да еще и всех желающих женщин, говоря словами водлозеров, «обгуливал».

³² АНПВ. Д. 2/73. Л. 23.

предлагает примерить своему мужу. Считается, что, примерив пояс, он уже не сможет иметь половых сношений ни с одной женщиной, кроме супруги, пока их не разлучит смерть или в дело не вмешаются еще какие-нибудь знахари³³. Правда, в наше время, когда мужчины ни поясов, ни кушаков не носят, далеко не каждый из них согласится на примерку³⁴. Потребность же в мужской верности в семейных отношениях сохраняется. В таких случаях пояс повязывают, когда муж спит, а если это боятся сделать (ведь муж может проснуться и отлупить жену), уговаривают знахарку прийти на помощь еще раз. С заговоренным поясом в кармане знахарка становится позади мужчины и шепчет слова, глядя ему в спину, либо, когда представится случай, бросает заговоренный пояс между мужем и женщиной, которая уводит его из семьи³⁵. Говорят, что эффект в обоих случаях бывает тот же самый. Несколько слабее, если верить водлозерам, проявляется эффект магии «надевания пояса», если жена очертил по земле круг вокруг мужа и сама его обойдет³⁶. Иногда законная жена выходит на перекресток с поясом или с ремнем мужа, бросает его на землю, топчет ногами и приговаривает: «У тебя хоть семья, а я нужна всем»³⁷. Но это уже делают от отчаяния, лишь бы насолить мужу. Считается, что этим она ослабляет половую потенцию мужа, но завлекает к себе ухажеров и кавалеров, чтобы муж заревновал.

Магическими манипуляциями с мужским поясом, на взгляд автора, водлозеры в наши дни явно злоупотребляют. Иногда они «надевают пояс» на человека не на всю жизнь, а лишь временно. Называть имена не решаются. Большинство лиц, испытавших на себе эту магию, еще живут в Куганаволоке и сегодня. Замечу лишь, что одна из местных женщин, отправляясь в лагерь отывать нака-

³³ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 631. Л. 27.

³⁴ Хотя в Водлозерье бывает и такое, что муж, сознавая свою вину, сознательно надевает заговоренный пояс, чтобы не создавать в дальнейшем поводов для беспокойства своей любимой половине.

³⁵ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 75.

³⁶ Там же. Л. 39.

³⁷ Там же. Л. 102.

зание за растрату в государственном магазине, «надела пояс» на супруга на 7 лет – срок своей «отсидки»³⁸. Когда она вернулась, муж, не имевший половых контактов ни с кем 7 лет, еще сохранил свою мужскую силу. И силы этой оказалось достаточно не только для жены, вернувшейся из заключения, но и для некоторых других женщин. Узнав про изменения мужа, супруга тут же сделала так, что он смог жить половой жизнью только с ней и ни с кем больше³⁹. Еще одна из нынешних жительниц Куганаволока присушила к себе мужчину посредством очень мощной магии, скорее всего, связанной с применением сжигания волос и одежды соперницы. Заполучив мужчину из чужой семьи, она, однако, не смогла воспользоваться своим достижением в постели, поскольку на него уже был «одет» пресловутый «пояс». Говорят, что этот бедняга свои деньги несет в прежнюю семью, ночевать и обедать ходит в новую, а половой интерес справляется исключительно на стороне⁴⁰.

Иногда, желая отомстить мужу, жена использует иного рода магию, которую на Водлозере описывают выражением «отнять пояс» или «уронить пояс». Прибегнуть к такой магии решаются лишь немногие, поскольку через это действие полностью отнимают у мужчины его половую силу. Мужчина, в отношении которого был проделан подобный магический обряд, не только страдает нравственно, но еще и испытывает сильные боли в районе поясницы и в конце концов утрачивает возможность делать вообще какую-либо работу. В старину каждый магический специалист, который умел «уронить пояс», также мог и поправить дело, как говорили, «поставить пояс»⁴¹.

Для излечения полового бессилия зناхарка до рассвета тайно отправлялась к порогу бурной реки с двумя пустыми бутылками, пробиралась к стремнине и бросала в воду нечетное число «серебряных» монет со словами: «Река-матушка, дай воды напиться моему (имярек) и смой с него все худое, и дай ему все хорошее. Река-

³⁸ Там же. Л. 39–40.

³⁹ АНПВ. Д. 2/73. Л. 23.

⁴⁰ НА КНЦ. Ф.1. Оп.6. Д. 628. Л. 39.

⁴¹ Там же. Л. 77, 79.

матушка, течешь ты быстро, смываешь пенья, коренья, лесные деревья, смой с раба божьего (имярек) всю порчу. Река-матушка, ты бурлишь быстро, дай (имярек), чтоб у его член, как эти бутылки, играл, как ты бурно бурлишь, так чтоб у его (бурно) стояло»⁴². Она погружала в воду бутылки, вертикально удерживая их на течении так, чтобы вода вливалась сверху, а воздух вырывался из бутылок снизу вверх. Домой воду знахарка несла, как и любую заговоренную воду. Через другие реки не переходила. Проходя через мелкие ручейки и канавы, приговаривала: «Что с собой несу, через воду перенесу». Переступив порог, заявляла: «Что с собой несла, через порог перенесла». В бане знахарка жарко парила больного веником, подбрасывая воду из бутылок на каменку, и давала ему трижды выпить из каждой бутылки по три раза. Сами бутылки, когда она с ними не манипулировала, вертикально стояли на полке. Всего походов в баню бывало от семи до девяти, прежде чем наступало выздоровление. В период лечения мужчине предлагали пить вместо чая заварку сабельника, которая, по местным поверьям, способствует повышению мужской потенции⁴³, и воздерживаться от употребления чая из зверобоя.

Имелся на Водлозере как минимум и еще один магический способ восстановления мужской потенции. Применялся он в деревнях, расположенных на островах, а также удаленных от речек с быстрым течением⁴⁴. Знахарка брала стальной охотничий нож с деревянной ручкой, втыкала его в землю острием вверх под углом 60 градусов, а под ножом ставила миску для сбирания стекающей с лезвия воды. Допускалось втыканье в землю над миской и двух ножей сразу. При этом ножи перекрещивали лезвиями. Заговор произносился на воду, сливающую из какого-нибудь сосуда на нож. Сам заговор нам удалось записать лишь частично. Суть его состояла в следующем: «Как нож стальной стоит крепко, не сгибается, не шатается, так бы и х... раба Божьего (имярек) перед «женским мясом» не сгибался бы, не шатался бы». Собранной в миску водой

⁴² АНПВ. Д. 1/84. Л. 1.

⁴³ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 39.

⁴⁴ Там же. Л. 27.

мужчину поили утром и вечером несколько дней подряд. Давали три глотка этой воды, когда парили веником в бане. Говорят, что данный способ восстановления мужской потенции был весьма эффективным. В наше время в Куганаволоке, где проживает подавляющее число водлозеров, для восстановления мужской потенции используется преимущественно он.

Как видим, преодоление семейных кризисов в их гендерном аспекте с помощью различных магических способов все еще имеет место в современной повседневности Водлозерья. Не менее актуальны эти проблемы и для населения всего Пудожского района Карелии, да и не только его одного.

Н. В. Червякова

«БАЖОНОЕ ОЗЕРУШКО» К СЕВЕРУ ОТ ПУДОЖА (ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОДЛОЗЕРЬЯ)

«Бажоное озерушко», именно так жители Водлозерья еще в недавнем прошлом именовали свое озеро. С точки зрения внешнего мира это был «медвежий угол», как говорили пудожане, «загнано место». Вот что писал о своей поездке на Водлозеро в 1871 г. член Императорского Российского географического общества И. С. Поляков: «За Пудожем, по направлению к северу и в подсеверные страны, начинается истинная сибирская тайга. Тележные дороги здесь кончаются, в разные стороны расходятся только тропинки, по которым люди смелые и состоятельные ездят иногда верхом, рабочие идут пешком; есть и такие особы, которые из опасения слишком утомиться … никогда на них не заходят»¹. Однако не только географические препятствия – непроходимые леса и бездорожье – отделяли Водлозерье от остального Пудожья. «Озера – глупы водлозера», – обидно говорили про водлозеров пудожане. В этнографии есть свои представления о том, почему какую-то группу русских называли «глупой». Слово «глупый» в пудожском наречии хоть и имеет выраженный отрицательный оттенок, употребляется также в значениях «не такой», «отличный от какой-либо нормы». Для пудожан водлозеры иные, не свои, не пудожские². А если посмотреть на ситуацию изнутри, из глубин Водлозерья?

¹ Поляков И.С. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 66–67.

² С 20-х гг. XX столетия водлозерам присвоено еще одно прозвище, употребляемое в Пудожье до сих пор, — «белогвардейцы». Здесь также очевиден негативный оттенок. В решающий момент Гражданской войны Водлозерье в силу своей связи с Поморьем было единственной угрозой «красному» Пудожу.

В первую очередь очевидно, что и по сей день водлозеры ощущают свое внутреннее единство. Оно основано как на происхождении от одного «корня» – от новгородцев, так и на проживании этой группы русских в течение долгого времени в условиях естественной изоляции. Население Водлозерья столетиями жило и кормилось озером, именно поэтому они – водлозеры, «озерные люди»³. «Островная культура», – так высказался о Водлозерье в 1928 г. фольклорист Б. М. Соколов⁴. Для водлозеров их «водлозерское бажоное озерушко» было вовсе не «загнанным местом». Несмотря на тяжелый труд и скудость земли, как пишет Б. М. Соколов, «почти нет водлозеров, которые бы переменили свое местожительство на другое. Словно кто околдовал. «Не оторвешь нас от Водлозера», – говорили нам не раз»⁵. Вплоть до середины XX в. озеро было для водлозеров не только центром притяжения, но и своего рода центром земли. Именно сюда, на Ильинский погост, по представлению местных жителей, ежегодно в понедельник на Ильинской неделе приезжает сам пророк Божий Илия. Столетиями каждый год водлозеры ждали и встречали Илью. Его пребывание вплоть до престольного праздника накладывало свой отпечаток на поведение людей – в округе нельзя было ссориться, ругаться, то есть делать все то, что «Илью обидит». Это представление дошло и до наших дней. Когда в 1995 г., после десятилетий забвения был возрожден Ильин день, пожилые жительницы Куганаволока благодарили дирекцию национального парка словами: «Спасибо, что Илью на Водлозеро вернули»⁶.

Однако не только Илья-пророк, сам Христос, по представлениям водлозеров, «ходил по Водлозеру». Нами записаны легенда и

³ Логинов К.К. Повседневный быт и магия русских Водлозерья. Рукопись. 1999 // Архив национального парка «Водлозерский» (далее – АНПВ). Д. 2/74. Л. 31.

⁴ Соколов Б. Поэзия Водлозера. Из записок исследователя // Памятники русского фольклора Водлозерья. Предания и былички / Под ред. В.П. Кузнецовой. Петрозаводск, 1997. С. 141–145.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Полевой дневник Н.В. Червяковой 1995–1996 гг. // АНПВ. Д. 2/18. Л. 21.

устный рассказ о том, как Христос не образно, а телесно пребывал в Водлозерье. И хотя у каждого из этих произведений народного творчества обширное семантическое поле, смысловое ядро их неизменно – Спаситель ходил по Святой земле, и образом этой земли для водлозеров выступает их родина.

Образ сакрального пространства «своего» мира проявлен и в водлозерской кадрильной песне «Я бежала по поженке». В ней перечисляются все деревни, входившие в Водлозерье и, таким образом, очерчивается круг «своего» жизненного пространства. Сюжет этой песни не совсем обычен. На первый взгляд здесь представлена стандартная игровая ситуация – перечисляются прозвища, особенности характера или занятий жителей водлозерских деревень. Однако сюжетная линия начинается с сакрального образа вещей птицы – голубя на часовне. Собственно повествование ведется не от лица героини песни, оно как бы прорекается птицей.

*Я бежала по поженке
да прибежала ко часовенке.
На часовенке два голубя сидит,
Один голубь часы говорит,
Другой голубь приговаривает:
Коскосалма – черныши, черныши,
Варишпельда – кошели, кошели,
Канзанаволочана – безбожники,
Руганова – катанежники,
Колгострова – рыкуны, рыкуны,
Калакундена – калаканчики,
Пелгострова – веревочники,
Пильмасозерушки – картежники,
Гольянишки не умеют торговать,
только знают нашу репу воровать,
Загоряна – немытики,
Охтомострова – бесеняташки,
Маткалахтяна – монахи, однозубые рубахи,
Чуяльчана – лапотаюшки,
Великострова – непытаюшки,*

~~~~~

*Кевасалма – зубоглоды,
Путилова – голзуны, голзуны... »⁷.*

Водлозерская земля осмысляется в категориях «свой» – «чужой» путем прозвищных наименований. В едином пространстве Водлозерья, как внутри рода или большой семьи, возможны любые прозвища – от ласкательных до грубоватых, от нейтральных до эмоционально окрашенных.

Вообще противопоставление «своего» и «чужого» особенно актуально для общественного сознания водлозеров. К приезжим относятся с неизменным недоверием, которое мотивируется поговоркой «к нашему берегу хорошего бревна не прибьет»⁸. Пришелец, сколь бы долго он не жил в Водлозерье, навсегда останется пришельцем, чужаком. Чужого на общей трапезе всегда сажают в периферийную часть стола, удаленную от хозяина. В присутствии чужого никогда не заговорят на своем водлозерском языке; для общения с посторонними используется только литературный русский язык с нормативной лексикой. Эту черту водлозерского характера образно передает поныне существующая частушка:

*Елки колки, елки колки,
Наши елки колкие.
Мы ведь здешни, не приезжи,
Водлозера горькие.*

---

⁷ Полевой дневник Н.В. Червяковой... Л. 56. В различных частях Водлозера существовали вариации приведенного текста. Полного варианта этой кадрильной песни, похоже, записать никому не удалось, его можно восстановить только путем объединения записей разных лет. Публикуемый вариант записан от выходцев с Варипшельды, он подробнее характеризует северное Водлозерье и точно указывает северную границу Водлозерья – д. Калакунда. У выходцев из Калакунды мы записывали вариант с именованием ближайшей к ней д. Луза – «Лузяна-то – ки-ланчики». Однако с точки зрения жителей Водлозера в Лузе жили уже не водлозеры.

⁸ Там же. Л. 44.

Исследования последних лет, проведенные обширным кругом специалистов – этнографов, фольклористов, историков, языковедов, позволили выявить типические и специфические черты водлозерской культуры. По утверждению К. К. Логинова, «в целом культура водлозеров типична для северных русских»⁹. Действительно, этнические компоненты, на основе которых происходило формирование группы водлозеров, обычны для всего Русского Севера: «Досаамский этнический элемент здесь был ассимилирован протосаамами и саамами, а прибалтийско-финский (саамы, вепсы и карелы) – представителями новгородской и московской русской колонизации»¹⁰.

Черты предшествующих культур нашли отражение в материальной и духовной культуре, в языке водлозеров. Вопрос этот достаточно хорошо изучен. Основные результаты исследований материальной культуры, быта и обрядов водлозеров представлены в двух подготовленных к печати монографиях К.К. Логинова¹¹. Мы остановимся на оригинальных элементах локальной культуры водлозеров. В материальной культуре выделяется местный тип лодки-водлозерки, особый тип выездной дуги – массивной, украшенной мелкогранной резьбой, водлозерский тип прялки. У водлозеров сохранились только для них характерные способы лова рыбы и дичи, например, «воронком» – двухсилковой снастью для добычи боровой дичи¹². Перечень может быть дополнен, например, материалами по одежде водлозеров¹³.

---

⁹ Логинов К.К. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры русских Водлозерья // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 267–271.

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ Логинов К.К. Повседневный быт и магия русских Водлозерья... Д. 2/74. 207 л.; Он же. Общественный и семейный быт русских Водлозерья. Рукопись. 2002 // АНПВ. Д. 2/87. 190 л.

¹² Он же. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры... С. 268.

¹³ В частности, в частушке, имеющей этнолокальную окраску, характеризующую специфику мужской одежды водлозеров 1920-х гг., об этом поется так:

Водлозерушки идут, тужурки на кудели.

Посмотрите-ка на них – стоя околели.

Частушка бытовала в южном Приводлозерье и верхнем Поилексье, первая ее запись сделана К.К. Логиновым в 2001 г.

В Водлозерье отмечен обычай делать намогильный холм из диких камней. Такие могилы сохранились на Курьострове (Курьском острове), в Пигалахте и на берегу Илексы, неподалеку от калакундинского кладбища в Жилом ручье. О первых двух захоронениях известно, что они сделаны по просьбе людей «знающих», то есть занимавшихся магической практикой и не пожелавших быть похороненными на погосте. К.К. Логинов вводит материальное проявление этой традиции к саамской культуре, а именно к саамским погребениям XII–XIV вв.¹⁴ Думается, что в этом случае можно говорить о заимствовании не только внешнего, материального образа – каменной насыпи, но и мистического значения похоронного обряда. По крайней мере заваливать могилу камнями у водлозеров является отступлением от нормы, почти кощунством. Принято желать покойному, чтобы земля была ему пухом.

Исследования последних лет позволили выделить характерные черты духовной культуры водлозеров главным образом в отношении народной веры. В религиозных воззрениях жителей Водлозерья много типических черт, характерных для русских Севера в целом. Здесь, как и во всей остальной России, особо чтились Матерь Божия и Никола-угодник. Из богочестных праздников выделяются значимые для всего Водлозерья Успение и день Тихвинской иконы Божией Матери. Хотя Тихвинская часовня была здесь одна – в северной части озера в д. Варишпельда, но почитаемые образы находились во многих часовнях и домах водлозеров¹⁵. Особо чтимый старинный образ Тихвинской Божией Матери письма Игнатия Пантелеева был в местном ряду иконостаса Ильинской церкви¹⁶. В почитании Николая Чудотворца – заступника и молитвенника о

---

¹⁴ Логинов К.К. Основные компоненты традиционно-бытовой культуры... С. 270.

¹⁵ По устному сообщению К.К. Логинова, в случаях, когда не могли обнаружить тело утопленника, водлозеры обращались за помощью именно к Тихвинской иконе Богородицы. В сознании русского населения Севера со времен осады Тихвина шведским войском эта икона занимала особое место как заступница северных пределов России.

¹⁶ Икона сохранилась и в настоящее время находится в собрании музея «Кижи». Согласно каталогу «Древняя живопись Карелии», икона опициально атрибутирована как Иерусалимская. И тем не менее она представляет собой выраженный иконографический тип Тихвинской Божией Матери.

всех сирых и убогих, путешествующих по водам и страждущих в бурях – тоже есть местные черты, связанные с географическими особенностями Водлозера. Из пяти известных часовен св. Николая, две – зимнего и летнего Николы – находились в соседних деревнях Пелгостров и Рагуново, разделенных узким проливом. Столь близкое соседство никольских часовен объясняется местоположением островов Пелгостров и Рагуново. Именно у северной их оконечности находится самое опасное место на Водлозере, именуемое «кrestы». При северном ветре здесь на открытом пространстве встречаются две волны, начинающиеся одна от устья Илексы, другая в Варишпельской лахте. Взаимное перекрещивание волн делает проход на этом участке практически невозможным, вернее возможным, но с помощью Божией. Поэтому-то именно здесь Николе молились особо – как справа и слева захлестывали лодку волны, так и справа и слева стоял угодник Божий Никола и проводил лодку среди бури.

Традиция почитания заветных островов и деревьев также имеет выраженные черты местной специфики. Собственно, определение «заветный» относится в Водлозерье к особо выделяемым часовням, деревьям, островам. Слово «заветный» используется в своем прямом значении завета как договора между человеком и силой Божией или же иными силами невидимого мира. Соответственно заветные часовни можно определить как особо чтимые, намоленые. Сюда больше, чем в другие часовни, приносят пожертвования-заветы – «пеленки», то есть отрезы материи, одежду, свечи, иконы, деньги. Заветные острова – это чаще всего запретные территории. Без особой нужды, тем более с обыденными делами, на заветный остров заходить запрещено. Как считается, нарушение запретов приводит к негативным последствиям для нарушителя. Существуют особые правила поведения в таких местах: на заветный остров входят только «перекрестив глаза» и не берут с острова никаких предметов. Заветные острова – это пространство, на которых происходит договор с силами потустороннего мира. В дохолхозные времена, по всей вероятности, различались собственно заветные острова, куда привозились «пеленки»-заветы, и острова,

запрещенные для посещений без нужды. По крайней мере, по нашим материалам, не все острова Водлозера, наделенные в сознании водлозеров сакральной семантикой, именовались заветными. Наличие значительного числа заветных островов на Водлозере является отличительной чертой именно здешней культуры.

Со времени возведения новой столицы на берегах Невы водлозерская культура замыкается в себе. Бездорожье и глушь становятся надежными защитниками от внешних влияний. До середины XX в. здесь достаточно устойчиво сохраняется традиционный уклад жизни, местный говор, обряды и верования, песенная и сказительская традиции¹⁷. Можно видеть на примере Водлозерья, что изоляция культуры не означает ее ущербности, но является фактором ее своеобразия.

Русский Север был воспет и опоэтизирован писателями и художниками серебряного века. Мифологема Русского Севера родилась именно в это время, однако уже в XX в. весь строй русской жизни оказался нарушенным. Постепенно и Русский Север как феномен прекратил свое существование. Осколки его сохранились лишь в такой глупи, как Водлозерье. Некогда бывшее «медвежьим углом», Водлозерье становится местом паломничества. С разных уголков России, из зарубежья приезжают люди соприкоснуться с культурой Святой Руси, сохранившейся в лоне нетронутой. И, даст Бог, сохранена будет эта святая земля на благо нашего народа на все времена.

---

¹⁷ По устному сообщению Ю.И. Смирнова, последняя полная былина была записана на Водлозере экспедицией Института мировой литературы в начале 60-х гг. XX в.

O. A. Киселева

КРЕСТЬЯНСТВО ПУДОЖСКОГО УЕЗДА И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Официальная советская историография утверждала, что большевики получили доверие крестьянства благодаря результатам их аграрных преобразований. Рассмотрим эту версию на примере материалов Пудожского уезда.

По данным переписи 1897 г., в уезде на территории в 18,6 тыс. кв. верст проживало 33,5 тыс. человек. Городское население составляло 4,3%, сельское – 95,7%. На 1 кв. версту приходилось всего лишь 1,8 жителя. Меньшая плотность населения – 0,7 человека на 1 кв. версту – в Карелии отмечалась только в Повенецком уезде¹.

Октябрьская революция пришла в Пудожский край в 1918 г. Первый волостной совет в уезде возник в январе 1918 г., в феврале-марте советы образовались в подавляющем большинстве волостей. В данном отношении Пудожский уезд опережал другие уезды Карелии.

Известен социальный состав волостных советов первого созыва по Пудожскому уезду. Сведения дали 14 советов края, в которых насчитывалось 269 депутатов. Из них крестьяне составляли 196 человек (73%), рабочие – 6 (2%), красноармейцы – 2, прочие – 5 (60 депутатов, или 22%, свой социальный статус не указали). По партийной принадлежности из 269 депутатов 78 (29%) были большевиками или сочувствующими, 21 (8%) относился к левым эсерам и им сочувствующим, 11 (4%) – к правым эсерам, еще 11 человек (4%) – к интернационалистам и анархистам. Беспартийными

---

¹ Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 12.

считали себя 106 депутатов, у 53 партийность не установлена. Таким образом, 59% депутатов волостных советов первого созыва были беспартийными².

Возникавшие на местах в водовороте революционных событий большевистские ячейки зачастую были скороспелыми, нередко состояли из людей, не имевших на деле четких политических убеждений, и оказывали ограниченное влияние на крестьянское население. Выступая на III Олонецкой конференции РКП(б) 3 сентября 1919 г., делегат Мартынов так характеризовал историю партийного строительства в уезде: «Сначала партийная организация раздулась до 20 коллективов с большим числом членов. Все эти ячейки были очень и очень сомнительны... коллектив в 150 человек в одной из волостей послал делегацию белым. Если бы ячейка была из настоящих коммунистов, это, конечно, не случилось бы. Когда стали белые наступать, многие коммунисты пришли к белым... Так некоторые ячейки прекратили свое существование... Теперь во всем уезде около 100 человек коммунистов, из них в городе 40 членов и 18 кандидатов и около 40 в уезде... Теперь принимаем в свои организации с большой осторожностью»³.

Аграрные преобразования в Пудожском уезде начались с приемки местными земельными органами конфискованных церковных и монастырских земель (помещичьих владения здесь отсутствовали), которые сразу же распределялись между малоземельными крестьянами по едокам. Фонд таких земель в крае был незначителен и составлял немногим более 10% всех сельскохозяйственных угодий (17,3 тыс. десятин). По сведениям на 1 ноября 1918 г., три четверти (13,4 тыс. десятин) площади данных угодий в уезде было распределено между крестьянами, 2,9 тыс. отведено вновь созданным советским хозяйствам. Нераспределенными остались лишь 970 десятин⁴. Однако существенно расширить крестьянское землепользование за счет весьма ограниченного фонда церковно-монастырских земель было невозможно.

---

² Губарева В.М. Борьба большевиков за установление Советской власти на Северо-Западе России. М., 1982. С. 41, 43, 51.

³ Звезда Пудожа. 1919. 5 сентября.

⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 373.

С весны 1918 г. в Пудожском уезде развернулась кампания по внутриобщинному уравнительному распределению земельных угодий на основании Закона «О социализации земли». Земли переделялись здесь во временное пользование в соответствии с потребительно-трудовыми нормами⁵. По оценке местных советских органов, данное мероприятие дало некоторый положительный эффект. Пудожский уездный земельный отдел в ноябре 1918 г. сообщал в Олонецкий губернский земотдел, что «временное распределение земель населением принято с сочувствием и все пахотные угодья были своевременно разработаны и засеяны; посевная площадь ничуть не уменьшилась против прошлых лет, но в большинстве случаев увеличилась. Это объясняется отчасти возвращением с войны мужского населения...»⁶. Однако, как показал дальнейший ход событий, отмеченные положительные результаты носили временный характер. Общий рост посевов достигался за счет бедняков деревни, при одновременном сокращении их у зажиточной и средней части крестьянства, лучше обеспеченной рабочим скотом и инвентарем.

Активно включились в передельную компанию созданные летом-осенью 1918 г. волостные и сельские комитеты деревенской бедноты (их в Пудожском уезде насчитывалось 181)⁷. Изъятую у зажиточных хозяев землю они распределяли среди бедноты поровну по едокам. В результате земельные наделы бедняков увеличивались в несколько раз. Например, в семье Т. М. Бунева (д. Колгостров Водлозерской волости) до передела, проведенного Канзанаволокским комбедом, на шестерых едоков была всего 1 десятина земли, а после передела надел увеличился до 6 десятин⁸.

⁵ См.: Богданова Г.Н. На хозяйственном фронте. Хозяйственное строительство в Карелии в годы интервенции и Гражданской войны. 1918–1920. Петрозаводск, 1982. С. 83.

⁶ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. С. 372.

⁷ Богданова Г.Н. Указ. соч. С. 158.

⁸ В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957. С. 212–213.

Комбеты также развернули кампанию по реквизиции у зажиточных хозяев излишков продовольствия, закрывали частные лавки, взяли под контроль деятельность кооперативов, конфисковали в уезде более 100 частных мельниц⁹. Практически бесконтрольная деятельность комбетов вызвала недовольство не только зажиточного, но и среднего крестьянства, привела к резкому росту социальной напряженности в деревне. Это в конечном счете побудило власть в конце 1918 г. распустить комбеты.

Деревня Пудожского уезда, как и всей Карелии, остро нуждалась в проведении землеустроительных работ, что было связано не только и не столько с конфискацией церковно-монастырских земель и внутриобщинными переделами. В новых условиях крестьянству предоставлялась возможность увеличить дополнительно свои посевы и покосы за счет разработки наиболее удобных участков на территории государственных лесов, что в условиях края было наиболее перспективным путем для расширения крестьянского землепользования. Однако работы по землеустройству фактически не производились. В 1918 г. губернский земотдел командировал в Пудожский уезд 6 землемеров, которые, согласно инструкции, провели опрос населения на местах. Как выяснили землемеры, крестьяне в большинстве местностей уезда заявили о необходимости расширения как пахотных, так и сенокосных угодий, ходатайствовали об осушке болот, расчистке мелколесья под пашни и сенокосы, проведении других землеотводных и мелиоративных мероприятий¹⁰.

В конце 1918 – начале 1919 г. Олонецкий губернский земельный отдел направил в уезд несколько землемеров, однако вскоре в связи с активизацией военных действий в крае землеустроительные работы пришлось свернуть. Предыдущие мероприятия по упорядочению землепользования и проведению Закона «О социализации земли» были сведены почти на нет. Оставшиеся в штате губернского отдела по землеустройству 19 человек в мае 1919 г. были временно мобилизованы в тыловое ополчение. На ходе

⁹ Богданова Г.Н. Указ. соч. С. 158, 159; НА РК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 297–298 об.

¹⁰ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. С. 372.

землеустроительных работ отрицательно сказывались также нехватка продовольствия, недостаток грамотных работников в волостных земельных отделах и отток рабочих рук в связи с мобилизациями в армию. Предусмотренные планом работы не проводились. В целом по губернии в 1919 г. удалось выполнить лишь 25% намеченных к исполнению землемерных дел (21 из 84)¹¹.

Еще в январе 1919 г. на III Пудожском уездном съезде Советов при обсуждении вопросов о развитии сельского хозяйства было предусмотрено проведение ряда мероприятий по повышению агротехники и агрокультуры. Съезд постановил: привлечь необходимые кадры агрономов и инструкторов; наладить в достаточном количестве поставки сельскохозяйственного инвентаря; создать опытные поля, для работы на которых под руководством агрономов направить на основе трудовой повинности молодежь 16–18 лет и опытных земледельцев¹². Однако из-за обострившейся военной обстановки намеченный план агротехнических мероприятий также не был реализован.

Проблемы земельной и лесной политики стали одними из основных вопросов, обсуждавшихся на III Олонецкой губернской партийной конференции, проходившей 1–5 сентября 1919 г. Делегаты были вынуждены вновь констатировать неупорядоченность земельных отношений на местах. На необходимость ее устранения и указала конференция в своей резолюции, подтвердив постановление VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу¹³.

Вологодский историк В. А. Саблин в своем диссертационном исследовании дал общую характеристику социального расслоения северной деревни в период революции и Гражданской войны. По его данным, в Олонецкой губернии в 1917 г. бедноты насчитывалось 33,9%, середняков – 57,6, кулаков – 8,5, в 1919 г. – бедноты – 35, середняков – 57, кулаков – 8%¹⁴. Как мы видим, изменения в

¹¹ НА РК. Ф. 108. Оп.4. Д.51. Л. 9,10,11,15.

¹² Там же. Ф. 334. Оп. 1. 6/59. Л. 5.

¹³ См.: Богданова Г.Н. Указ. соч. С. 87.

¹⁴ Саблин В.А. Социально-экономическое развитие северной деревни (1917–1920 гг.). Дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. М., 1987. Табл. 63.

социальной структуре оказались минимальными. За 1920 г. сведений, к сожалению, нет. Есть все основания полагать, что в Пудожском уезде, как и в губернии в целом, соотношение между социальными прослойками в деревне было достаточно стабильным, несмотря на проведение советской властью аграрной реформы. Говорить о значительных материальных приобретениях крестьянства от реформы не приходится. Посмотрим на моральную сторону вопроса, используя для этого материалы Пудожского уездного и волостных земотделов, сохранившиеся в Национальном архиве РК (Ф. 334. Оп. 1. Д. 4/36). Они включают в основном переписку между уездным и волостными земотделами, а также заявления граждан по вопросам землеустройства за 1918–1919 гг.¹⁵

Уже в начале передельной кампании Пудожский земельный комитет не без беспокойства отмечал, что начавшееся в волостях «поравнение» земли подчас проходит без должной организованности, в связи с чем необходимо срочно прислать на места разъяснительные «справки» (инструкции), на каких началах равнять землю, и особенно подробные инструкции «о распределении пахотной земли между трудовым народом во временное уравнительное пользование и как поступить с землей у нетрудоспособных, не имеющих наследства».

Конкретные материалы свидетельствуют о том, что проведение земельных преобразований порождало на селе массу недоразумений, острых конфликтных ситуаций и нередко сопровождалось всевозможными актами самоуправства. Так, в апреле 1918 г. Пудожский уездный земельный комитет просит волостные органы принять «меры к прекращению самочинных действий со стороны крестьян Корякинской и Шелтомской волостей» в ходе передельной кампании. Тогда же из д. Сума Коловской волости от Прасковьи Яковлевны Кадулиной в уездный земотдел поступила жалоба о том, что односельчане воспрещают ее мужу приступать к обработке выделенной земли. В ответ в волость ушло предписание, что «необходимо разъяснить однодеревенцам, чтобы не чинили

---

¹⁵ НА РК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4/36. Л. 41, 49, 56, 61, 61а, 67а.

препятствий Кадулиным». 16 мая 1918 г. уездный земельный комитет предписывает Куганаволокскому волостному исполному вернуть отобранные односельчанами земли одному из крестьян, так как он обрабатывает ее личным трудом. Подобные же обращения поступали и от граждан других волостей.

Историю создания сельских коммун в Пудожском уезде можно проследить по протоколам общих собраний граждан и ведомственной переписке по организации сельхозкоммун¹⁶. Удалось организовать всего три коммуны: им. Троцкого, «Земной рай» и «Новая Дубрава». По составу семей эти коммуны были небольшими, а их производственные результаты оценивались как весьма скромные. В советские времена это явление было принято объяснять близостью прифронтовой полосы, малым количеством мужчин рабочего возраста. Однако в заявлениях граждан указываются и другие причины трудностей с созданием коммун: «темнота и неорганизованность населения», «нехватка пахотной земли и покосов», «разбросанность земли неравномерными клочками между лесами и болотами», недостаток рабочего скота после многочисленных военных реквизиций. Некоторые волостные земотделы объясняли затруднения с образованием коммун необходимостью большой разъяснительной работы и просили прислать агитаторов. Несколько наивно, но с предельной откровенностью выразили свое понимание проблемы в обращении в уездный земельный отдел депутаты Водлозерского совета крестьянских и солдатских депутатов: «Отказываемся от коммуны, так как относимся к организации коммунальной жизни насмешливо. Предс. Лукин, секр. Тарасов».

Документы свидетельствуют о слабой жизнеспособности и нерядицах в деятельности уже созданных в уезде коммун. Так, при проверке уездными органами сельхозкоммуны им. Троцкого, выяснилось, что ее председатель Скворцов занимался «приписками, использовал свою должность для присвоения... одежды, мануфактуры, продовольствия». Его отстранили от должности, поручили

---

¹⁶ НА РК. Ф. 334. Оп. 1. Д. 5/50. Л. 69, 73, 80, 82, 90.

передать дело в суд и тут же постановили осуществить проверку руководства двух других коммун¹⁷.

Исходя из приведенных материалов, можно предположить, что резких изменений в жизни пудожской деревни за три года советской власти не произошло. Переделы производились за счет общинных и отчасти монастырских и церковных земель. Увеличение наделов у бедняцкой части деревни не могло иметь решающей роли, потому что это не прибавляло ни инвентаря, ни рабочих рук, ни конной тяги, ни посевного материала. Репрессий против кулаков, у которых это можно было отнять, вроде бы еще не проводилось. Война, отсутствие торговли, сумбурные действия властей – все это способствовало консервации самой примитивной хозяйственной деятельности. Ни под белым, ни под красным знаменем деревня в рассматриваемый период не могла оживить хозяйственную деятельность. Советские эксперименты развлекали воображение («при царской прежней власти пошуметь он разве мог?»), но были не более чем фрагментом фронтовой психологии тех лет.

---

¹⁷ Там же. Д. 6/60. Л. 79.

E. Ю. Дубровская

ВОСПОМИНАНИЯ В. И. МОИСЕЕВА «В ПЛЕНУ У БЕЛЫХ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПУДОЖСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Проблема цены революции и Гражданской войны, долгие годы остававшаяся вне поля зрения авторов многочисленных отечественных исследований об одном из самых драматичных периодов XX в., сегодня приобретает новое звучание. О трагических событиях Гражданской войны и иностранной интервенции на Севере России рассказывается и в воспоминаниях В. И. Моисеева¹.

В переломные для Российского государства годы революции и Гражданской войны территория северных Олонецкой и Архангельской губерний оказалась вовлеченной в орбиту международной политики. Она становится сферой интересов недавних союзников Российской империи по антигерманской коалиции – Англии, Франции и США, а также независимой Финляндии, предъявившей претензии на северо-западные, населенные карелами волости Архангельской и Олонецкой губерний².

---

¹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп.36. Д. 54. Л. 1–40.

² Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000; Дубровская Е.Ю. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и Гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 136–152; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 408–426; Мусаев В.И. Олонецкая экспедиция и позиция западных держав // Интервенция на Северо-Западе России: 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 230–235; Рупасов А.И., Н.Н. Юденич и внешнеполитические проблемы создания фронта на Северо-Западе // Там же. С. 206–229; Шумилов М.И. Октябрь,

В результате сложных внутри- и внешнеполитических процессов Карелия, как и в целом Российской Север, превратилась в один из плацдармов сражений против интервенционистских войск и в театр военных действий братоубийственной Гражданской войны. Весна 1919 г., начавшаяся в белой Северной области с серьезных политических и военных осложнений, завершилась некоторой стабилизацией ситуации и переходом оперативной инициативы в руки интервентов и белогвардейцев. Оживилась надежда на то, что соединение усилий союзников, Финляндии и белого движения на Севере, Северо-Западе и Востоке России принесет желанные плоды и будет способствовать скорому крушению власти большевиков³.

Воспоминания, написанные в 1938 г. бывшим начальником уголовно-розыскного отдела милиции г. Пудожа Василием Ильичом Моисеевым, содержат ценные свидетельства о событиях лета-осени 1919 г. на Пудожском участке фронта, где противостояли отряды Красной Армии и белого Временного правительства Северной области (ВПСО).

Воспоминания уроженца д. Ножово Коловской волости Пудожского уезда В. И. Моисеева хранятся в архиве Карельского научного центра РАН вместе с многочисленными подготовительными материалами к публикациям источников по истории Гражданской войны в Карелии. Грандиозный государственный проект по сбору таких мемуаров, осуществлявшийся с начала 1920-х гг., создал источниковую основу для исследования памяти о войне и ее героях⁴. Однако значительная часть накопленного материала так и не

интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; *Он же*. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973; *Novikova L. A Province of a Non-Existence State: The White Government on a Russian North and Political Power in the Russian Civil War, 1918–20 // Revolutionary Russia*. V. 18. N. 2. December 2005. P. 121–144.

³ Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 143–144; Мусаев В.И. Весенне-летняя кампания 1919 г. на Северо-Западе // Интервенция на Северо-Западе России. С. 238.

⁴ Нарский И. Конструирование мифа о Гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Ab Imperio. 2004. N 2. С. 211–236.

увидела свет. Содержание мемуаров слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

Такая судьба оказалась и у воспоминаний В. И. Моисеева. Лишь в 1983 г. отдельные фрагменты из них удалось опубликовать пудожскому исследователю Евгению Григорьевичу Нилову на страницах районной газеты «Знамя труда» в серии материалов, озаглавленных «Красное Водлозеро»⁵. Однако источником публикации стал не архивный текст, Е. Г. Нилов рассказал читателям, что в феврале 1979 г. в редакцию газеты «Знамя труда» зашел пожилой мужчина, представился Василием Ильичом Моисеевым и поведал о событиях, которые развернулись после его приезда в качестве начальника уголовного розыска Пудожской милиции в д. Канзанаволок Водлозерской волости⁶.

Исторические заметки Е. Г. Нилова, основанные на результатах многолетних разысканий и опубликованные в одиннадцати номерах пудожской районной газеты, стали своеобразным мартирологом, включающим десятки фамилий красных партизан Водлозерья, о жизни и обстоятельствах гибели которых до тех пор почти ничего не было известно.

В числе таких возвращенных имен – имя председателя волостного исполнкома (ВИК) в д. Канзанаволок Василия Федоровича Ермилина (Фокина), неоднократно встречающееся в воспоминаниях В. И. Моисеева. Вслед за публикациями Е. Г. Нилова оно стало активно упоминаться в научной, научно-популярной литературе и в сборниках документов⁷.

---

⁵ Нилов Е.Г. Красное Водлозеро (январь 1919 – февраль 1920 гг.) // Знамя труда. 1983. 27 октября – 3 декабря.

⁶ Там же. 1983. 1 декабря.

⁷ Вечная слава героям: Поименные списки воинов, партизан и подпольщиков, отдавших жизнь за свободу и независимость Советской Родины и захороненных на территории Республики Карелия. Т. 2. Петрозаводск, 1992. С. 455; Советы Карелии: 1917–1922: Сб. док. Петрозаводск, 1993. С. 67; Дубровская Е.Ю. В.Ф. Ермилин – председатель Канзанаволокского волостного исполнительного комитета в 1919 г. // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 307–310; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 421.

Как свидетельствует краевед В. Ф. Миронков, нередко в пудожских деревнях у жителей было по две фамилии⁸, не составила исключения в этом отношении и семья Фокиных (Ермилиных).

Опубликованные сведения о В. Ф. Ермилине в сочетании с сохранившимися воспоминаниями его сына и племянниц позволяют сделать хотя бы первоначальные обобщения, связанные с его биографией. В. Ф. Ермилин, сын крестьянина из д. Канзанаволок, родился в 1887 г. и рос без отца в большой семье. Он был младшим из четырех братьев. Жизнь крестьянского населения края всегда была связана с лесозаготовками зимой и сплавными работами летом, хорошо знакомыми В. Ф. Ермилину с раннего возраста. После событий первой российской революции 1905 г. в деревне появились политические ссыльные. От одного из них, квартирившего в доме Ермилиных-Фокиных, деревенские жители узнавали новости, к нему приходили послушать чтение газет. Влияние ссыльных не прошло бесследно для деревенского подростка.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. Василий вместе со старшим братом Афанасием был мобилизован и служил в пехотном полку в Кронштадте. Службу в царской армии В.Ф. Ермилин закончил в унтер-офицерском звании⁹.

Возвращавшиеся домой после демобилизации в конце 1917 г. радикально настроенные солдаты-фронтовики вносили оживление в жизнь северной деревни¹⁰. События переломного 1918 г. прошли по судьбам односельчан, проведя ту черту, которая развела Василия и Афанасия Ермилиных, сменивших фамилию, с их старшим

---

⁸ Миронков В.Ф. Дедушкин компьютер. Записки пудожанина. Пудож, 2004. С. 11.

⁹ Дубровская Е.Ю. Судьбы жителей Водлозерья в «рассказах о Гражданской войне в Карелии» // Водлозерские чтения: естественнонаучные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск, 2006. С. 233–239.

¹⁰ Филимончик С.Н. Горожане и власть в революционную эпоху (по материалам Олонца 1917 – начала 1920-х гг.) // Олонец – 350: Тезисы науч.-практич. конф. Олонец, 1999. С. 32–33; Она же. Олонец в годы революции и Гражданской войны (1917 – нач. 1920-х гг.) // Олонец: историко-краеведческие очерки. Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 7–8.

братом Андреем Федоровичем Фокиным, церковным старостой, впоследствии репрессированным.

Стремление организаторов революционного переустройства российского общества создать лучший, более справедливый мир предполагало превращение самого понятия «новое» в обозначение иного, более совершенного качества. Новым был экономический порядок, учреждения и институты, календарь и правописание¹¹. У руководителей преобразований не только в северной глубинке, но и в столичном центре возникало немало иллюзий относительно успеха предпринимаемых шагов, не подкрепленных знаниями и практическим опытом. Романтические представления о скорой мировой революции не обошли и водлозерских крестьян¹².

Летом 1919 г. в Канзанаволоке появился белогвардейский отряд под командованием полковника Круглякова. Вместе с В. Ф. Ермилиным сразу же были арестованы П. А. Литусов, который также некоторое время возглавлял Водлозерскую партийную ячейку и А. Ф. Ермилин, снабжавший красноармейцев рыбой. П. Литусова и В. Ермилина заперли в подвале. Их плачущие жены просили у офицеров Рудакова и Круглякова разрешения передать мужьям провизию. На это последовал ответ: «Стакан холодной воды и три овсянки – вот питание коммунистам».

При отступлении белых П. А. Литусов и В. Ф. Ермилин сумели бежать, долго скрывались в лесах, греля ноги в муравейниках, пока не набрели на лесную избушку возле д. Путиловой, куда родные впоследствии возили им продукты. По свидетельству В. И. Моисеева, «председатель ВИК Василий Фокин ранее испытал на себе тяжести белогвардейского плена, откуда бежал».

Неожиданные налеты белых на Канзанаволок, подготавлившиеся предварительной скрытой разведкой, преследовали цель внезапно захватить здесь красных партизан из сформированного

---

¹¹ Плаггенборг III. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2002. С. 322–336.

¹² Карельский государственный архив новейшей истории (далее – КГАНИ). Ф. 6. Оп. 2. Д. 10. Л. 17 – 26.

в конце 1918 г. боевого отряда. Белогвардейцы грозили сжечь всю деревню, если обнаружат В.Ф. Ермилина, председателя волостного исполкома М. И. Елисеева или бойца отряда М. Л. Марина из д. Коскосалма.

В ноябре 1919 г. белых изгнали из Водлозерья. Как пишет Е. Г. Нилов, с наступлением санного пути по льду озера в Канзанаволоке возобновили работу местные органы власти. Председателем волисполкома избрали П. А. Литусова, затем дела и бумаги были переданы его заместителю В. Ф. Ермилину¹³.

Самой острой проблемой, стоявшей перед местными советскими и партийными органами, оставалась продовольственная. Бедственное положение, которое сложилось в Пудожье уже в январе 1919 г., убедительно охарактеризовано в документах Водлозерской парторганизации: «При обсуждении продовольственного вопроса нашей волости, где две трети граждан уже больше месяца едят солому, да и последней в других деревнях уже нет, и если не будет немедленно дана помощь, то население должно неминуемо погибнуть от голода, постановили: срочно просить уездный исполком и продовольственную коллегию дать для волости хлебный паек, а также просить партию коммунистов г. Пудожа ходатайствовать перед уездным исполкомом о спешной присылке хлеба»¹⁴. Избранному делегатом на III Пудожский уездный съезд советов В. Ф. Ермилину предстояло добиваться улучшения продовольственной ситуации в волости.

О том, насколько бедственным оставалось положение с хлебом к осени 1919 г., свидетельствуют и воспоминания В. И. Моисеева, который в начале октября был назначен на должность начальника уголовно-розыскного стола при уездной милиции. В середине ноября ему пришлось выехать из Пудожа в центр Водлозерской волости – д. Канзанаволок для расследования дела об ограблении почтового агентства в д. Большой Куганаволок отрядами белых летом 1919 г.

¹³ Нилов Е.Г. Октябрьская страница: 1917–1977. Вып. 3. 1919 год // Знамя труда. 1977. 22 апреля.

¹⁴ КГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 10. Л. 27–28.

Прибыв в д. Коскосалма Водлозерской волости, представитель уездной милиции постарался осторожно выяснить, кто принимал участие в ограблении почты и «из каких слоев состоят отряды белых – из местного населения или из пришлого элемента». В это время, как вспоминает В. И. Моисеев, пришло несколько человек местных женщин разного возраста, «которые спросили, не пособие ли я им привез». Получив отрицательный ответ, они «перешли к прямому вопросу: когда будет пособие». Другие же «задавали вопрос о норме хлеба, которого в Водлозере не было», ведь «жили в то время все на пайках», ожидая снабжения из Пудожа, поясняет автор воспоминаний.

«Ответив пришедшим женщинам, как умел, я в свою очередь начал задавать им вопросы: «Где служит муж или сын?» Одни отвечали, что муж у белых, другие говорили, что сын у красных. Дальше, может быть, была моя большая ошибка, пишет В. И. Моисеев, но я прямо ответил тем, у кого были мужья в белой армии: «И не стыдно вам просить пособие и норму у красных, если мужья служат белым, идут против красных». Многим такой ответ не понравился, в особенности тем, у кого мужья были в белой армии, стали расходиться».

По свидетельству автора воспоминаний, «волость была объявлена на осадном положении и несколько раз переходила из рук в руки», «красногвардейцев в распоряжении волостного военного комиссара в Канзанаволоке в то время не было или, может быть, они оказались направлены в другие пункты, точно мне не известно, только охраны деревни не было».

В течение 1919 г. на посту военкома Канзанаволокского волисполкома сменилось несколько человек. Одной из причин недовольства политикой большевиков, зревшего среди крестьян северных губерний в годы «военного коммунизма», служило введение военных комиссариатов, как осуществлявших карательные функции, так и проводивших весьма болезненные для крестьянской среды мобилизации на фронт.

В ноябре Пудожский уездный комитет РКП(б) направил в Канзанаволок на должность волостного военкома Семена Николаевича

Этерлея (Атерлея)^{*15}. Во время революции 1905 г. С. Н. Этерлей, уроженец Каменец-Подольской губернии, талантливый живописец-самоучка, был выслан из Петербурга в Авдеевскую волость Пудожского уезда¹⁶. В Канзанаволоке он поселился на квартире в доме одного из сельчан. Волисполком располагался на втором этаже дома братьев Ермилиных, нередко военком засиживался допоздна за работой и здесь же, в «совещательной комнате», оставался на ночевку. Так было и в один из ноябрьских вечеров 1919 г. Днем С. Н. Этерлей предупредил жену А. Ф. Ермилина, чтобы не топили печку, где он держал гранаты. «Если подойдут англичане, это – смерть моя», – говорил военком. Однако ему, как и тысячам участников всенародной трагедии – Гражданской войны в России, было суждено погибнуть от рук соотечественников.

Как докладывал член Пудожского укома партии А. М. Подосенов, утром 28 ноября Куганаволокский исполком совета крестьянских депутатов получил известие о том, что «отряд белых из Лузы при пулемете и автомате занял д. Канзанаволок, в 12 верстах от Большого Куганаволока»¹⁷. Обоз белогвардейцев из отряда А. И. Андронова внезапно появился со стороны Челмуж – Пильмасозера, пройдя через деревни Рахкойла, Варишпельда, Коскосалма.

Рассказывая об обстоятельствах своего ареста андроновцами, В. И. Моисеев сообщил, что отряд «состоял из 22 человек при 22 пулеметах, не считая винтовок, револьверов и гранат», и особо упомянул командира: «руководил Андронов Андрей Иванович из Малошуйки бывшего Онежского уезда Архангельской губернии. Высокого роста, грубый и решительный мужик, с погонами рядового солдата на плечах. Помощником Андронова был его сын,

---

* Венгерская фамилия Атерлей, указанная на памятнике пудожанам, погибшим в годы Гражданской войны, в подавляющем большинстве документов, а следовательно, и публикаций, трансформировалась в Этерлей, поэтому далее мы будем придерживаться последнего варианта ее написания. Благодарим Е.Г. Нилова за пояснения по поводу разнотечения в фамилии С. Н. Этерлея.

¹⁵ Нилов Е.Г. Площадь павших борцов // Ленинская правда. 1987. 18 октября.

¹⁶ КГАНИ. Ф. 5002. Оп. 3. Кор. 18. Д. 329. Л. 16.

¹⁷ Там же. Ф.10. Оп. 3. Д. 33. Л. 55.

небольшого роста, без знаков отличия на погонах, имя не помню, да никто его по имени и не называл, видимо, мало пользовался уважением у отряда».

По свидетельству автора воспоминаний, в ночь на 24 ноября 1919 г. андроновцы, «схватив на дороге милиционера Лесанова, который был послан в разведку, не отпуская его от себя, поехали прямо к волостному исполнительному комитету». Они «окружили дом ВИКа, в котором, несмотря на позднее время, работали военный комиссар Этерлей, председатель волостного исполнительного комитета Василий Фокин и делопроизводитель Пономарев. Тут же находился и Афанасий Фокин (брать председателя Василия Фокина)».

О последующих событиях, свидетелем которых В. И. Моисеев не был, он пишет, скорее всего, на основании рассказов уцелевшего А. Ф. Ермилина. «Между ними зашла речь о белогвардейских бандах и их действиях. Этерлей, сидя за письменным столом, на котором лежал “наган” и граната, взяв в руки револьвер, проговорил: “Я белым зря в руки не сдамся”, не подозревая того, что белыми дом окружен и два бандита, встав на костер дров, сложенный под окнами, смотрели в окно сквозь рамы и слышали каждое слово. Только Этерлей успел произнести эти слова, как сквозь стекла раздались два выстрела и бедный Этерлей был убит наповал. Лишь только в предсмертной агонии успел схватиться за ручки кресла, в котором сидел».

Семейные мемориаты, основанные на рассказах старших дочерей А. Ф. Ермилина (Анастасии Афанасьевны Захаровой, 1910 г. р., и Ирины Афанасьевны Махлатовой, 1913 г. р.), в основном совпадают с воспоминаниями В.И. Моисеева, но сохранили множество бытовых подробностей. Благодаря этому можно увидеть происходившее одновременно как факт повседневности и как факт экстремальной ситуации, закрепившийся в рассказах разных поколений одной семьи.

Семейная история повествует о том, что, спешившись за оклицией, белые подошли к волисполку и оцепили дом, в котором все уже спали. Двое из них поднялись на поленницу дров под окном

комнаты – девятилетняя и шестилетняя дочери Афанасия Ермилина «как нарочно накануне днем сложили чурочки» под окнами своего дома и об этом впоследствии сожалели всю жизнь. Враги высмотрели работавшего за столом комиссара и выстрелили в него с близкого расстояния. От смертельного ранения в голову С. Н. Этерлей сразу же скончался.

В. Ф. Ермилину удалось проскочить на сеновал, но выбраться из дома было уже невозможно. Связав Афанасия Ермилина, андроновцы искали укрывшегося Василия, угрожая сжечь дом. Чтобы не оставить обе семьи без крыши над головой, Василий Федорович вышел сам.

В соответствии с повествовательной традицией эти рассказы о смерти родственника отличает тенденция к легендаризации, и задача сохранения рода во времени сопряжена с необходимостью «жертвы» в пограничной ситуации¹⁸. Однако и в воспоминаниях В. И. Моисеева присутствует этот мотив жертвенности, характеризующий поведение героя его повествования.

Василий «выскочил из помещения и спрятался на сарае в солому. Белые сразу ворвались в дом, связали Афанасия Фокина, брата председателя (они сначала считали его председателем ВИКа), и начали производить обыск, извлекая из стола и шкафов все бумаги и проткнув штыком портрет Ленина. Забрав нужные дела ВИКа и не найдя спрятавшегося Василия Фокина, которого видели в окно лично, кровожадный и мстительный Андронов скомандовал: “Выходи или зажгу дом!” Василий Фокин, зная, что этот изверг не остановится ни перед чем, вплоть до уничтожения целой деревни, бросил в сарае револьвер, вышел и сам заявил: “Я Фокин, берите, только не жгите дома”, – ради маленьких детей, которых было у двух братьев, если не ошибаюсь, 7 человек.

Дом, а вместе с ним и целая деревня от пожара были спасены, Фокины оба взяты, а Пономарев отпущен, тут же был взят и Романов, с которыми мы и встретились, представ перед грозным Андроновым 24 ноября 1919 г. в 4 часа утра».

---

¹⁸ Разумова И.А. Современный русский семейный фольклор как этнокультурный феномен (Северно-Западный регион). Автореф. докт. дис. СПб., 2000 . С. 36.

А. М. Подосенов докладывал, что «председатель исполкома Ермилин успел укрыться, но был найден и связан, и арестован вместе с Лесановым и агентом Заготселя (заготовки сельхозпродуктов. – Е. Д.) Романовым. По сообщению А. М. Подосенова, «также попал в плен начальник милиции 2-го района» Василий Ильич Моисеев¹⁹.

Завотделом управления Пудожского уездного совета А. Костин, сообщая в середине декабря 1919 г. уездному военно-революционному комитету о расправах белогвардейцев в Водлозере, писал, что «около 24 ноября» ими был убит «волвоенком тов. Этерлей и уведены с собой председатель исполкома тов. Ермилин, агент уездпродколлегии тов. Романов и тов. Моисеев», начальник уголовно-розыскного отдела Пудожской уездно-городской милиции. «По дополнительным сведениям, тов. Ермилин за д. Лузой был расстрелян»²⁰.

По воспоминаниям В.И. Моисеева, 24 ноября 1919 г. в 6 часов утра «нас всех повезли на мобилизованных лошадях в г. Онегу по деревням Калакунда, Луза, Носовщина, Калгачиха и Малошуйка. Хлеба не было. Временами из чувств сострадания белогвардейские солдаты давали кусок хлеба. В одной из деревень был схвачен пулеметчик Красной Армии Савелий Демидов, находящийся в отпуске по болезни. Демидов, чтобы избежать жестокой кары со стороны белогвардейцев, назвался конюхом, а документы сумел скрыть или уничтожить. Надо попутно осветить, что белогвардейцы пулеметчиков не любили и жестоко с ними расправлялись, поэтому-то Демидов и назвался конюхом».

Обоз, двигавшийся обратно на р. Илексу, миновал деревни Калакунда и Луза. Афанасия Ермилина везли на первой подводе, связанный Василий лежал на последней. По свидетельствам дочерей А. Ф. Ермилина, основываясь на его рассказах 1920-х гг., он услышал выстрелы и понял, что брата убили.

Однако, согласно воспоминаниям В. И. Моисеева, никто из арестованных не придал тогда значения тому, что лошадь со связанным Василием Ермилиным «свернула немногого в сторону, как бы

¹⁹ КГАНИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 33. Л. 55.

²⁰ НА РК. Ф. 798. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–12.

уступая дорогу другой лошади с целью немножко отдохнуть». Лишь по приезде в Лузу, «когда нам отвели караульное помещение, недосчитались именно Василия Фокина», – пишет автор воспоминаний. «Вечная память борцу за революцию. Его изверги расстреляли между деревнями Калакундой и Лузой, поделив между собой сохранившиеся при нем 300 руб. николаевских кредиток, до которых белые были очень падки».

Воспоминания сохранили реалии того жестокого времени, весьма далекие от традиционных представлений о том, что взаимоотношения противоборствующих сторон основывались исключительно на борьбе идей и убеждений.

Об условиях, в которых оказались арестованные, красноречиво свидетельствует мемуарная запись В. И. Моисеева: «На пятый день, 29 ноября, мы были доставлены в г. Онегу, всех посадили в холодное здание. Ужином послужил размельченный сущик из мешка Афанасия Фокина (брата расстрелянного), понятно, что без хлеба; даже не было воды. Все пятеро, Моисеев, Лесанов, Романов, Фокин и Демидов, прижавшись друг к другу и перекинувшись несколькими словами о будущем, крепко уснули.

Утром 30 ноября 1919 г. вывели из камеры. Построили. Провели. Сдали новому конвою, прочитав перед этим и нам, и конвоирам хорошую лекцию: «Шаг в сторону без разрешения – бить на месте». Таков был приказ начальника белогвардейской милиции. Конвоиров нам дали 6 человек на пятерых арестованных, выдали белого хлеба по 7 фунтов на человека. Путь следования объявили на ст. Обозерскую – 180 км, он был расчитан на 7 дней, но мы прошли за 10. Хлеб съели в три дня. Остальное время кормились тем, кто что даст. Демидов ходил с конвоиром просить милостыню и кормил этим всех нас. Однако духом не падали, разговаривали и шутили, беда была в том, что мы часто ошибались, называя в присутствии стражи друг друга “товарищ”, за что конвоиры нас крепко крыли, на чем свет стоит, называя “совдепией”».

Воспоминания В. И. Моисеева отличает внимание к деталям, хороший слог, образность, иэмоциональность. Это можно проиллюстрировать на примере одного из фрагментов, посвященных

пешему переходу арестованных и их конвоиров на пути в Архангельск: «Погода во время следования из г. Онега на ст. Обозерская Северной железной дороги стояла теплая, как будто сама природа пошла нам на уступки, и те метели, что были до Онеги, сменились оттепелью. Но это наше положение не только не облегчало, а наоборот, оно много ухудшилось: на дорогах, идущих по замерзшим рекам, выступила вода, а все мы, за исключением Романова, были в валенках без калош, которые быстро промокали, и идти становилось невыносимо тяжело. Временами на глазах выступали слезы, хотелось плакать как ребенку. Люди не могли двигаться, конвой растянулся друг от друга на полкилометра, держаться вместе арестованные не могли, ноги отказывались повиноваться. Хотелось петь “Идешь ты, унылый, и цепи гремят...”, но никто не смел выразить этого.

По приходе в деревню крестьяне неохотно отводили караульное помещение, и приходилось часами лежать на снегу, пока один из конвоиров находил какую-нибудь старую не годную для жилья хату, куда нас загоняли, как старых пороссят, приготовленных для резни на бойне».

Весной 1920 г., вернувшись из Архангельска после освобождения из лагеря, описанию нечеловеческих условий содержания и «стратегий выживания» в котором посвящена большая часть воспоминаний В. И. Моисеева, А. Ф. Ермилин, по рассказам земляков восстановил цепь трагических событий, связанных с гибелью брата. Как видно из текста мемуаров, В.И. Моисеев встречался с А. Ф. Ермилиным в Пудожской больнице, незадолго перед смертью последнего в 1932 г. Возможно, об обстоятельствах гибели Василия Федоровича автор воспоминаний узнал именно от него.

Мемуары В. И. Моисеева, одного из участников и очевидцев Гражданской войны в Карелии, позволяют увидеть, как фильтровалась, деформировалась и фрагментировалась биографическая память человека в процессе «обновления» исторической памяти поколения. Это особенно чувствуется в XV главке, планировавшейся автором в качестве заключительной.

Однако особую ценность воспоминаниям В. И. Моисеева придает то, что отдельные «неудобные» эпизоды биографии автора все же не подвергаются им табуированию, хотя порой они могли оказаться опасными для самого вспоминающего: факт пребывания в плену в годы Гражданской войны по уголовному законодательству 1930-х гг. нередко становился причиной ареста.

Множество уникальных свидетельств В. И. Моисеева «о времени и о себе» не вписывается в установившуюся в 1930-е гг. схему того, что и как следовало вспоминать о революции и Гражданской войне. Сохранение памяти о событиях, безусловно, значимых для конкретного человека, вместе с тем делает оставленные им воспоминания не только важным источником по истории перипетий Гражданской войны на Севере России, но и своего рода «человеческим документом». Этот «документ» знакомит современного читателя со спецификой мышления, с представлениями о нормах и ценностях, которые оставались значимыми для целого, к сожалению уже ушедшего, поколения наших соотечественников.

Э. П. Лайдинен

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ЧК–ГПУ В ПУДОЖСКОМ УЕЗДЕ (1918–1922 гг.)

За последние десятилетия деятельность советских органов государственной безопасности, особенно в период 1920–1930-х гг., подверглась серьезной и во многом обоснованной общественной критике. И действительно, не будет преувеличением сказать, что в нашей стране трудно найти семью, представителям которой в годину массовых репрессий посчастливилось миновать жернова ЧК–ГПУ–НКВД.

Вместе с тем научное исследование истории органов госбезопасности как в центре, так и на местах, по существу, еще только начинается и заметно отстает от публицистического освоения данной темы. В Карелии деятельность органов государственной безопасности изучена крайне слабо и неравномерно. Имеется лишь ряд популярных очерков и несколько научных статей, посвященных преимущественно периоду Великой Отечественной войны, а также отдельным репрессивным операциям 1930-х гг.¹

---

¹ Аведеев С.С. Деятельность советских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945: Материалы республиканской научно-практич. конференции. Петрозаводск, 2001. С. 9–22; Армейские чекисты: Воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. Л., 1985; Воробьев Н., Кондратьев Ф., Яровой А. Ухожу на задание: Сб. документальных очерков о карельских чекистах. Изд. 2-е. Петрозаводск, 1974; ГУЛАГ в Карелии: Сб. документов и материалов. 1930–1941. Петрозаводск, 1992; Их называли КР. Репрессии в Карелии 20–30-х гг. Петрозаводск, 1992; Нилов Е.Г. Враги народа: подлинные и мнимые // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 12–36; Репухова О.Ю. Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. (Заговор финского генштаба) //

В данном сообщении автор ставит своей задачей кратко охарактеризовать начальный этап деятельности Пудожской ЧК – одного из уездных подразделений Олонецкой губернской чрезвычайной комиссии. На наш взгляд, процесс становления Пудожской ЧК был во многом типичным для подразделений органов госбезопасности в малых городах России. Разница только в особенностях развития конкретной политической, социально-экономической и оперативной обстановки на местах.

Хронологические рамки сообщения обусловлены, с одной стороны датой создания Пудожской ЧК – 9 сентября 1918 г., а с другой – временем преобразования Олонецкой губернской ЧК в Карельское ГПУ в июне 1922 г. с соответствующей реорганизацией уездных подразделений.

У пришедших к власти в октябре 1917 г. большевиков и их руководителей не было ни концептуального видения, ни даже предварительного понимания объективного характера задач обеспечения безопасности государства, хотя осознание таких задач начало приходить довольно быстро вследствие неблагоприятного для большевиков развития внутриполитической обстановки в стране².

20 декабря 1917 г. на заседании Совета Народных Комиссаров (СНК) – Правительства Советской Республики – принимается решение об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

В первые послереволюционные дни эти задачи решал Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, образованный 25 октября, а на местах – Советы рабочих и крестьянских депутатов³.

Политическая история и историография: Сб. статей. Вып. 2. Петрозаводск, 1996. С. 85–99; Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–50-е гг. Петрозаводск, 1998. С. 161–206; Чекисты Карелии. Статьи. Очерки. Рассказы. Изд. 2-е. Петрозаводск, 1986; Чекисты Карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документальные очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1988; Яровой А.Ф. Две повести о чекистах. Петрозаводск, 1989 и др.

² Хлобустов О. Госбезопасность от Александра I до Путина. М., 2005. С. 141.

³ Там же.

Постановлением СНК от 20 декабря 1917 г. на ВЧК возлагались следующие задачи:

1. Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России со стороны кого бы они не исходили.

2. Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.

3. Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения преступлений.

На первых порах ВЧК неоднократно подвергалась структурным изменениям. Уже с февраля 1918 г. она стала именоваться Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности – саботажем, что свидетельствует о существенном расширении предмета ее ведения⁴.

18 марта 1918 г. ВЧК приняла постановление «О работе ВЧК во всероссийском масштабе», предусматривавшее образование на местах однотипных чрезвычайных комиссий, и направила письмо, в котором обращалось внимание на необходимость повсеместного создания ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем. Создание губернских чрезвычайных комиссий (губчека) в основном завершилось в августе 1918 г. В это время в советской России было 38 губернских ЧК⁵.

На территории Карелии становление органов государственной безопасности проходило в крайне трудных условиях. Они развивались вместе с обществом и переживали те же трудности, что и край. Как и повсюду в России, Октябрьская революция 1917 г. вызвала неоднозначную реакцию в среде местного населения: одни верили в светлое будущее и идеи, распространяемые социалистами, другие не могли примириться с утратой прежних ценностей. Отсутствие общественного согласия, конфронтационная устремленность основных политических сил привели к Гражданской войне. Кроме того, на обстановку в kraе серьезно повлияли открытая

---

⁴Хлобустов О. Указ. соч. С. 141.

⁵ ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 44.

военная интервенция стран Антанты на Севере, а также вторжения финских отрядов с целью присоединения к Финляндии западной части Карелии.

С учетом развития внутриполитической ситуации в крае на заседание Олонецкого губисполкома 19 апреля 1918 г. был вынесен вопрос «об образовании при Совдепе Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией»⁶. В итоговом протоколе зафиксировано постановление: «Избрать комиссию в составе 5 человек – Проскурякова, Тимонена, Елпединского, Никитина и Абрамова». Таким образом, 19 апреля 1918 г. стало днем рождения Олонецкой губернской ЧК. Новая организация расположилась в доме купца Кононова на углу улиц Садовой и Большой Подгорной (ныне улицы Куйбышева и Свердлова)⁷. До июля 1922 г. губернскую ЧК последовательно возглавляли И. В. Елпединский, И. И. Теруков, О. К. Кантер, А. К. Озолин, Каширин, В. Р. Домбровский.

В создании Олонецкой губернской чрезвычайной комиссии активное участие принимал уроженец Авдеевской волости Пудожского уезда, сын переселенца из Финляндии Матвей Матвеевич Тимонен (1882–1919). Он долгое время работал на предприятиях Петрограда. В 1917 г. вступил в партию большевиков. В январе 1918 г. ВЦИК направил М. М. Тимонена уполномоченным в Олонецкую губернию. В апреле 1918 г. он оказывал помощь Петрозаводской организации РКП(б). Явился одним из организаторов советской власти в Пудожском и Повенецком уездах, был избран членом Олонецкого губисполкома. В ноябре 1918 г. М. М. Тимонена направили начальником продотряда в Ставропольскую губернию, где в январе 1919 г. он был расстрелян белогвардейцами⁸.

⁶ Советы Карелии (1917–1992 гг.): Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 40. Подлинник документа находится в Национальном архиве РК (далее – НА РК), копия – в архиве УФСБ по Республике Карелия.

⁷ Архив УФСБ по Республике Карелия. Ф. 1. Оп. 90. П. 1. Л. 5

⁸ Кораблев Н.А. Пудож. Петрозаводск, 1983. С. 37–38; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 73, 365, 368, 372.

Вскоре после образования Олонецкой губчека начали создаваться и уездные подразделения. 12 июня 1918 г. I Всероссийская конференция ЧК приняла «Основные положения об организации чрезвычайных комиссий». Выдвигалась задача образовать чрезвычайные комиссии не только при областных и губернских, но и при крупных уездных советах⁹.

Учитывая тяжелое положение на Пудожском направлении, сдавшееся после захвата интервентами соседнего Онежского уезда Архангельской губернии, Олонецкая губчека принимает решение о создании своего аппарата в г. Пудоже. Первый председатель Пудожской чрезвычайной комиссии Осип Михайлович Шишов, выступая на I губернской конференции уездных ЧК (16–18 сентября 1918 г.), докладывал: «ЧК организовалась только 9 сентября. Членов ЧК – 3; два большевика, один – левый эсер. Средств и работников нет. В уезде расклеиваю возвзвания за Учредительное собрание, против Советов»¹⁰.

По свидетельству краеведа Е. Г. Нилова, одной из первых операций Пудожской ЧК стало выявление группы распространителей антисоветских листовок, возглавлявшейся бывшим уездным исправником М. А. Рождественским¹¹. В дальнейшем основные усилия первых чекистов были направлены на выявление агентуры интервентов и белогвардейцев в условиях прифронтовой зоны. Работники ЧК принимали также непосредственное участие в боях против белогвардейцев вместе с отрядами Красной Армии на Пудожском участке фронта¹².

Организатор Пудожской чрезвычайной комиссии О. М. Шишов прошел жизненный путь, во многом, по крайней мере до начала 1920-х гг., типичный для активных участников революционных событий в карельской глубинке. Он родился в 1877 г. в д. Загорье Водлозерской волости Пудожского уезда в семье крестьянина-

⁹ В ЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. С. 44.

¹⁰ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Л.10.

¹¹ См.: Нилов Е.Г. Октябрьская страница: 1917–1977. Вып. 3. 1918-й год // Знамя труда. 1977. 29 марта.

¹² Чекисты Карелии. Изд. 2-е. С. 6.

бедняка. Грамоте обучился самостоятельно. С 13-летнего возраста батрачил. В 1900–1903 гг. проходил воинскую службу в столице, затем работал столяром на петербургских заводах. С началом Первой мировой войны вновь был взят в армию. В 1917 г. вступил в большевистскую партию. По возвращении на родину участвовал в установлении советской власти в уезде. После службы в ЧК находился в рядах Красной Армии, воевал на Пудожском и Повенецком направлениях. В 1921 г. выбыл из РКП(б) «по чистке, при регистрации» (по-видимому, из-за несогласия с «новой экономической политикой». – Ред.). В дальнейшем от активного участия в общественно-политической жизни отошел. Жил в г. Пудоже, работал в лесной промышленности¹³. Умер в преклонном возрасте в начале 1960-х гг.

В 1919 г. уездные чрезвычайные комиссии, в том числе и Пудожскую, упразднили. Вместо них был создан институт уездных уполномоченных губернских ЧК. С окончанием Гражданской войны, в конце апреля 1920 г. институт уездных уполномоченных в Карелии был преобразован в политические бюро при уездных отделениях милиции. В организационных делах заведующие политбюро подчинялись начальнику уездной милиции и по должности были его заместителями. Однако в оперативном отношении политбюро находились в прямом подчинении губернской ЧК¹⁴. Но и уездные политбюро просуществовали недолго. 18 января 1922 г. ВЧК издала приказ № 35 об их расформировании и введении вместо них института уполномоченных губотдела ГПУ¹⁵. При этом важно отметить, что, несмотря на многочисленные перестройки, на протяжении всего периода существования органов милиции и безопасности между ними осуществлялось тесное сотрудничество и взаимодействие как в области решения функциональных задач, так и в ротации кадров.

---

¹³ НА РК. Ф. 1501. Оп. 2. Д. 1/2. Л. 74–77. Приношу искреннюю благодарность к.и.н. Н. А. Кораблеву за любезное указание на данный документ.

¹⁴ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 25; Архив УФСБ РФ по РК. Ф. РД. Оп. 90. П. 1. Л. 262.

¹⁵ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. РД. Оп. 3 П. 1. Л. 31.

Конкретные задачи перед советскими органами безопасности, включая территориальные, с первых дней их существования от имени государства ставила компартия. Она же полностью контролировала их деятельность, в том числе и через формирование кадрового состава этих органов.

13 апреля 1922 г. по согласованию с областным Северо-Западным бюро ЦК РКП(б) было принято решение о слиянии Карельского областного отдела ГПУ с Олонецким губернским отделом ЧК. В июле 1922 г. был сформирован Карельский областной отдел ГПУ, а 18 сентября ВЦИК окончательно ликвидировал Олонецкую губернию, передав основную часть Пудожского уезда в состав Карельской Трудовой Коммуны¹⁶.

Приложение

Список начальников Пудожского уездного (районного) аппарата органов госбезопасности. 1918–1945 гг.

Шишов Осип Михайлович, 1877 г., председатель Пудожской ЧК, – 09.09.1918–1919 гг.

Мишаев Виктор, зав. Пудожским политбюро, одновременно зам. начальника Пудожской милиции, – 26.04.1920 г. – ?

Иванов Александр, зав. Пудожским политбюро, и.о. зам. начальника административно-организационной части, – ? – 29.08.1921 г.

Усов Владимир, начальник Пудожского политбюро, – ? – 24.09.1921 г.

Сергеев Андрей, врио начальника Пудожского политбюро, – с 24.09.1921 г.

Петров Петр Петрович, 1899 г. р., в ГПУ с октября 1921 г., член РКП(б) с 1920 г., образование низшее, ремесленник, уполномоченный Олонецкого губотдела ГПУ в г. Пудоже, – 16.02.1922 – 01.05.1923 гг.

Алексеев Петр Алексеевич, 1895 г. р., русский, член РКП(б), уполномоченный ГПУ КАССР по Пудожскому уезду, – 10.09.1923 (по др. данным с 10.05.1923) – 08.06.1927 гг.

---

¹⁶ Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 33.

Сулоев (Сулаев) Степан Васильевич, уполномоченный ГПУ КАССР по Пудожскому уезду, – 08.06.1927 – 01.05.1929 гг.

Лиликин Александр Михайлович, уполномоченный ГПУ КАССР по Пудожскому району, – 01.05.1929 – 23.04.1931 гг. (?)

Спиров Алексей Васильевич, и.о. уполномоченного ГПУ КАССР по Пудожскому району, – 23.04.1931 г. – ?

Боркин Михаил Александрович, уполномоченный ГПУ КАССР по Пудожскому району, – ? – 08.03.1933 г.

Калинин Григорий Лаврентьевич, уполномоченный по Пудожскому району, начальник Пудожского районного отдела НКВД – 08.03.1933 – 1934 гг.

Гладышев Григорий Федорович, начальник Пудожского районного отдела НКВД, – 16.03.1934 – 26.12.1935 гг.

Салтыков М.Н., начальник Пудожского районного отдела НКВД, – с конца 1935 г.

Павлов Иван Павлович, начальник Пудожского районного отдела НКВД, – 05.06.1936 – 15 (?). 04.1937 гг.

Бейзот Петр Петрович, начальник Пудожского районного отдела НКВД, – 01.04.1937 – 14.08.1937 гг.

Федоров Владимир (Александр) Яковлевич, 1896 г. р., начальник Пудожского районного отдела НКВД, – ? – 28.04.1938 г.

Сонин В.А., вриод начальника Пудожского районного отдела НКВД, – 28.04.1938 (?) – 26.01.1939 гг.

Федотов Александр Македонович (?), мл. лейтенант госбезопасности, начальник Пудожского районного отдела НКВД, – 25.06.1940 г. – ?

Карпович Константин Владимирович, капитан госбезопасности, начальник Пудожского районного отдела НКВД, – 03.04.1941 – 07.07.1941 гг.

Долженко И.А., лейтенант госбезопасности, начальник Пудожского районного отдела НКВД, – 07.07.1941 – 11.04.1942 гг.

Медведев Михаил Владимирович, капитан госбезопасности, начальник Пудожского районного отдела НКВД–НКГБ, – 02.11.1942 г. (1943?) – 07. (21.04.) 1944 гг.

Осовский Алексей Васильевич, ст. лейтенант госбезопасности, начальник Пудожского районного отдела НКГБ, – 09.1944 – 22.03.1945 гг.

Огорелый Иван Михайлович, капитан госбезопасности, начальник Пудожского РО НКГБ, – 22.03.1945 – 30.12.1945 гг.

Составлено по данным: Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 2. П. 2. Л. 29, 51; Оп. 3. П. 1. Л. 32; Оп. 4. П. 1. Л. 349; Оп. 5. П. 1. Л. 8, 113; П. 2.

Л. 3–4; Оп. 6. П. 2. Л. 58–65; Оп. 7. П. 1. Л. 77, 91; Оп. 9. П. 1. Л. 88, 94; Оп. 11. П. 1. Л. 28; Оп. 13. П. 1. Л. 21, 23; Оп. 14. П. 1. Л. 44; Оп. 15. П. 1. Л. 35, 101, 102; Оп. 16. П. 1. Л. 1, 157; Оп. 20. П. 1. Л. 6; Оп. 21. П. 4. Л. 136; П. 6. Л. 22; Оп. 22. П. 1. Л. 57; Оп. 23. П. 5. Л. 19; Оп. 24. П. 1. Л. 24; П. 3. Л. 226; Оп. 90. П. 1. Л. 262.

В. Г. Макуров

ПУДОЖСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1941–1945

22 июня 1941 г. Германия и ее союзники напали на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война народов СССР, отстаивавших свою свободу и независимость. С первых дней войны жизнь Пудожа и района, как и всей Карелии, явившейся приграничной, а фактически прифронтовой республикой, стала перестраиваться на военный лад. Предприятия района начали выпускать продукцию для фронта. Мужчины трудоспособного возраста ушли в Красную Армию, партизанские отряды, истребительные батальоны и народное ополчение. Их место на производстве заняли женщины и подростки, которые также работали в госпиталях, строили оборонительные сооружения, выполняли другие задачи, поставленные военным временем.

26 июня президент Финляндии Р. Рюти в выступлении по радио официально объявил о состоянии войны между Финляндией и СССР. Для Советского Союза это означало открытие еще одного боевого фронта – на Европейском Севере, в зоне действия которого оказалась Карелия¹. Главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Г. Маннергейм отдал приказ с призывом к финским солдатам «освободить земли карелов». В нем говорилось: «Во время освободительной войны 1918 года я обещал карелам Финляндии и Беломорья, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободными... Двадцать три года Беломорье и Олония ждали выполнения этого обещания...»²

---

¹ Макуров В.Г. Военная летопись Карелии. 1941–1945. Петрозаводск, 1999. С. 89.

² По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 67–70.

В связи с развернувшимися военными событиями в конце июня решением Верховного Главнокомандования СССР на базе Ленинградского военного округа был образован Северный фронт, который в августе 1941 г. был разделен на два самостоятельных фронта – Карельский и Ленинградский. Главной задачей Карельского фронта (командующий до февраля 1944 г. генерал-лейтенант В.А. Фролов, затем генерал армии К.А. Мерецков) являлась оборона имевших большое экономическое и стратегическое значение районов Карелии и Заполярья³.

В первый же день войны, 22 июня 1941 г., в Пудоже и других населенных пунктах района и всей Карелии состоялись многолюдные митинги местных жителей, вставших на защиту родного края. Понимая значение тыла в начавшейся войне, люди заявляли о желании работать не жалея сил во имя победы над агрессором. Жизнь города и района менялась. Опустели улицы закамуфлированных домов. Регулярно проводились занятия оборонных кружков – санитарных, стрелковых, противовоздушной и химической обороны. Принимались все возможные меры по возведению оборонительных сооружений, рылись окопы, устраивались проволочные заграждения и т.д.⁴

По имеющимся архивным источникам, накануне Великой Отечественной войны в Пудожском районе проживало около 30 тыс. человек⁵. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., призыву в армию подлежали военнообязанные 1905–1918 гг. рождения (то есть в возрасте 23–36 лет), но заявления стали поступать и от тех, кто по разным причинам не подлежал призыву. По данным военкомата Карело-Финской ССР, мобилизация военнообязанных первой очереди в основном завершилась вечером 23 июня. Всего за 1941–1945 гг. Вооруженные силы страны получили из Пудожского района до 10 тыс. человек, сра-

³ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 23–24, 69–70.

⁴ См. подробнее: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 593, 594.

⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 1532. Оп. 1. Д. 1390; Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45.

жавшихся не только на Карельском, но и на других фронтах Великой Отечественной войны.

В годы войны территория прифронтового района стала надежной базой для карельских партизан. Не раз отдыхали здесь после длительных походов в тыл врага и готовились к новым рейдам и сражениям бойцы 1-й партизанской бригады, отрядов «Буревестник», имени Чапаева, «За Родину», имени Тойво Антикайнена, Пудожского партизанского отряда в составе 122 человек и других. Именно отсюда трижды за время войны – в январе 1942, январе 1943 и марте 1944 гг. – народные мстители наносили смелые удары по вражеским гарнизонам в Заонежье. Десятки успешных боевых операций совершили на оккупированной захватчиками территории отдельные партизанские отряды, диверсионные и разведывательные группы⁶.

Как и в других районах республики, для борьбы с диверсионными отрядами противника и охраны важнейших объектов в Пудожском крае из лиц, не подлежащих призыву в регулярную армию, был сформирован истребительный батальон. Летом и осенью 1941 г. в силу сложившейся тяжелой обстановки на фронте, отсутствия достаточного количества регулярных частей Красной Армии эти батальоны направлялись на передовые позиции и вели упорные бои с противником, в которых проявили стойкость и мужество. Вот только одна из многочисленных оперативных сводок по линии НКВД за июль – декабрь 1941 г.: «Сводный истребительный батальон в количестве 354 человек, созданный из Медвежьегорского, Пудожского, Беломорского, Кемского и Сегежского батальонов, с 28 сентября по 1 октября участвовал вместе с частями Красной Армии в боях с противником по обороне г. Петрозаводска. Батальон занимал рубеж от совхоза № 2, что юго-восточнее Петрозаводска, до Шелтозерского тракта, в течение 4 суток боем сдерживал регулярные части противника...»⁷ Участвуя в этих

---

⁶ См. подробнее об этом в статье С. Г. Веригина и Г. В. Чумакова в наст. сб.

⁷ НА РК. Ф. 2471. Оп. 1. Д. 15. Л. 4; Макуров В.Г. Бойцы истребительных отрядов в Карелии на защите Родины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Бюллетень: музей истории МВД Карелии. Вып. 1 (18). Петрозаводск, 2006. С. 16.

первых, неравных и самых тяжелых боях, истребительные батальоны понесли ощутимые потери, но выполнили свой долг с честью. В дальнейшем бойцы данных формирований приступили к выполнению своих боевых задач по охране тыла.

Практически все взрослое население Карелии, включая Пудожский район, состояло в отрядах народного ополчения и обучалось военному делу. Ополченцы несли охрану важных объектов, дорог, мостов и т.д., а в первые месяцы войны использовались и в качестве резерва для пополнения войск на фронте. На всех предприятиях и в учреждениях были организованы регулярные военные занятия по подготовке автоматчиков, снайперов, минеров и других специалистов. Массовый размах принял работа по подготовке населения к противовоздушной обороне⁸.

Высокий патриотизм проявили в годы войны пудожские труженики тыла. За короткий срок они перестроили хозяйство края на военный лад и в тяжелых прифронтовых условиях бесперебойно поставляли разнообразную промышленную и сельскохозяйственную продукцию для нужд Карельского фронта.

Предприятия лесной промышленности района переключились в основном на заготовку древесного топлива для газогенераторных автомобилей и тракторов, а также березы для производства лыж. Место ушедших на фронт кадровых лесорубов-мужчин заняли женщины, многие из которых впервые взяли в руки пилу и топор. Нелегко было осваивать им эту профессию, требующую большой физической силы и выносливости, но, движимые высоким чувством патриотического долга, они успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Вот что писала, например, об этом районная газета «Красный Пудож» в феврале 1942 г.: «Рабочие Сумского лесопункта горят желанием выполнить задание в сжатые сроки. На лесопункте работают девушки и женщины, пришедшие сюда впервые во время войны. Они проявляют образцы стахановского труда, с честью заменяя ушедших на фронт мужчин... Галина Атмакина, в прошлом радиостка, работает на разделке леса

---

⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 596, 597.

лучковой пилой, каждый день выполняет норму на 120 и больше процентов. Т. Левина, К. Спирина, М. Никитина раньше также не работали в лесу, теперь регулярно перевыполняют нормы»⁹. И так было на всех лесопунктах Пудожья, которые в труднейших условиях военного времени успешно справлялись с плановыми заданиями Государственного Комитета Обороны¹⁰.

Предприятием оборонного значения стал Шальский лесопильный завод. Основной его продукцией в этот период были лыжи и лыжные палки. Кроме того, он выпускал санитарные лодочки, винтовочные ложи, ящики для артиллерийских снарядов. При этом надо сказать, что коллектив предприятия работал в исключительно сложных условиях. С октября 1941 г. завод подвергался систематическим налетам вражеской авиации. Часто вспыхивали пожары. Когда рабочие бросались тушить огонь, на них обрушивались пулеметные очереди с вражеских самолетов. Завод смог выжить и работать. На предприятии развернулось широкое движение за выполнение военных заказов в кратчайшие сроки, застрельщиком которого выступила смена В. Богданова, воспитанник детского дома А. Пакконен, столяры Воробьев, Титов, работницы Сидорова, Покровович, Лысова, Чернякова, ежедневно выполнявшие нормы на 150–200 процентов. На них равнялись и остальные рабочие. В результате предприятие ежегодно перекрывало плановые задания. Даже в самом трудном для завода 1942 г. производственная программа была выполнена на 107 процентов¹¹.

В начале войны в Пудожский край было эвакуировано несколько предприятий местной промышленности из западных районов Карелии. На их базе, а также артелей промкооперации Пудожского района был создан ряд небольших заводов и мастерских, которые выпускали по фронтовым заказам артиллерийскую тару, лыжные палки и крепления, сани, валенки, сапоги, маскалаты, витаминный настой из хвои и многое другое. Трудовые коллективы этих предприятий были невелики, но они оказывали существенную

⁹ Кораблев Н.А. Пудож. Петрозаводск, 1983. С. 77.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 78.

помощь воинам Красной Армии, выпуская так необходимую для них продукцию. Например, стахановки швейной мастерской Пудожского промкомбината П. Миронова, Н. Ногтева, Л. Пеккер, Г. Тарасова и А. Горевских к январю 1943 г. сшили: масхалаты для двух батальонов, вещмешки для трех рот, патронташи для батальона, рукавицы для четырех рот, теплое белье для трех взводов. Кроме того, они отремонтировали сотни шинелей¹².

Значительный вклад в обеспечение воинов Карельского фронта продовольствием вносили пудожские рыбаки. Ловом рыбы для фронта занимались труженики теребовского колхоза «Прибой», водлозерских колхозов, бригады Гослова Шальского и эвакуированного в Шалу Петрозаводского рыбозаводов. В апреле 1942 г., с переходом рыбной промышленности Карелии на военное положение, весь механизированный рыболовецкий флот района был включен в состав второго (Онежского) дивизиона военизированной флотилии Наркомата рыбной промышленности республики (командир И. Д. Носов, комиссар А. З. Алешин)¹³.

В годы войны пудожским рыбакам приходилось трудиться под постоянной угрозой нападения вражеской авиации, а на Онежском озере – судов и береговой артиллерии противника. Так, в одном из рейсов пуля врага оборвала жизнь капитана мотобота Я. С. Полякова. В районе Голящей под вражеским огнем погибли трое рыбаков из отряда судов Петрозаводского рыбозавода. Но мужественные рыбаки ни на один день не прекращали промысла. Об этом говорят и цифры о выполнении государственных планов. Например, напряженное задание 1942 г. колхоз «Прибой» выполнил на 285 процентов, а водлозерские колхозы: имени Микояна – на 395, «Красный пахарь» – на 165, «Красный рыбак» – на 179 процентов. Сотни центнеров сверхплановой продукции поставили Красной Армии также труженики Петрозаводского и Шальского рыбозаводов. Промысловики Пудожского района не раз выходили победителями в соревновании среди рыбаков республики и завоевывали награды КФССР.

---

¹² Кораблев Н.А. Пудож. С. 78.

¹³ Там же. С. 78–79.

Особенно ответственные задачи поставила война перед работниками сельского хозяйства района, который оказался самым крупным неоккупированным сельскохозяйственным районом Карелии. Здесь следовало не просто сохранить довоенный уровень производства продуктов земледелия и животноводства, но и превзойти его. На фронт ушла основная часть председателей колхозов, механизаторов и других специалистов. Ощущалась острая нехватка транспорта, тягловой силы. Ход сельхозработ нередко нарушался налетами вражеской авиации, а в ряде сельсоветов (Авдеевском, Песчанском, Римском) – обстрелами дальнобойных батарей противника, находившихся на Заонежском полуострове. Кстати, такие вражеские нападения продолжались до конца военных действий на Севере.

Вот один из документов, который говорит об этом: «... Во время налета вражеской авиации 22 марта 1944 г. на дер. Песчаное, колхоз “Третий решающий год пятилетки”, совершенно разрушено 18 домов, частично разрушено 13 домов, разрушен магазин, маслозавод. Кроме этого, в 27 домах выбиты все окна, в том числе все окна и частично рамы выбиты в сельсовете, школе, детсаде и медпункте. При налете убито колхозников 9 чел. и ранено 11 чел., убито 3 коровы колхозников и один бык-производитель колхоза. Имеются жертвы среди воинских частей...»¹⁴

С первых месяцев войны проводилась большая работа по подбору новых руководящих кадров колхозов. На посты председателей колхозов, заведующих фермами, бригадами, взамен ушедших на фронт мужчин пришли десятки активных, передовых женщин-трудниц. Женщины осваивали и механизаторские специальности. Уже к декабрю 1941 г. на курсах трактористов при Пудожской МТС был подготовлен первый военный выпуск – в колхозы и МТС пришли 44 девушки-механизатора. Специалистов для колхозов района готовил и эвакуированный в Пудож республиканский сельскохозяйственный техникум.

---

¹⁴ НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 238. Л. 48; По обе стороны Карельского фронта. С. 442–443.

Все труженики деревни – а это были в основном женщины, старики и подростки – стремились работать с полной самоотдачей, не только за себя, но и за своих братьев, мужей, отцов, сыновей, защищавших Родину с оружием в руках. Например, в артели «1 Мая» Корбозерского сельсовета одними из лучших колхозников являлись трое братьев Птицыных. Самому младшему из них было далеко за пятьдесят, но все они работали на полях с раннего утра до позднего вечера и вырабатывали по 2–3 нормы каждый. 85-летняя колхозница артели «Красный прожектор» Песчанского сельсовета Е. Г. Сидорова, работая на жатве 1942 г., ежедневно перекрывала нормы выработки. Звено женщин-овощеводов колхоза «Новая жизнь», которым руководила В.В. Евдокимова, сумело в 1943 г. получить рекордный по тем временам для Карелии урожай – по 358 центнеров капусты, 238 центнеров брюквы и 170 центнеров свеклы с гектара¹⁵.

Самоотверженно трудились механизаторы машинно-тракторных станций. Трактористы Пудожской МТС А. Борисов, П. Харин, М. Пенчук, А. Анухина (Черницына) в течение всех лет войны не только перевыполняли плановые задания при высоком качестве работ, но и добивались значительной экономии горючего. Их фамилии неоднократно заносились на республиканскую Доску почета¹⁶.

Жители Пудожского края с честью сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны: в Карелии, под Ленинградом, на Украине и в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике, в Заполярье и Крыму. Многие из них, до конца выполнив свой долг, пали в боях за свободу и независимость Родины. В «Книге Памяти»¹⁷, изданной к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, названы имена 40 тыс. воинов, партизан, подпольщиков Карелии, в их числе – около 4 тыс. пудожан, погибших в 1941–1945 гг.

---

¹⁵ Кораблев Н.А. Пудож. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 81–82.

¹⁷ Книга Памяти: списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Т. 1–8. Петрозаводск, 1994–1997.

Среди героических защитников Бреста, принявших на себя первый удар гитлеровских войск, достойное место занимает уроженец Пудожского края, майор Михаил Яковлевич Стafeев¹⁸. Услышав на рассвете 22 июня разрывы вражеских авиабомб, он немедленно сформировал отряд из оставшихся в городе солдат, офицеров и группы патриотов. Отряд под командованием майора Стafeева, имея на вооружении лишь пистолеты и винтовки, в течение 8 часов отражал непрерывные атаки гитлеровцев. Дважды офицер был ранен, но продолжал руководить обороной, личным примером вдохновляя бойцов. Понеся крупные потери, фашисты стали бомбить наши позиции и устроили интенсивный артобстрел. Под развалинами зданий погибли многие бойцы. Майор Стafeев приказал всем оставшимся в живых пробиваться к своим. Это был его последний приказ¹⁹.

В одном из воздушных боев на подступах к Медвежьегорску героический подвиг совершил командир эскадрильи Н. Ф. Репников. Он родился в 1914 г. в семье лесозаготовителя, которая в 1930 г. переехала из г. Пудожа в г. Петрозаводск. После окончания школы ФЗУ Н. Ф. Репников работал слесарем-инструментальщиком на Онежском заводе, без отрыва от производства окончил курс обучения в аэроклубе и парашютной школе. Призван в армию в 1936 г., в истребительную авиацию Ленинградского военного округа, участвовал в советско-финляндской войне 1939/40 г. Начало Великой Отечественной войны старший лейтенант Н. Репников встретил на Карельском фронте, где был командиром авиаэскадрильи, а затем командиром эскадрильи 152-го истребительно-авиационного полка. В воздушных боях он сбил 5 вражеских самолетов и в ноябре 1941 г. был награжден орденом Ленина. Свой последний бой капитан Репников провел 4 декабря 1941 г. Семь вражеских самолетов с бомбами шли в район Беломорско-Балтийского канала. Их перехватило звено советских истребителей во главе с командиром эскадрильи Н. Репниковым, возвращавшееся на свой аэродром после

---

¹⁸ Кораблев Н.А. Пудож. С. 65.

¹⁹ Там же. С. 66.

выполнения боевого задания. Завязался неравный бой. Когда у Репникова кончился боекомплект, он протаранил головную машину противника. Это был один из первых воздушных таранов на Карельском фронте. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1943 г. Николай Федорович Репников посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза²⁰.

Ф. А. Шельшаков родился в 1918 г. в д. Сорочье Поле. Призван в армию в 1938 г., служил в стрелковых частях на западной границе. В начале Великой Отечественной войны Ф. Шельшаков участвовал в боях за украинский город Белая Церковь. Здесь он был тяжело ранен, лежал в госпитале. Затем сражался под Москвой. За отличия в боях под Ельней, Тулой, Малоярославцем был награжден орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». После учебы на курсах младших лейтенантов стал офицером-минометчиком. Летом 1943 г. старший лейтенант Ф. Шельшаков командовал минометной ротой на 1-м Украинском фронте.

Во второй половине сентября 1943 г. полк, где служил Ф. Шельшаков, получил задание форсировать Днепр в районе г. Канева. Командование поручило Ф. Шельшакову возглавить группу захвата, первой пересечь Днепр, закрепиться на правом берегу и обеспечить переправу основных сил полка. Отобранные 40 воинов-добровольцев на рассвете 25 сентября на трех баркасах направились к занятому врагом западному берегу реки. Их встретил плотный вражеский огонь, два баркаса разнесло прямым попаданием снарядов, многие бойцы погибли. На правом берегу реки удалось высадиться только 12 воинам во главе с Ф. Шельшаковым. Они овладели небольшим плацдармом и укрепились на высоте Тарасова горка. Гитлеровцы предприняли ряд атак с целью отбить Тарасову горку и обрушили на нее шквал огня. Ф. Шельшаков умело руководил боем. Его группа открыла по атакующим врагам ответный огонь из станкового пулемета, автоматов и минометов, уничтожила 6 огневых точек и много живой силы противника. Так

²⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 87. Л. 152; Героям Родины – слава! Петрозаводск, 1995. С. 281; Макуров В.Г. Военная летопись Карелии. С. 19.

продолжалось более трех суток. К 28 сентября в группе десантников осталось только четыре воина, все они были ранены, но продолжали стойко удерживать высоту. Это дало возможность успешно форсировать Днепр всему полку. За подвиг на Днепре ст. лейтенанту Федору Афанасьевичу Шельшакову было присвоено звание Героя Советского Союза²¹.

Александр Родионович Машаков родился в 1914 г. в д. Тамбичозеро. После переезда семьи в г. Мончегорск Мурманской области работал на строительстве Нивской ГЭС. Призван в армию в 1936 г. и направлен в пехотное училище. Участвовал в советско-финляндской войне 1939/40 г. Начало Великой Отечественной войны А. Р. Машаков встретил на Ребольском направлении командиром взвода. После тяжелого ранения и лечения в госпитале осенью 1941 г. был назначен командиром стрелковой роты 49-й армии Западного фронта. Участвовал в разгроме немецких войск под Москвой. Пройдя переподготовку на офицерских курсах «Выстрел», получил назначение во вновь формировавшиеся воздушно-десантные войска. В 1943 г. – капитан, командир роты автоматчиков. В составе войск Воронежского и 1-го Украинского фронтов участвовал в Курской битве и форсировании Днепра.

Осенью 1943 г. советские войска подошли к Днепру. Авангардные подразделения начали форсирование реки. Капитан А. Р. Машаков получил задание захватить о. Сычев, на котором укрепились гитлеровцы. В темную октябрьскую ночь десять автоматчиков во главе с А. Р. Машаковым на подручных средствах переплыли главное русло реки, высадились на острове и забросали гранатами укрепления врага. Внезапность и стремительность удара заставили противника в панике оставить свои позиции, но утром 2 октября он предпринял яростные попытки вернуть остров. Под прикрытием шквального артогня был высажен десант, в десять раз превышающий численность советских автоматчиков. После двух безуспешных атак противник повторил артналет и новые атаки еще

²¹ Героям Родины – слава! С. 297; Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. Т. 2. М., 1988. С. 775–776; Макуров В.Г. Военная летопись Карелии. С. 55–56.

большими силами. Поредевшая группа А. Машакова дралась до последнего патрона 15 часов. Когда кончились боеприпасы, капитан отдал приказ об отходе, а сам, прикрывая своих товарищей, последним спустился в днепровские воды, но был настигнут вражеской пулей. Десантная группа капитана А. Машакова помогла выявить огневые точки противника и уничтожить их к началу массового форсирования Днепра. За образцовое выполнение боевых заданий командования при форсировании Днепра и проявленные отвагу и геройство А. Р. Машакову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза²².

В боях за крупный железнодорожный узел Фастов юго-западнее Киева отличился А. И. Фофанов. Он родился в 1915 г. в д. Клиновская в семье крестьянина, известного сказителя И. Т. Фофанова. Окончив семилетнюю школу, работал на сплаве. В 1934–1936 гг. учился в Петрозаводском кооперативном техникуме, затем работал счетоводом в колхозе, райпотребсоюзе. Был призван в РККА в 1937 г. в танковые войска. Участвовал в советско-финляндской войне 1939/40 г. в качестве командира танкового взвода.

В первых сражениях Великой Отечественной войны лейтенант А. Фофанов проявил себя как мастер танкового боя. В оборонительном сражении за украинский город Красноград его взвод уничтожил девять орудий, несколько сотен гитлеровцев. За этот бой Фофанов получил первую боевую награду – орден Красного Знамени. Участвовал в обороне Москвы и зимнем наступлении советских войск в Подмосковье в качестве командира роты, в звании старшего лейтенанта. После ранения под Ржевом осенью 1942 г. провел долгие месяцы в госпитале.

В 1943 г. А. Фофанов вновь воевал на земле Украины. В составе танковой бригады 1-го Украинского фронта он форсировал Днепр, освобождал Киев. 6 ноября его танкисты в числе первых вступили в Киев, а на следующий день освободили г. Фастов. Рота Фофанова нанесла противнику большой урон, уничтожив 50 орудий и минометов, 14 пулеметов, 3 обоза с боеприпасами, истребив

---

²² Героям Родины – слава! С. 269; Макуров В.Г. Военная летопись Карелии. С. 52–53.

до 800 гитлеровцев. Стремясь вернуть Фастов, немцы подтянули к городу свежие танковые и пехотные соединения. 8 ноября на окраинах Фастова вновь разгорелись жаркие бои. На участке, обороняемом ротой А. Фофанова, на 15 советских танков двинулось 40 фашистских машин. Три ожесточенные атаки отбили советские танкисты. При этом были подбиты 28 немецких танков и 10 бронетранспортеров, уничтожены сотни гитлеровцев. Бои за Фастов вошли в летопись Отечественной войны как образец умелой организации и высокого воинского мастерства советских бойцов. Наиболее отличившимся в боях за Фастов воинам-танкистам Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе был и старший лейтенант Алексей Иванович Фофанов. Далее его боевой путь проходил через Сандомирский плацдарм и Вислу до Берлина и Праги. День Победы капитан А. И. Фофанов встретил в госпитале, где лечился после пятого по счету ранения²³.

Ратный путь рабочего-сплавщика из д. Нижний Падун Водлинского сельсовета Степана Льдинина начался в 1942 г. в Заполярье. Здесь при обороне Мурманска пудожанин проявил себя как искусный снайпер. В сентябре 1944 г. С. Льдинин был награжден орденом Славы III степени. В октябре в бою за освобождение Печенги получил тяжелое осколочное ранение в грудь. После госпиталя вернулся в родную 101-ю гвардейскую Печенгскую Краснознаменную дивизию. Пудожанин освобождал Польшу, громил врага на территории Германии, в каждом бою, проявляя отвагу и решительность, умножал свой снайперский счет. За героические действия в период наступления советских войск в Померании (февраль-март 1945 г.) С. Льдинин был награжден орденом Славы II степени. В дальнейшем отважный снайпер был удостоен и ордена Славы I степени. В родную Карелию он вернулся полным кавалером этой почетнейшей солдатской награды²⁴.

Доблестно сражались с немецко-фашистскими захватчиками и пали смертью храбрых на полях боев редактор районной газеты

²³ Героям Родины – слава! С. 295; Макуров В.Г. Военная летопись Карелии. С. 48–49.

²⁴ Кораблев Н.А. Пудож. С. 72–73.

«Красный Пудож» Н.М. Воронов, секретарь райисполкома Н. Ф. Лукин, бывший комсорг Пудожской средней школы, а затем студент П. Карпин и многие другие жители и уроженцы Пудожского края. Только из д. Кубово ушли на фронт и пали смертью героев 59 человек. Сотни пудожан, как, например, рабочий-лесопильщик из Шалы А. Штурмин, крестьянин-колхозник из Римского А. Урликов, учитель из Пудожа И. Усков, пройдя через все поля сражений, вернулись домой с боевыми наградами.

Уроженец пудожской деревни Семеново Александр Федотович Кораблев, работавший учителем истории беломорской средней школы № 1, ушел добровольцем на Карельский фронт в июле 1941 г. Он служил в 81-м полку 54-й стрелковой дивизии, действовавшей на Калевальском направлении до 1944 г. После победы советских войск на Севере воевал на западных фронтах, в частности участвовал во взятии одного из последних оплотов фашизма – г. Кенигсберга. Затем был рывок на Прагу, которая была тоже освобождена. За боевые заслуги А. Ф. Кораблев награжден многими медалями СССР и благодарностями Верховного Главнокомандующего. Впоследствии он получил широкую известность как организатор Пудожского историко-краеведческого музея.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что пудожане внесли свой весомый вклад на фронте и в тылу в дело Победы в Великой Отечественной войне.

С. Г. Веригин, Г. В. Чумаков

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ С ТЕРРИТОРИИ ПУДОЖСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Историография вопроса о партизанском движении в Карелии в годы Великой Отечественной войны довольно обширна. Боевая деятельность партизан освещена как в общих трудах по истории Великой Отечественной войны и истории Карелии, так и в специальных работах и статьях, многочисленных журнальных и газетных публикациях¹.

Большой интерес для исследования проблемы представляют воспоминания активных участников и организаторов народной борьбы в тылу врага. Наряду с описанием боевых действий в них предпринимались попытки проанализировать события, выявить этапы борьбы во вражеском тылу, определить закономерности и особенности этой борьбы в условиях Севера². Мемуары не только расширяют источниковедческую базу, но и вносят свой вклад в изучение данной проблемы. Их ценность и значимость для проведения серьезных и объективных научных исследований очевидны и бесспорны.

---

¹ См., например. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1984; Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983; Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1982 и др.

² Герасимов Г.А. Партизанские километры. Петрозаводск, 1982; Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1967; Королев М.Ф. В лесах Калевалы. Вологда, 1960 и др.

Однако не все аспекты партизанского движения в Карелии получили достаточное освещение в научной литературе. Это в полной мере относится и к проблеме боевых действий партизанских отрядов с территории Пудожского района в годы Великой Отечественной войны. В период войны этот район оставался единственным не оккупированным финнами районом республики, являлся надежной базой для формирования партизанских отрядов.

Прежде чем перейти непосредственно к исследованию темы, следует выделить этапы и особенности партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны.

В партизанском движении республики можно отметить три характерных этапа, обусловленных обстановкой на фронте, положением на оккупированной территории и тактикой боевых действий партизан. Первый этап охватывает период с июля до начала декабря 1941 г., когда войска фронта вели тяжелые оборонительные бои. Это этап зарождения и организационного оформления партизанского движения, его становления. Второй этап с декабря 1941 г. до июня 1944 г. – время стабильной обороны войск Карельского фронта, когда партизаны расширяли зону своих действий путем длительных и кратковременных рейдов по тылам врага. Они не только действовали в оккупированных районах Карелии, но и совершали походы на территорию Финляндии. На этом этапе определялась организационная структура партизанских сил, сформировались командные кадры, вырабатывались основные принципы и тактика партизанской войны. Третий этап связан с осуществлением решающих наступательных операций войск Карельского фронта. Он продолжался с начала наступления частей Красной Армии в июне 1944 г. до полного освобождения Карелии от финских войск в сентябре 1944 г.³

Партизанская война в Карелии и Мурманской области во многом отличалась от движения сопротивления в других временно оккупированных районах страны.

---

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 644.

Во-первых, подавляющая часть жителей Карелии была своевременно эвакуирована на восток. В оккупированных противником районах республики проживало лишь около 86 тыс. человек, из них 50 тыс. составляли русские, украинцы, белорусы, то есть не финно-угорское население⁴. Эта часть населения была почти полностью заключена финскими оккупационными властями в концентрационные лагеря. В редких деревнях и селах оставались в основном старики, женщины и дети. Поэтому пополнение партизанских отрядов за счет местных людских ресурсов, как это происходило в других регионах страны, было практически невозможно.

Во-вторых, длительная стабильность линии фронта позволила противнику оттянуть с переднего края обороны значительные силы, укрепить старые и создать новые гарнизоны, усилить охрану коммуникаций, что значительно затрудняло проникновение партизанских отрядов во вражеский тыл и их боевые действия⁵. Партизаны лишались главного – возможности проведения быстрых, скрытных и внезапных операций.

В-третьих, известные трудности представлял для партизан и суровый климат – длинная, снежная зима с сильными морозами, летом частые дожди, постоянная сырость, белые ночи, кроме того, бездорожье, леса и болота, многочисленные озера и реки⁶.

Эти особенности определили специфику форм и методов партизанской войны в Карелии. Основные базы партизанских отрядов находились в тыловых районах края, а боевая деятельность отрядов носила характер периодических выходов в тыл противника на межоперационных разрывах сроком на 15–20 дней⁷. Чтобы выполнить ту или иную задачу, приходилось дважды пересекать линию фронта, преодолевать расстояние от 300 до 500 км⁸.

Своеобразие условий сказалось и на форме организации партизанских отрядов: как правило, они имели численность до

---

⁴ Макуров В. Г. Военная летопись Карелии. 1941–1945. Петрозаводск, 1999. С. 22.

⁵ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 649.

⁶ Там же. С. 645.

⁷ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 1. Ч. 4. Л. 43.

⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 645.

100 бойцов⁹; крупные формирования оказались в условиях Карелии малоэффективными, что убедительно показал рейд бригады И. А. Григорьева летом 1942 г.

Партизанское движение Карелии не было, да и объективно не могло быть столь же массовым и активным, как в западных и юго-западных областях и республиках СССР – на Украине, в Белоруссии, на Орловщине, Брянщине и т. д., где партизанам удавалось вызывать на себя и сковывать целые дивизии фашистской Германии¹⁰.

Оперативная ситуация в Карелии подчас вынуждала командование использовать партизанские формирования не по назначению. Так, на первоначальном этапе войны их привлекали к боевым операциям при обороне Петрозаводска и Медвежьегорска¹¹.

С учетом развития обстановки все партизанские отряды на Карельском фронте были сосредоточены в оперативные группы и дислоцировались на основных направлениях: Мурманском, Кандалакшском, Ребольском, Ухтинском и Петрозаводском (Пудожском).

Пудожская оперативная группа разместилась в д. Марнаволок, на восточном (пудожском) побережье Онежского озера, в 200 км от 16-го разъезда Кировской железной дороги (ст. Раменцы). В нее входило шесть партизанских отрядов: «Буревестник» (командир П. Я. Константинов, комиссар Ф. О. Новожилов), им. Тойво Антиайнена (командир И. В. Крючков, комиссар Ф. В. Воронов), «Боевые друзья» (командир Ф. И. Греков, комиссар И. А. Егоров), им. Чапаева (командир В. Г. Калинин, комиссар Я. В. Ефимов), «Красный онежец» (командир В. В. Тиден, комиссар И. А. Тимофеев), «За Родину» (командир И. Г. Залецкий, комиссар В. Ф. Ругачев) и две диверсионные группы – Широкова и Шувалова¹².

⁹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 645.

¹⁰ Военный энциклопедический словарь. М., 1993. С. 540.

¹¹ Аедеев С.С. Первый партизанский год. По материалам НКВД // Карелия. 2002. 11 июля. С. 12.

¹² Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 1. Ч. 1. Л. 14. Ч. 4. Л. 2, 9, 43.

Первоначально партизанские отряды, действовавшие на Пудожском направлении, формировались за счет жителей республики. Однако после значительных потерь, понесенных осенью 1941 г., они стали пополняться не только представителями Карелии, но и патриотами из многих областей и республик России: в отрядах им. Тойво Антиайнена и им. Чапаева воевали посланцы Коми АССР; в отряде «Буревестник» – Иркутской области; а отряд «За Родину» целиком состоял из жителей Вологодской области.

Примечательной страницей второго периода партизанского движения в Карелии стала боевая деятельность 1-й партизанской бригады. Возникновение этого партизанского соединения было непосредственным образом связано с Пудожским районом и драматическим развитием военной обстановки на Медвежьегорском направлении Карельского фронта в ноябре-декабре 1941 г.

В самый напряженный момент боев за Медвежьегорск 27 ноября 1941 г. бюро ЦК КП (б) КФССР приняло решение о формировании на территории Пудожского района Карелии 1-й партизанской бригады. Первоначально перед ней ставились следующие основные задачи: 1) в случае прорыва противником линии фронта и дальнейшего продвижения на восток развернуть партизанские действия на оккупированной территории Пудожского района; 2) осуществлять массированные удары по вражеским гарнизонам и коммуникациям в прифронтовой полосе, что увязывалось с подготовкой контрнаступления на Медвежьегорском направлении.

Однако широкомасштабное наступление наших войск на этом участке фронта, предпринятое 3–11 января 1942 г., не принесло успеха и было досрочно прекращено. Вследствие этого партизанская бригада получила дополнительные задачи по охране восточного побережья Онежского озера и флота, находившегося на зимней стоянке в устье р. Водлы, а также по борьбе с диверсионными группами, забрасываемыми на территорию Пудожского района.

Ввиду чрезвычайной сложности обстановки партийное руководство отвело на формирование бригады всего одну неделю. Организаторам предписывалось уже 6 декабря 1941 г. доложить в ЦК КП (б) республики о готовности соединения к боевым действиям. В

действительности процесс формирования занял почти целый месяц, но все же 6 декабря 1941 г. можно считать официальным днем рождения 1-й партизанской бригады в Карелии.

Командиром бригады был назначен В. В. Тиден, являвшийся до войны директором Онежского завода и возглавлявший с июля 1941 г. партизанский отряд «Красный онежец». Комиссаром бригады стал Н. П. Аристов, первый секретарь Заонежского райкома партии. Они энергично взялись за выполнение поставленной перед ними сложной задачи.

Ядро формируемой бригады составили Пудожский истребительный батальон (360 человек), Пудожский партизанский отряд (122 человека), Заонежский истребительный батальон (144 человека) и Заонежский партизанский отряд (82 человека). Всего – 708 бойцов и командиров. Еще до начала формирования бригады в состав Пудожского партизанского отряда был включен Шелтозерский партизанский отряд. Пудожский и Заонежский отряды состояли в основном из районного партийно-советского актива. В конце декабря 1941 г. в бригаду были включены партизанские отряды, участвовавшие в обороне г. Медвежьегорска и ББК, – «Боевые друзья» (командир Ф. И. Греков, комиссар В. Г. Калинин), Петрозаводский (командир Ф. И. Тукачев), частично Олонецкий (командир Ф. В. Ганичев) и «Большевик» (командир Н. П. Николаевский, комиссар М. С. Матвеев). На их основе к 1 января 1942 г. было развернуто 7 партизанских отрядов общей численностью 893 человека¹³.

Гражданское население Пудожского района с самого начала относилось к бойцам 1-й партизанской бригады с большим доверием и любовью. Это объяснялось во многом тем, что кадровых частей Красной Армии на территории района почти не было, и партизаны являлись фактически единственной крупной вооруженной силой, способной преградить продвижение финских войск на восток на этом направлении.

20 декабря 1941 г. командир бригады В. В. Тиден и комиссар Н. П. Аристов доложили о готовности соединения к боевой дея-

---

¹³ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 389. Л. 4.

тельности. Районом действий бригады на зиму 1941/42 г. были определены территории Заонежского, Шелтозерского, Прионежского и Кондопожского районов, временно оккупированных противником.

Первая боевая операция была проведена бригадой 21–22 декабря 1941 г. Сводный отряд партизан в количестве 53 бойцов под командованием И. В. Крючкова в 11 часов утра 21 декабря начал движение по льду Заонежского залива от д. Марнаволок в сторону западного берега. К вечеру того же дня группа, не замеченная финнами, преодолела открытое пространство залива и приблизилась к побережью, занятому противником. Расположившись на льду в 5 км от берега, командир отряда поочередно выслал вперед две группы разведчиков. Всю ночь отряд провел на прибрежном льду. Медленно тянулисьочные часы. От групп Тихонова и Сюкалова не поступало никаких вестей. И тогда командир отряда Крючков решает, пользуясь темнотой, приблизиться вплотную к берегу и с рассветом установить связь с разведчиками. Но примерно в это же время финский дозор обнаружил на берегу рядом с д. Косельга лыжные следы разведчиков. Считая, что партизан мало, финны решили организовать засаду. Вероятно, они планировали пропустить разведгруппу при ее возвращении на лед и уничтожить пулеметным огнем. О присутствии вблизи берега крупного партизанского отряда противник не догадывался и рассчитывал устроить «огневой мешок» нашим разведчикам. Командир сводного партизанского отряда И. В. Крючков вовремя обнаружил передвижения противника и принял решение организовать внезапную атаку. Завязавшийся на льду бой продолжался 4 часа. Хотя на стороне финнов было значительное преимущество в вооружении (4 станковых пулемета против 2 ручных системы Льюиса), партизаны действовали решительно и умело. В начале боя финны охватили отряд Крючкова с трех сторон. В самый напряженный момент разведчики Сюкалова, находившиеся на берегу, неожиданно атаковали группу противника, наступавшую со стороны д. Косельга. Для противника это было полной неожиданностью. Финны дрогнули и побежали. Комиссар отряда В. Ф. Воронов захватил в ходе боя один из

финских станковых пулеметов и открыл из него губительный огонь по врагу. Противник оставил на поле боя 11 трупов. Один финский солдат был захвачен в плен. У партизан погиб один боец. В качестве трофеев они захватили 2 станковых пулемета, 2 автомата, 4 винтовки, около 1000 штук патронов и документы. В связи с тем что закончились боеприпасы и не удалось скрытно выйти на западный берег, Крючков принял решение вернуться на базу. Хотя первоначальная боевая задача и не была выполнена, операция получила положительную оценку командования Карельского фронта. Член Военного совета фронта, первый секретарь ЦК КП (б) КФССР Г. Н. Куприянов прислал 28 декабря поздравительную телеграмму партизанам. Этот бой стал боевым крещением 1-й партизанской бригады¹⁴.

В результате первых боевых рейдов были получены необходимые сведения для подготовки и проведения большой операции в районе Большого Климецкого острова. Командование Карельского фронта поставило перед бригадой задачу – силами пяти партизанских отрядов одновременным ударом овладеть островом и уничтожить гарнизоны противника в Сенногубском, Кижском и Типиницком сельсоветах Заонежского района. Партизанские отряды должны были закрепиться на острове и создать там опорные базы для дальнейших операций на территориях Заонежского, Шелтозерского, Прионежского и Кондопожского районов. Эта большая операция планировалась в связи с готовившимся наступлением на Медвежьегорском направлении с целью оттянуть для борьбы с партизанами часть сил противника.

В операции приняли участие 7 отрядов общей численностью 631 человек. Отрядам необходимо было менее чем за сутки преодолеть по льду Онежского озера от 25 до 30 км так, чтобы скрытно выйти к объектам нападения. Начало одновременной атаки было назначено на 5 часов утра 10 января. Но, как явствует из архивных документов, в походе партизаны столкнулись со значительными трудностями – глубокий снежный покров, 30-градусный мороз

---

¹⁴ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 40. Л. 22–23.

при встречном ветре, отсутствие ориентиров на льду озера. Это затруднило и замедлило движение отрядов. Поэтому некоторые из них вышли к своим целям с опозданием и одновременного удара не получилось. Например, в д. Сенная Губа отряд № 6 под командованием Ф. И. Грекова только после продолжительного ожесточенного боя смог захватить населенный пункт. При этом часть финского гарнизона спаслась бегством. Партизаны уничтожили 6 вражеских солдат и захватили 4 пленных. Потери отряда составили 2 убитых и 8 раненых.

Также не удалось сохранить внезапность при нападении на д. Воевнаволок отряду № 2 под командованием П. К. Бугнина. Партизаны попали под массированный огонь 4 станковых пулеметов, и первая атака захлебнулась. Отряд вынужден был залечь на открытой местности. В этой ситуации пригодился резерв штаба бригады, дальновидно предусмотренный планом операции. На помощь залегшим бойцам был брошен один взвод отряда № 3. Он нанес по противнику удар с фланга, и совместной атакой деревня была взята. Здесь финны потеряли 30 солдат и 4 станковых пулемета. С нашей стороны погибли 6 партизан и еще 6 человек были ранены. После боя в д. Воевнаволок переместился штаб бригады, находившийся до этого на льду озера. Неудачно действовала в районе д. Кургеницы сводная группа под командованием Ф. И. Тукачева.

Однако остальные отряды решительными действиями разгромили финские гарнизоны и заняли большую часть населенных пунктов на о. Большой Климецкий. Особенно умело действовал отряд № 4 под командованием С. Е. Шувалова. Партизаны смогли незаметно подойти на расстояние 100–150 м к позициям врага. Шувалов применил военную хитрость. Один взвод имитировал лобовую атаку, а два других взвода во главе с командиром отряда обошли финнов с фланга и тыла. В коротком бою вражеский гарнизон в д. Клименицы был наголову разгромлен. Противник потерял убитыми 6 человек, еще 4 финна попали в плен. В качестве трофеев были захвачены 1 станковый пулемет, 18 винтовок, 15 гранат. При этом сами партизаны не потеряли ни одного убитого.

Фактически без серьезного сопротивления отряд № 7 захватил д. Конда. В самом начале партизанской атаки финский гарнизон поспешно бежал из населенного пункта, оставив тела двух убитых солдат. Двух финнов партизаны взяли в плен. Достались им и хорошие трофеи – 4 станковых пулемета, 11 винтовок и 35 гранат. Однако успех, достигнутый в южной части Большого Климецкого острова, к сожалению, не был закреплен. После выполнения боевых задач отряды № 4 и 7 не смогли установить связь со штабом бригады и без приказа отошли на свой берег. Тем самым был оголен левый (южный) фланг расположения партизанских отрядов на острове.

От захваченных 11 января пленных финнов стало известно, что из Петрозаводска на автомашинах для борьбы с партизанами перебрасывается батальон солдат. В тот же день командование бригады приняло решение оставить Большой Климецкий остров и возвратиться на восточный берег Онежского озера, отказавшись от дальнейшего продолжения операции. В создавшейся обстановке это было, пожалуй, единственно правильное решение.

Итоги проведенной операции были следующие. Бригада сумела захватить и почти двое суток удерживала в своих руках большую часть Большого Климецкого острова, продемонстрировав тем самым способность организовывать и проводить боевые операции крупными силами.

Противнику нанесен ощутимый ущерб. На острове были разгромлены почти все вражеские гарнизоны. По официальным докладам, партизаны уничтожили 71 финского солдата и офицера и захватили в плен 15 солдат. Было выявлено и арестовано 5 пособников оккупантов из числа местного населения.

Наиболее осязаемым результатом операции стали значительные трофеи, захваченные партизанами: 10 станковых пулеметов, 2 автомата, 50 винтовок, 5 пистолетов, 80 гранат, 30 тыс. патронов, радиостанция, 8 лошадей, много другого военного имущества и документов. Сама бригада понесла относительно небольшие потери – 15 убитых и 39 раненых.

После этой операции финские власти в срочном порядке вывезли все гражданское население с Большого Климецкого острова.

Вместе с тем выявились и некоторые слабые места в подготовке и проведении операции: 1) неудовлетворительная постановка связи и управления отрядами со стороны штаба бригады, что в значительной степени объяснялось отсутствием радиостанций; 2) недостаточная организация предварительной разведки, вследствие чего провалилась атака самой крупной группы Ф. И Тукачева на гарнизон д. Кургеницы; 3) отсутствие тяжелого вооружения – станковых пулеметов и минометов.

Хотя план операции не был выполнен до конца, действия бригады получили положительную оценку командования. За проведение рейда 70 партизан были представлены к правительенным наградам. Столь благожелательное отношение высшего командования к фактически сорванной операции объясняется прежде всего тем, что к этому времени было отменено контрнаступление наших войск под Медвежьегорском и отпала необходимость сковывать силы противника на соседних участках фронта. Кроме того, как нам кажется, руководство хотело поддержать моральный дух только что созданного партизанского формирования¹⁵.

Сразу же после возвращения из похода командование бригады приступает к подготовке новых операций. С этой целью 16 января 1942 г. в Заонежский район были направлены 6 разведгрупп общей численностью около 70 человек для сбора информации о силах противника в районах деревень Типиницы, Усть-Яндома, Сенная Губа, Кургеницы, Конда.

Наряду с разведкой проводятся диверсионные операции силами небольших групп в прибрежной полосе Заонежья. Так, 18 января 1942 г. группа партизан отряда № 4 численностью 48 человек во главе с командиром отряда С. Е. Шуваловым организовала засаду на ледовой дороге Петрозаводск – Клименицы. На поставленных ими минах подорвалась машина с финскими солдатами. 21 января группа бойцов отряда № 8 в количестве 59 человек провела разведку боем финских сил на о. Южный Олений. Партизаны уничтожили

---

¹⁵ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

10 вражеских солдат, сожгли постройки, захватили оружие и имущество. Наши потери составили 5 убитых и 3 раненых¹⁶.

Однако противник, обеспокоенный активностью партизан, постоянно усиливал антипартизанские мероприятия, поэтому наряду с успехами имели место и неудачи. Так, в начале февраля отряд № 5 во главе с командиром И. В. Крючковым и комиссаром Ф. В. Вороновым в количестве 91 человек попал в кольцо окружения в районе мыса Лайнаволок. Финнам удалось расчленить отряд на мелкие группы. Партизаны ожесточенно сопротивлялись, но силы были неравны. Несмотря на героизм и стойкость партизан, отряд понес большие потери. Погибли и пропали без вести 66 человек. Погиб и комиссар отряда Ф. В. Воронов. Выжившие в этом бою особо вспоминали мужественное поведение военфельдшера Георгиевой. Будучи сама раненой, она перевязала комиссара отряда и оставалась с ним до последней минуты. На базу бригады вернулись всего 25 партизан. Потери противника достоверно установить невозможно, хотя в отчете было указано, что отряд истребил свыше 100 финских солдат¹⁷.

17 февраля 1942 г. организатор и первый командир бригады В. В. Тиден был переведен командованием в Красную Армию и направлен на учебу в Москву, на курсы при Военной академии им. М. В. Фрунзе. Новым комбригом назначается И. А. Григорьев. Комиссаром бригады остался Н. П. Аристов.

Новый командир бригады сразу же начал подготовку большой операции в Шелтозерском районе. 24 февраля 1942 г. сводная группа из трех отрядов (№ 3, 4 и 6) общей численностью 350 человек, под общим командованием командира отряда № 3 А. И. Попова выступила в поход. Вместе со сводной группой на операцию отправились комиссар бригады Н. П. Аристов и помощник командира бригады Васильев. Перед партизанами были поставлены следующие задачи: 1) разгромить финские гарнизоны в с. Шокша, поселке Карелгранита и на Маяке; 2) освободить пленных красно-

---

¹⁶ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 40. Л. 31.

¹⁷ Там же. Л. 34–35.

армейцев из концлагеря в Шокше; 3) захватить в плен военного коменданта Шокши, финских полицейских из расположенного в селе поста и двух местных жителей, сотрудничавших с оккупантами.

Расстояние до объектов атаки составляло около 80 км. Застать противника врасплох не удалось. На подходе к Маяку отряд Шувалова попал под сильный пулеметный огонь и залег на льду. Лишь своевременная поддержка одного из взводов отряда № 3 спасла ситуацию. Боясь окружения, финны отступили от Маяка. На поле боя противник оставил пять убитых солдат, один был взят партизанами в плен. Эти действия переполошили гарнизоны п. Шокша и Шелтозеро. Присутствие крупных партизанских сил в данном районе перестало быть тайной для противника. Фактор внезапности был утерян. Поселок Карелгранита был даже обстрелян финской артиллерией из Шокши. Поэтому 26 февраля А. И. Попов как командир сводной группы с одобрения комиссара бригады Н. П. Аристова принял решение отходить на базу, не выполнив основную задачу. Эта операция еще раз подтвердила низкую эффективность применения крупных партизанских сил в условиях зимнего времени¹⁸.

В первых числах марта по линии советской разведки поступила информация о подготовке финнами рейда на восточный берег Онежского озера с целью разгрома партизанских баз. Как стало потом известно, финский отряд под командованием полковника Тойвонена имел задачу сжечь Шальский лесозавод и суда, стоявшие в устье р. Водлы; уничтожить партизанские отряды, совершившие рейд в Шелтозерский район. Финны ошибочно полагали, что главной базой бригады является поселок лесозавода, тогда как партизанские отряды были рассредоточены по разным деревням. Финский отряд состоял из добровольцев 15-го артполка, штаб которого находился в Петрозаводске, и кавалерийского полка «Новая жизнь», дислоцировавшегося в с. Шуньга. По приказу командования Медвежьегорской оперативной группы советских войск 5 марта 1942 г. 1-я партизанская бригада сосредоточилась в устье р. Водлы.

---

¹⁸ Там же. Л. 41–42.

Днем 9 марта группа финнов численностью около 80 человек пересекла нашу контрольную лыжню и приблизилась к берегу в районе д. Бесов Нос. Комбриг И. А. Григорьев выдвинул на о. Василисин отряд № 8 во главе с командиром В. Г. Калининым и комиссаром Я. В. Ефимовым, а на перехват финских диверсантов направил по взводу от отрядов № 3 и 6. Еще один взвод – от отряда № 7 занял оборону на развилке дорог Семеново – Каршево, чтобы перекрыть путь на Пудож.

Рано утром 10 марта финский отряд, двигаясь по суше вдоль берега, достиг устья р. Водлы. Здесь он разделился на две группы. Меньшая группа численностью около 15 человек проникла на территорию Шальского лесозавода и попыталась поджечь его, однако финны попали в засаду, организованную партизанами отряда № 6, и были полностью уничтожены.

Основная группа финнов, попав под огонь станкового пулемета партизан в устье р. Водлы, начала поспешное отступление по льду озера на запад в сторону Большого Климецкого острова. На преследование отходящего противника комбриг И. А. Григорьев направил отряды № 3 и 4 под командованием А. И. Попова и С. Е. Шувалова. Перед ними была поставлена задача прижать финнов к о. Василисин, на котором уже находился отряд № 8. Этот план блестяще удался. Из огненного капкана живыми смогли вырваться лишь единицы. Но и им не суждено было добраться до западного берега.

Противник потерял в боях с партизанами убитыми 48 солдат и офицеров, еще 3 солдата попали в плен. Кроме того, 20 вражеских солдат были уничтожены и пленены пограничниками и красноармейцами, которые участвовали в операции вместе с партизанами. Нашим бойцам достались большие трофеи: 20 автоматов «Суоми», 15 винтовок, 20 пистолетов, 500 кг тола и др. Потери 1-й партизанской бригады были незначительны: 1 человек убит и 3 бойца легко ранены. Эта операция получила высокую оценку командующего Медвежьегорской оперативной группой генерал-майора С. Г. Трофименко, а также Военного совета Карельского фронта. Командование отметило, что хотя противник был хорошо подготовлен и

попытался использовать фактор внезапности, партизаны не растерялись и продемонстрировали выдержку, мужество и военную хитрость. Кроме того, удалось достигнуть успешного взаимодействия различных родов войск – авиации, пограничников, саперов, партизан. Это, к сожалению, в первый период войны случалось далеко не часто¹⁹.

Во второй половине марта и в апреле 1942 г. командование бригады провело еще несколько рейдов разведывательно-диверсионных групп на западный берег Онежского озера. Однако почти все они закончились неудачами, так как противник внес серьезные корректизы в свою тактику антипартизанской борьбы. С 1 мая 1942 г. проведение боевых операций силами бригады в этом районе временно было прекращено. На тот момент в бригаде по списку насчитывалось 969 человек²⁰.

С 1 по 23 мая 6 отрядов бригады по решению ЦК КП(б) КФССР были направлены на весенние полевые работы в колхозы Пудожского района. Остальные три отряда продолжали нести охрану побережья Онежского озера. Наступило временное затишье после четырех месяцев напряженных походов и боев.

Уже 25 мая партизанская бригада в полном составе пешим порядком выступила с места дислокации по дороге Пудож – Каргополь и 7 июня прибыла на ст. Няндома. В Няндоме партизаны погрузили в вагоны и по железной дороге перебросили в п. Сегежа, куда они прибыли 13 июня. Сегежа стала новым местом базирования бригады. Отсюда 29 июня 1942 г. бригада в составе 6 отрядов общей численностью 648 человек выступила в свой легендарный и трагический поход. Спустя 57 дней через линию фронта в наш тыл вернулись лишь 178 человек²¹.

Просуществовав 11 месяцев, в октябре 1942 г. решением ЦК КП(б) КФССР 1-я партизанская бригада была расформирована. Отряды, входившие в ее состав, были переформированы, пополнены

¹⁹ См.: Куприянов Г. Н. Указ. соч. С. 86–88; КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 40. Л. 45–46.

²⁰ КГАНИ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 41. Л. 129.

²¹ Там же. Д. 40. Л. 75.

людьми и стали действовать как самостоятельные боевые единицы. За ними сохранили старые названия.

В последующие годы в ряде случаев в зависимости от конкретной обстановки и поставленных задач на Пудожском направлении формировались сводные группы из нескольких партизанских отрядов. Так, в январе 1943 г. была создана сводная группа из четырех отрядов («За Родину», им. Тойво Антикайнена, «Боевые друзья» и им. Чапаева) под командованием В. М. Лопаткина. Пройдя по льду Онежского озера за одну ночь более 30 км, группа внезапно атаковала гарнизоны противника в деревнях Линдома, Красная Губа и Тамбиц-Маяк. Партизаны истребили свыше 200 вражеских солдат и офицеров, уничтожили несколько орудий, минометов, пулеметов, взорвали склады с боеприпасами и снаряжением²².

Надо отметить, что партизанские отряды, действовавшие в годы Великой Отечественной войны с территории Пудожского района, испытывали особые трудности по сравнению с другими партизанскими формированиями Карелии. В первую очередь это было связано с территориальной отдаленностью штаба партизанского движения Карельского фронта, который находился в г. Беломорске, от отдельов и отрядов Пудожской оперативной группы. Военная контрразведка отмечала слабую оперативность штаба, его оторванность от непосредственных задач фронта, неудовлетворительное знание конкретной военной обстановки на Пудожском направлении. Все руководство боевыми действиями отрядов со стороны штаба партизанского движения по сути дела заключалось в сборе сведений по радио. Представители штаба, находившиеся в районе боевых действий, получали задачу от командования Красной Армии и руководствовались его указаниями. Сам штаб непосредственно руководил лишь несколькими отрядами²³. Это создавало сложности в управлении партизанскими формированиями, в координации их действий, проведении боевых операций. Порой отряды были представлены сами себе. Штаб не в полной мере отработал отведенную ему роль – органа управления партизанским движением фронта.

---

²² Морозов К.А. Указ. соч. С. 121.

²³ Архив УФСБ РФ по РК. Ф. ЛД. Д. 1. Ч. 4. Л. 31, 67.

Несмотря на все трудности военного времени, партизанские отряды, дислоцировавшиеся на территории Пудожского района, внесли достойный вклад в общее дело разгрома войск противника на Карельском фронте. Особенно активно они действовали летом 1944 г., во время наступления советских войск, помогая им освобождать южную Карелию. Сводные группы партизанских отрядов наносили удары по отступающим финским войскам, устраивали засады на путях их следования, уничтожали живую силу и технику противника.

Партизанское соединение отрядов «Боевые друзья», им. Чапаева и «Комсомолец Карелии», проводя операции на Поросозерском направлении, истребило несколько сотен вражеских солдат, пустило под откос воинский эшелон с 30 вагонами, из них 5 платформ с танками, уничтожило 10 автомашин и много другого военного имущества, доставило ценные разведывательные данные и документы. Отряды очистили от противника дорогу Юстозеро – Святнаволок и в течение 4 дней, до подхода частей 289-й стрелковой дивизии удерживали дорогу Линдозеро – Пильдозеро.

Партизаны отряда им. Тойво Антикайнена (командир И. В. Крючков, комиссар М. В. Широкин), переброшенные на самолетах в тыл противника, более двух месяцев действовали мелкими диверсионными группами на коммуникациях противника. Они истребили свыше тысячи солдат и офицеров, пустили под откос несколько воинских эшелонов, уничтожили десятки автомашин и др.²⁴ Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что партизаны, действовавшие с территории Пудожского района в годы Великой Отечественной войны, вписали достойную страницу в славную историю Пудожского края.

---

²⁴ Морозов К.А. Указ. соч. С. 125.

Е. Г. Нилов

ПУДОЖ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРИФРОНТОВОГО ГОРОДА. 1941–1944 гг.

Накануне Великой Отечественной войны на территории Пудожского района имелось 248 населенных пунктов, располагавшихся в 21 сельсовете, в которых проживало 30177 человек. Промышленное производство осуществлялось 14-м отделением Белооморско-Балтийского комбината НКВД СССР, Шальскими разработками гранита, лесопильным заводом № 9 в п. Шала, районным промкомбинатом, Водлинской судоверфью и рядом более мелких полукустарных и кустарных предприятий. Действовали 4 машино-тракторные станции, райпотребсоюз, дорожный ремонтный участок. На предприятиях и в организациях имелись 72 грузовые, 14 легковых и 6 специальных автомашин, 93 трактора, 4785 лошадей¹. Общая мощность энергоустановок составляла 953 киловатта.

По воспоминаниям бывшего первого секретаря Пудожского РК КП(б) КФССР А. З. Алешина, воскресный день 22 июня 1941 г. выдался теплым и солнечным. Нарядно одетые горожане спешили на базар и в магазины. И вдруг в 11 часов 45 минут по радио прозвучал предупредительный, полный тревоги голос диктора, оповещающий о передаче в 12 часов важного правительственного сообщения. Все заспешили к радиоточкам.

Через 20 минут в райкоме КП(б) собрался партийно-советский актив². И сразу же началась работа по мобилизации трудящихся на отпор напавшему на нашу страну агрессору. Во все поселки,

---

¹ Нилов Е.Г. Октябрьская страница: 1917–1977. Вып. 11. Третья пятилетка (1938 – 22 июня 1941 г.) // Знамя труда. 1977. 1 октября; Он же. Военные будни района // Пудожский вестник. 2001. 4 сентября.

² Запись воспоминаний А.З. Алешина хранится в личном архиве автора статьи.

деревни, сельсоветы, на машинах, лошадях, пешком пошли активисты, чтобы донести до людей соровую правду о нападении врага. В Летнем саду состоялся многочисленный митинг жителей города. Так началась будничная, полная тревог и испытаний жизнь города и района в условиях войны.

23 июня была объявлена мобилизация призывников, военнослужащих запаса, добровольцев. В здании городской средней школы открылся мобилизационный пункт. Во все сельсоветы отправились уполномоченные по проведению призыва. Повестки призывникам вручали прямо на рабочих местах, не дожидаясь их возвращения домой.

В рядах РККА уже находились 427 пудожан, призванных в 1940 г., в том числе участники советско-финляндской войны и освободительных походов в западную Белоруссию, западную Украину и Бесарабию.

Вновь мобилизованные воины запаса командами во главе со старшими группами, назначенными райвоенкомом, пешком шли в Подпорожье на баржи, откуда их доставляли в Петрозаводск. В 1941 г. в действующую армию было призвано 4607 человек, в том числе 45 добровольцев. Всего же за период с 1941 по 1945 г. из Пудожского района на фронт ушло более 11 тыс. человек. В рядах мобилизованных было немало бывших заключенных исправительно-трудовых лагерей 14-го отделения ББК. Среди них имелись опытные военные специалисты: танкисты, авиатехники, летчики, моряки, интенданты, кадровые старшие офицеры различных родов войск, включая даже земляка Шолохова – майора пехоты из станицы Вешенская Леонида Яковлевича Чукарина³.

Вместо уходивших на фронт мужчин на производство приходили женщины. Ускоренные курсы шоферов окончили и успешно овладели этой нелегкой мужской профессией Антошкова, Мурунова, Ипатова, Краснова, Емельянова, Павлова, Шалина, Харина, Мошина и некоторые другие.

---

³ Нилов Е.Г. Военные будни района.

Женщины становились председателями колхозов, директорами машинно-тракторных станций, 34 пудожанки сели за рычаги тракторов. Даже на пассажирском пароходе «Безбожник» (с 1943 г. – «Лесной»), курсировавшем на местной линии Подпорожье – Шала в низовьях Водлы, трудились девушки, освоившие флотское дело, – Евдокия Захарова, Клавдия Дерябина (Рымзина), Анастасия Парамонова.

Уместно привести здесь отрывок из стихов, опубликованных в 1941 г. в одном из номеров районной газеты «Красный Пудож»:

*Вода не течет из колодца,
Еда не приходит к столу.
Победа на фронте куется,
Победа куется в тылу...
На трактор девушки садятся смело,
Дают бойцам уверенный наказ:
«Фашистов бейте храбро и умело,
А мы уж поработаем за вас».*

В условиях начавшейся войны предприятия переходили на выпуск продукции для фронта. В городе и районе для нужд армии изготавливались лыжи и лыжные палки, саперные лопатки, ящики для противопехотных мин, солдатские котелки, железные печки-времянки, фуфайки, брюки-ватники, гимнастерки, шлемы-буденовки, сапоги и т.д. Труженики села поставляли в части Карельского фронта рыбу, зерно, овощи, картофель, сено в кипах⁴.

2 июля 1941 г. для борьбы с вражескими диверсантами был организован Пудожский истребительный батальон численностью до 200 человек, который выполнял задания по охране мостов, проверке документов у подозрительных лиц, сбору вражеских листовок, поиску диверсантов и парашютистов. Первоначально батальоном командовали М. Т. Верховный и С. В. Глазачев, а позднее – А. И. Попов и А. С. Тихошков⁵.

---

⁴ Алешин А. Район помогает фронту // Ленинское знамя. 1942. 1 февраля.

⁵ Подробнее см.: Нилов Е.Г. Пудожский истребительный батальон // Знамя труда. 1980. 22, 25, 27 марта, 1, 3 апреля.

Во всех населенных пунктах района как резерв для пополнения Красной Армии были сформированы отряды народного ополчения. Для создававшегося также партизанского отряда в лесах тайно производилась закладка продовольственных баз и складов. Специальная комиссия (тройка) в обязательном порядке проводила индивидуальное собеседование с каждым, кто изъявил желание записаться в партизанский отряд, который получил название «Железняк». Первым командиром отряда стал председатель Пудожского райисполкома П. К. Бугнин⁶.

С осложнением обстановки на Карельском фронте начальник Пудожского гарнизона, районный военком, капитан Нифантов 11 сентября 1941 г. отдал приказ о запрещении свободного хождения по городу с 23 до 5 часов утра. Все зреющие, торговые предприятия и столовые обязаны были прекращать работу в 22 часа⁷.

В случае нападения авиации противника местный штаб противовоздушной обороны оборудовал в райцентре пункты внешнего наблюдения и организовал подачу сигналов воздушной тревоги, сирен, гудков локомобилей, а также круглосуточную работу радиоточек и телефонной связи. Помимо нескольких бомбоубежищ, во дворах учреждений, организаций, детских садов и школ были вырыты щели (глубокая, выше человеческого роста открытая траншея). Окна в зданиях и жилых домах заклеивались бумажными лентами «крест-накрест» во избежание разлета осколков стекла при ударной волне, их затемнениями и светомаскировками. Воспрещалась топка печей в вечернее и ночное время, отключалось уличное освещение⁸. Эти ограничения продолжали действовать до освобождения Петрозаводска и южной Карелии в июне 1944 г.

В августе 1941 г. началась массовая эвакуация населения и материальных ценностей из Петрозаводска в Пудож. Беломорско-Онежское пароходство и ББК для этой цели предоставили 60 барж. Районными властями были организованы специальные пункты

⁶ Карелия в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1975. С. 256–257.

⁷ Смирнов В.Н. Пудож далекий и близкий. Медвежьегорск, 1994. С. 28.

⁸ Нилов Е.Г. Военные будни района // Пудожский вестник. 2001. 27 июля.

питания, выделены подводы и автомашины для доставки эвакуированных дальше на восток, в Каргополь и Няндому (Архангельская область). Всего через Пудож проследовало около 50 тыс. человек эвакуированных, примерно 8 тыс. человек осталось в районе на весь период войны⁹. Некоторое время, до переезда в Беломорск, в нашем городе размещалась часть руководящих партийных и советских органов республики. В Пудоже 5 сентября 1941 г. в семье у одного из видных работников ЦК комсомола Карелии Юрия Владимировича Андропова, впоследствии Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР, родился сын Игорь Юрьевич, ставший известным дипломатом¹⁰.

В начале декабря 1941 г. по решению бюро ЦК КП(б) КФССР в г. Пудоже была создана 1-я партизанская бригада под командованием В. В. Тидена в составе 6 отрядов, включая отряд «Железняк» (№ 2). Зимой 1941/42 гг. бригада провела первые удачные операции, в ходе которых нанесла удары по финским гарнизонам в Заонежье и Шелтозерье. В мае 1942 г. она ушла пешком до ст. Няндома и перебазировалась в Сегежу. Там, в большом походе соединение потеряло почти 3/4 своего личного состава. В дальнейшем бригада была расформирована и отряды действовали отдельными группами, по 2–3 отряда¹¹.

В обороне Пудожского района и всего восточного побережья Онежского озера важную роль играла Онежская военная флотилия. Передовая маневренная база флотилии находилась в п. Шальский в местечке Мошки. Боевую охрану побережья с суши обеспечивали заставы 30-го пограничного полка.

Настоящим испытанием для пудожан стало приведение в порядок районных дорог. Еще в феврале 1941 г. Совнарком КФССР издал указ об обеспечении круглогодового проезда по трактам

---

⁹ 60 лет первой Пудожской уездной партийной конференции // Знамя труда. 1980. 26 января.

¹⁰ Нилов Е.Г. Военные будни района // Пудожский вестник. 2001. 12 октября.

¹¹ О действиях партизанских формирований подробнее см. статью С.Г. Веригина и Г.В. Чумакова в наст. сб.

Медвежьегорск – Пудож и далее до границ с Архангельской и Вологодской областями. В июле того же года главнокомандующий войсками Северо-Западного направления Маршал СССР К.Е. Ворошилов, будучи проездом в Петрозаводске, с пристрастием спрашивал руководителей республики Г.Н. Куприянова и П.С. Прокконена о ходе работ на этой дороге и категорически потребовал ускорить ее ремонт и строительство¹².

Созданному для этой цели дорожно-строительному участку от 14-го отделения ББК передавалось 200 рабочих и 100 лошадей. Однако объем работ был столь велик, что этих сил оказалось явно недостаточно. К тому же в результате интенсивного движения автотранспорта с эвакуированными, гуртов скота и передислокации частей 7-й армии уже в самом начале осени были разбиты дороги.

Необходимы были экстренные меры. Правительство республики направило в Пудож А. И. Фалина в качестве начальника районного дорожного отдела и ответственного за строительство дороги Медгора – Пудож – ст. Няндома. В процесс ремонта и строительства автодорог включились эвакуированные в район Олонецкий ДЭУ-84, Суоярвский ДЭУ-87 и ДЭУ-92 Сороклага. Неоднократно проводились трудовые мобилизации на дорожное строительство среди пудожан.

Бывший начальник Пудожского райдоротдела Александр Иванович Фалин в 1972 г. так вспоминал о событиях первой военной осени:

«...Собрав из числа мобилизованных на оборонные работы людей группу дорожных строителей, мы начали ремонт “колодозерки”¹³ с седьмого километра. Разбитые по звеньям, люди начали валить строевой лес в придорожной полосе, распиливать хлысты на бревна, подвозить бревна на полотно и укладывать их поперек дороги, бревно к бревну, копать водоотводные канавы, засыпать песком

---

¹² См.: Прокконен П.С. Героизм народа в дни войны. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1974. С. 60,61.

¹³ Имеется в виду самый тяжелый участок няндомской трассы: от д. Кривцы до д. Колодозеро (Пудожский район).

поперечную гать. Вместе с дорожными рабочими на трассе трудились 1600 человек из Оборонстроя. Вся “колодозерка” была разбита на пять участков – д. Кривцы и подъезды к переправе; от переправы у Кривец до 10-го километра; от 10-го километра до урочища Жилой дом; от Жилого дома до д. Сюзикозера; от Сюзикозера до Усть-Реки (Колодозеро).

В ноябре Оборонстрой по приказу переместился на новый объект – строить дорогу от д. Габельга Медвежьегорского района до 16-го разъезда Кировской железной дороги (населенный пункт Раменцы Сегежского района)…

Но работы на пудожских дорогах продолжались – по решению исполнкома райсовета было дополнительно мобилизовано на оборонные работы 2000 человек, 150 повозок. Общими усилиями за короткий срок было уложено 19 километров накатной гати (сплошной деревянный настил до д. Сюзикозера) и 10 километров колейной лежневки до границы с Каргопольским районом. И хотя дорога получилась трясучая, но автомашины пошли на восток и в обратном направлении – тоже, возросла перевозка эвакуированных.

Труд на дорогах был тяжкий, почти все делалось вручную, а работали женщины и подростки, да старики-ездовые на лошадях, голодные, в плохой одежде и обуви. Однажды пожилая женщина присела отдохнуть на кавальер, да так и повалилась замертво...»¹⁴

Ценой неимоверных усилий уже в осенне-зимний период 1941–1942 гг. удалось обеспечить сквозной проезд от ст. Няндома до 16-го разъезда Кировской железной дороги (ныне ст. Раменцы) на Карельском фронте и организовать доставку в Пудож из Няндомы муки, семенного зерна и горючего для посевных работ. На трассе оборудовали три пункта для заготовки чурок и заправки ими автомобилей с газогенераторными установками. До конца боевых действий в Карелии автомобильный транспорт бесперебойно следовал от Няндомы до передовой линии Карельского фронта.

---

¹⁴ Цит по: Нилов Е.Г. Военные будни района // Пудожский вестник. 2001. 30 ноября.

Время сохранило лишь несколько десятков имен пудожан – участников строительства и содержания дорог военного значения. Среди них Кривоногова, Е. Навалова, Л. Олюшкина, Морева, звеньевые Артемьева, О. И. Кононова, М. Ф. Погоярви (лесоповал), П. В. Лисой, С. И. Лисой, З. Матвеева, Д. И. Тарасов (рытье канав), возчик леса Герасимова, бригадиры А. Я. Тратов (дистанция № 1 пудожского ДУ № 1), Парамонов и Филиппов (дистанция № 6 пудожского ДУ № 1).

Особо следует сказать, что с падением Петрозаводска в руках финнов оказался аэродром «Пески», с которого они начали регулярные облеты Пудожского района. Первая бомбейка произошла по п. Стеклянное 25 октября 1941 г. На пристань и поселок были сброшены 11 фугасных бомб. Взорвалось только три бомбы. Погибли зам. главного диспетчера Беломорско-Онежского пароходства В. А. Архипов, инспектор-оператор судоходства Ф. И. Максимихин и начальник пристани Шала С. Я. Фарисеев. Это были первые жертвы среди мирного населения района. Взвод истребительного батальона и речники проводили погибших в последний путь, похоронив в одной могиле и отдав им воинские почести.

29 октября 1941 г. над Пудожем пролетел финский самолет. Его пилот открыл фонарь и погрозил кулаком людям, стоявшим в очереди в магазин. Затем пошли постоянные налеты и обстрелы. Наибольший урон финские летчики нанесли 6 мая 1942 г.: сожгли полдеревни Ялгандсельга и биржу готовой продукции лесозавода, вместе с которой сгорел и ряд домов. Погибло около 25 человек мирного населения.

Сильный налет состоялся 22 апреля 1944 г., когда в с. Песчаное остановилось подразделение аэросаней. От бомбейки пострадали дома колхозников, были выведены из строя аэросани. Погибло несколько человек мирного населения, в том числе и дети.

За весь период боевых действий наиболее серьезный урон финские летчики нанесли д. Остров-Заречье, убив более 100 человек¹⁵. Они охотились за одиночными машинами, возницами,

¹⁵ КГАНИ. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 16/315. Л. 19, 88, 95; НА РК. Ф. 244. Оп. 2. Д. 7–39; Советы Карелии. 1917–1992: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1993. С. 25.

дежурными на вышках. Белые шубы в кабине автомашины – конец этой автомашины.

Все, о чем я вам рассказал, – это данные из протоколов РК ВКП(б), исполкомов райсовета, боевых донесений штаба МПВО, сводок комиссаров партизанских отрядов, а также из мемуарных свидетельств руководителей различного ранга.

Есть еще один неофициальный документ, который позволяет судить о той обстановке, которая складывалась в прифронтовом Пудоже. Это дневник школьника, учащегося Пудожской средней школы Андрея Копосова, который в первый военный год пошел в 5-й класс¹⁶. Начальный лист дневника помечен датой 21 августа 1941 г. Запись гласит:

«21 августа. Хлеб сегодня достал быстро. Ходили в лес по грибы. На улице заведующая библиотекой и какая-то тетенька разговаривали о войне с Германией, отмечали, что наше положение не из приятных. Вечером темно, огня в доме не зажигаем...»

И так изо дня в день пунктуально Андрей заносил в дневник сведения о прошедшем дне. Приведем еще несколько наиболее характерных записей:

«26 августа 1941. Вчера немцы взяли Новгород. Настроение у всехплохое. Из Петрозаводска всех эвакуируют, людей сажают на баржи и увозят. Говорят, что из Пудожа будут выселять всех...»

28 августа 1941 г. Немцы взяли Днепропетровск. Сегодня с хлебом плохо. В булочной утром давали по 400 грамм на человека. А в нашем магазине давали по одному килограмму. Хлеба утром было немногого, и мне не хватило.

---

¹⁶ В послевоенное время Андрей Федорович Копосов (р. 1928) получил профессию инженера-строителя, работал на Дальнем Востоке. Живет в г. Южно-Сахалинске. В 1970-е гг. нам довелось ознакомиться с дневником А.Ф. Копосова, хранившимся в то время у его родственников в г. Пудоже, сделать из него выписки и опубликовать, с разрешения автора, фрагменты из дневника на страницах районной газеты. (См.: Нилов Е.Г. Хроника прифронтовой полосы // Знамя труда. 1971. 14, 21, 26 октября; Он же. Страницы войны // Знамя труда. 1971. 28 октября. Он же. Военные будни района // Пудожский вестник. 2001. 7 сентября, 2 октября, 30 ноября.) К сожалению, в настоящее время местонахождение дневника неизвестно.

29 августа 1941 г. Промартель «Ремесленник» и инвалидная артель эвакуируются в Нигижму и в Колово, а на их место приедут из Петрозаводска разные организации и раненые красноармейцы. Под лазарет заняли новую большую среднюю школу. Сегодня туда привезли раненых.

24 сентября 1941 г. Немцы взяли Киев. Люди волнуются, нервничают, ругают всех начальников, которые первыми бегут из города во время эвакуации. Все говорят, что в армии командиры – изменники, а верными остались только Ворошилов и Буденный...

29 сентября 1941 г. Вчера к нам эвакуировали из Петрозаводска учреждения, на двух баржах... Немцы из Деревянного стреляли по ним из пушек... один снаряд попал в баржу и зажег ее. Утонуло более 100 человек. На этой барже ехал Дворец пионеров¹⁷.

30 сентября 1941 г. Приехавшие из Петрозаводска говорят, что город бомбят круглые сутки и обстреливают из пушек. Город горит. В Пудоже чувствуется запах гары...

...6 сентября. Из Петрозаводска в Пудож все едут и едут люди, запружене все приезжими, улицы города забиты автомашинами разных сортов – «ЭМКи» (М-1), «ЗИСы» («ЗИС-5»), автобусы и пикапы...

28 октября 1941 г. Из колхозов в Архангельскую область угоняют скот! Впервые появился над городом немецкий самолет, но его отогнали наши истребители. Прибыло много красноармейцев, военные автомашины заняли всю площадь и Летний сад. Уже начали бомбить Шалу, где погибло и ранено шесть человек.

17 января 1942 г. Сегодня был налет самолетов на Пудож в течение 10 минут. Из крупнокалиберных пулеметов они обстреливали улицы, на которых были автомашины, но больше всего стреляли по улице Карла Маркса. В домах и на улицах есть раненые и убитые. Хлеба дают по 200 граммов...

---

¹⁷ Речь идет о трагедии с людьми, находившимися на барже, которую буксировал пароход «Кингисепп» и которая была потоплена в районе Ивановских островов на Онежском озере огнем вражеской артиллерии 27 сентября 1941 г. См.: Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 50.

25 мая 1942 г. Некоторые люди так обессилены от голода, что не могут ходить на работу. По карточкам дали картошку. Часто думается: когда же все снова будет. Придешь в магазин и берешь что душе угодно – хлеб, сахар, крупу, мясо и другие продукты. Даже не верится, что это будет когда-то...»

Последние записи им сделаны в августе 1944 г. (Петрозаводск). «Утром перед глазами – развалины города, каменные стены, трубы. Улицы похожи на широкие площади, поросшие бурьяном и засеянные картошкой. Стоят стога сена. Вдали друг от друга стоят дома без рам и без стекол. Почти все хорошие здания разрушены, груды кирпичей и обломков.

22 августа. Дневнику – 3 года. Дают суп из ботвы и ряпушки с ложкой каши.

27 августа. Все».

В. М. Скресанов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПУДОЖСКОГО РАЙОНА В 1960 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

С началом «перестройки» и в последующий период реформ в среде публицистов и политологов утвердилось расхожее представление о предшествующем времени 1960-х – первой половине 1980-х гг. как об эпохе социально-экономического застоя в стране. Безусловно, в рассматриваемый период в бывшем СССР имели место и снижение темпов экономического развития, и затягивание с решением целого ряда социальных проблем. Но, на мой взгляд, считать, что вся страна погрузилась в состояние своего рода анабиоза не совсем справедливо и объективно.

Для Пудожского края период 1960-х – первой половины 1980-х гг. в плане социально-экономического развития был, пожалуй, наиболее успешным за всю его историю. Динамично развивалась в эти годы главная отрасль экономики района – лесная промышленность. Объем лесозаготовок превышал 2 млн кубометров, производство пиломатериалов составляло до 150 тыс. кубометров, из них около 100 тыс. кубометров поставлялось на экспорт¹⁸. По выпуску лесопромышленной продукции Пудожский район занимал ведущее положение в республике. Проводилась работа по рациональному и комплексному использованию древесины, восстановлению лесов.

В рассматриваемое время возродилась горная промышленность Пудожского края. В 1967 г. возобновились разработки гранита в карьере у п. Кашина Гора, а в 1980–1985 гг. на базе месторождения Большой массив близ п. Шальский был построен горно-обогатительный комбинат (ГОК) по производству щебня для

---

¹⁸ Карельская АССР: Природа. Хозяйство. Петрозаводск, 1986. С. 267.

дорожного строительства в Нечерноземной зоне Российской Федерации, имевший мощность до 2 млн кубометров в год¹⁹. Первую продукцию он выпустил в 1986 г. В 1990-е гг. ГОК пришел в упадок. К счастью, в последнее время ситуация изменилась, ГОК реконструирован и вновь начал поставку продукции для строек страны.

Большой объем работ был выполнен в 1960-х – начале 1980-х гг. по развитию сельского хозяйства. В совхозах района активно велось строительство животноводческих ферм, ремонтно-механических мастерских, картофелехранилищ. Объем мелиорации сельскохозяйственных земель за этот период составил свыше 7 тыс. га. Хозяйства были обеспечены современной техникой и минеральными удобрениями. Ежегодно увеличивалось поголовье крупного рогатого скота и свиней. К 1985 г. в совхозах района имелось 11 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 3,5 тыс. коров, и 6 тыс. свиней²⁰. Постоянно повышалась продуктивность животноводства. Производство животноводческой продукции увеличилось более чем в 2 раза и составляло: молока почти 12 тыс. тонн и мяса 1,5 тыс. тонн. Район ежегодно поставлял в торговлю 3 тыс. тонн картофеля и 800–1000 тонн овощей. На селе активно велось строительство жилья и объектов социально-бытового и культурного назначения.

С начала 1970-х гг. ускоренное развитие в районе получила строительная отрасль. Пудожская передвижная механизированная колонна № 116 (начальник Василий Иванович Маликов) по праву считалась лучшей строительной организацией в республике. Она дважды награждалась Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и заносилась на Доску почета ВДНХ в г. Москве. Следует отметить, что таким же Красным знаменем по итогам года однажды отмечался коллектив совхоза «Пудожский» и дважды – Пудожский район в целом.

---

¹⁹ Ермолович Н. Завод для всей России // Ленинская правда. 1985. 29 августа.

²⁰ Нилов Е. Украденные победы // Пудожский вестник. 1997. 6 ноября.

Благодаря успешной работе строителей в районе ежегодно вводилось в эксплуатацию до 17 тыс. кв. метров жилья. В январе 1975 г. в г. Пудоже был введен в строй первый благоустроенный 70-квартирный жилой дом, а за 10 последующих лет жители города и района получили еще 1 тыс. благоустроенных квартир. Активно возводились и социально-культурные объекты. Были построены несколько современных школ, центральная районная больница, комбинат бытового обслуживания, городская баня в районном центре; вступили в эксплуатацию водопровод и канализация в Пудоже, поселках Водла, Красноборский и с. Авдеево²¹.

Извечной проблемой для района было отсутствие нормальных дорог. С начала 1960-х гг. развернулось дорожное строительство. По существу, заново прокладывались дороги Пудож – Медвежьегорск, Пудож – Шала, Пудож – Стеклянное. Капитально ремонтировались и другие дороги внутри района с устройством асфальтowego покрытия²². Были построены аэродромы в г. Пудоже и п. Пяльма²³, которые обеспечивали перевозку до 35 тыс. пассажиров в год.

Большим достижением явилась электрификация района. В начале 1960-х гг. вошла в строй ЛЭП мощностью 110 киловатт Белоусово (Вологодская обл.) – Пудож²⁴. В конце 1970-х гг. с завершением строительства ЛЭП Медвежьегорск – Пудож проблема устойчивого энергообеспечения района была полностью снята. Система централизованного электроснабжения охватила все населенные пункты (кроме п. Тамбичозеро). Существенный прогресс был достигнут в сфере средств связи, радио- и телекоммуникации.

С решением дорожной проблемы, строительством аэропортов, совершенствованием водного сообщения были сняты вопросы

---

²¹ Маликов В. Приближать завтрашние радости // Ленинская правда. 1985. 18 сентября; Смирнов В. Пудож далекий и близкий. Медвежьегорск, 1994. С. 2, 53, 54, 64.

²² Кораблев Н.А. Пудож. Петрозаводск, 1983. С. 145, 146.

²³ Нилов Е. Украденные победы.

²⁴ Павлов В. Коренной перелом // Знамя труда (Пудож). 1977. 27 августа.

организации пассажирских и грузовых перевозок как внутри района, так и между нашим глубинным районом и столицей республики – г. Петрозаводском.

До конца 1980-х гг. продолжались работы, связанные с развитием хозяйства Пудожского края, улучшением благосостояния его жителей. Принятые меры позволили стабилизировать отток кадров из района. Было создано достаточное количество рабочих мест, в том числе для молодежи. Большинство пудожан по-доброму вспоминают свою жизнь во второй половине двадцатого столетия. Какие изменения произошли в районе за последние 15–20 лет, это тема для отдельного разговора. Хотелось бы пожелать нынешнему молодому поколению пудожан повнимательнее относиться к опыту прошлого, по достоинству оценить сделанное их предшественниками, в новых условиях возродить и приумножить лучшие традиции земляков.

А. И. Бутвило

**ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР, КАРЕЛЬСКОЙ АССР
И РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ
ОТ ПУДОЖСКОГО РАЙОНА. 1938–1994 гг.**

В советский период изучение новейшей истории нашей страны чрезвычайно осложнялось тотальным идеологическим контролем. Историкам была навязана жесткая модель, основу которой составил «Краткий курс истории ВКП(б)». После XX съезда КПСС эта модель претерпела непринципиальную ревизию, зафиксированную в юбилейных постановлениях ЦК КПСС, столь же обязательных для неуклонного исполнения. В этих условиях историческая картина недавнего прошлого нашей страны оказывалась столь же скучной, сколь и далекой от реальной истории.

Кризис и последующее крушение советской модели социализма не могли не вызвать потрясений в историографии. На место научного по методам и догматического по методологии подхода пришло публицистическое освоение советского прошлого, чрезвычайно эмоциональное и нацеленное не на создание новой целостной концепции, а на освещение «белых» пятен, которые правильнее было бы назвать «черными» пятнами в истории страны, стыдливо замалчивавшимися советской историографией.

Этот этап был закономерной реакцией на предшествующий историографический официоз, и его следовало пережить. Но он не мог не вызвать некоторых негативных последствий. После публицистического всплеска произошло резкое падение интереса к советской истории. В частности, в музейной практике это выразилось в практически тотальном исчезновении советских разделов экспозиций. И сегодня, когда публицистический период освоения

советской истории практически завершился, когда на новой, плюралистической методологической основе возобновилось ее научное изучение, музеи остаются «слабым звеном» в этой работе.

Безусловно, задача отражения в музейной экспозиции такого непростого и противоречивого этапа в истории страны чрезвычайно сложна, и решать ее следует постепенно. Но игнорировать более семидесяти лет нельзя. Они вместили жизнь нескольких поколений россиян, и жизнь эта была богаче и разностороннее как советских, так и антисоветских представлений о ней.

Одним из возможных первых шагов в формировании новых разделов музейных экспозиций по советскому периоду могут быть тематические коллекции, посвященные депутатам районных и республиканских органов власти от данного района или города. Не вдаваясь в научный анализ особенностей советской демократии, следует сказать, что, как правило, депутатами становились действительно достойные люди. Да, выборы были формальными; да, проводился тщательный предварительный отбор, но он носил не только идеологический характер. Многие депутаты, пассивно пребывая на сессиях советов, активно работали в своих округах, пытались решать проблемы избирателей.

Музеи должны действовать в тесном контакте со школами. Для детей история своего края должна быть предельно конкретной, зримой, очевидной. И обращение к изучению жизни своих земляков, а то и соседей, являвшихся депутатами, позволяет решать такую задачу.

В настоящее время завершается работа над справочником о депутатах Карелии. Но для того чтобы можно было начать краеведческую работу уже сегодня, мы публикуем список депутатов от Пудожского края, надеясь, что он будет полезен для учителей и музейных работников района.

Верховный Совет КАССР, 1938–1940 гг.

Анухина Анна Степановна, бригадир женской тракторной бригады Пудожской МТС, 1912 г. р., член ВЛКСМ. Пудожско-Коловский избирательный округ.

Горбачев Марк Васильевич, Председатель Верховного Совета КАССР, 1902 г. р., член ВКП(б). Шальский избирательный округ.

Денисова Мария Алексеевна, счетовод колхоза «Третий решающий», 1910 г. р., кандидат в члены ВКП(б). Каршевский избирательный округ.

Егоров Александр Васильевич, председатель президиума Карпотребсоюза, 1902 г. р., член ВКП(б). Кривецкий избирательный округ.

Запоржин Алексей Александрович, председатель Пудожского райисполкома, 1903 г. р., член ВКП(б). Авдеевский избирательный округ.

Каджев Михаил Васильевич, секретарь Пудожского райкома ВКП(б), 1903 г. р., русский, член ВКП(б). Пудожский избирательный округ.

Финкель Семен Исаакович, начальник Управления связи КАССР, 1905 г. р., член ВКП(б). Кутанаволокский избирательный округ.

Верховный Совет КФССР, первый созыв, 1940–1947 гг.

Бугнин Петр Константинович, председатель Пудожского райисполкома, 1905 г. р., член ВКП(б). Пудожский избирательный округ.

Денисова Мария Алексеевна, инструктор Пудожского райкома КП(б) КФССР, 1910 г. р., член ВКП(б). Каршевский избирательный округ.

Егоров Александр Васильевич, председатель Карпотребсоюза, 1902 г. р., член ВКП(б). Кривецкий избирательный округ.

Иванов Моисей Фролович, нарком коммунального хозяйства КФССР, 1896 г. р., член ВКП(б). Авдеевский избирательный округ.

Саккеус Владимир Карлович, председатель Карельского рыбакколхозсоюза, 1903 г. р., член ВКП(б). Водлозерский избирательный округ.

Финкель Семен Исаакович, начальник Управления связи КФССР, 1905 г. р., член ВКП(б). Шальский избирательный округ.

Шверник Николай Михайлович, первый секретарь ВЦСПС, председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, 1888 г. р., кандидат в члены Политбюро, член Оргбюро ЦК ВКП(б). Пудожско-Коловский избирательный округ.

Верховный Совет КФССР, второй созыв, 1947–1951 гг.

Альперович Борис Самойлович, заместитель Председателя Совета Министров КФССР, председатель Государственной плановой комиссии при Совете Министров КФССР, 1901 г. р., член ВКП(б). Авдеевский избирательный округ.

Егоров Александр Васильевич, заместитель Председателя Совета Министров КФССР, 1902 г. р., член ВКП(б). Кривецкий избирательный округ.

Иванов Владимир Алексеевич, министр коммунального хозяйства КФССР, 1907 г. р., член ВКП(б). Шальский избирательный округ.

Крачун Николай Иванович, 3-й секретарь ЦК КП(б) КФССР, 1906 г.р., член ВКП(б). Пудожский сельский избирательный округ.

Минченко Павел Илларионович, председатель Верховного суда КФССР, 1885 г. р., член ВКП(б). Пудожский городской избирательный округ.

Смирнова Александра Дмитриевна, бригадир колхоза «Ударник», 1893 г. р., беспартийная. Каршевский избирательный округ.

Шверник Николай Михайлович, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, 1888 г.р., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Водлозерский избирательный округ.

Верховный Совет КФССР, третий созыв, 1951 – 1955 гг.

Егоров Александр Васильевич, заместитель Председателя Совета Министров КФССР, 1902 г. р., член ВКП(б). Шальский избирательный округ.

Замятина Наталья Наумовна, рыбачка Водлозерского рыбопункта Шальского рыбозавода, 1906 г. р., беспартийная. Пудожский сельский избирательный округ.

Рудаков Александр Федорович, председатель Авдеевского сельского совета, 1907 г. р., член ВКП(б). Авдеевский избирательный округ.

Серов Иван Кузьмич, председатель Пудожского райисполкома, 1905 г. р., член ВКП(б). Кривецкий избирательный округ.

Чупий Василий Васильевич, первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР, 1919 г. р. член ВКП(б). Каршевский избирательный округ.

Шверник Николай Михайлович, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, 1888 г. р., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Пудожский городской избирательный округ.

Верховный Совет КФССР, Верховный Совет КАССР (с 1956 г.), четвертый созыв, 1955 – 1959 гг.

Амозов Андрей Федорович, директор Пудожского леспромхоза, 1914 г. р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Гомырина Александра Дмитриевна, председатель колхоза «Вперед», 1915 г. р., член КПСС. Пудожский сельский избирательный округ.

Гришкин Иван Николаевич, первый секретарь Пудожского райкома КПСС, 1915 г. р., член КПСС. Каршевский избирательный округ.

Егоров Александр Васильевич, министр коммунального хозяйства КФССР и КАССР, 1902 г. р., член КПСС. Шальский избирательный округ.

Рудаков Александр Федорович, председатель Авдеевского сельского совета, 1907 г. р., член КПСС. Авдеевский избирательный округ.

Шверник Николай Михайлович, председатель ВЦСПС, 1888 г. р., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Пудожский городской избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, пятый созыв, 1959 – 1963 гг.

Голубев Петр Иванович, тракторист Бочиловского леспромхоза, 1927 г. р., русский, беспартийный. Шальский избирательный округ.

Гришкин Иван Николаевич, первый секретарь Пудожского райкома КПСС, 1915 г.р., член КПСС. Каршевский избирательный округ.

Кондрашова Мария Александровна, доярка совхоза «Пудожский», 1935 г. р., беспартийная. Пяльмский избирательный округ.

Королев Вячеслав Константинович, начальник Управления лесной промышленности Совета народного хозяйства Карельского экономического административного района, 1914 г. р., член КПСС. Кубовский избирательный округ.

Моисеев Василий Федорович, управляющий Кривецкой фермой совхоза «Пудожский», 1909 г. р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Ремизов Николай Алексеевич, председатель Пудожского райисполкома, 1920 г. р., член КПСС. Пудожский избирательный округ.

Родина Мария Николаевна, мастер сплава Подпорожского ряда Пудожской сплавной конторы, 1921 г. р., беспартийная. Коловский избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, шестой созыв, 1963–1967 гг.

Анхимов Николай Михайлович, председатель Карельского областного совета профсоюзов, 1910 г. р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Иванов Ермолай Алексеевич, начальник комбината «Пудожлес», 1912 г. р., член КПСС. Кубовский избирательный округ.

Кабанов Иван Андреевич, машинист паровоза Пяльмского леспромхоза, 1932 г. р., член КПСС. Пяльмский избирательный округ.

~~~~~

Кужаров Александр Александрович, бригадир малой комплексной бригады Пудожского леспромхоза, 1933 г. р., беспартийный. Коловский избирательный округ.

Митюшина Ольга Ивановна, бригадир совхоза «Онежский», 1935 г. р., кандидат в члены КПСС. Каршевский избирательный округ.

Поснов Виктор Сергеевич, секретарь Пудожского промышленно-производственного комитета КПСС, 1932 г. р., член КПСС. Шальский избирательный округ.

Степанов Владимир Севастьянович, секретарь Карельского обкома КПСС, 1927 г. р., член КПСС. Авдеевский избирательный округ.

Чуркина Валентина Васильевна, учительница Пудожской одиннадцатилетней школы, 1924 г. р., беспартийная. Пудожский избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, седьмой созыв, 1967–1971 гг.

Исаков Андрей Александрович, первый заместитель Председателя Совета Министров КАССР, 1909 г. р., член КПСС. Шальский избирательный округ.

Логинов Анатолий Николаевич, первый секретарь Пудожского райкома КПСС, 1931 г. р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Макарова Вера Ивановна, бригадир совхоза «Пудожский», 1938 г. р., русская, член КПСС. Пудожский избирательный округ.

Новожилова Антонина Федотовна, рабочая Подпорожского сплавного рейда, 1934 г. р., беспартийная. Коловский избирательный округ.

Подгорный Василий Трофимович, тракторист совхоза «Возрождение», 1921 г.р., беспартийный. Авдеевский избирательный округ.

Романов Василий Афанасьевич, министр сельского хозяйства КАССР, 1925 г. р., член КПСС. Каршевский избирательный округ.

Смолянинов Виктор Васильевич, шофер Пяльмского леспромхоза, 1932 г.р., беспартийный. Пяльмский избирательный округ.

Ягодников Юрий Александрович, начальник Карельского производственного объединения лесной промышленности, 1931 г. р., член КПСС. Кубовский избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, восьмой созыв, 1971 – 1975 гг.

Балдин Николай Сергеевич, оператор сплоточной машины Подпорожского рейда Пудожской сплавной конторы, 1929 г.р., беспартийный. Коловский избирательный округ.

Дмитриев Анатолий Серафимович, машинист тепловоза Кубовского леспромхоза, 1935 г.р., беспартийный. Кубовский избирательный округ.

Исаков Андрей Александрович, первый заместитель Председателя Совета Министров Карельской АССР, 1909 г.р., член КПСС. Шальский избирательный округ.

Логинов Анатолий Николаевич, первый секретарь Пудожского райкома КПСС (с 1972 г. начальник управления профтехобразования КАССР), 1931 г.р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Макарова Вера Ивановна, главный агроном совхоза «Пудожский», 1938 г.р., член КПСС. Пудожский избирательный округ.

Скресанов Валентин Михайлович, с 1972 г. первый секретарь Пудожского райкома КПСС. 1931 г.р., член КПСС. Пяльмский избирательный округ. Вновь избран в 1972 г. вместо выбывшего депутата Ю. А. Ягодникова (см. ниже).

Теплова Вера Сергеевна, телятница Семеновской фермы совхоза «Онежский», 1928 г.р., беспартийная. Каршевский избирательный округ.

Ягодников Юрий Александрович, начальник Карельского производственного объединения «Кареллеспром», 1931 г.р., член КПСС. Пяльмский избирательный округ. В связи с переводом на работу в Москву в 1972 г. сложил полномочия депутата Верховного Совета КАССР.

Якушева Анна Дмитриевна, доярка совхоза «Возрождение», 1929 г. р., беспартийная. Авдеевский избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, девятый созыв, 1975 –1980 гг.

Гришин Владимир Борисович, токарь-фрезеровщик Пудожского филиала Петрозаводского ремонтно-механического завода, 1952 г. р., член ВЛКСМ. Пудожский избирательный округ.

Денежкина Мария Васильевна, бригадир совхоза «Пудожский», 1934 г. р., беспартийная. Кривецкий избирательный округ.

Запечин Геннадий Александрович, машинист узкоколейной железной дороги Пяльмского леспромхоза, 1947 г. р., член КПСС. Пяльмский избирательный округ.

Иванов Юрий Николаевич, начальник объединения «Кареллеспром», 1929 г. р., член КПСС. Кубовский избирательный округ.

Кондрашова Мария Александровна, доярка совхоза «Возрождение», 1935 г. р., член КПСС. Авдеевский избирательный округ.

Кузьмин Николай Кузьмич, вальщик леса Коловского лесопункта Пудожской сплавной конторы, 1937 г. р., член КПСС. Коловский избирательный округ.

Савинов Леонид Георгиевич, министр просвещения КАССР, 1927 г. р., член КПСС. Каршевский избирательный округ.

Скресанов Валентин Михайлович, первый секретарь Пудожского райкома КПСС, 1931 г. р., член КПСС. Шальский избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, десятый созыв, 1980 – 1985 гг.

Елина Анна Васильевна, бригадир животноводческой фермы совхоза «Онежский», 1931 г. р., беспартийная. Шальский избирательный округ.

Жешко Иван Михайлович, оператор сучкорезной машины Пяльмского леспромхоза, 1940 г. р., член КПСС. Пяльмский избирательный округ.

Иванов Юрий Николаевич, начальник Всесоюзного промышленного объединения «Кареллеспром», 1929 г. р., член КПСС. Кубовский избирательный округ.

Кирилова Валентина Владимировна, бригадир Римской животноводческой бригады совхоза «Возрождение», 1957 г. р., член ВЛКСМ. Авдеевский избирательный округ.

Немчанинов Анатолий Митрофанович, министр жилищно-коммунального хозяйства КАССР, 1925 г. р., член КПСС. Пудожский избирательный округ.

Скресанов Валентин Михайлович, первый секретарь Пудожского райкома КПСС, 1931 г. р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Харанен Михаил Петрович, заместитель Председателя Совета Министров КАССР, 1928 г. р., член КПСС. Пудожский сельский избирательный округ.

Верховный Совет КАССР, одиннадцатый созыв, 1985–1990 гг.

Волков Борис Иванович, министр финансов Карельской АССР, 1932 г.р., член КПСС. Кривецкий избирательный округ.

Дорофеев Алексей Александрович, водитель лесовозной автомашины Водлинского леспромхоза, 1943 г. р., беспартийный. Кубовский избирательный округ.

Корзина Зинаида Александровна, браковщица пиломатериалов Пудожского лесозавода, 1959 г. р., член ВЛКСМ. Шальский избирательный округ.

Курганский Александр Евгеньевич, водитель лесовозного автомобиля Пяльмского леспромхоза, 1956 г.р., член ВЛКСМ. Пяльмский избирательный округ.

Маликов Василий Иванович, первый секретарь Пудожского районного комитета КПСС, 1946 г. р., член КПСС. Горьковский избирательный округ. Вновь избран в 1986 г. вместо выбывшего депутата Л. И. Провоторовой (см. ниже).

Петров Василий Васильевич, заведующий отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности Карельского обкома КПСС, 1940 г. р., член КПСС. Пионерский избирательный округ.

Провоторова Любовь Ивановна, доярка совхоза «Пудожский». 1950 г. р., русская, беспартийная. Горьковский избирательный округ. В 1986 г. сложила с себя депутатские полномочия.

Верховный Совет КАССР, Верховный Совет Республики Карелия (с 1991 г.), двенадцатый созыв, 1990–1994 гг.

Дурнев Николай Дмитриевич, директор Пяльмского комплексного леспромхоза, 1949 г. р., член КПСС. Пяльмский избирательный округ.

Жуков Николай Николаевич, директор Кривецкого комплексного леспромхоза, 1949 г. р., член КПСС. Кубовский избирательный округ.

Маликов Василий Иванович, первый секретарь Пудожского районного комитета КПСС, 1946 г. р., член КПСС. Шальский избирательный округ.

Минин Анатолий Васильевич, главный врач Пудожской центральной районной больницы, 1946 г. р., член КПСС. Пионерский избирательный округ.

Черникович Николай Васильевич, начальник Пудожского районного комитета народного контроля, 1936 г. р., член КПСС. Горьковский избирательный округ.

В. Н. Смирнов

ШАЛА: ЛЮДИ И ГОДЫ

Данное сообщение я посвящаю своей малой родине – поселку Шальский Пудожского района Республики Карелия. В нем я провел детские годы, окончил семилетнюю, затем среднюю школу, а после окончания Карельского педагогического института девять лет проработал учителем в заводской средней школе этого поселка.

Шала – один из старейших населенных пунктов Пудожского края. Шальский «Спасской погост возли Онега» упоминается в «Обводной книге» 1391 г. в качестве Обонежской вотчины Новгородского Юрьева монастыря¹. В разводной грамоте на земли Вяжицкому и Юрьеву монастырям, датируемой 1505 г., мы встречаем известие о Шальском Спасском монастыре. Грамота написана дьяком Спасского монастыря Нектарием².

По писцовой книге 1583 г. за Юрьевым монастырем в Шальском погосте числилось 27 деревень. Вотчина была не захудалой, а пользовалась известностью как торговое место. К примеру, у здешнего «попа Тита» имелось два амбара под клетью да под

¹ В настоящее время сама «Обводная грамота» считается поддельной и время ее написания относят к XVII в., но не исключено, что некоторые сведения для нее монахи взяли из какого-то раннего источника. О доказательствах поддельности см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 359. Впрочем, не вызывает сомнений, что сами погосты вокруг Онежского озера активно возникали в XIII–XIV вв., а вотчинная колонизация здешних земель новгородскими боярами и монастырями началась во второй половине XIV в. (История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 84–85). *Прим. ред.*

² Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сб. документов / Под ред. В.Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 127.

горницею для торга рыбою и товаром»³. Это говорит о значимости Шалы для Юрьева монастыря.

Район Шалы издавна славился как рыбный край. Исследователь рыболовства на Онежском озере Н. Н. Пушкарев в 1895 г. сделал описание рыбачьего стана в Шале: «Рыбаки живут очень скученно, грязно. Меня, как очень редкого и почетного гостя, рыбаки поместили, после долгих обсуждений и советов, в самой большой (широкой и высокой) избушке. Избушка эта имела, однако, только 6 аршин длины, около 4 аршин ширины (2,8) и не более 2½ – 2¾ аршин в высоту. Здесь собирались спать человек 8–9 народа»⁴. Н. Н. Пушкарев оценивал шальский улов на рубеже XIX–XX вв. в 36, 5 тыс. руб. (при 200 тыс. руб. в целом по Онежскому озеру)⁵.

В д. Теребовская в 1929 г. был создан первый в районе рыболовецкий колхоз «Прибой». Его возглавлял В. Я. Бесов. Хозяйство вплоть до кампании по насаждению в Карелии совхозной формы сельского производства в конце 1950-х гг. велось прибыльно. На средства колхозников в деревне был открыт памятник В. И. Ленину, он стоит и теперь. До конца XX в. в устье р. Водлы находились склады, где хранились уловы рыбы, добываемой в Онего местными бригадами.

Шала – ведущий центр промышленного производства на пудожской земле. Еще в 1785 г. здесь имелись два действующих стеклянных завода, описанных Г. Р. Державиным и академиком Н. Я. Озерецковским⁶. С этой даты может вести отсчет своей истории один из шальских микрорайонов – п. Стеклянное.

³ Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск – Йоэнсуу, 1993. С. 215–224.

⁴ Цит по кн.: Пименов В., Эпитетайн Е. Карелия глазами путешественников и исследователей. Петрозаводск, 1969. С. 243. 1 аршин равен 71 см. Следовательно, рыбачья избушка имела длину 4,2 м, ширину 2,8 м и высоту 1,8–2 м.

⁵ См.: Вахрамеева Т.И., Кораблев Н.А. Влияние социально-экономических условий на особенности народной архитектуры восточного Обонежья второй половины XIX–XX вв. // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 47.

⁶ См.: Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Эпитетайн Е.М. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 98, 99; Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 183–184.

В 1870 г. в Шале, на правом берегу Водлы, петербургским купцом Н.А. Русановым был построен первый лесопильный завод. Действовал он сравнительно недолго, до начала 1890-х гг., но местность, где он находился, старожилы до сих пор называют Русановкой. В 1882 г. вступил в строй более мощный, трехрамный лесопильный завод другого столичного купца – Д. Н. Лебедева⁷. Данное предприятие, пройдя через ряд реконструкций и перестроек, функционирует и в настоящее время (ныне Пудожский лесозавод АО «Варлен и Ауэр»). Оно расположено на левом берегу Водлы, у ее протоки Корелка, близ острова Мокрого. Самая известная династия на заводе – Рудные, ее трудовой стаж перевалил за 400 лет⁸. Интересно, что представители некогда зажиточного крестьянского семейства Штурминых (д. Зехово), которое до революции занималось заготовкой древесины для сбыта, в советские годы тоже составили одну из заводских династий.

В 1930-е гг. через п. Стеклянное проходил путь репрессированных: одних везли пароходами дальше – на Пудож, других высаживали в самом Стеклянном, определяли на работу в ближайшие лагпункты. Воспоминания о лагпунктах Шалы и Бочилова приводит М. Д. Пузырев в книге «Мысли в смутное время». Пузырев и его товарищи по несчастью трудились, судя по описанию, в мастерских при бывшей электростанции и жили в больших домах «добротных, бревенчатых», где имелись «двууровневые нары 2+2 без постелей, одеял или чего иного; кухня...». Далее автор пишет: «Мы хорошо работали по 10 часов и имели один выходной день в неделю. Мало кому в то время удалось пожить в таких аристократических условиях... Но были и тяжелые работы, прежде всего в Гольцах. Когда началась война, прошел в 1941 г. за 9 дней в летнюю жару от Шальского порта через Пудож, Пирзаково, Лекшму в Каргополь»⁹.

⁷ Пудожский лесопильный завод. К 100-летию основания предприятия. Пудож, 1982. С. 3–4.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Пузырев М.Д. Мысли в смутное время. Архангельск, 2000. С. 52.

По воспоминаниям Николая Митрофановича Горностаева, работавшего в п. Стеклянное в 21-м отделении Белбалткомбината, только в мастерских при электростанции в 1930-е гг. приходилось распределять задания для 150–160 заключенных.

До недавнего времени в Стеклянном сохранялись остатки железнодорожной колеи, державшиеся на болоте за счет старых шпал. Здесь когда-то проходила УЖД на другие командировки лагпункта – на урочища Керсонь, Восьмое, Казачья Кара...

В период Великой Отечественной войны пристань Шала принимала поток эвакуированных из Петрозаводска и западных районов Карелии. Предприятием оборонного значения стал лесозавод, выпускавший лыжи и лыжные палки, а также снарядные ящики для Карельского фронта. В 1942 г. в его цехах работали 496 рабочих, из них 289 женщин и 35 подростков. В Шале разместилась одна из баз карельских партизан, здесь же находилась передовая база Онежской военной флотилии. 10 марта 1942 г. в поселке произошел единственный на территории Пудожского района за время войны бой, в ходе которого наши партизаны и пограничники уничтожили финский диверсионный отряд численностью в 80 человек.

В послевоенный период какое-то время для работы на сплаве древесины в д. Белоглазовская (Стеклянский рейд) привлекали военнопленных. В Стеклянном долгое время стоял дом, где они ночевали. В д. Теребовская располагался медпункт, в котором лечили пленных немцев. Об этом мне рассказывала фельдшер Москаleva, которая в нем работала.

В здешних местах жили талантливые исполнители былин: П. Т. Антонов (Потахин) из д. Гагарка и оставшийся безвестным шальский лодочник, записи от которых делал первооткрыватель живого бытования русского эпоса П. Н. Рыбников. С д. Семеново неразрывно связаны жизнь и творчество знаменитых сказителей – членов Союза писателей СССР Ф. А. Конашкова и А. М. Пашковой, а также признанного знатока сказочного фольклора И. П. Савинковой¹⁰.

¹⁰ Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т.Г. Курец. Петрозаводск, 2003. С. 29, 30, 117–133, 203–214, 254, 255, 320, 321.

Еще в пореформенный период XIX в. в Шале появились первые школы – церковно-приходская и одноклассная министерская. По данным за 1907 г., в церковно-приходской школе, находившейся в д. Теребовская, занимался 41 учащийся. Преемницей упомянутой Теребовской школы стала Шальская семилетняя школа, в которой мне довелось учиться (непродолжительное время, очевидно, в 1941–1945 гг. она состояла в ранге средней). Школа эта размещалась в двух деревнях – в Зехово, в имении купца Д. Катайкова, и в Теребовской, в доме Гудковых. В Зехово в бывшем двухэтажном купеческом доме с кафельными печами были учебные классы; в бывшем магазине – школьные мастерские. Еще одно двухэтажное строение – бывшая пекарня – использовалось под жилье. Изучая архив Шальской семилетней школы, я обнаружил список ее работников за 1951 г. Многих из семнадцати учителей, значившихся в этом списке, мне довелось знать. Двое из них – З. А. Кережина и Е. И. Васильева, по моим данным, имели почетное звание «Заслуженный учитель Карелии».

Под номером 7 в списке я нашел полуза забытое ныне имя директора школы Клавдии Михайловны Кораблевой. Указано, что она является руководителем интерната, награждена орденом Ленина. По рассказам старожилов, учительница удостоена одной из высших наград страны за ликвидацию неграмотности. В Шале ликвидация неграмотности среди взрослых была почти поголовной. Самых неспособных научили расписываться.

Клавдия Михайловна была дочерью священника Теребовской церкви Михаила Никаноровича Попова, который одновременно заведовал и церковно-приходской школой. Профессию учительницы получила в Петрозаводском епархиальном училище, после окончания которого начала работать в «отцовской» школе. Вышла замуж за односельчанина, служившего бухгалтером на шальской пристани, Александра Тимофеевича Кораблева (двоюродный брат А. Ф. Кораблева). Всю свою жизнь Клавдия Михайловна отдала любимому делу воспитания и обучения детей. В книге историка народного образования Карелии Н. Г. Кучепатова она упоминается в числе лучших учителей республики, в течение многих лет не

имевших неуспевающих учеников¹¹. К. М. Кораблева умерла в 1953 г., похоронена в Ломанцах, в 7 км от п. Шальский, вверх по течению р. Водлы.

Семилетняя школа в Зехово и Теребовской продолжала действовать до 1970-х гг., затем была переведена в Стеклянное и впоследствии закрылась. Что же касается средней школы, то вскоре после войны она «переехала» на левобережную, лесозаводскую сторону, где ныне проживает большая часть населения поселка.

Самым известным питомцем «старой» Шальской средней школы стал ее выпускник 1944 г. Анатолий Георгиевич Овчинников. Два его старших брата погибли на фронте в годы Великой Отечественной войны. В школе Овчинников был отличником, затем он успешно окончил Московское высшее техническое училище им. Баумана (ныне Московский государственный технический университет) и посвятил свою трудовую жизнь этому известнейшему российскому вузу. Ныне Анатолий Георгиевич – крупный ученый, доктор технических наук, профессор, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

А. Г. Овчинников известен не только как признанный научный авторитет. Все годы учебы и работы в техническом университете он увлеченно занимался альпинизмом. Заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР А.Г. Овчинников совершил восхождение на многие труднодоступные горные вершины Европы и Азии, входил в число сильнейших альпинистов мира. У английских коллег он, наряду с другим прославленным советским горо-восходителем М. Хергиани, получил почетнейший неофициальный титул «тигра скал». В 1982 г., являясь старшим тренером сборной СССР, обеспечил первое в истории отечественного альпинизма восхождение на величайшую вершину мира – г. Эверест (8848 м)¹².

¹¹ Кучепатов Н.Г. Школа в дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1956. С. 105.

¹² См.: Овчинников А.Г. Альпинисты МВТУ им. Н. Э. Баумана. М., 1998. С. 16, 21–23, 449–503, 542.

Несколько раз в году А. Г. Овчинников приезжает в п. Шальский, где сохранился родительский дом, чтобы повидаться с друзьями школьных лет. Бывалый спортсмен до морозов плавает в р. Водле, в зимнее время катается на лыжах.

На мой взгляд, п. Шальский, обладающий богатым историческим прошлым, достоин иметь свой краеведческий музей. Его можно разместить в п. Стеклянное и даже в д. Теребовская (или Белоглазовская). Филиалом музея под открытым небом могут стать онежские петроглифы. Создание музея способствовало бы устойчивому развитию поселка.

Стоило бы вспомнить и о старых шальских кладбищах. В районе Стеклянного мне известно три: одно православное – на территории бывшей электростанции (под нее было приспособлено здание недостроенной из-за начавшейся Первой мировой войны церкви, там похоронен, со слов моей мамы, ее отец, который скончался в июле 1914 г.), на двух других кладбищах погребали иностранцев. Ближнее из них – в болотинке, по соседству с ул. Новой, называли финским. Помню его кресты, подгнившие, валявшиеся в воде. Другое, дальнее – за Пудожским шоссе, на сухом песчаном месте в лесу, на нем и теперь есть некоторые плиты с надписями, там были и кресты, на иных – немецкие каски.

Еще одно кладбище находилось при приходской церкви в д. Теребовская, там была похоронена моя бабушка. Здесь же покоялись останки представителя одной из известных шальских династий – лесопромышленника Василия Семеновича Кораблева (1846–1909 гг.), одно время состоявшего в купцах 2-й гильдии. Он приходился родным дядей основателю Пудожского районного музея, уроженцу д. Семеново Александру Федотовичу Кораблеву. К сожалению, и погостское кладбище не сохранилось. В 1960-е гг. все могилы были затоптаны. Нет и здания самой приходской церкви, в 1937 г. превращенного в клуб и прослужившего в данном качестве более двух десятилетий. На заброшенных кладбищах стоило бы установить поминальные кресты.

Говоря словами Г. Р. Державина, проезжавшего рекой Водлой от ее устья до Пудожа, «устье Водлы реки отверзает жителям Пудожского уезда свободный провоз своих произведений в Онего

и через оное в Петербург и другие места»¹³. Эта роль сохранилась. И поныне из Шалы водным путем добротная пудожская древесина доставляется в страны Евросоюза и даже на другие материки.

*Приложение. Список населенных пунктов Шальского сельского совета на 17 декабря 1926 г.*¹⁴

	Название поселения	Число хозяйств	Жителей
1	Белоглазовская, Понизовье, дер.	29	85
2	Новостеклянное, дер.	17	58
3	Новая деревня	11	31
4	Новостеклянская запань, пос.	3	8
5	Остров Гольцы, рабоч. пос.	110	139
6	Пудожский лесоп. завод, пос.	56	108
7	Громовское (пос. лесозавода)	1	7
8	Рабочий поселок	159	381
9	Русановское, пос.	19	52
10	Пустошка мельница, дер.	13	71
11	Рыбацкий поселок, Устье	92	154
12	Теребовская, дер.	74	251
13	Третьянка, Третьянская, дер.	12	54
14	Бальбина, Бальбинская, дер.	44	157
15	Бекетовская, дер.	14	47
16	Бочилово, Бочиловская, дер.	21	100
17	Гагарка, Гагарское, дер.	15	71
18	Дунаевская, дер.	11	52
19	Дигель Наволок, дер.	14	71
20	Зехово, Зеховская, дер.	19	58
21	Калтоногорская, Калтоноговская, дер.	13	59
22	Кашина, дер.	13	54
23	Климовская	4	18
24	Кузнецковская	23	101
25	Молниковская	4	16
26	Непапинская	24	111
27	Прилуцкая	3	14
28	Рагозинская	12	42
29	Семенова, Семеновская	129	396
30	Турбина, Трубинская	20	75
31	Усовская	6	23
32	Ясная Поляна	2	11

¹³ Поденная записка... С. 99, 100.

¹⁴ Список населенных мест Карельской АССР. Петрозаводск, 1928.

М. Л. Гольденберг

БОЛЬШАЯ РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ В КУРСЕ ШКОЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Краеведение перестает быть вспомогательной исторической дисциплиной. Его возвели в ранг национально-регионального компонента содержания образования. Краеведение стали позиционировать как понятие окружающего мира человека. Особую роль в системе краеведения начинает играть городоведение. О большой роли малых городов говорил академик Д.С.Лихачев: «История малых городов – это не другая история России. Это и есть она сама в своем многоцветье»¹⁵. Вспомните свой курс школьной истории. Иногда он напоминал историю Москвы и Петербурга. На периферии, в глубинке, исторические процессы шли своеобразно, часто по-другому, не по столичному клише.

История малых городов дает ученику шанс поработать в лаборатории ученого-историка, ибо предоставляет обширное поле для приобретения навыков исследователя. Но порой учитель не использует эти возможности, так как не обладает умением рассмотреть в истории малых городов большие исторические закономерности.

Такие деятельные методы, как формирование навыков получения, анализа и презентации информации, личная реконструкция и осмысление исторических явлений и событий; все операции, связанные с самоорганизацией школьников, должны занять ведущее место в формировании исторического сознания. Сбор и фиксация исторической памяти на примере малых городов как нельзя лучше соответствуют современному потоку подходов и технологий в

¹⁵ Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М., 1988. С. 43.

сложном процессе строительства личности. Они добавляют к общеучебным навыкам информационные и интеллектуальные аспекты, что позволяет не только запоминать историческое содержание, но и осуществлять инверсию прошлого на настоящее, реконструировать и интерпретировать историческое событие. Трудно переоценить огромный воспитательный потенциал диалога поколений, в формате которого проводится эта работа.

Метафорический образ истории малого города как мультикультурного перекрестка часто эксплуатируется при аналитических размышлениях о трансляции исторической памяти представителями одного поколения другому. Перекресток как символ встречи, а заодно и коррекции выбора пути дает образное ощущение культурно-исторического диалога носителей опыта прошлого с молодежью, обретающей понимание окружающего мира и собственную идентичность в нем.

В профессиональном историческом сообществе проблема технологий сбора исторической памяти в малых городах актуализировалась относительно недавно. В ходе очередной ревизии содержания истории и методики ее преподавания с конца 1980-х гг. вопрос об устной истории рельефно проблематизировался, а список исследований в данной области стал достаточно репрезентативным. Сегодня это одно из самых перспективных направлений реконструкции прошлого.

Эффективность изучения истории малых городов только по текстовой реальности не создает полноты для формирования здорового исторического сознания. «Книжное» изучение истории в отрыве от общения с живыми носителями исторического опыта не может дать студентам представление об истории, как прежде всего об искусстве памяти. История малых городов является плодородной почвой для всходов и сбора исторической памяти. Она – очередное свидетельство активного использования историками современного инструментария социальных и гуманитарных дисциплин. Проблема аккумуляции обществом знания о социальной реальности проецирует вопрос о коллективной памяти как совокупности представлений о прошлом. Педагогическая составляющая

этого явления заключается в формировании всей структуры личности с помощью строительства в ней основ искусства исторической памяти.

Четкого определения исторической памяти не выработано. Историческая память малых городов предоставляет в данном отношении неплохие шансы. С одной стороны, это понятие, скорее всего, концентрирует в себе способность субъекта сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания. С другой – это результат определенных смыслообразующих операций по упорядочению воспоминаний, осуществляемых в ходе формирования исторического сознания путем переработки пережитого опыта. В малых городах носители исторического опыта ближе друг к другу, шире площадь для их трансляции от социума к социуму.

Человек – всегда часть поколения. К. Мангейм дал признаки поколения, относя это понятие скорее к историко-социальному, чем к биологическому. Среди понятийных признаков в структуре поколения он выделял наличие коллективной памяти. Г. Шуман и Ж. Скотт, профессора Мичиганского университета, позиционируют понятие «когорта» как структуру поколения. Они считают, что поколению присуща стратификация на когорты, а они, в свою очередь, отличаются содержанием коллективной памяти¹⁶. Думается, что на микроуровне многие макроисторические процессы выглядят конкретнее, они получают возможность «очеловечиться» и эффективнее строить мосты между когортами разных поколений. История малых городов выступает здесь продуктивной провокацией наведения подобных мостов.

На фоне усложнения знаний о прошлом история малых городов в краеведческом измерении получает свое значительное признание. Ландшафт, климат, почвы, полезные ископаемые сегодня анализируются не только как факторы природной среды, определившие вектор исторического развития, но и как социокультурный конструкт прошлого, который продолжает жить в коллективной

¹⁶ См.: Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.

памяти людей. В конструкцию исторического пространства входят и мифологические архетипы, сакральные объекты, символика литературы и живописи региона, а также экзистенциальная составляющая – переживания людей. Все перечисленное должно быть наделено индивидуальными культурными смыслами. Исторические «пейзажи», окружающие людей, определяют эмоциональную связь с малой родиной, влияют на этническую идентичность.

Локальная история несет в себе смыслотворческий потенциал, так как она обеспечивает исторической памятью население соответствующей местности и, в отличие от общегосударственной истории, питает привязанность человека к малой родине, связывает сокровенными жизненными нитями с прошлым и материальной культурой предков. Этим и объясняется сегодняшний бум интереса к регионоведению. Локальная история достаточно компактна, близка и понятна, наглядна и укоренена в семейном прошлом, ее можно «вспоминать» и презентировать в интерьерах повседневного существования. В конечном счете она лучше, чем просто знание о человечестве, совмещается со структурами индивидуальной и социальной памяти.

История малых городов в локальном измерении школьной истории несет в себе потенциал более глубокого понимания макроисторических процессов в дискурсе микроистории.

A. V. Кантышева

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МУЗЕИ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Музейная сеть Республики Карелия представлена музеем федерального значения (Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»), музеями республиканского подчинения (Музей изобразительных искусств Республики Карелия; Карельский государственный краеведческий музей с филиалами – музей «Марциальные воды», Шелтозерский вепсский этнографический музей) и тринадцатью муниципальными музеями:

- Беломорский районный краеведческий музей «Беломорские петроглифы».
- Кемский городской краеведческий музей «Поморье».
- Региональный музей Северного Приладожья Сортавальского муниципального района.
- Медвежьегорский районный музей.
- Олонецкий национальный музей карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина.
- Питкярантский городской краеведческий музей им. В. Ф. Себина.
- Пудожский историко-краеведческий музей им. А. Ф. Кораблева.
- Музейный центр г. Сегежи.
- Калевальский национальный краеведческий музей.
- Костомукшский городской музей (в составе муниципального учреждения культуры «Культурно-музейный центр»).
- Кондопожский городской краеведческий музей (в составе муниципального учреждения культуры «Кондопожский центр культур»).

-
- Куркиекский краеведческий центр.
 - Национальный центр сямозерских карел «Сямозерье».

Муниципальные музеи представляют жителям и гостям нашей республики уникальность природы, истории и культуры края, результаты плодотворного взаимодействия различных культур на его территории, место и роль Карелии в истории России, вклад региональной культуры в мировую цивилизацию. Деятельность музеев направлена на формирование и продвижение позитивного внутреннего и внешнего имиджа края. Ежегодно музеи Республики Карелия посещают около 200 тыс. человек. Для посетителей проводится более 5 тыс. экскурсий, читается около 800 лекций.

Создание экспозиций – наиболее сложный вид музейной деятельности. Сегодня основа экспозиционной работы музеев РК – выставки, чаще всего этнографического или художественного профиля.

В 2005 г. многими музеями были организованы выставки, рассказывающие об истории родного края, традициях и обычаях финно-угорских народов. Так, в Шелтозерском музее проводились выставки: «Вепсы» (в рамках мурманской выставки «Прикладное искусство коренных народов Баренц-региона: традиции и современность»), «Возрождение духовной культуры Вепсского края», «Из истории Прионежского райпо». Куркиекский краеведческий центр представлял выставку «Предметы быта XIX–XX веков». Кемский городской краеведческий музей «Поморье» организовал краеведческие выставки по темам: «Духовная и материальная культура поморов», «История воинской части п. Сокол». Костомукшский городской музей создал интересную и познавательную выставку «Этнография беломорской Карелии на рубеже XIX–XX вв.». Значительный интерес у жителей столицы республики вызвала выставка «Пудож купеческий», проведенная в марте – мае 2006 г. Пудожским районным историко-краеведческий музеем им. А. Ф. Кораблева на базе экспозиционно-выставочного центра музея-заповедника «Кижи».

Ежегодно в муниципальных музеях проводятся разнообразные мероприятия, посвященные Дню Победы в Великой Отечествен-

ной войне. В январе-феврале 2005 г. краеведческий музей г. Кондопоги объявил акцию «Война прошла через мою семью», в рамках которой многие родственники ветеранов передали в музей материалы периода Великой Отечественной войны. Данные документы впоследствии использовались на музейной выставке «Кондопога в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В Пудожском историко-краеведческом музее им. А. Ф. Кораблева были проведены встречи с ветеранами, посвященные 60-летию Победы, и оформлен «Зал памяти». В апреле 2005 г. в п. Куркиски прошли краеведческие чтения к 60-летию Победы, на которых сотрудники местного краеведческого центра выступили с докладами о военных событиях на территории Лахденпохского района в 1941 г. В мае 2005 г. в Костомукшском городском музее была открыта фотогалерея «Вы отстояли и победили».

Помимо основной деятельности, муниципальные музеи активно осваивают новое для них направление – музейный туризм, что также способствует более детальному изучению и пропаганде истории родного края.

Наиболее интересными в краеведческом плане являются маршруты Олонецкого национального музея – «По святым местам Олонии», «Православный Олонец», «Что деревня, то обычай». Автобусная экскурсия «По святым местам Олонии» предполагает посещение туристами Александро-Свирского монастыря, экскурсию в музее на тему «Распространение христианства в Олонецком kraе», посещение собора Смоленской Божией Матери, кладбища и Успенской церкви в районном центре. В текст экскурсии по пути следования включена информация о старообрядчестве и рассказ о похоронном обряде олонецких карел. Маршрут «Что деревня, то обычай» носит этнографический характер. Экскурсантам предлагается автобусная поездка по маленьkim южнокарельским деревням, сохранившим и по сей день старый олонецкий колорит. Маршрут пролегает через деревню мастеров соломенных шляпок – Мегрегу, деревню ювелиров – Юрелицу и через деревню охотников и рыболовов – Куйтежу. Каждая деревня имела своего покровителя, свой праздник и свои особые традиции. Жемчужиной

маршрута является д. Большая Сельга, сохранившая свой первозданный вид. Сегодня это комплексный памятник зодчества карелов-ливвиков XIX в. с карельскими избами, баньками по-черному, родниковыми колодцами и изгородями с поэтическим названием «журавлиное крыло». Именно с таких деревень когда-то начинался и г. Олонец.

Питкярантский краеведческий музей предлагает новый туристский маршрут по старинным горным заводам города и окрестностей. Пудожский историко-краеведческий музей им. А. Ф. Кораблева организует экскурсионные поездки на Бесов Нос, по маршруту «Петроглифы полуострова Кочковнаволок» и культурно-познавательные туры по району. Сегежским музеем разработаны и апробированы маршруты Сегежа – п. Надвоицы, д. Надвоицы – Войцкий падун. Медвежьегорский районный музей знакомит посетителей с маршрутами «Медвежьегорск – центр ГУЛАГа», «Медвежьегорский укрепрайон – история и современность», «Серебряное кольцо Заонежья».

Региональный музей Северного Приладожья предлагает туристам и экскурсантам автобусно-пешеходный маршрут «История горы Паасо», пролегающий от музея до археологических раскопок городища Паасонвуори. В ходе экскурсии ведется рассказ о заселении Северного Приладожья, археологических раскопках, топонимике горы Паасо.

Кемский городской краеведческий музей «Поморье» организует выездные экскурсии: «Кемь – старинный центр карельского Поморья», «Панозеро – жемчужина Севера», разработана экскурсия «Кемь – ворота ГУЛАГа»

Все музеи РК принимают участие в ежегодной республиканской выставке «Карелия туристская», где презентуют свои услуги представителям туристических фирм Северо-Запада.

Муниципальные музеи с каждым годом все активнее и успешнее занимаются проектной деятельностью, которая способствует развитию краеведения в районах Республики Карелия.

В 1999–2000 гг. Беломорским районным краеведческим музеем был разработан и реализован проект «Фестиваль первобытной культуры на беломорских петроглифах», получивший поддержку Института

«Открытое общество» (Фонд Сороса). Идеи и творческий потенциал этого проекта получили дальнейшее развитие в деятельности музея – была разработана интерактивная экскурсия с включением элементов «первобытного пятиборья», пользовавшаяся неизменным успехом у посетителей музея, что позволило привлечь денежные средства, а также послужило дополнительной рекламой музею в туристском бизнесе.

В 2005 г. Кемский городской краеведческий музей подготовил проект – проведение межмузейной интерактивной образовательной игры «Стань помором!» между школьниками городов Кеми и Беломорска. В процессе игры дети получают знания о культурно-историческом наследии Поморья посредством использования музеинными работниками разнообразных игровых форм. Издание методического сборника по итогам реализации проекта послужило основой для дальнейшей разработки музеями образовательных детских программ. Совместный опыт работы позволяет активизировать взаимовыгодное сотрудничество, направленное на развитие межрайонных культурно-исторических маршрутов.

В 2005 г. был издан информационный диск «Милый сердцу сарафан», созданный в рамках совместного проекта Кемского городского, Пудожского историко-краеведческого и Олонецкого национального музеев. Диск направлен на популяризацию национального женского костюма как одного из важных элементов духовной и материальной культуры Карелии. На диске объединены ключевые ресурсы трех муниципальных музеев – коллекции и относящиеся к ним сведения для создания единого продукта. Кроме каталога в информационном блоке помещено много исторического материала и включен интерактивный блок, посвященный фольклору.

Ежегодно сотрудниками муниципальных музеев проводятся народные праздники, что позволяет сохранять местные традиции, приводить к ним молодое поколение. Олонецкий национальный музей им. Н. Г. Прилукина явился инициатором проведения Олонецких игр дедов морозов, в рамках которого проводится музейный праздник «Олонецкая свадьба в карельской избе». Участниками праздника являются жители и гости города. В 2005 г. этот же музей организовал фестиваль национального костюма «Ферязи».

Шелтозерский музей 5 октября 2005 г. провел национальный праздник вепсского народа – день памяти св. преподобного Ионы Яшеозерского – чудотворца. В музее «Марциальные воды» ежегодно проводится празднование Петрова дня. Медвежьегорский районный музей создал экспозицию «Деревенский календарь», где можно ознакомиться со всеми храмовыми праздниками деревень и сел Медвежьегорского района.

В 2001 г. музейщики Карелии сделали первый серьезный шаг к созданию в будущем своей ассоциации, сформировав коллегиальный орган – совет директоров муниципальных музеев республики. Были разработаны совместные программы, вбирающие в себя различные направления музейной работы. С целью повышения качества профессиональной деятельности, поддержки «имиджа малого музея» возникла идея проведения республиканского конкурса на лучший районный музей. Учредителем конкурса выступило Министерство культуры и по связям с общественностью Республики Карелия, организатором – Карельский государственный краеведческий музей. Впервые конкурс «Музей года» состоялся в 2002 г. В 2005 г. у конкурса появилась своя эмблема – «колесо истории», которое благодаря деятельности музеев крутится вперед. Восемь спиц колеса – это составляющие конкурса, его номинации.

Цели конкурса, ставшего традиционным, – стимулирование профессионализма и инициативности сотрудников в области развития музейного дела; содействие повышению уровня музейного продукта в районах и реализации музейных проектов; поддержка конкурентоспособности региональных музеев на российском и международном уровнях.

Победителями конкурса «Музей года - 2006» в восьми номинациях стали:

- «Экспозиция года» – кемский городской музей «Поморье»; экспозиция «Море – наше поле», рассказывающая о промыслах, мореходстве и быте кемских поморов.

• «Музейно-образовательная программа года» – Кондопожский городской музей; экологическая программа для детей дошкольного и школьного возраста «Чудеса из карельского леса».

• «Издание года» – Олонецкий национальный музей карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина; сборник материалов об олончанах – ветеранах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Есть только миг».

• «Туристский маршрут года» – Культурно-музейный центр г. Костомукши; автобусное путешествие по беломорской Карелии «Калевальская кругосветка». Маршрут проходит по деревням Вокнаволок, Войница, Калевала, Хайколя, Юшкозеро, сохранившим традиционную северокарельскую культуру. Эти деревни являются родиной эпоса «Калевала». Именно здесь собирателями фольклора было записано самое большое количество строк калевальской поэзии. Во время путешествия туристы знакомятся с историческим прошлым, бытом и народным творчеством каждой из деревень.

• «Коллекция года» – Медвежьегорский районный музей; коллекция «Личный архив Д. М. Пономарева». Дмитрий Макарович Пономарев в 1930–1936 гг. работал директором и учителем школы на ст. Медвежья Гора – старейшей школы г. Медвежьегорска. Архив состоит из замечательных свидетельств эпохи (фото, личные документы, школьная документация), многие из которых проливают свет не только на историю школы, но и на жизнь города в 1930-е гг.

• «Исследование года» – Калевальский национальный краеведческий музей; работа «Финляндские путешественники в беломорской Карелии в XIX веке». В исследовании, помимо отечественных источников, широко представлены описания северокарельского уклада жизни, сделанные финляндскими путешественниками, что представляет большой интерес и позволяет провести параллели с современной жизнью карельских деревень. Исследование помогает сотрудникам музея разрабатывать новые туристские маршруты, один из которых называется «Тропой карелианистов» и пролегает по историческим местам, связанным с именем создателя эпоса «Калевалы», известного собирателя фольклора Элиаса Леннрота.

«Событие года» – Региональный музей Северного Приладожья Сортавальского муниципального района; юбилейная выставка картин Н. К. Рериха «Гималаи»; Олонецкий национальный музей карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина – фестиваль национального костюма «Ферязи».

«Электронный ресурс года» – Шелтозерский вепсский этнографический музей; база данных Вепсского этнографического музея.

Победителем конкурса «Музей года - 2006» единодушно был признан Олонецкий национальный музей карелов-ливвиков им. Н. Г. Прилукина (директор Наталья Васильевна Николаева).

Проведение конкурса «Музей года» подтверждает, что с каждым годом муниципальные музеи расширяют и активизируют свою деятельность по изучению истории родного края, осваивают новые для них направления, разрабатывают новые туристские и экскурсионные маршруты. Это способствует повышению их рейтинга среди жителей Карелии как центров культурной и духовной жизни своих районов.

Сегодня у муниципальных музеев много проблем: слабая материально-техническая база; информационная изоляция; отсутствие постоянных исторических и историко-краеведческих экспозиций; слабая нормативно-правовая база; несоответствие существующих условий хранения музейных экспонатов требованиям сохранности и безопасности музейного фонда; нерегулярное проведение реставрационных работ; дефицит профессиональных кадров.

Несмотря на это, музейная сеть Республики Карелия растет и продолжает развиваться, так как в ней работают энтузиасты своего дела, понимающие всю важность сохранения, изучения и популяризации истории родного края.

Статья подготовлена на основе статистических и аналитических отчетов муниципальных музеев Республики Карелия за 2000–2005 гг., материалов республиканских конкурсов «Музей года» за 2002–2006 гг., хранящихся в научном архиве Карельского государственного краеведческого музея.

АВТОРЫ СБОРНИКА

Бутвило А. И. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Веригин С. Г. – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Петрозаводского государственного университета.

Гольденберг М. Л. – канд. пед. наук, директор Карельского государственного краеведческого музея.

Дубровская Е. Ю. – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Жуков А. Ю. – канд. ист. наук, зав. сектором истории Института языка литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Кантышева А. В. – методист центра межмузейного диалога Карельского государственного краеведческого музея.

Киселева О. А. – доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

Кораблев Н. А. – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Костин А. Г. – краевед, директор Пудожской вечерней средней школы.

Кузнецова В. П. – канд. филологич. наук, зав. отделом фольклора государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи».

Лайдинен Э. П. – канд. ист. наук, зам. директора Международного научно-образовательного центра по истории и культуре Европейского Севера Петрозаводского государственного университета.

Логинов К. К. – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Макуров В. Г. – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Мамонтова Н. Н. – канд. филол. наук, ст. научный сотрудник сектора языкоznания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Мошина Т. А. – зам. директора Карельского государственного краеведческого музея.

Никифорова Л. А. – ст. научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея.

Нилов Е. Г. – краевед, ветеран труда, почетный гражданин г. Пудожа.

Пашков А. М. – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета.

Попова Л. П. – ст. научный сотрудник Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея.

Пулькин М. В. – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Савватеев Юрий Александрович – доктор ист. наук, научный советник РАН, Институт языка литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Скресанов В. М. – председатель Пудожского землячества в г. Петрозаводске.

Смирнов В. Н. – краевед, зам. редактора газеты «Пудожский вестник», председатель совета общественных организаций Пудожского района.

Тормосов Д. В. – ст. научный сотрудник Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея.

Тормосова Н. И. – зав. научно-экспозиционным отделом Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея.

Фомина С. Н. – директор Пудожского районного историко-краеведческого музея им. А. Ф. Кораблева.

Червякова Н. В. – зав. сектором культурного наследия национального парка «Водлозерский» (п. Куганаволок, Пудожский район).

Чумаков Г. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Карельского государственного педагогического университета.

Шайжин Н. С. – видный краевед Олонецкой губернии, один из первых исследователей истории Пудожского края.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Фомина С. Н. Краевед А. Ф. Кораблев и создание Пудожского музея	8
Саватеев Ю. А. Город Пудож и онежские петроглифы	14
Мамонтова Н. Н. Топонимия Пудожского края как объект исследования	34
Никифорова Л. А. Историк Пудожского края Н. С. Шайкин: страницы биографии	41
Шайкин Н. С. Старая Пудога с XIV по XVIII век (Историко-бытовой очерк)	52
Жуков А. Ю. Пудожский край в X – XV вв.	113
Кораблев Н. А. Никольский погост на Пудоге в XIV–XVII вв.	126
Пашков А. М. Письма на пудожские темы на страницах «Олонецких губернских ведомостей» в конце 1860-х гг.	139
Кораблев Н. А. Пудожское купечество (вторая половина XIX – начало XX в.)	149
Мошина Т. А. Пудожане на шунгских ярмарках (вторая половина XIX – начало XX в.)	158
Костин А. Г. Исторические связи Пудожья и Каргополья	166
Тормосова Н. И., Тормосов Д. В. Численность и социальный состав сельского населения Каргополья в конце XIX – начале XX в. и в конце XX – начале XXI в.: сравнительный анализ	178
Попова Л. П. Древний город Каргополь и современность	189
Пулькин М. В. Евреи в малых городах Европейского Севера России (конец XIX – начало XX в.)	203
Кузнецова В. П. Свадебная обрядность Пудожья	214
Логинов К. К. Обрядность семейных кризисов в Водлозерье: современный гендерный аспект	224
Червякова Н. В. «Бажоное озерушко» к северу от Пудожа (Локальные особенности традиционной культуры Водлозерья)	236
Киселева О. А. Крестьянство Пудожского уезда и земельный вопрос в годы Гражданской войны	244
Дубровская Е. Ю. Воспоминания В. И. Моисеева «В плену у белых» как источник по истории Пудожского края в период Гражданской войны ..	252
Лайдинен Э. П. Становление органов ЧК–ГПУ в Пудожском уезде (1918–1922 гг.)	266
Макуров В. Г. Пудожский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945	275

Веригин С. Г., Чумаков Г. В. Боевые действия партизанских формирований с территории Пудожского района в годы Великой Отечественной войны	289
Нилов Е. Г. Пудож: повседневная жизнь прифронтового города. 1941–1944 гг.	306
Скресанов В. М. Социально-экономическое развитие Пудожского района в 1960 – первой половине 1980-х гг.	317
Бутвило А. И. Депутаты Верховного Совета Карело-Финской ССР, Карельской АССР и Республики Карелия от Пудожского района. 1938–1994 гг.	321
Смирнов В. Н. Шала: люди и годы	330
Гольденберг М. Л. Большая роль изучения истории малых городов в курсе школьной истории	338
Кантышева А. В. Муниципальные музеи Республики Карелия и региональное краеведение	342
Авторы сборника	350

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РУССКОГО СЕВЕРА

*Материалы региональной научной конференции
(7–9 сентября 2006 г.)*

Редактор Л. С. Баранцева
Оригинал-макет Т. Н. Люрина

Серия ИД, Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать 25.12.06.

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 21. Усл. печ. л. 20,7. Тираж 200. Изд. № 15. Заказ 640.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50